

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY – AUGUST

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2019

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж — Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинкский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemec-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSэрэнчимэдийн Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Кукушкина О.В., Ремнёва М.Л.</i> Проблемы и задачи современной русистики (по итогам работы VI Международного конгресса исследователей русского языка)	9
<i>Солнцева Н.М.</i> Слово в воззрениях Я. Бёме и Н. Ключева	22
<i>Савченко А.В., Хмелевский М.С.</i> Социолингвистический обзор современного киевского диалектного конгломерата	37
<i>Белов А.М., Магницкая Н.Н.</i> Снова о «законе Вандриеса»: имена на -εἰος/-εἶον	50
<i>Тресорукова И.В.</i> Антропонимия греческой фразеологии	65
<i>Терешко Е.В.</i> Ассоциативная плотность зоонимов и стереотипы в нидерландском языке	79
<i>Черепанова О.Д.</i> Акустический контрастивный анализ как инструмент лингвистического обеспечения фонетических тренажеров (на материале гласных русского и немецкого языков)	92
<i>Довгий О.Л.</i> Ирония в сатирах А.Д. Кантемира	106
<i>Федотов А.С.</i> Между газетой и журналом. «Музыкальный и театральный вестник» в ряду других театральных изданий	121
<i>Кешарпу Е.В.</i> Писательские и издательские стратегии Э. Синклера .	131
<i>Ян Шэнь.</i> Неделание и молчание как восточные идеи в творчестве Д. Хармса	139
<i>Макартецкая Ю.А.</i> Мотив смерти в сборнике новелл У. Пейтера «Воображаемые портреты»	151
<i>Юйцин Ши.</i> Типы взаимоотношений взрослых и детей в цикле «Денискины рассказы» Виктора Драгунского	159
<i>Хлебус М.А.</i> Категория слова в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водолазкина «Авиатор»	167

К 500-летию прибытия Максима Грека в Московскую Русь

<i>Кузьминова Е.А., Пентковская Т.В.</i> Грамматические предписания и их реализация в церковнославянской книжности второй половины XVII в.	175
<i>Вернер И.В.</i> Греческая триодь митрополита Фотия 1408 г.— Цветная триодь 1525 г.: лингвотекстология справки Максима Грека	189
<i>Гардзантии М.</i> Глоссы сборника Максима Грека в рукописи Парижской Национальной библиотеки (Paris, Man. Slave 123) между лексикографией и экзегезой	202

Из архива

<i>Данилевская (Степина) М.Ю.</i> К.Р. и Я. Полонский о религиозном чувстве в искусстве: по страницам переписки двух поэтов	213
<i>Полетаева Е.А.</i> Литературный клуб «Московское время»	220

Рецензии

<i>Мякшева О.В.</i> Рецензия на кн.: Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и	
--	--

средства предложного типа. Материалы к функционально-грам- матическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц А–В (объективная грамматика) / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: УРСС, 2018	230
<i>Козлик И.В.</i> Рецензия на кн.: Фризман Л. В кругах литера- туроведов. Мемуарные очерки. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб: Нестор-История, 2017	236
<i>Новикова Н.К.</i> Рецензия на кн.: Стюарт Д. Поэтическая форма в 1820–1830-е гг. Эпоха сомнения. London: Palgrave Macmillan, 2018	243

Научная жизнь

<i>Старостина Е.Ю.</i> Круглый стол «Скрытые смыслы или грамматика нереального — 2» (филологический факультет МГУ, 14 декабря 2018 г.)	247
<i>Фуфаева И.В.</i> XV Международная конференция «Вежливость и “ан- тивежливость” в языке и коммуникации»	252

CONTENTS

Articles

<i>Kukushkina O., Remneva M.</i> Problems of Modern Russian Linguistics: Proceedings of the 6th International Congress of Researchers of the Russian Language	9
<i>Solntseva N.</i> The Word in the Views of Jacob Böhme and Nikolay Klyuev ..	22
<i>Savchenko A., Khmelevskiy M.</i> Sociolinguistic Analysis of the Kievan Conglomerate of Dialects	37
<i>Belov A., Magnitskaya N.</i> Revisiting the Vendrye's Law: The Words with -ΕΙΟς/-ΕΙον	50
<i>Tresorukova I.</i> Anthroponyms in the Phraseology of Modern Greek: A House without Yanis Does Not Have Luck	65
<i>Tereshko E.</i> Associative Solidity of Zoonyms and Stereotypes	79
<i>Cherepanova O.</i> Acoustic Contrastive Analysis as a Linguistic Tool for CAPT-systems (based on the material of Russian and German vowels)	92
<i>Dovgy O.</i> Irony in A. Cantemir's Satires	106
<i>Fedotov A.</i> Between the Newspaper and the Magazine: The Music and Theatre Herald as a Theatre Periodical	121
<i>Kesharpu E.</i> Upton Sinclair's Writing and Publishing Strategies	131
<i>Ian Shen</i> Inaction and Silence as Eastern Ideas in D. Kharms' works	139
<i>Makartetskaya Y.</i> The Motive of Death in Imaginary Portraits by Walter Pater	151
<i>Yuqing Shi</i> The Types of Relationships between Adults and Children in Victor Dragunsky's <i>The Stories of Denis</i>	159
<i>Khlebus M.</i> The Category of Word in <i>Pismovnik</i> by M. Shishkin and <i>Aviator</i> by E. Vodolazkin	167

500th Anniversary of the Arrival of Maksim Grek in Muscovy

<i>Kuzminova E., Pentkovskaja T.</i> Grammar Prescriptions and Their Implementation in the Church Slavonic Book-learning of the Second Half of the 17th Century	175
<i>Verner I.</i> The Greek Triodion of Metropolitan Photius (1408) — Church Slavonic Lenten Triodion (1525): Linguotextology of Maximus the Greek's Revision	189
<i>Garzaniti M.</i> Glosses of Maksim Grek's Miscellany in the National Library of France: Between Lexicography and Exegesis	202

From Archives

<i>Danilevskaya (Stepina) M.</i> Grand Duke Konstantin Romanov and Yakov Polonsky on Religious Feelings in Art: (From the Poets' Correspondence) ..	213
<i>Poletaeva E.</i> The Moscow Time Literary Club	220

Book Reviews

<i>Myaksheva O.</i> Book Review: M.V. Vsevolodova, Vinogradova E.N., Chaplygina T.E. Russian Prepositions and Means of Prepositional Type. Materials for the Functional and Grammatical	
---	--

Description of Real Use. Book 2: Register of Russian Prepositional Units A–B (Objective Grammar)/Under the general editorship of M.V. Vsevolodova. Moscow: URSS, 2018	230
<i>Kozlyk I.</i> Book Review: <i>Frizman L.</i> In Literary Circles. Memoir Essays. 2 ed., rev. and complemented.M.; SPb.: Nestor-History, 2017	236
<i>Novikova N.</i> Book Review: <i>Stewart D.</i> The Form of Poetry in the 1820s and 1830s. A Period of Doubt. London: Palgrave Macmillan, 2018	243

Scientific Life

<i>Starostina E.</i> Hidden Overtones, or Grammar of Unreal — 2 (about the workshop at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, December 14, 2018)	247
<i>Fufaeva I.</i> XV International Conference on Politeness and Anti- Politeness in Language and Communication	252

СТАТЬИ

О.В. Кукушкина, М.Л. Ремнёва

ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ (по итогам работы VI Международного конгресса исследователей русского языка)

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассказывается об основных выводах, которые можно сделать о состоянии и задачах современной науки о русском языке на основе анализа работы VI Международного конгресса русистов (Москва, МГУ, 20–23 марта 2019 г.). В ней приводится список тем и направлений, которые были отобраны организаторами Конгресса в качестве приоритетных для русистики. Отмечается, что при составлении этого списка, предложенного участникам Конгресса, ставилась задача охватить все основные направления исследований и при этом выделить в каждом из них самые актуальные и имеющие несомненную практическую и общественную значимость аспекты. На основе анализа состава и содержания присланных заявок авторы статьи делают некоторые выводы об общем состоянии современной русистики и о тех научных проблемах, которым в ней уделяется недостаточно внимания. В статье также отражены результаты еще одной важной стороны работы Конгресса — дискуссионной. С этой целью анализируются те вопросы, которые особенно активно обсуждались участниками в ходе заседаний секций. К ним в первую очередь относятся факторы, понижающие качество преподавания русского языка и уровень функциональной грамотности общества; сужение функций русского языка как языка науки в результате использования неадекватных наукометрических критериев; необходимость расширения паспорта научной специальности и приведение его в соответствие с современными направлениями русистских исследований, а также ряд других вопросов. В заключение в статье приводятся итоговые решения и рекомендации участников Конгресса. Они дают представление о первоочередных проблемах и задачах, которые стоят не только перед исследователями русского языка, но и перед всем обществом.

Кукушкина Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ovkukush@mail.ru).

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ruslang@philol.msu.ru).

Ключевые слова: исследование русского языка; нерешенные задачи; основные проблемы; рекомендации.

Первый Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» был проведен филологическим факультетом МГУ в 2001 г. (см. [Русский язык. Труды и материалы, 2001]). Инициаторами его проведения были А.А. Поликарпов и М.Л. Ремнёва, которые исходили из необходимости предоставить возможность непосредственного научного общения максимально широкому кругу русистов — независимо от их возраста, научных заслуг и конкретной сферы интересов. Такой формат был признан удачным, и Конгресс, по решению его участников, было предложено сделать регулярным.

В такой максимально широкой по тематике и числу участников форме научного общения, как Конгресс, есть, безусловно, свои минусы. Так, очевидно, что узкая специализация и ограничение тематики повышают научный уровень докладов и обсуждения. Однако большим плюсом предложенного формата является то, что он существенно расширяет границы и возможности научного взаимодействия и общения представителей разных школ, направлений и отдельных научных дисциплин. Консолидирующая функция Конгресса проявляется и в том, что он дает возможность судить об общем состоянии русистики и стоящих перед ней задачах.

VI Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» был проведен филологическим факультетом МГУ в марте 2019 г. Непосредственным инициатором его проведения и председателем Программного комитета явилась декан, а ныне президент факультета М.Л. Ремнёва. Конгресс организационно и финансово проводится силами филологического факультета МГУ, поэтому без такой инициативы и поддержки ее Ученым советом факультета он состояться не может.

Как и ранее, Конгресс проводился при непосредственном участии Института русского языка им. В.В. Виноградова, что очень важно для объединения представителей вузовской и академической науки. Председателем Оргкомитета, как и ранее, согласился стать ректор МГУ академик РАН В.А. Садовничий, всегда поддерживавший идею проведения Конгрессов и хорошо осознающий роль русского языка в формировании современного ученого. Не случайно курс культуры речи преподается практически на всех факультетах МГУ. Костяк оргкомитета, как и на предыдущих конгрессах, составил коллектив Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии¹, созданной А.А. Поликарповым и функционирующей как одно из подразделений кафедры русского языка.

¹ А.А. Варламов, О.В. Кукушкина, Е.А. Суровцева.

Непосредственному проведению Конгресса предшествовала большая подготовительная работа, которая велась в двух основных направлениях. Во-первых, оргкомитет постарался максимально привлечь к участию в его работе и в обсуждении актуальной научной повестки ученых старшего поколения, в том числе тех, для кого личное присутствие на Конгрессе затруднено или невозможно. Для этого им, как и некоторым другим исследователям, было предложено опубликовать в «Трудах и материалах конгресса» заметки о своем научном пути и о взглядах на основные проблемы и задачи русистики. На наш взгляд, это необходимо для поддержания научной преемственности и связи поколений. В результате в заседаниях Конгресса приняли участие такие выдающиеся русисты, как Е.А. Брызгунова, М.В. Всеволодова, а также П.А. Лекант, который ушел от нас в апреле этого года. Для него выступление на Конгрессе стало последним. На основе автобиографических заметок откликнувшихся на наш призыв лингвистов удалось создать хотя и небольшой, но самостоятельный раздел «Немного о себе» в «Трудах и материалах» Конгресса [Русский язык. Труды и материалы, 2019: 553–561].

Во-вторых, была сделана попытка сформировать научную повестку Конгресса таким образом, чтобы исключить из нее доклады реферативного типа, неактуальной и частной тематики. Для этого был составлен максимально широкий, но охватывающий наиболее важные, на наш взгляд, проблемы перечень приоритетных тем и направлений, предлагаемых для выступлений на Конгрессе. В его обсуждении приняли активное участие члены Программного комитета². Такой список позволяет не только привлечь внимание исследователей к наиболее актуальным научным задачам, но и оценить готовность научного сообщества к их решению. В предложенный список вошли следующие 24 темы:

1. История и современное состояние русской лингвистической науки (традиции, актуальные тенденции, приоритетные направления, новый инструментарий).

2. Интегративное описание русского языка в синхронии и диахронии (межуровневое и межкатегориальное взаимодействие: лексика и грамматика, синтаксис и семантика, формальное и функциональное описание, компьютерное моделирование).

3. Описание русского языка в сопоставительно-типологическом аспекте.

4. Перспективные направления изучения звукового строя русского языка.

² И.В. Галактионова, Е.А. Галинская, Е.Л. Бархударова, О.В. Кукушкина, Н.К. Онипенко, Е.В. Петрухина, М.Ю. Сидорова, М.Л. Ремнева, С.Г. Татевосов, О.Е. Фролова, Т.В. Шмелева и др.

5. Диалектологические исследования и их значение для современной русистики.
6. Эволюция языка (от праславянского к современному русскому) в системном аспекте.
7. История русского литературного языка: новые взгляды, идеи, методы. История и современное состояние функциональных стилей.
8. Текстология и палеография. Описание памятников русской письменности. Русские грамматики как источник знаний об истории русского языка.
9. Этимологические исследования русского языка и его говоров.
10. Текст как самостоятельный объект лингвистического исследования (грамматика текста, текстовые категории, синхрония и диахрония).
11. Речевые жанры и речевые акты как инструмент лингвистического исследования.
12. Функционирование русского языка в мультимедийной среде. Жанры интернет-коммуникации.
13. Актуальные тенденции в русской лексикографии. Новые словарные и корпусные проекты, базы данных.
14. Лингвистическая терминология: критерии оценки (необходимость и эффективность; учет фактора адресата).
15. Вариативность в языковой системе и проблемы кодификации (изучение норм русского языка: оценка, эволюция, функциональное описание, грамматика ошибок, новые явления). Функциональная основа совершенствования русского правописания.
16. Критерии оценки языка документов, учебной и научной литературы. Особенности языка науки и его адаптация к разным аудиториям.
17. Лингвистические знания и повседневная номинация (проблемы нейминга и городского ономастикона).
18. Русский язык в контакте с другими языками. Русский язык как средство межнационального общения.
19. Русский язык в междисциплинарных исследованиях (лингвистика и социология, психология, культурология, когнитология, философия, история).
20. Русский язык в лингводидактическом аспекте: новое в программах и учебниках, в методах преподавания русского языка в разных аудиториях.
21. Русский язык как средство общения и интеллектуального воспитания (развитие культуры речи, языка СМИ).
22. Современные тенденции и методы исследования лингвистической поэтики. Русская литература и фольклор как особые сферы функционирования русского языка.

23. Применение лингвистических знаний в семантической экспертизе текстов. Проблемы анализа конфликтогенных текстов.

24. Особенности поликодовых текстов: взаимодействие их вербальных и невербальных компонентов.

Особенность этого перечня — ориентация на интегративное, комплексное, а не поуровневое описание языковых явлений, а также привлечение внимания участников Конгресса к решению проблем, имеющих очевидную общественную значимость и практическую направленность (см. проблему оценки качества языка документов и учебников, продуктов номинации; проблему кодификации вариантов, в том числе вариантов правописания; выделение в особое направление задач, возникающих при семантической экспертизе текста; совершенствование методики преподавания русского языка и культуры речи). Поскольку данный перечень охватывает все основные направления русистики, почти все участники Конгресса смогли выбрать себе тему (направление) из числа предложенных.

Еще одна особенность организации VI Конгресса — наличие в его работе обучающей составляющей. С целью внедрения научных знаний в важную область их практического применения — лингвистическую судебную экспертизу — при поддержке РФЦСЭ при Минюсте РФ было организовано широкое участие (в качестве слушателей и докладчиков) экспертов-лингвистов из основных государственных учреждений (ЭКЦ МВД, СК РФ, РФЦСЭ при Минюсте РФ, Департамент региональной безопасности при Правительстве г. Москвы). Для этого была продумана и предложена специальная серия заседаний, на которых обсуждались наиболее важные для экспертного анализа текстов вопросы. В нее вошли заседания секций «Проблемы семантической экспертизы», «Анализ поликодовых текстов», «Речевые акты и речевые жанры».

В результате проведенной подготовительной работы было получено 686 заявок, из которых в результате рецензирования, проведенного членами Программного комитета, для участия в Конгрессе было отобрано 556 докладов. Анализ присланных докладов показал, что далеко не вся предложенная нами тематика оказалась востребованной, что по некоторым направлениям организовать заседания невозможно из-за отсутствия докладов и что значительное число докладов сложно объединить в рамках какой-либо из заявленных нами проблем. В связи с этим пришлось отказаться от изначально планировавшегося состава секций и провести дополнительную работу по организации тематически более или менее однородных заседаний. Это позволило сформировать 24 секции, которые не полностью соответствовали исходно предложенным темам (см. несовпадение состава секций в «Трудах и материалах» и в Программе Конгресса).

В работе Конгресса приняло участие более 500 человек свыше чем из 90 научных центров России и зарубежья. Такая представительная аудитория позволяет обсудить широкий круг проблем и обеспечивает высокий уровень их обсуждения. Организаторы Конгресса постарались вынести наиболее важные из этих проблем на первое пленарное заседание. Так, Конгресс открыл доклад *Т.В. Шмелевой* (д.ф.н., проф. Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого) «Современная русистика: ведущие тенденции и нерешенные задачи». Этот доклад стал своеобразным камертоном работы Конгресса, обратив внимание его участников на состояние науки о русском языке в целом. Отметив характерные для современной русистики тенденции к полноте языкового описания, к ее дифференциации относительно сфер общения (ср. возникновение политической лингвистики, юрислингвистики, медиалингвистики), а также к компьютеризации исследований, Т.В. Шмелева правомерно указала затем и на очевидные негативные стороны этих тенденций. Они проявляются в том, что «дифференциация русистики чревата автономизацией ее сферных версий, утратой общности методологического подхода, рассогласованием терминологических систем», а «технологизация лингвистических исследований создает соблазн быстрых, а на поверку неглубоких описаний, где массивы предъявляемых фактов не могут скрыть бедность и тривиальность лингвистической мысли» [Шмелева, 2019: 161]. Анализ результатов работы Конгресса подтверждает наличие описанных негативных тенденций. Он также подтвердил недостаточное внимание исследователей к тем задачам, которые Т.В. Шмелева отметила как важнейшие, но не решаемые и отчасти «заброшенные» лингвистами: это углубленное изучение семантики русского языка, развитие лингвистики текста и речеведения [там же]. Так, показательно, что из-за отсутствия заявок оргкомитету не удалось организовать работу планировавшейся секции «Текст как самостоятельный объект лингвистического исследования», хотя еще до недавнего времени этой проблематикой русисты занимались активно. А если учесть, что одна из главных наших задач — создание эффективной теоретической и лингводидактической основы для обучения продуцированию текстов разного типа, то это тревожный сигнал. Явно в недостаточной степени оказались отраженными в докладах Конгресса такие важные аспекты, как критерии оценки качества текстов разного типа (учебных, законодательных и др.), критерии эффективности и «экологичности» коммуникации и средства их повышения, а также некоторые другие. Это не означает, что научное сообщество не осознает важности решения этих проблем. Так, межвузовский сборник «Проблемы речевой коммуникации» [Проблемы коммуни-

кации, 2017] открывается программной статьей О.Б. Сиротининой «От чего зависит эффективность коммуникации?» Рассматривая современную коммуникацию, автор затрагивает вопросы влияния СМИ и Интернета на ее качество и эффективность и делает вывод о настоятельной необходимости «повысить компетентность адресантов и адресатов», так как «без этого очень печальная судьба ждет и коммуникацию, и язык, а в дальнейшем будущее и человечество» [Сиротинина, 2017: 16]. На Конгрессе, хотя и в недостаточном количестве, были представлены доклады по этой тематике (М.Н. Володиной, Л.М. Гончаровой, В.А. Долинского, М.А. Кормилициной, Е.Н. Ремчуковой и некоторые другие). В них также была высказана тревога по поводу нежелательных тенденций современной коммуникации. Они показали необходимость активной работы лингвистов для их преодоления и подтвердили, что нужно сделать еще очень многое, чтобы существующие проблемы были в полной мере осознаны обществом. Хотя многим лингвистам картина представляется не столь пессимистичной, однако совершенно очевидно, что русисты могут и должны активно заниматься разработкой средств повышения функциональной грамотности и активно влиять на понижение степени агрессивности общественной коммуникации, создавая для этого необходимую научную и методическую основу.

Для выступления на открытии Конгресса была также специально приглашена *Г.Ю. Ризниченко* (д.ф.-м.н., профессор биологического факультета МГУ), которая выступила с докладом «О необходимости сохранения и развития русского научного языка». В этом докладе, в частности, обсуждались такая важная тема, как последствия современной наукометрической практики, приводящей к вытеснению русского языка из научной сферы. Очень показательно, что проблема сохранения русского языка как языка науки и опасности, существующие здесь, хорошо осознаются и естественно-научным сообществом, о чем свидетельствует, в частности, проведение междисциплинарного семинара по русскому языку (март 2019, биофак МГУ) и принятие на международной конференции в Институте биофизики РАН письма ученых в защиту права работать и публиковаться на родном языке (январь 2019 г.).

В связи с большим и естественным интересом к проблемам правописания Программный комитет также обратился к Председателю орфографической комиссии РАН А.Д. Шмелеву, и он рассказал на Пленарном заседании о работе этой комиссии и своем взгляде на проблемы норм правописания и их кодификации.

За четыре дня работы Конгресса было проведено 52 заседания и прослушано и обсуждено 373 доклада. Самыми многочисленными традиционно оказались секции «Лексикологические исследования»

(шесть заседаний) и «Проблемы преподавания РКИ» (пять заседаний). Важно отметить, что в работе Конгресса приняли участие комиссии Международного комитета славистов³.

Целый ряд докладов на Конгрессе вызвал активную дискуссию. Такая дискуссия, например, развернулась по вопросу о лингвистических признаках оскорбления в секции «Проблемы семантической экспертизы», где с докладом «Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены», посвященным этой актуальнейшей тематике, выступили А.Н. Баранов и Л.А. Ерохина.

На заседания секций не только заслушивались доклады, но и обсуждались возможные пути решения стоящих перед русистикой проблем. В результате этой важной части работы Конгресса были разработаны рекомендации и предложения, принятые на заключительном пленарном заседании Конгресса. Поскольку заключительные решения Конгресса дают хорошее представление о том, что волнует русистов и в чем участники Конгресса видят главные проблемы, они приводятся ниже в достаточно полном виде:

«4. Доклады показали, что наивысшие достижения русского языкознания востребованы до сих пор, что в научных школах сохраняются знания и идеи отечественной лингвистики, что эти идеи очень продуктивны и их потенциал еще далеко не исчерпан.

5. В то же время Конгресс **выявил** наличие ряда серьезных проблем. К числу основных можно отнести:

5.1. Имеет место несформированность у многих носителей русского языка умения владеть устной и письменной речью и безразличное отношение к уровню владения родным языком. Это проявляется, в частности, в неумении и нежелании подбирать слова, что ведет к росту речевой агрессии и употребления мата;

5.2. Это закономерное следствие недостаточного внимания руководителей школьного образования к формированию культуры речи и ограничения целей преподавания русского языка прохождением тестов ЕГЭ;

5.3. Имеет место очевидная экспансия иноязычных заимствований в сфере науки и в различных специальных языках, что нередко приводит к дублированию терминосистем и ослаблению позиций русского языка как языка науки;

5.4. Неправомерно понижен статус научных публикаций и изданий на русском языке. Сейчас публикации в серьезном научном издании на русском языке оцениваются в наукометрии ниже, чем

³ Было проведено два заседания научного семинара Аспектологической комиссии при этом комитете, а также заседание секции «Проблемы словообразования» при поддержке Словообразовательной комиссии этого комитета. Организацией и проведением этих заседаний руководила Е.В. Петрухина.

публикации в менее значимых для русистики зарубежных изданиях. Статус «Вопросов языкознания», «Русского языка в научном освещении», «Филологических наук» и других наших известных журналов не может расцениваться ниже, чем статус англоязычных журналов;

5.5. Имеется тенденция практического вытеснения русского языка из сферы языка науки. Это может привести к обеднению русского языка и лишению его важной функции. Наши предки сознательно создавали русский научный язык еще в то время, когда самой русской науки еще не было. Правомерное требование знания английского языка не должно приводить к потере навыков научного мышления на родном языке;

5.6. Очевидно, что меры по поддержанию и развитию русского языка за пределами РФ являются недостаточно эффективными. Русский язык в диаспоре требует особого внимания лингвистической общественности и большей поддержки государственных органов;

5.7. В области лингвистических исследований русского языка настораживают следующие явления:

- мелкий масштаб избираемых тем, в том числе тем квалификационных работ;

- псевдоновизна, заключающаяся не в новом взгляде на объект и не во введении в научный оборот нового материала, а в изобретении новых терминов или в простом переводе уже описанного на термины иной научной парадигмы;

- подмена осмысления материала приведением простых количественных данных и списков примеров. Наличие такого мощного подпорья как корпуса текстов не снимает необходимости глубоких теоретических обобщений;

- отсутствуют большие новые проекты и идеи, объединяющие различные группы лингвистов.

6. В связи со всем сказанным VI Международный конгресс русистов — исследователей принимает следующие обращения и рекомендации:

6.1. Участники Конгресса обращаются к **совету по русскому языку при Президенте РФ** с просьбой активизировать работу и усилить взаимодействие с научным сообществом. Важнейшим направлением работы совета должна быть разработка мер и стимулов для повышения качества русского языка как государственного. Его основой должен быть русский литературный язык в его лучших образцах. Этот язык должен обеспечивать понятность и доступность адресату, что особенно важно для касающихся всех граждан законодательных и юридических документов. Особого внимания и целенаправленной работы требует также совершенствование языка учебников, делающее их более понятными и увлекательными;

6.2. Конгресс обращается к **Министерству просвещения РФ** со следующими предложениями:

- сбалансировать программы и увеличить количество часов русского языка в старших классах;

- стимулировать развитие навыков устной и письменной речи и повышения роли самостоятельного написания творческих работ по разным предметам, в том числе сочинений. Для этого обеспечить переподготовку и систематическое повышение квалификации учителей русского языка и литературы;

6.3. Конгресс обращает внимание **Министерства науки и высшего образования РФ** на следующее:

- необходимо изменить принципы наукометрического подхода к русистике. Сейчас учебник может оцениваться ниже, чем небольшая статья в зарубежном журнале;

- необходимо усилить финансирование научных исследований по русскому языку, издания памятников русской словесности, словарей и грамматик, создания общедоступных цифровых библиотек;

- необходимо всячески содействовать созданию и изданию научно-популярных журналов и книг на русском языке;

- нужно поощрять и награждать таких ученых, которые пишут для детей ...

6.4. Конгресс обращается к **журналистскому и писательскому сообществу** с призывом относиться к работе с русским словом более ответственно. Мы призываем вас обратить внимание на случаи нарушения норм русского речевого этикета и нагнетание речевой агрессивности в СМИ (в частности, в телевизионных ток-шоу);

6.5. Мы рекомендуем в текстах общественно-политической тематики использовать при номинации жителей России выражение «граждане России» или «россияне»;

6.6. Мы призываем уполномоченные на это организации разработать особый проект социальной рекламы и кампании по превращению общественных мест (прежде всего школ и вузов) в зоны, свободные от мата.

7. Конгресс также считает целесообразным:

- создать сетевой межвузовский журнал «Университетская русистика», в котором будут публиковаться не только исследовательские и методические статьи, но и рецензии, аналитические обзоры, методологические материалы. Первые номера журналов сформировать из статей по материалам Конгресса;

- рекомендовать объединение лингвистических сил и создание крупных исследований с большим числом участников. Культивировать такие жанры результативной работы, как межвузовские гранты, коллективные монографии, словари и грамматики или их фрагменты;

— создать межвузовский сайт «Классическая русистика», актуализировав значение классического наследия в подготовке молодых лингвистов, во избежание разрыва между классической и современной русистикой».

К сожалению, по техническим причинам в общие решения не попали следующие важные предложения участников секции «Проблемы преподавания РКИ»:

«В настоящее время ФГОС высшего образования не предполагает обязательного изучения русского языка иностранцами. Такое отношение к русскому языку в системе высшего образования не способствует повышению его статуса, не создает условий для того, чтобы иностранцы знали русский язык и русскую культуру, стремились бы более углубленно изучать их. Необходимы широкое обсуждение и осмысление актуальных проблем обучения русскому языку иностранных учащихся российских вузов, а главное — принятие решений, которые позволят изменить положение дисциплины «Русский язык как иностранный» в российской высшей школе. С этой целью следует создать рабочую комиссию, в состав которой должны войти ответственные сотрудники Министерства науки и высшего образования РФ, заведующие кафедрами РКИ ведущих университетов РФ, а также представители такой общественной организации, как РОПРЯЛ».

Подводя основные итоги работы VI Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», можно сделать два главных вывода:

(1) научное сообщество в полной мере осознает роль русского языка в нашей культуре, истории и общественной жизни, а также свою ответственность за то, чтобы эта роль не снижалась, а повышалась и соответствовала тому уровню, который необходим современному человеку;

(2) совершенствование владения языком невозможно без продолжения глубокого и целенаправленного теоретического исследования русского языка, этого сложнейшего объекта, о котором мы еще многого не знаем. И на первое место здесь выходят задачи изучения семантики и коммуникативных функций русского языка, механизмов построения текста.

Список литературы

1. Сиротинина О.Б. Отчего зависит эффективность коммуникации? // Проблемы речевой коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 17. Саратов, 2017. С. 5—16.
2. Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ имени

- М.В. Ломоносова, филологический факультет. 23–26 марта 2001 г. Труды и материалы. М., 2001.
3. Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы. М., 2019.
 4. *Шмелева Т.В.* Современная русистика: ведущие тенденции и нерешенные задачи // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы. М., 2019. С. 60–61.

Olga Kukushkina, Marina Remneva

**PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN LINGUISTICS:
PROCEEDINGS OF THE 6TH INTERNATIONAL CONGRESS
OF RESEARCHERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper discusses the work of the VI International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, March 20–23, 2019). It provides a list of priority topics and areas that were selected by Congress organizers. These include factors that affect the quality of Russian language teaching and the level of functional literacy of society; malfunctioning of the Russian language as a language of science due to inadequate scientometric criteria; and the need to expand the passport of the scientific specialty and bring it in line with modern trends in Russian studies. The paper presents an overview of commitments made by the Congress.

Key words: study of Russian language; challenges; recommendations.

About the authors: *Olga Kukushkina* — Prof. Dr. (Philology), Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ovkukush@mail.ru); *Marina Remneva* — Prof. Dr. (Philology), Chair of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, President of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: russlang@philol.msu.ru).

References

1. Sirotinina O.B. Otchego zavisit effektivnost kommunikacii? Problemy rechevoj kommunikacii. Mezhdvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 17. Saratov, 2017. С. 5–16.

2. Russkij jazyk: istoričeckije sud'by i sovremennost'. Mezhunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka (Mockva, filologičeckij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 23–26 marta 2001 g.): Trudy i materialy. M.: Isdatelstvo MGU, 2001. [Russian language: its historical destiny and present state. The International Congress of Russian Language Researchers (Moscow State University, Faculty of Philology, March 23–26, 2001)].
3. Russkij jazyk: istoričeckije sud'by i sovremennost'. VI Mezhunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka (Mockva, filologičeckij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 20–23 marta 2019 g.): Trudy i materialy. M.: Isdatelstvo MGU, 2019. [Russian language: its historical destiny and present state. The International Congress of Russian Language Researchers (Moscow State University, Faculty of Philology, March 20–23, 2019)].
4. Shmeleva T.V. Sovremennaja rusistika: vedushije tendenciyi i nereshonnyje zadachi [Modern russian studies: leading trends and unsolved tasks]. Russkij jazyk: istoričeckije sud'by i sovremennost'. VI Mezhunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka (Mockva, filologičeckij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 20–23 marta 2019 g.): Trudy i materialy. M.: Isdatelstvo MGU, 2019. [Russian language: its historical destiny and present state. The International Congress of Russian Language Researchers (Moscow State University, Faculty of Philology, March 20–23, 2019). S. 160–161].

Н.М. Солнцева

СЛОВО В ВОЗЗРЕНИЯХ Я. БЁМЕ И Н. КЛЮЕВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Осмысление Н. Клюевым слова как онтологического феномена соответствует религиозной интерпретации слова и звука в «Авроре» Я. Бёме — сочинении, хорошо известном поэту. Идеи Бёме допустимо рассматривать как источники образов в поэзии Клюева. Философия слова в воззрениях того и другого соотносится с пониманием мессианского предназначения их таланта. Оба считают себя избранными. Задача Бёме — бороться с дьяволом, рассказать непосвященным о сути Бога и творения. Задача Клюева — совершенствование и преображение мира по замыслу Бога. Но оба осознают и свою ограниченность в постижении тайны Бога. Оба ироничны по отношению к интеллектуальной элите, пытающейся понять Создателя через науку и логику. Особый статус придается народному языку. Оба сакрализуют слово. Бёме понимает звук как одно из качеств силы Бога. Согласно его лингвофилософии, через слово рождается Святая Троица. Клюев выражает свою философию языка в «Белой Индии» и ряде других текстов: слово — ретранслятор силы Бога, оно изменяет мир, звук выстраивает миропорядок, что отмечено А. Белым («Жезл Аарона») при анализе фонетики стихотворения «Оттого в глазах моих просинь...». Оба считают, что лишенное мысли и метафизического смысла слово бесплодно. Теология языка Бёме и Клюева выражена в ассоциативной образности. Центральная метафора бытия в их текстах — дерево; очевидно сходство мотивов и деталей. Стиль Клюева гетерогенный. В лексике и интонации его стихов кантиленность сочетается с авангардистской экспрессией, многочисленные новые метафоры — с ясностью первичных смыслов, что отвечает отличным друг от друга стилевым манерам протопопы Аввакума и царя Давида — его авторитетам в эстетике слова. Стиль Бёме в целом гомогенный, автор «Авроры» часто использует повторы и сравнения. Оба стремятся быть понятыми современниками, выполнить свою миссию. Вместе с тем густота тропов в поэзии Клюева требует филологической подготовки, глубина мыслей Бёме — опыта в философии.

Ключевые слова: Алексеев-Аскольдов; Арцыбашев; Андрей Белый; Бог; дерево; звук; метафора; мистика; салиттер; слово; Толстой; фонетика; язык.

Солнцева Наталья Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: natashasolnceva@yandex.ru).

Религиозно-философская аксиология Н.А. Клюева (1884—1937) представляет собой систему знаний, аккумулировавшую учения как современные, так и предшествующих веков. Его онтологические представления формировались под влиянием источников — классических и маргинальных. Клюев в интеллектуальном отношении человек завидно осведомленный. Доминанта его мышления — религиозная, ее эмоциональное выражение — экспрессия, часто страстность и даже экстаз, ее художественное воплощение — утонченная словесность с тропическими узорами.

Полагаем, что определенные мировоззренческие приоритеты Клюева коррелируют с идеями Я. Бёме (1575—1624). Были ли воззрения Бёме побуждающими Клюева к тем или иным религиозно-философским выводам или только отвечающими его собственному мыслительному опыту, — вопрос, на который мы не можем ответить. Но то, что труды Бёме вызвали отклик у Клюева, — несомненно. Обратим внимание на следующую специфику, которая помимо прочего могла привлечь его внимание к Бёме. Если исследователи текстов Бёме отмечают протестантизм его мистицизма, то и Клюева мы не назовем ортодоксом никонианского православия, в его текстах отразились и идеология хлыстов, и каноничность поморского старообрядчества («Как пращуры, я сын двоперстья» [Клюев, 1999: 721]).

Сведения о глубоком знании Клюевым сочинений Бёме сообщены С.А. Алексеевым-Аскольдовым — философом, профессором Санкт-Петербургского университета, основателем петербургского религиозно-философского общества и в 1927 г. — «Братства преподобного Серафима Саровского» (за что был арестован в 1928 г.; вывезен немцами в Германию в конце войны, умер в мае 1945 г.). Э. Райс, литературовед и переводчик, ссылаясь на Аскольдова, сообщал, что Клюев помимо чтения западных мистиков и суфиев «читал в подлиннике и хорошо знал» труды Бёме [Райс, 1969: 73]. Райс мог получить эти данные от Аскольдова как в СССР, так и в эмиграции (с 1927 г.), но отметим, что сам факт соотносен со сведениями о беседах поэта с петербургскими профессорами. По-видимому, знакомство Клюева с работами Бёме произошло в петербургский период его творческого взлета. Поэт, издатель сочинений Клюева Б. Филиппов, также ссылаясь на Аскольдова, писал: «Клюев оказался прекрасным знатоком “Микрокосма” Лотце, писаний Якова Бёме, Баадера, Фихте-младшего...» [Филиппов, 2010: 304]. Филиппов же вспоминал: «Покойный Сергей Алексеевич Алексеев-Аскольдов рассказывал, как однажды олонецкий поэт-крестьянин поставил его и ученийшего поэта Вячеслава Иванова в тупик, исправив в их разговоре ссылку на Фихте-младшего» [Филиппов, 2005: 148]. Иванов уехал в Баку в 1920 г., но Клюев как олонецкий крестьянин, познавший

философскую мудрость, удивлял в 1910-е годы, впоследствии его не воспринимали как мужицкую экзотику. Филиппов же уточнял в комментариях к «Белой Индии» (между 1916 и 1918) Ключева: «По словам покойного С.А. Алексеева-Аскольдова, Ключев хорошо знал “Аврору” и “Христософию” Якова Беме, творения мистиков Запада и Востока» [Филиппов, 1969: 552]. Предположим, что Ключев узнал учение Бёме до 1916 г. На русском языке сочинение «Christosophia, или Путь к Христу» появилось в 1815 г., «Аврора, или Утренняя заря в восхождении» — в 1914 г., что, впрочем, не имеет значения, если Ключев читал их на языке оригинала. Когда Аскольдов мог рассказать Филиппову о Ключеве? Впервые Филиппов был арестован за участие в «Братстве преподобного Серафима Саровского», покинул СССР в 1944 г.; его разговор с Аскольдовым, скорее всего, мог быть во время участия в братстве.

Обращают на себя внимание некоторые сходные черты в биографиях Бёме и Ключева. Оба — крестьянского происхождения, что сыграло свою роль в их мировоззрении и мотивировало их самость в среде интеллектуалов. Как говорил Ключев: «Я мужик, но особой породы», «Я думаю, что священный сумрак гумна не менее священен, чем сумрак готических соборов» [Ключев, 2003: 29, 58]. Оба уже с раннего возраста получили провиденциальный опыт. В случае с Бёме это история с пещерой (нашел вход в пещеру, увидел там кувшин с золотом, убежал, но вернулся — и не нашел никакой пещеры); в пору обучения сапожному ремеслу (Бёме тоже крестьянин особой породы — по своим физическим данным не годился к тяжелому труду, был определен в сапожники) встретил незнакомца, зашедшего купить башмаки, и тот предрек Бёме судьбу избранника, которому будет дивиться мир; в двадцать пять лет он через свет от сосуда увидел скрытые глубины природы. Ключеву в тринадцать лет было видение: ослепительное небесное пятно поглотило его; в восемнадцать лет ему явилось существо раза в четыре выше человека, в одежде из кристалловидных лепестков; в 1920—1930 гг. ему снились вещие, мистические сны (например, сон, в котором покойная матушка открыла ему путь человека после смерти).

О том что воззрения Бёме нашли отклик в сознании Ключева, говорит ряд тем, мотивов, образов их текстов. Родственно понимание обоими своего предназначения, что определило их отношение к слову как онтологическому феномену.

1. Труд «Утренняя заря в восхождении, то есть Корень или мать философии, астрологии и теологии, или Описание природы, как все было и как стало в начале: как природа и стихия стали тварными, также об их качествах, злом и добром; откуда все имеет свое начало, и как пребывает и действует ныне, и как будет в конце сего времени;

также о том, каковы царства Бога и ада и как люди в каждом из них действуют тварно; всё на истинном основании и в познании духа, побуждении Божиим прилежно изложено Якобом Бёме в Гёрлице, в лето Христово 1612, возраста же его на 37 году, во вторник, в Троицын день» после смерти Бёме был назван издателем «Аврора». Развернутое название отражало основные положения сочинения, которое Бёме считал зеркалом: в нем и христианин, и иудей, и мусульманин, и язычник увидят устройство мира. Он должен «показать сынам последнего мира, что́ есть Бог» [Бёме, 2008: 407]. Бог в его понимании пантеистический: Он во всем, Он есть всё. Бёме уверяет, что прозревает тайны бытия в духе Божиим, потому может описать «непонятливому человеку <...> истинное основание Божества» [Бёме, 2008: 419]. Амбициозной задаче отвечала амбициозная самоидентификация. Бог наделил его талантом, и Бог спросит, как он им распорядился, как выполнил предназначенное: «Здесь хочу я отдать в рост вверенный мне талант, как мне повелено» [там же: 232]. Такое утверждение могло укрепить самооценку Клюева. В «Гагарьей судьбине» (1922) он передает обращенную к нему фразу Г. Распутина: «<...> ежели Бог тебе тайное открывает <...> в тебе ведь талант, а во мне дух» [Клюев, 2003: 37].

Бёме, описывая тайны бытия, размышляет и о том, что творение звезд, солнца, луны неправильно понято Моисеем, даже предполагает, что «высокий муж Моисей» не был автором: повествование о творении «хранилось в памяти, как смутное сказание» [Бёме, 2008: 403]. Бёме обращается к образу лестницы на небо из сна Иакова и пишет: «Мне же показана была лестница Иакова, по ней поднялся я до неба и получил товары мои, которые предлагаю в продажу» [там же: 233]. Восхождение по лестнице многотрудное, и кто вслед за Бёме решит подняться по ней, тот должен быть «опоясан мечом духа», «одет в броню духа», поскольку на этом пути он будет притесняем дьяволом: «Ибо он должен будет восходить сквозь жестокую глубину и нередко будет кружиться у него голова; к тому же должно будет ему восходить сквозь самое царство ада», стезя к Богу сквозь адовы врата узка; свой путь Бёме называет борьбой, так как «нужно сразиться с дьяволом между небом и землей» [там же: 233]. Как у Бёме, у Клюева на протяжении всей жизни было чувство избранничества — и не без оснований: на его теле особые отметины; по матери его род — от протопопа Аввакума; первый сексуальный опыт преподан юношей из ветхозаветного священнического рода Мельхиседека; в сне 1922 г. апостол Петр говорит, что Клюеву под силу написать о нем — ведь они из одного рода; в другом сне он обряжен в Соломоновы одежды, на голове трехъярусный венец. В прозе «За столом Его» (1914) Клюев описывает видение: Господь говорит ему и другим, что отдает им

Царствие Свое и отказывается от Своего венца, и тогда он закричал, пав ниц: «Боже, как я взойду на престол Твой, в побеждающий Свет Твой? Я боюсь, что умрет от радости дух мой! Зачем так полюбил Ты меня неудержимой любовью?..» [Клюев, 2003: 116]. Клюев рано узнал, что есть люди, связанные клятвой совершенствования мира и «участия в плане Бога» [там же: 35]. Как Бёме, он знал о своем предназначении выразить волю Бога («Судьба моя — стать столпом в храме Бога моего и уже не выйти из него, пока не исполнится все» [там же: 66], открыть людям тайны мира, преобразить этот мир.

2. Мистики из народа, Бёме и Клюев недоверчивы по отношению к интеллектуальной элите. Бёме обрушивает сарказм на современных ему богословов, которым не открылась тайна Бога и творения: «<...> разве не также слепы и наши ученые в своих разукрашенных шапочках» — ведь они ищут Бога «вне сего мира единственно только на небе» [Бёме, 2008: 404]. Он задает им неудобные вопросы: что было прежде творения мира? из чего сотворены земля и звезды? из чего сотворена подземная глубина? как понять: человек — образ Бога? почему Бог предаст человека мучению? зачем Он создал то, в чем грешит человек?.. Клюев тоже считает, что умствование противопоставлено истинному пониманию Божьего замысла. В письме к Н.Ф. Христофоровой (1934—30 апреля 1935) из томской ссылки он излагает свое понимание веры и очищения души: «Есть люди, изучающие Божье Слово с помощью науки и логики вместо того, чтобы принять в сердце истину», «Многие обладают известным запасом знания. Они с презрением относятся к слишком простому учению и считают очищение от всякого греха нелепостью» [Клюев, 2003: 363, 364]. Клюев посрамляет и литературных «умников»: его поэзия вызывает непонимание «у разных ученых», они никогда не примирятся с тем, что «не прокипяченный в их ретортах может быть истинным художником», в то время как их знания им давно «проглочены» [там же: 52]. Он, как Бёме, ироничен: «Бумажным дятлам не клевать моей пшеницы» [там же: 60]. Понятно, почему непререкаемый авторитет для него — Л.Н. Толстой. По Толстому («Исповедь», 1882; «О жизни», 1887), вера ученых и знания книжников, диссонирующие с их образом жизни, противоположны сердечной вере неученых, как праздное умствование противоположно трудовой жизни. Клюевская «Притча об источнике и о глупом мудреце (Посв<ящается> писателю Арцыбашеву по поводу его “голой” правды о Л.Н. Толстом)» (<1911>) исполнена уничижительной иронии по поводу «ученых», «умников», «умствований», «умственности», «разумной» головы Арцыбашева-«мудреца» [там же: 111], осквернившего «Записками о Толстом» (1911) прозрачный источник жизни и мысли писателя. Клюев противопоставляет народное миропонимание мудрствованию

элиты. По свидетельству Н.И. Архипова, в разговоре с ним Ключевым была приведена метафора: есть подземный пчельник, там «мед души народной» [там же: 58], блюдут пасеки Александр Свирский, Лазарь Муромский и сонм других святых праведников. Продолжая сатирическую традицию распространенной среди старообрядцев «Газеты из ада», Ключев пишет свою «Газету из ада, пляску Иродиадину: Малую повесть о судьбе огненной, русской» (<1919>), в которой похожий на Аввакума старичок озвучивает тайну чистой народной души, а автору открываются западные страны, где живут «ученые, хитростью умственной никем не превзойденные» [там же: 134].

3. С одной стороны, Бёме и Ключев — посвященные, и не каждому дано понять их слово. Так, Бёме хоть и пишет «в высочайшей простоте и в величайшей глубине», но отмечает: «<...> не каждый купец сможет разобраться в моем товаре», «<...> поистине дивные выставляю я на продажу товары, не каждый в них разберется», но пусть винит в этом себя — в его сердце не хватает света, потому его ум и душа не могут быть «управлены» [Бёме, 2008: 232]. С другой стороны, в «Авроре» достаточно самоумаления. Он помнит о своей малости: «<...> я лишь лепечу о том, как дитя, которое учится говорить, и никак не могу правильно назвать, в согласии с тем, какое дает о том название дух» [там же: 101–102]. Он и в теле своем «слишком немощен» [там же: 111]. В каких-то эпизодах он даже бессилен что-либо описать или смиренно признает, что излагает смыслы лишь в той мере, в какой может их постигнуть. Он допускает, что может заблуждаться, так как человек еще не в силах охватить всего бытия «своим полумертвым и косным постижением» [там же: 405], ведь он, Бёме, «такой же слепой человек, как и всякий другой» [там же: 407]. Такие же мысли о своей ничтожности встречаем у Ключева. Например, в «Гагарьей судьбине» (1922): «Все, что писал и напишу, я считаю только лишь мысленным сором и ни во что почитаю мои писательские заслуги» [там же: 37]. В ряде его произведений звучит «грешен», и он желает очиститься от грехов, например читая П. Флоренского («Столп и утверждение Истины», 1914).

4. На поэтику Бёме и Ключева не могли не повлиять их умозрения. Чтобы передать глубину знаний, нужен особый стиль. И слову, и букве придается философский, а то и сакральный смысл. Бёме полагает, что не каждый поймет не только содержание его сочинений, но и его язык. Подобное отмечает Ключев. Так, он пытается разговаривать с Распутиным о хлыстовских ценностях на «потайном народном языке», но тот отвечает «невпопад» [Ключев, 2003: 41]. Более того, Бёме, имея в виду Библию, пишет о глубокой тайне, скрытой в буквах, а Ключев в «Поддонном псалме» (1916) дает расшифровку букв русского алфавита: «Аз Бог Ведаю Глагол Добра — / Пять знаков

чище серебра; / За ними вслед: Есть Жизнь Земли — / Три буквы — с золотом корабли, / И напоследок знак Оита — / Змея без жала и хвоста...» и дивится своей пронизательности: «О Боже сладостный, ужель я в малый миг / Родимой речи таинство постиг, / Прозрел, что в языке поруганном моем / Живет Синайский глас и вышний трубный гром, / Что песню мужика “Во зеленых лузях” / Создать понудил звук и тайнозренья страх?!» [Клюев, 1999: 290–291].

Стиль Бёме ориентирован на библейскую образность и «теологическую традицию средневековой мистики» [Фокин, 2008: 7], и в то же время Бёме творчески свободен, вводит неологизмы, символы алхимиков, свои термины. Скорее всего, он полагает, что нормативный язык недостаточен для познания Бога и порядка вещей, а образный язык оптимально пригоден для выражения его интуиций и гносеологического опыта. Стиль Клюева также вообрал в себя традиции средневековой литературы, мистической символики И. Босха, мирского и религиозного (в том числе сектантского) фольклора, русской классики, но его поэтический словарь по-авангардистски и по-символистски новаторский.

Андрей Белый сказал бы, что Бёме создал «звукообраз» [Белый, 1918: 187]. Звук (иначе — меркурий) в системе философом Бёме — одно из качеств, проявляющихся в Божественной силе. Он есть в салиттере (в терминологии Бёме — совокупность Божественной силы) земли, и от него происходит золото, медь и т.п., из чего можно делать то, что дает звук (колокола, трубы и т.п.). Звук также присущ всем земным тварям, но «если бы ты собрал в мире сем много тысяч различных музыкальных орудий и лютней, и самым искусным образом настроил их между собой, и созвал бы для игры на них искуснейших мастеров, то это было бы все же лишь как собачий лай в сравнении с Божественным звуком и с музыкой, восходящей через Божественный звук от вечности и до вечности» [Бёме, 2008: 102]. Слово — Сын, звук — Дух Святой, и так через посредство слова рождается Святая Троица. Бёме выстраивает религиозную лингвофилософию: слово есть звук, не земля объяла слово, а оно землю, оно качественное, поскольку оно (Сын Божий) изрекается Богом-Отцом из всех качеств жизни, из салиттера — сил Отца. По Бёме, Бог «непрестанно и вечно» [там же: 152] произносит слово и тем самым рождает Сына. При этом слово, как природа, может быть рождающим и живым, но и мертвым, поскольку «звук слова Божия должен восходить сквозь терпкую, горькую смерть и рождать тело в полумертвой воде» [там же: 393].

Бёме делится с читателем своим толкованием артикуляции, смысл которой — в схожести качеств звука и качеств Божественной силы. Например, произнося слово *“barm”* (дрожжи, пивная пена, куча),

«закрываешь рот и вбираешь звук назад» [там же: 151], замыкающее *m* слагает слово воедино и имеет терпкое качество, тогда как *r* рождается горьким качеством, оба эти качества темные, жесткие, а само слово мертвое и непонятное. Фонетика слова “*barmhertz*” (милосердный) иная: первый слог долгий и бессильный, но второй слог выталкивается из сердца, в котором «восходит и кипит свет» [там же: 151], он быстрый, вылетает, как молния, и именно он дает слову смысл. Но ведь «такова Божественная сила: терпкое и горькое качества суть салиттер Божественного всемогущества; сладкое качество есть ядро милосердия, по которому все существо со всеми силами зовется Богом» [там же: 152].

Клюевская концепция слова выражена в мифологии «Белой Индии» (между 1916 и 1918). Здесь опорные лексемы — «сказка», «звук», «уста», «язык», «губы», «стихи», «звон». Сказка (божественный глагол) — талисман (или ладанка) Земли, его случайно обронил Всевышний; поиски в аду, у Смерти, Времени, Месяца, Солнца ничего не дали. Земля, обретя сказку, преобразается и обретает свою космогоническую историю: до того лишь «Саваофовых брашен крохá», пространство «терний и мха» [Клюев, 1999: 307], теперь она получает жизненную силу. Деревня наполняется божественным смыслом, становится материальным воплощением Господа: «Повыйди в потемки из хмарой избы — / И вступишь в поморье Господней губы», «В потемки деревня — Христова брада», «Ночная деревня — преддверие Уст...» [Клюев, 1999: 308, 309]. Через слово ей открывается Предвечность и мудрость мира, ей дается душа: «Сократ и Будда, Зороастр и Толстой, / Как жилы, стучатся в тележный покой. / Впусти их раздумьем — и въявь обретешь / Ковригу вселенной и Месячный Нож — / Нарушай ломтей, и Мирская душа / Из мякиша выйдет, крылами шурша» [там же: 308]. Слово — «вселенский рычаг», слова слагаются в стихи («волхвующий звон»), поэт уподобляется «свирельному Саулу»; более того, через «зиждательный» звук элементы складываются в систему, бытовое сопрягается с природным, малое — с космосом («Что вяжет, как нитью, слезинку с луной / И скрип колыбели — с пучиной морской»), звук насыщает мир «от звездных ковшов» [там же: 309]. Итак, слово — суть (Бёме) и транслятор (Клюев) силы Всевышнего.

Язык Бёме и Клюева теологичен. Бёме пишет в «Авроре»: «Если же я пишу о деревьях, кустарниках и плодах, то ты не должен понимать это в земном смысле мира сего <...> мысль моя небесна и духовна» [Бёме, 2008: 101]. В трактате «О тройственной жизни человека» (1620) он развивает мысль о том, что слово образуется душой, духом и телом. Клюев любит голландских мастеров, но сетует: в стране достатка «не слышно свирели ангелов, стука его золотого цепа, молотящего

жито созвучий» [Клюев, 2003: 60]. В его поэзии есть образы, передающие метафизику звука и слова; например: «Звук ангелу собрат, бесплотному лучу», «Где ангел в кутейном дупле / Поет золотые амини», «звукоангелы» [Клюев, 2003: 295, 305, 392]. Отсеченное от метафизических смыслов слово бесплодно, в юбилейные некрасовские дни 1928 г. Клюев выразился так: Некрасов как поэт ничего ему не дал, так как «отвратительный дешевый социализм может пленить только товарищев из вика или просто невежд в искусстве»¹ [Клюев, 2003: 76]. Клюев ценил образ, в котором скрыта мысль, любил слово со своей бытийной историей, потому М. Кузмин ему предпочтительней: «<...> поэт-кувшинка и весь на виду и корни у него в поддонном море, глубоко, глубоко» [Клюев, 2003: 68]. Возможно, интерес обэриутов, в частности А. Введенского, к Клюеву объясняется не столько его стилевой экспрессией, сколько теологичностью его слова и образа.

5. Бёме и Клюев придают особый статус родному языку. Протестант Бёме призывает увидеть «глубокое основание» в материнском языке — не меньшее, чем «в еврейском или латинском, хоть ученые и кичатся ими, как безумные девы» [Бёме, 2008: 150]. По Бёме, если в начале всего было слово и Бог осуществил Себя в слове, то также и человек, являясь подобием Бога, осуществляет себя в слове, но вследствие вавилонского смешения языков тот язык исчез, звуки и слова утратили прежнее значение живого и натурального праязыка. Он считает, что вернуться к языку Бога возможно через обращение к языку, отвечающему народному духу. По Клюеву, народный язык оптимально передает божественные и все иные смыслы: «По Пятничным зорям на хартии вод / Всевышние притчи читает народ» [Клюев, 1999: 242]. Известны его категорические суждения вроде следующих: интеллигенция не говорит по-русски, «любая баба гораздо сложнее и точнее в языке, чем “Пепел” Андрея Белого» [Клюев, 2003: 68]. Или: стихи о России Блока мог «написать и какой-нибудь пленный француз 1812 года», они «не народны и не национальны» [там же: 61]; он ссылается на слова Е. Иванова: «У Блока все стихи о России родились от Клюева» [там же: 75]. Клюев евразиец, потому приведем еще цитату из его высказывания: «Чувствую, что я, как баржа пшеничная, нагружен народным словесным бисером. И тяжело мне подчас, распирает певческий груз мои обочины, и плыву я, как баржа по русскому Ефрату — Волге в море Хвалынское, в персидское царство, в бирюзовый камень» [там же: 66]. Он избирателен в слове, придает высокий смысл своей поэзии, его лира не игрива, не простодушна, не болтлива: «Уж слишком тяжел стихотворный крест» [там же: 60]. Он упрекал С. Есенина за

¹ Вика — волостной исполком.

легкомудрость его поэзии, забвение высокого предназначения таланта (см. сон «Два пути», 1922). Он чрезвычайно ценил Ахматову, но в 1923 г. неодобрительно отозвался об «ахматовских бисквитках», ее «бисквитной популярности» [там же: 59]. Ему импонировал язык А. Ремизова, реанимировавшего забытое, погибшее, но точное слово: «И Ремизов нищет заглобелое слово, / Где плач Ярославны и волчий оскал...» [там же: 456].

6. В стиле Бёме и Клюева особое предпочтение отдано ассоциативным образам. Так, Бёме в семи планетах видит семь Божиих духов, а себя сравнивает с купцом, свод своих знаний — с торговым домом. Он прибегает к аллюзиям, символам, развернутым метафорическим сравнениям. Например, небо — шар без начала и конца, с одной стороны, и везде имеющий начало и конец — с другой, но «так и Бог в небе и над небом, не знающий ни начала, ни конца» [Бёме, 2008: 90]. Клюев — мастер метафор. В «Песни о великой матери» (между 1929 и 1934) Богородица предсказывает его матушке: «И сына-сладкопевца / Повепустишь из сердца» [Клюев, 1999: 742]. Он, сладкопевец, ассоциирует в образах смыслы вещные, мистические, природные, и этим чрезвычайно обогащает поэтический словарь XX в. Например: «Как пряжа, мерен день» [там же: 296], «И к звездной кузнице, дляковки, / Плетется облачный обоз» [там же: 248], «Беседная изба — подобие вселенной: / В ней шолом — небеса, полати — Млечный путь» [там же: 296] и т.д. Такие образы раскрывают общность микро- и макрокосмоса. Сам язык в его понимании родственен естеству: «Судьям чернильным постылы стихи, / Где в запятых голосах петухи, / Бродят коровы по зланным тире, / Строки ж глаза, как лисы в норе» [там же: 641].

Центральный образ, на котором в «Авроре» выстраивается картина бытия, — дерево: «Я уподобляю всю философию, астрологию и теологию, вместе с матерью их, драгоценному дереву, растущему в прекрасном саду» [Бёме, 2008: 45]. Земля дает дереву сок, с годами оно приносит больше плодов, его качества (сладкое, горькое, кислое, терпкое и др.) соотносены с качествами жизни (терпкое, горькое, свет, огонь, вода, любовь, звук). Сам Бёме так объясняет символику этого образа: «<...> сад этого дерева знаменует мир; почва — природу; ствол дерева — звезды; ветви — стихии; плоды, растущие на этом дереве, знаменуют людей; сок в дереве знаменует ясное Божество <...> Бог же, творец, господствует во всем, подобно как сок в целом дереве» [там же: 46]. Запахом дерева люди исцелялись и от ярости князя тьмы, и от собственной ярости. Далее Бёме повествует о двух качествах в природе, породивших небесное и адское царства, и рассказывает историю о том, как князь тьмы посадил свое дерево — дикое, провозгласил его деревом жизни, дающим здоровье и вечную

жизнь; люди сбежались к этому дереву, ели его плоды, но стали вялы, сердца их пребывали в похоти, мысли были вздорные. Бог сжалился над ними и вновь воздвиг Божественное дерево — «обильное добродетелью дерево жизни» [там же: 90]. Люди получили от него новую силу и были избавлены от своего дикого рождения (этот же эпитет использует Клюев в «Белой Индии»). Выросшая от корня ветвь заговорила, прославила благородное дерево, «голос ее прозвучал далеко, во многие страны» [там же: 90]. Даже обитатели дальних островов с изумлением увидели святое дерево. И вот тогда в природе отверзлись две двери — в ад и в Небесный Иерусалим. Но, увы, просветление людей было недолгим, опять они стали жить «в похоти плоти своей» [там же: 59] и т.д. Это долгая история. В конце концов дерево ярости (у Бёме — яростности) было возожжено гневом Бога, все злое было отдано князю тьмы — в ад, все «происшедшие из чресл Адама» [там же: 61] и евшие от доброго дерева, имя которому Иисус Христос, были наполнены «силой доброго качества» [там же].

Дерево — частая метафора в поэзии Клюева. Допускаем, что не без подсказки Бёме. В «Песни Солнценосца» (<1917>) передано понимание революции как явления, равного священной истории. Сюжет начинается с образа трех огненных дубов «на пупе земном» [Клюев, 1999: 363], они растут из «пупа вселенной» и означают «Премудрость, Любовь и волхвующий Труд» [там же: 364], символизируют обновление бытия. Как бы продолжая историю, рассказанную Бёме, Клюев пишет о победе над преисподней, но демоны приобщаются к радости созидания счастливого мира, в основе которого — Свобода, Равенство, Братство. Если Бёме посрамляет человеческую яростность, то Клюев славит креативную силу яростного ума Солнценосцев и ярые сердца народа. «Многострунный язык» дубов, как голос Бёмовой ветви, воспринят во всех концах света. Он проникает и в рифмы самого поэта, а они созвучны песням народа — и революционным, и фольклорным. Онтологическая символика дерева — ключевая в клюевской мифологизации революции (всесветного преображения). В «Красном набате» (<1919>) Клюев пишет: «Из моря народной крови выросло золотое дерево Свободы» [Клюев, 2003: 128], его ствол ушел за сотое небо, ветви разрослись до конца Вселенной, народы (как и в сюжете, рассказанном Бёме) потянулись к его плодам, в восторге пошел к нему русский народ. В «Порванном неводе» <1919> говорится о силе рабоче-крестьянской власти: она — в горчичном зерне, «из которого вырастет могучее дерево жизни, справедливости и возможного на земле человеческого счастья» [там же: 146]. Но в текстах Клюева, как и в его высказываниях, этот образ получил и иные смыслы. Дерево в его восприятии — универсальный критерий того, что такое хорошо и что такое плохо. По поводу самоубийства

С. Есенина он замечает: «<...> дерево так не умирает» [там же: 69]. Наконец, дерево — метафора живого поэтического языка. По поводу Н. Тихонова Клюев высказывается так: «<...> довольствуется одним зерном, а само словесное дерево для него не существует» [Клюев, 2003: 69]. Ориентируясь на клюевскую символику этого образа, «Словесным древом» называет одну из глав «Жезла Аарона (О слове в поэзии)» (1917) Андрей Белый. Размышляя о связи между смыслом и звуком, он обращается к строкам Клюева «Осеньет Словесное дерево / Избяную, дремучую Русь!» [Клюев, 1999: 298] из «Оттого в глазах моих просинь...» (1916). В фонетике этих строк он усматривает абрис дерева². Скорее всего, сам Клюев был далек от столь пронизательного восприятия всех *я*, *е*, *у*. Но акустическое мышление Белого вполне отвечает онтологизации фонетики, предпринятой Бёме.

7. Стиль Клюева гетерогенный. Мы воспользовались определением С.С. Аверинцева («“Мировоззренческий стиль”: подступы к явлению Лосева», <2000>). Стилистическую разнородность в текстах А. Лосева, Л. Карсавина, Г. Шпета он полагает постсимволистской спецификой. В лексико-интонационном рисунке стихов Клюева кантиленность соседствует с авангардистской выразительностью и, как в псалмах Давида, тихое богопочитание — со страстностью. Виртуозность метафор гармонирует с ясностью речи просвирен («Где Пушкин говором просвирен / Питает дух высокий свой» [там же: 340]) и стилизованной народной поэзией (Что ты, нивушка, черненька», «Не гуси в отлет собирались, / Не лебеди на реке скликались, — / Подымались мужики — пудожане, / С онежской кряжистой карелой» и т.п. [там же: 264, 270]).

Как он говорил, слова и образы неистово «прут» на него, он «огрызается от них, как собака, стараясь хоть как-нибудь распугать их, выбирая из них только простое и тихое» [Клюев, 2003: 53]. Но далеко не всегда его слово простое и тихое. По его же признанию, он любил «львиную яростную пляску слов», его слово «не мера какая-нибудь и не свирель» [там же: 57, 58], а тысячепудовые жернова, и пока они в движении — рождаются стихи. При такой разнофактурности стиля, при густоте тропов, плотности и глубине выраженных в них

² «Жесты звуков здесь совпадают с рисуемым образом. Здесь два образа: дерева и России. Дерево, ствол его, расширенный кроною вверх, нарисован п р о г р е с с и е й, линией вверх входящего дерева “я—е”; прогрессия кончается расширением звука “е” в ассонанс: я—ее; звуками нарисована линия Словесного древа; под ним, в глубине — Русь, изображенная ассонансом ниже древа (яее) лежащего звука; выбран звук здесь не “о”, а звук “у”, наиболее глубокий и темный, потому что Русь здесь — “дремучая”, темная, звуковые линии: 1) я—ее, 2) у—у—у — суть жесты образов. Все ударные звуки осмыслены <...>» [Белый, 1918: 197]. Упоминание звука «о» объясняется тем, что, по А. Белому, ударный «о» главенствует в поэтических текстах Баратынского, Пушкина, Тютчева.

мыслей он, конечно, хотел быть понятным. По его признанию, из слов и образов, которые во множестве сами приходили к нему, он выбирал самые точные. В ощущении слова он был синестетиком, ложные образы для него все равно что «синий загнивший ноготь, смрадная тряпица на больной человеческой шее» [там же: 55]. Например, в цитате из С. Сергеева-Ценского он слышит «перекося и ложь образосозвучий» и «испытывает подкожную боль» [там же]. У него были свои творческие ориентиры — Аввакум, царь Давид, Иоанн Златоуст.

Быть понятным — цель Бёме. Потому он любит повторы, возвращается к одному и тому же мотиву, разясняя образ еще и еще раз, дополняя его упущенными ранее коннотациями. Он избегает наукообразия, его язык живой, расположенный к диалогу. Вот пример: «Сюда, молодец в коричневом кафтане, съезжающий с неба в ад, и из ада прямо в смерть, где жало дьявола, оглянись здесь, умник, полный злого умничанья» [Бёме, 2008: 430]. Хотя считается, что его язык сложен, даже темен, нам представляется, что он, напротив, сложное объяснял просто. Но он признает, что гносеологически слово может быть бессильным, когда речь идет о вмешательстве трансцендентных сил: «Если бы даже все деревья были писцами и все ветви перьями, и все горы книгами, все воды чернилами, то все же они не могли бы достаточно описать всю ту скорбь и беду, какую Люцифер со своими ангелами внес в свое место» [там же: 296]. Этим объясняется интеграция в прозрачный и в целом гомогенный стиль слов вроде «салиттер», «тинктура» и т.п.

За пределами наших рассуждений остались такие насущные для Бёме и Ключева темы, как суть Бога, теодицея, отношение к телесности в христианстве, человек, грех, Люцифер и др. Их представления совпадали далеко не во всем. Допускаем, что диалог Ключева с Бёме по ряду позиций был полемичным. Но толкование ими слова — пример согласия.

Список литературы

1. Бельый А. Жезл Аарона (О слове в поэзии) // Скифы. Сб. 2. 1918. С. 155–212.
2. Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Вступ. ст., коммент. И. Фокина. СПб, 2008.
3. Ключев Н. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб, 1999.
4. Ключев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост. примеч. В.П. Гарнина. СПб, 2003.

5. Райс Э. Николай Клюев // Клюев Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. Мюнхен, 1969. С. 51–111.
6. Филиппов Б. Варианты. Разночтения. Примечания // Клюев Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. Мюнхен, 1969. С. 507–570.
7. Филиппов Б. Из книги «Всплывшее в памяти» // Николай Клюев глазами современников: Сб. воспоминаний / Сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб, 2005.
8. Филиппов Б. Из статей 1940-х годов // Николай Клюев. Воспоминания современников / Сост. П.Е. Поберезкиной, вступ. ст. Л.А. Киселевой. М., 2010. С. 304–305.
9. Фокин И. Учение о качествах, или «Тесные врата» в тевтонскую мудрость Якоба Бёме // Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. СПб, 2008. С. 5–42.

Natalia Solntseva

THE WORD IN THE VIEWS OF JACOB BÖHME AND NIKOLAY KLYUEV

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

N. Klyuev's conception of the word as an ontological phenomenon corresponds to the religious interpretation of the word and sound in *Aurora* by J. Böhme, which Klyuev knew very well. The ideas of Böhme can be regarded as sources of imagery in Klyuev's poetry. The philosophy of the word in the views of both is related to the comprehension of the messianic purpose of their talents. Both consider themselves selected by Heaven as agents. Böhme's mission is to fight the devil, to tell the uninitiated about the essence of God and His creation. Klyuev's mission is to improve and transform the world according to God's plan. But both are aware of their limitations in understanding the mystery of God. Both ironize over the intellectual elite that is trying to understand the Creator through science and logic. Both give a special status to the national language. Both sacralize the word. Böhme comprehends the sound as a manifestation of the power of God; according to his philosophy of language, the Holy Trinity is a product of the word. Klyuev expresses his philosophy of language in *White India* and some other texts: the word is the repeater of the power of God, it changes the world, the sound builds the world order, notes Andrei Bely in *Aaron's Rod* when analyzing the phonetics of the poem "That's why in my eyes..." Both believe that the word is devoid of thought and a metaphysical meaning is fruitless. The theology of Böhme and Klyuev is expressed in associative imagery. The central metaphor in their texts is the tree, hence similarity of motives and details. Klyuev's style is heterogeneous. The vocabulary and intonations of his poems show that cantilism goes along with avant-garde expression, new metaphors retain the clarity of primary meanings,

as is the case in Protopop Avvakum's and King David's stylistic manners, different from each other. Böhme's style is generally homogeneous; he often uses repetitions and comparisons. Both seek understanding and want to fulfill their missions. Understanding the density of tropes in Klyuev's poetry requires special training in philology, understanding the depth of Böhme's thoughts requires special knowledge of philosophy.

Key words: Alekseev-Askoldov; Artsybashev; Andrei Bely; God; wood; sound; metaphor; mysticism; salitter; word; Tolstoy; phonetics; language.

About the author: *Natalia Solntseva* — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: natashasolnceva@yandex.ru).

References

1. Belyi A. *Zhez! Aarona (O slove v poezii)* [The rod of Aaron: on word in poetry]. *Skify* [Scythians]. Issue 2. 1918, pp. 155–212.
2. Boehme J. *Avrora, ili Utrenniaia zaria v voskhozhdenii* [Aurora, or The Dawn in the Ascent]. Preface, comm. I. Fokina. Saint-Petersburg: *Amfora*. *TID Amfora*, 2008, 508 p.
3. Kliuev N. *Serdtshe Edinoroga: Stikhotvoreniia i poemy* [Heart of the Unicorn: Poems and tales]. Prefaces by N.N. Skatov, A.I. Mikhailov; composition, comm. by V.P. Garnin. Saint-Petersburg: RKhGI, 1999, 1072 p.
4. Kliuev N. *Slovesnoe drevo. Proza* [The tree of words. Prose]. Preface by A.I. Mikhailov; composition, comm. V.P. Garnin. Saint-Petersburg: *Rostok*, 2003, 688 p.
5. Rais E. *Nikolai Kliuev*. Kliuev N. Soch. [Works]: 2 vol. Munich: *A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag*, 1969. Vol. 2, pp. 51–111.
6. Filippov B. *Varianty. Raznochteniia. Primechaniia* [Textual versions and commentary]. Klyuev N. Soch. [Works]: 2 vol. Munich, *A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag*, 1969. Vol. 1, pp. 507–570.
7. Filippov B. *Iz knigi "Vsplyvshee v pamiati"* [From the book "Surfaced in memory"]. Nikolai Klyuev glazami sovremennikov: Sb. vospominanii [Nikolai Klyuev as seen by his contemporaries: Collection of memoirs]. Composition, comm. V.P. Garnin. Saint-Petersburg: *Rostok*, 2005, p. 148.
8. Filippov B. *Iz statei 1940-kh godov* [From the articles of the 1940s]. Nikolai Klyuev. Vospominaniia sovremennikov. Composition by P.E. Poberezkina, preface by L.A. Kiseleva. M.: *Progress-Pleiada*, 2010, pp. 304–305.
9. Fokin I. *Uchenie o kachestvakh, ili "Tesnye vrata" v tevtonskuiu mudrost' Jakob Boehme* [The doctrine of qualities, or "Small gates" in Teutonic wisdom of Jakob Boehme]. Boehme J. *Avrora, ili Utrenniaia zaria v voskhozhdenii* [Aurora, or The Dawn in the Ascent]. Saint-Petersburg: *Amfora*, 2008, pp. 5–42.

А.В. Савченко, М.С. Хмелевский

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННОГО КИЕВСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОНГЛОМЕРАТА¹

*Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй, Тайвань
№ 64, Сек. 2, ул. Чжинан, 116, Вэншань, Тайбэй, Тайвань*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11*

Современная языковая ситуация киевской конгломерации, которая складывалась на протяжении нескольких веков, представляет собой уникальный материал для лингвистического описания и изучения как особого феномена, во многом отличного от аналогичных примеров в славянском мире (в частности, городские интердиалекты Львова, Праги, Брно, Загреба, Сараева, Любляны).

Киевское русскоязычие наряду с русско-украинским билингвизмом, а также переключение языковых кодов, маркированность их социальной престижности, различные формы проявления суржика (т.е. смешение русского и украинского языков), социолингвистическая функция русского просторечия в обиходно-разговорном дискурсе — все это составляет специфику киевского городского интердиалекта, представляющего собой совокупность идиомов.

Настоящая статья посвящена анализу и типологизации использования жителями Киева основных языковых кодов в зависимости от характера определенных коммуникативных ситуаций и социального статуса носителей данных кодов, что также обусловлено такими явлениями, как языковая интерференция, русско-украинский билингвизм и языковая конвергенция вследствие смешения двух близкородственных языков.

В статье также рассматривается языковая поликодовость современного киевского городского конгломерата с конкретными показательными примерами из живой непринужденной речи жителей столицы Украины. Особый акцент делается на способах функционирования русского языка

Савченко Александр Викторович — кандидат филологических наук, ассистент-профессор Государственного университета Чжэнчжи (Тайвань) (e-mail: savchenko75@mail.ru).

Хмелевский Михаил Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: chmelevskij@mail.ru).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение социолингвистических исследований городского диалекта Киева: языковая многокодовость и киевское русскоязычие на фоне русско-украинского билингвизма» (№ 19-012-00613 А).

как основной форме киевского просторечия с учетом социолингвистического и коммуникативного факторов. Наши наблюдения основываются на эмпирическом материале, собранном в ходе полевых исследований киевского городского диалекта (2018). Зафиксированный материал позволяет максимально объективно и системно описать специфические особенности функционирования русского языка в речи киевлян, равно как и структурно представить актуальную языковую ситуацию трехмиллионной киевской агломерации. В результате проведенного нами исследования было выделено 10 основных языковых кодов, совокупность которых и составляет современный киевский городской диалект.

Ключевые слова: украинский язык; русский язык; суржик; русско-украинский билингвизм; межславянская интерференция, языковая конвергенция.

Городской диалект современного Киева, под которым мы подразумеваем сосуществование различных языковых кодов со способностью их переключения вследствие нижеприводимых как чисто лингвистических, так и экстралингвистических причин, зеркально отображает общую языковую картину Центральной и Юго-Восточной Украины. В то же время современную языковую ситуацию украинской столицы следует рассматривать отдельно от других крупных городов страны, поскольку она в своем роде уникальна и для ее описания должны применяться особые лингвистические критерии и подходы [Кузнецова и др., 2018: 93]; [Нещенко, 2003].

В основном на улицах Киева можно услышать различные варианты разговорного русского языка с определенными, sporadически возникающими фонетическими и лексическими элементами, среди наиболее частотных из которых можно выделить такие, как, например: специфическая эмфатическая нисходяще-восходящая интонация синтагмы с непоследовательными перепадами (вместо повествовательной (подчеркнуто нисходящей с особым акцентом на последнем слоге синтагмы), не характерная ни для русского, ни для украинского литературных языков), фрикативный *г*, твердые *шч*, *ч*, несмягчение *р*, более слабая, по сравнению с литературным русским языком, редукция безударных гласных (или порой ее полное отсутствие), твердость согласных перед переднеязычными гласными — под влиянием украинской фонетики, форма местоимения и союза *шо* вместо *что* (например: *Ты любишь зеленый салат? — Я тебе шо — корова шо ли?*²), союз *бо* вместо *потому что*, *або* вместо *или*, вводное слово *мабуть* вместо русского литературного *может быть*,

² Здесь и далее приводятся примеры, зафиксированные нами в ходе лингвистических полевых исследований в Киеве в 2018 г., в орфографии, максимально приближенной к их фонетической оформленности, причем редукция *о/а* не всегда последовательная, даже в рамках одного слова.

вопросительное местоимение *як* вместо *как*, а также избыточное употребление частиц *та* вместо *да* (напр. *Та знаю я ту вашу Юлю вже сто лет; Та посмотрите ж вправо — там же красный светофор горит* и т.п.), *уже/вже*, частотное использование указательного местоимения *тот* (или в форме *той*), употребление личных местоимений в дательном падеже как интенсификаторов и экспрессивных речевых средств (что характерно для киевского неформального стиля общения), в том числе и местоимения *себе*. В качестве иллюстрации приведем ряд примеров из обиходно-разговорной речи киевлян: *А шо там те ваши помидоры, шо такие красивые, ну, те, шо подальше? Я просто за борщича спрашиваю; Ну и когда ж тот твой поїзд на той Харьков?; Шо ж там тебе с теми твоими ключами вже так не терпится совсем?; Та я вже давно на ту вашу надпись смотрю, как той баран на ті ворота; Ой, шо я там тебе забыла у той твоей Полтаві?! и под.*

Уникальность и принципиальное отличие языковой ситуации Киева от других крупных городов Украины заключается в потенциальной способности его жителей (как коренных киевлян, так и тех, кто в разное время переехал в столицу) относительно свободно переключать свои внутриязыковые коды, чего мы не наблюдаем в других крупных городах страны: Харьков, Днепр, Одесса, Кременчуг, Винница, Львов и др. Приезжие, в том числе и из западных, преимущественно украиноязычных, регионов страны, попадая в Киев, для повышения своего социального статуса зачастую стремятся перейти со своего родного языкового кода (будь то украинский язык, суржик [Тараненко, 2007; Дель Гаудио, 2015: 220], диалектные образования) на более престижный для столичного города код повседневного общения, в частности на русский язык (точнее — на киевский вариант русского просторечия), который традиционно несет на себе маркер столичного жителя и зачастую обуславливается характером речи собеседника [Масенко, Залізник, 2001]. Именно данный феномен переключения языковых кодов представляет собой отличительную особенность языковой ситуации Киева, поскольку в других городах Украины русский язык не является социально или статусно маркированным. При этом рассматриваемый нами в рамках одного славянского мегаполиса диалектный конгломерат обусловлен как историческими, так и социолингвистическими факторами [Кузнецова и др., 2018: 95], а также разноликим по своему происхождению составом жителей украинской столицы, которые в большинстве своем являются выходцами из «разноязычных» регионов страны (т.е. носители русского или украинского языков, суржика, поднепровских и русско-украинских диалектов, городских койне Одессы, Львова, Полтавы и т.п.) [Тараненко, 2013: 27]. Подобная языковая трансформация внутри одного славянского мегаполиса, а также фактор уровня социальной престижности того или иного

языкового кода с лингвистической точки зрения ярко отличают Киев от прочих украинских агломераций, что может быть отчасти сопоставимо на уровне славянского мира только с языковой ситуацией в Любляне, столице Словении) [Макарова, 2004].

Подчеркнем, что далеко не все способны перейти на тот вариант русского языка, который бы полностью соответствовал литературному стандарту, что объясняется зачастую невысоким уровнем языковой компетенции в силу межъязыковой конвергенции, несмотря на то, что подобному языковому сдвигу и относительно свободному переходу с одного языка на другой способствует общеукраинский билингвизм, т.е. как минимум пассивное знание подавляющим большинством украинцев обоих близкородственных языков [Стріха, 1998: 638; Томиленко, 2014: 71]. В таком случае, носитель поднепровских диалектов или суржика, оказавшись в Киеве, пытается максимально русифицировать свой языковой код, стремясь тем самым повысить свой социальный статус в рамках оппозиции «столица — село» [Кузнецова и др., 2018: 96]. На вопрос о причинах языкового сдвига или выборе русско-украиноязычным билингвом именно русского языка как языка повседневного общения наши респонденты — жители Киева — отвечали: *«Мы так привыкли»*, *«Потому что все вокруг говорят по-русски»*, *«Потому что ко мне обращаются по-русски»*, *«Потому что я вырос в русскоязычной среде»*³ и т.п., что на самом деле далеко не всегда соответствует действительности, поскольку русский язык, даже в его просторечной форме (со всеми вышеперечисленными особенностями), обладает особым экстралингвистически обусловленным и исторически сложившимся социально маркированным статусом. В данной связи отметим, что нередко наши опрашиваемые давали ответы в русле: *«Потому что в детстве все смеялись надо мной, когда я говорила по-украински»*.

Таким образом, необходимо подчеркнуть уникальность киевской языковой ситуации по сравнению с другими регионами страны, которая состоит как раз в том, что русский язык в рамках киевского одного конгломерата характеризуется высокой степенью престижности и является маркером принадлежности к «столичности». Так, русскоязычный или суржикоязычный украинец, либо носитель поднепровских говоров, приезжая в такие русскоязычные города, как например, Харьков, Днепр, Запорожье, Одесса, Николаев, или суржикоязычные — Чернигов, Полтава, Черкассы, Черновцы, или украиноязычные — Львов, Тернополь, Ивано-Франковск, Луцк, Ровно, пользуется своим родным языковым кодом (в отличие от Киева), не пытаясь его переключить, что обусловлено отсутствием в

³ Эти и другие ответы были получены нами в ходе социологических опросов, проводимых в Киеве в 2018 г.

других крупных городах Украины подобной социолингвистической ситуации [Тараненко, 2001: 14; 2008: 20].

Тут же можно провести параллели с социальной маркированностью и степенью престижности языковых кодов в некоторых других славянских конгломератах: это «чистый» русский литературный язык — без интонационной и лексической региональной окрашенности — в Москве и Санкт-Петербурге, городской диалект Львова — *львівська говірка*, обиходно-разговорный чешский язык в Праге — *obecná čeština*, специфический говор Братиславы с венгерско-немецко-чешскими вкраплениями, особый интердиалект в Любляне, городское койне Загреба, лексически выраженный городской жаргон в Сараеве или Белграде и т.п. [Савченко, Хмелевский, 2018: 337; Нещименко, 2003]. Здесь стоит особо подчеркнуть уникальность языка современного Киева, обусловленного различным по своему происхождению и социальному статусу характером его жителей. Все это ведет к тому, что: 1) в отличие от вышеперечисленных славянских мегаполисов, киевлянин владеет не двумя, а несколькими языковыми кодами (см. ниже); 2) в рамках украинско-русского билингвизма житель Киева зачастую выбирает русский язык (в силу своей языковой компетенции) для бытового общения, т.е. язык, изначально не являющийся его родным, или ставший его родным в результате языкового сдвига на уровне поколения; 3) в зависимости от языковой среды, речи собеседника, стиля общения житель Киева способен переходить на любой из известных ему и отмеченных ниже языковых кодов, что сильно отличает данную коммуникативную ситуацию внутри одного конгломерата от прочих крупных городов Украины, поскольку в большинстве своем жители других украинских агломераций, являясь, по своей сути, билингвами в той или иной степени, не переходят на другой языковой код собеседника, пользуясь своим родным. Более того, в разных регионах страны, в отличие от Киева, не принятый в них языковой код вызывает зачастую негативную реакцию, как в других городах. Приведем пару показательных примеров из диалога с некоторыми из наших реципиентов:

(г. Харьков, продавщица кофе):

— *Скільки я вам боржний за каву?*

— *Шооооо?*

— *Довжний.*

— *Ну, так бы сразу й сказал, а то — «боржний». Я тут тобі шо, учительница шо ли какая? А ты шо, з Западної, да? Или вчитель?*

(г. Херсон, непринужденное общение):

— *Який смачний борщ, можна ще трохи?*

— *Можно! Тільки шо ти по-бандеровськи з нами забалакав?*

— *Хорошо, не буду, мне просто очень борщ ваш нравится.*

— *А шо ты вже вдруг по-москoвськoму перейшов говорити? Ты умієшь нормально по-нашoму говорити?*

(г. Кременчуг Полтавской области, непринужденное общение):

— *Та я с той западенкой вже сто год не общаюся. А про шо мне з нею общатися? На мові шо ли?*

(г. Николаев, непринужденное общение):

— *Мы их (жителей Западной Украины) просто ненавидим, их все ненавидят! За шо? Ну вот, например, вышли с батей из поезда во Франковске хлеба в киоске купить, а (далее с презрением) продавец нам только на своем: «Шо бажаете»? Полное бескультурье! Там же культуры нет!*

Данные примеры являются весьма показательным для фактически «монофонических» крупных городов Украины, тогда как языковую ситуацию Киева отличает ее «многоголосье» и способность свободного переключения на тот или иной языковой код в зависимости от кода собеседника либо коммуникативной ситуации.

Приведем иллюстрации данных языковых кодов, сосуществующих в рамках киевского городского диалекта, выявленные в ходе наших полевых исследований и наблюдений (2018):

1. Украинский литературный язык. Как в официальном, так и в повседневном дискурсе данным языковым кодом пользуется преимущественно творческая интеллигенция: филологи-украинисты, студенты гуманитарных вузов, высокообразованные слои населения. В эту группу также можно отнести жителей Киева, переехавших из западных регионов страны, для которых украинский является родным. На данный код перешли и представители политических кругов страны, для которых украинский язык (зачастую со значительными лингвистическими погрешностями в силу факта искусственности переключения с родного языкового кода) дополнительно является еще и одним из важных элементов политической саморекламы (тогда как в бытовом общении большинство из них пользуется русским языком);

2. Украинский язык с так называемыми лексическими трансплантатами из русского языка. Подобные «вставки» весьма характерны для разговорной речи, зачастую они зависят от степени непринужденности коммуникативной ситуации [Савченко, Хмелевский, 2008: 177]. Среди вышеупомянутых лексических «вкраплений» можно выделить следующие их типы: 1) «слова-паразиты» и узусно частотную лексику (например: *вообщэ, кон'ечно, почті, нав'ерно/нав'ернае, мені нужно, я довжна, пожалуйста, я б'ез понятія, рубль* (вместо *гривня*) и др.); 2) разнообразные штампы, клише, цитирование прецедентных текстов из классической русской литературы и современной российской массовой культуры (кино, музыка и т.д.), как, например: *О, Тарас прийшов, зараз пайдьот гулять губернія; Я собі вирішила за-*

раз працювати, щоб заробити на відпустку у серпні, ось бачите, як я працюю — як закалялась сталь!; Чому ти мене це все розпитуєш, я тут тобі що — здравствуйте, я ваша тётя?!; Мені чомусь всі кажуть, що у мене серце, як пламений мотор, на справді це не так; Лёня, пійшли вже до хати, що ти тут мені розсівся? Вставай давай, Союз нерушимий! и т.п. Данный код используют как представители творческой интеллигенции, студенческая молодежь гуманитарных вузов, так и те, кто, как правило, в совершенстве владеет обоими языками, а также выходцы из сельской местности, для которых родным является украинский язык;

3. Код спонтанного чередования русского и украинского языков. Рассматривая данный способ общения, подчеркнем, что здесь мы имеем дело не столько со смешением языков, сколько с их спорадическим чередованием, т.е. когда один участник диалога, говоря на русском языке, неожиданно переходит на (литературный) украинский, а через какое-то время снова переключается на русский, — и так на протяжении всего коммуникативного акта. Причем сам факт перехода с одного языка на другой одним и тем же говорящим ничем не мотивирован — ни тематикой, ни языковым кодом собеседника, ни какими-либо иными экстралингвистическими причинами;

4. Код украинско-русскоязычного диалога. Это форма общения, при которой один участник диалога говорит на украинском языке (пользуясь вышеперечисленными кодами 1, 2 или 3), а второй поддерживает беседу на русском, вставляя отдельные фразы на украинском, — в основном цитаты из речи украиноязычного собеседника, или наоборот. Данный код является наглядной иллюстрацией русско-украинского билингвизма, когда один владеет языком (или языковым кодом) собеседника пассивно, что совершенно не препятствует их неформальному общению [Масенко, 2008: 1—36]. В качестве аналогии можно привести чешско-словацкий языковой дискурс, когда чех, пассивно владеющий словацким языком, общается со словаком, пассивно владеющим чешским, и при этом они могут вести непринужденную беседу, обладая фоновыми языковыми знаниями [Нещименко, 2003];

5. Русский литературный язык. Это языковой код русских, постоянно проживающих в Киеве. Их владение украинским языком сводится до элементарного уровня пассивного понимания (как правило, он также во многом зависит и от социального статуса говорящего);

6. «Киевский русский-1». Данный языковой код характеризуется нерегулярно возникающим фрикативным *г*, а также местоимением и союзом в форме *шо* и некоторыми другими вышеописанными чертами. В основном он максимально приближен к норме русского языка, включая литературную интонацию (правда, такое следование нормам, в том числе и произносительным, не всегда регулярно).

Отличие от стандартного русского языка заключается в самой манере изъяснения, в специфике создания комического эффекта, использования не характерных для русского языка экспрессивно-эмоциональных средств, в основном авторского происхождения, причем абсолютно нелогичной ни с лексической, ни с синтаксической точек зрения, например: *Тібе бы на танцы ходити, а не тухлыми пирожками торговати!; Шо ты так мало ешь — ну как Мая Плисецкая!; Вы, мушчына, или слишком умный такой, или совсем глубоко без всякого поніманія?!; Я так устала — ну, просто как рыба об лёд!; Я не очень понімаю — он там шо — совсем з підолнуха на голову впал, шо даже на телефон не отвічаєт?! и т.п.* Носители данного кода — это по большей части коренные киевляне, гуманитарная и техническая интеллигенция, а также молодежь, воспитанная в семьях коренных киевлян, часто без высшего образования. Данный языковой код в Киеве характеризуется довольно высокой степенью социальной престижности, так как подчеркивает статус столичного жителя, одновременно являясь средством обиходно-разговорного общения [Масенко, 2008: 99];

7. «**Киевский русский-2**». В отличие от «киевского русского-1» характеризуется уже систематическим возникновением вышеописанных фонетических черт, а также включением частотно употребительной украинской лексики, как, например: *дуже* «очень», *багато* — «много», *звичайно* — «конечно», *гроші* — «деньги», *байдуже* — «все равно», *гарзд* — «отлично, хорошо, ладно», *гасати* — «бегать, носиться» и т.п.; данный код изобилует служебными словами и многочисленными лексическими вставками из украинского языка для придания речи более эмоционально-экспрессивного оттенка. Также для «киевского русского-2» характерны многочисленные украинские лексические трансплантаты — это прежде всего слова и даже фразы, которые на фоне русского текста способствуют повышению экспрессивного и образного комического эффекта, чем если бы они были также произнесены на русском языке, например: *И знаєшь, шо они сейчас сделали? Та ничего не сделали, а только взяли всю систему образования, которая у нас была, и уничтожили — зруйнували, одним словом. Я тебе отвечаю — не веришь? На самом деле — всі знищили — о це такі варвари у владі!*⁴ и т.п. Носителями данного кода в основном являются коренные киевляне, вне зависимости от уровня их образования, возраста или социального положения;

8. «**Киевский русский-3**». Это «киевский» русский язык с сильно «расшатанной нормой» (или с почти полным ее отсутствием) в своем разговорно-просторечном варианте, представляющим собой распространенную форму городской коммуникации. Данный код характеризуется, в первую очередь, особой манерой изъяснения,

⁴ Здесь и далее [и] произносится, как в украинском, т.е. ближе к русск. [ы].

специфическими ярко выраженными перепадами нисходящих и восходящих интонационных конструкций, морфологической раздробленностью вследствие межъязыковой конвергенции и смешением стилей, например: *Метро находится вон там — вам треба пойти вниз по ступеньках; Діма, а ну давай не махлюй тут міне — задрал уже по самое не могу!; Туфлі хочіте померіть? Та мерійте — ноги ж под вами!; Вона собі котлети купила, а думаєт, шо вона вольность собі купила* и т.п. Здесь же отметим также наличие такого характерного явления, как детабуизированность русской пейоративной лексики, что весьма характерно для данного языкового кода, носители которого — в основном люди среднего и старшего возраста, работники сферы торговли или обслуживания;

9. Суржик с преобладанием элементов русского языка (суржик первого типа) [Флайер, 2010: 290; Тараненко, 2007: 689]. Социальная группа носителей данного кода та же, что и для кода 7, — это в основном киевляне — по своему происхождению из Восточной Украины. Их речь характеризуется смешением элементов русского и украинского языков со значительным преобладанием первых. Для данного языкового кода также характерно полное разрушение и смешение стилистических норм ввиду отсутствия у его носителей чувства стилистических различий и тонкостей обоих смешиваемых в речи языков, например: *Я вже поспотріла той фільм і нічого інтересного я там для себе не побачила; Ой, шо-то на мене вчера так мощно всь накатіло, як цунамі, шо я... в обиччєм, это..., ну, следовательно, вы понимаете...; Извините, можно я присяду? — Та сідайте сколько вам тут зааглаго рассудитсє — я вже і так встала ітди!* и т.п.;

10. Суржик с преобладанием элементов украинского языка (суржик второго типа) [Флайер, 2010: 290; Мозер, 2016: 31]. Социальная группа его носителей та же, что и для кода 7, — это в основном выходцы из сельской местности Центральной и Восточной Украины. Иллюстрацией могут послужить такие примеры записей живой речи киевлян: *Остановіть, будь ласка, на Володимирський вулиці, да-да, мені ось тут, пожалуйста, зразу за поворотом; З вас, мушчына, п'ятьдесять гривнів, будь ласка... Ой, вибачте, пожалуйста, я все переплутала, з вас шесть-десять, я сьогодні шо-то вся переплуталася, дуже жарко!* и т.п.

В качестве основных выводов можно выделить следующее:

1) Для киевского городского диалекта свойственно полиязычие, или многокодовость, где двумя основными «полюсами» являются литературные русский и украинский языки, а промежуточное положение занимает ряд отмеченных в данной статье конвергентных языковых кодов;

2) Киевляне способны в той или иной степени свободно переключать свой языковой код в зависимости от языка собеседника и конкретной коммуникативной ситуации;

3) Суржик (обоих типов), в отличие от прочих языковых кодов, характеризуется полным отсутствием каких-либо более-менее четких

норм и правил даже в речи одного индивидуума, который также, как правило, не владеет ни русским, ни украинским литературными языками.

Таким образом, все вышеприведенные факты позволяют говорить об особом языковом образовании, а именно — «киевском городском диалекте» как уникальном явлении в славянском мире. Его изучение и описание представляется важным материалом для дополнения общих научных знаний о языковых ситуациях в славянских странах, а также факте конвергенции близкородственных языков, в том числе и с экстралингвистической точки зрения.

Список литературы

1. *Дель Гаудио С.* Украинско-русская смешанная речь «суржик» в системе взаимодействия украинского и русского языков // *Slověne*. No 2. М., 2015. С. 214—246.
2. *Курохтина Т.Н.* Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
3. *Кузнецова И.В., Савченко А.В., Хмелевский М.С.* Киевский суржик как феномен украинской городской разговорной речи (на примере комедии М.П. Старицкого «За двумя зайцами») // *Вестник чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. № 4. Чебоксары, 2018. С. 92—103.
4. *Макарова И.Д.* Языковая ситуация в Любляне и особенности люблянской разговорной речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.
5. *Масенко Л., Залізняк Г.* Мовна ситуація Києва: день сьогоднішній та майбутній. Київ, 2001.
6. *Масенко Л.* Мовна ситуація України: соціолінгвістичний аналіз // *Мовна політика та мовна ситуація в Україні. Аналіз і рекомендації. Проект INTAS "Language Policy in Ukraine: Anthropological, Linguistic and Further Perspectives" (2006—2008)*. Київ, 2008. С. 96—131.
7. *Масенко Л.* Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and social aspects of their description and categorization.* — Ed. by Hentschel G. and Zaprudski S. Oldenburg, 2008. P. 1—36.
8. *Мозер М.* «Суржик» чи «суржики»? // *Українська мова*. No 1. Київ, 2016. С. 27—54.
9. *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах: опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.
10. *Савченко А.В., Хмелевский М.С.* «Здравеньки були!», или к вопросу о лексической трансплантации (русско-украинские параллели в национально-культурном дискурсе) // *Материалы международной научно-практической конференции к юбилею д.ф.н. проф. А.М. Мелерович*. М.; Кострома, 2008. С. 177—181.

11. Савченко А.В., Хмелевский М.С. Русский текст в украинском разговорном языке // Студії з філології та журналістики. Ужгород, 2016. С. 420–424.
12. Савченко А.В., Хмелевский М.С. Феномен современного украинского билингвизма (по результатам полевых исследований в Центральной и Юго-Восточной Украине) / Славянский мир: язык, литература, культура. М., 2018. С. 336–339.
13. Стріха М. Суржик та літературна мова // Нариси української популярної культури. Київ, 1998. С. 637–640.
14. Тараненко О.О. Українська мова і сучасна мовна ситуація в Україні // Мовознавство. Київ, 2001. № 4. С. 3–19.
15. Тараненко О.О. Суржик // Енциклопедія «Українська мова», 3 вид. Київ, 2007. С. 689–692.
16. Тараненко О.О. Українсько-російський суржик: статус, тенденції, оцінки, прогнози // Мовознавство. № 1. Київ, 2008. С. 14–30.
17. Тараненко О.О. Варіантність vs. стабільність у структурі українсько-російського “суржику” (УРС): сукупність діалектів vs. соціолект // Studia Slavica Oldenburgensia. Oldenburg, 2013. No 21. С. 27–62.
18. Томиленко Л. Суржик як об’єкт наукових досліджень і дискусій // Мовознавство. № 4. Київ, 2014. С. 69–80.
19. Флайер М.С. Суржик или суржики? // Исследования по лингвистике и семиотике: Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М., 2010. С. 281–295.
20. Хмелевский М.С. «Языковой портрет» современной Украины — социолингвистический аспект // Komunikacja specjalistyczna. № 13 / red.: Ł. Karpiński, P. Michałowski. Warszawa, 2017. S. 79–105.

Aleksandr Savchenko, Mikhail Khmelevskiy

SOCIOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE KIEVAN CONGLOMERATE OF DIALECTS

The current linguistic situation of the Kievan conglomeration of dialects, which has evolved over the course of several centuries, is a unique subject for linguistic description and study, differing substantially from analogous examples elsewhere in the Slavic world, particularly within the urban dialects of Lviv, Prague, Zagreb, Sarajevo, and Ljubljana. The Russian speech of Kievans along with Russian-Ukrainian bilingualism, the switching of language codes, the marking of their social prestige, the various forms of the manifestation of Surzhyk, linguistic and sociolinguistic function of Russian colloquialisms in everyday speech of Kievans constitute unique traits of the urban dialect. This study discusses how Kievans use language codes in communicative situations that depend on the social status of the carriers of certain codes, the character of communicative situations, and the type of a language code being used by people involved in conversation. This kind of a phenomenon is a form of linguistic interference within the mixing of two closely related languages. Discussing multicodality of the present-day Kievan

urban dialect, this article offers a wealth of examples of how Kiev residents speak today. Special emphasis is laid on the role of the Russian language as a foundation for creating Kievan colloquialisms.). The data acquired in July and August of 2018 enable us to structurally present the actual language situation of the multi-million Kievan population and to describe how Russian is functioning in the speech of Kievans. Ten basic language codes have been identified, as well as the reasons for code switching. Their social status was established.

Key words: Ukrainian; Russian; Surzhyk; Russian-Ukrainian bilingualism; urban dialect; language code; Ukrainian language situation; language assimilation; inter-Slavic interference.

About the authors: *Aleksandr Savchenko* — PhD in Philology, Associate Professor, National Chengchi University, Taiwan (e-mail: savchenko75@mail.ru); *Mikhail Khmelevskiy* — PhD in Philology, Associate Professor, Saint-Petersburg State University (e-mail: chmelevskij@mail.ru).

References

1. Del Gaudio S. Ukrainsko-russkaya smeshannaya rech “surzhik” v sisteme vzaimodeystviya ukrainskogo i russkogo yazykov [Ukrainian-Russian mixed speech “surzhik” in the interaction system of the Ukrainian and Russian languages]. *Slověne. No 2. M.*, 2015, pp. 214–246. (In Russ.)
2. Kurohtina T.N. Mezhyazykovaya interferenciya v usloviakh blizkorodstvennogo ukrainsko-russkogo dvuyazychiya [Interlingual interference in ukrainian-russian bilingual conditions]. *Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M.*, 2010. (In Russ.)
3. Kuznetsova I.V., Savchenko A.V., Khmelevskiy M.S. Kievsky surzhyk kak fenomen ukrainskoy gorodskoy razgovornoy rechi (na primere komedii M.P.Staritskogo “Za dvumya zaytsami”) [Kievan surzhyk as a phenomenon of Ukrainian urban colloquial speech (based on M.Staritsky’s *Za Dvumya Zaitсами*)]. *Vestnik chuvashskogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva. №4. Cheboksary*, 2018. S. 92–103.
4. Makarova I.D. Yazykovaya situaciya v Lublane i osobennosti lublyanskoy razgovornoy rechi [Language situation in Ljubljana and colloquial speech features]. *Dissertacia na soiskanie uchenoy nauchnoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M.*, 2004. (In Russ.)
5. Masenko L., Zaliznyak G. *Movna situacia Kyeva: den’ syogodnishniy ta pryideshniy* [Language situation of Kyiv: nowadays and future]. Kyiv, 2001. (In Ukrainian)
6. Masenko L. *Movna situacia Ukrainy: sociolingvisychnyi analiz* [Language situation of Ukraine]. *Movna polityka ta movna situaciya v Ukraini. Analiz i rekomendacii. Proekt INTAS “Language Policy in Ukraine: Anthropological, Linguistic and Further Perspectives” (2006–2008)*. Kyiv, 2008, pp. 96–131. (In Ukrainian)
7. Masenko L. Surzhik: istoriya formuvannya, suchasnyi stan, perspektyvy funkciiovannya [Surzhik: history of formation, modern situation, perspectives of functioning]. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Surzhik: Structural and so-*

- cial aspects of their description and categorization*. Oldenburg, 2008, pp. 1–36. (In Ukrainian)
8. Mozer M. “Surzhik” chi “surzhiki”? [“Surzhik” or “surzhiks”?]. *Ukrains'ka mova, No 1*. Kyiv, 2016, pp. 27–54. (In Ukrainian)
 9. Neshchimenko G.P. Yazykovaya situacia v slavyanskix stranax: opyt opisan-ya. Analiz koncepcij. [Language situation in the Slavic countries: description experience. Analysis of concepts]. M., 2003. (In Russ.)
 10. Savchenko A.V., Khmelevskiy M.S. “Zdaravenki buli!”, ili k voprosu o lek-sicheskoy transplantacii (russko-ukrainskie paralleli v nacionalno-kulturnom diskurse) [“Zdaraven'ki buli”, or about the problem of lexical transplantation (Russian-Ukrainian parallels within national and cultural discourse)]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii k yubileyu d.f.n. prof. A.M. Melerovich*. Moskva; Kostroma, 2008, pp. 177–181. (In Russ.)
 11. Savchenko A.V., Khmelevskiy M.S. Russkiy tekst v ukrainskom razgovornom yazyke [Russian text in the Ukrainian colloquial speech]. *Studii z filologii ta zhurnalistiki*. Uzhgorod, 2016, pp. 420–424. (In Russ.)
 12. Savchenko A.V., Khmelevskiy M.S. Phenomen sovremennogo ukrainsko-go bilingvizma (po rezultatam polevyx issledovaniy v Centralnoy i Yugo-Vostochnoy Ukraine) [Phenomenon of the modern Ukrainian bilingualism (according to results of researches in Central and South-Eastern Ukraine)]. *Slavyanskiy mir. yazyk, literatura, kultura*. M., 2018, pp. 336–339. (In Russ.)
 13. Striha M. Surzhik ta literaturna mova [Surzhik and literary language]. *Narysy ukrayinskoyi popularnoyi kultury*. Kyiv, 1998, pp. 637–640. (In Ukrainian)
 14. Taranenko O.O. Ukrainska mova i suchasna movna situaciya v Ukraini [Ukrainian language and the modern language situation]. *Movoznavstvo*. Kyiv, 2001. № 4, pp. 3–19. (In Ukrainian)
 15. Taranenko O.O. Surzik. [Surzhik]. *Encyklopediya Ukrains'ka mova, 3 vyd.* Kyiv, 2007, pp. 689–92 (In Ukrainian)
 16. Taranenko O.O. Ukrain'sko-rosiyskiy surzhik: status, tendencii, ocinki, prognozi [Ukrainian-Russian Surzhik: status, trends, estimations, projec-tions]. *Movoznavstvo*. Kyiv, 2008, No 1, pp. 14–30. (In Ukrainian)
 17. Taranenko O.O. Variativnist' vs. stabil'nist' u strukturi ukrains'ko-rosijskogo “surzhyku” (URS): sukupnist' idiolektiv vs. sociolekt [Variability vs. stability in the Ukrainian-Russian “surzhik” (URS): set of idiolects vs. sociolects]. *Studia Slavica Oldenburgensia, No 21*. Oldenburg, 2013, pp. 27–62. (In Ukrainian)
 18. Tomilenko L. Surzhik yak ob'ekt naukovykh doslidzhen' i diskusiy [Surzhik as object of scientific researches and discussions]. *Movoznavstvo. No 4*. Kyiv, 2014, pp. 69–80.
 19. Flayer M.S. Surzhik ili surzyki? [Surzik or Surzhiks?]. *Issledovania po lingvis-tike i semiotike. Sbornik statey k yubileyu Vyach. Vs. Ivanova*. M., 2010, pp. 281–295. (In Russ.)
 20. Khmelevskiy M.S. “Yazykovoy portret” Ukrainy — sociolingvisticheskii as-pekt [“Language portait” of Ukraine — sociolinguistic aspect]. *Komunikacija specialistyczna*. № 13. Warszawa, 2017, pp. 79–105. (In Russ.)

А.М. Белов, Н.Н. Магницкая

**СНОВА О «ЗАКОНЕ ВАНДРИЕСА»:
ИМЕНА НА -ΕΙΟΣ/-ΕΙΟΝ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», 119991,
Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт
языкознания РАН», 125009, Москва,
Б. Кисловский пер. д. 1 стр. 1*

Статья продолжает исследования по проблематике «закона Вандриеса» (далее — ЗВс) в древнегреческом, начало которым было положено в работе [Белов, 2011], где в терминах акцентных парадигм, в частности, *ближней* и *дальней баритонезы*, были рассмотрены существительные на -αιος. В настоящей работе представлен анализ существительных на -ειος, -ειον, выполненный по той же методике. Анализ нового материала показывает, что слова на -ειος, -ειον еще больше подтверждают правоту теоретических положений, высказанных в [Белов, 2011; 2015: 241–249, 395–402]: переход от ближней баритонезы к дальней совершается не под влиянием ЗВс, а по более общим принципам рецессии древнегреческого ударения. При этом в объяснении нуждается не факт самой рецессии, а факт удержания ближней баритонезы посредством морфосемантических свойств греческих акцентных парадигм.

Ключевые слова: древнегреческое ударение; акцентология; закон Вандриеса; акцентные парадигмы.

Одним из наиболее значимых сюжетов сравнительно-исторической акцентологии оказываются акцентные законы индоевропейских языков, имеющие существенное значение не только для конкретных языков — ведийского, балтийских, славянских, германских, — но и для индоевропейской реконструкции в целом. Одним из таких законов, значимых для описания древнегреческой баритонезы, считается и широко известный «закон Вандриеса» (далее — ЗВс), который был сформулирован в 1904 г. выдающимся французским ученым Жозефом Вандриесом.

Белов Алексей Михайлович — доктор филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: indogermanica@yandex.ru).

Магницкая Наталья Николаевна — кандидат физико-математических наук, независимый исследователь (e-mail: magnitskayann@gmail.com).

Согласно ЗВс в ионийско-аттическом диалекте древнегреческого языка в словах амфибрахической структуры (т.е. представляющих собой последовательность «краткий-долгий-краткий»: $\cup - \cup$, например, *βέβαιος* ‘прочный’), ударение переходило со второго от конца слога на третий. При этом, соответственно, циркумфлекс переходит в акут. [Vendryes, 1904/1945: 262–263; Vendryes, 1905–1906: 218–224]. Обычно это явление иллюстрируется примерами прилагательных на *-αιος*, типа *ἀρχαῖος* («древний»), которое удерживает циркумфлекс, тогда как *βέβαιος* («прочный») перестраивает ближнюю баритонезу в дальнюю¹, подчиняясь, как это обыкновенно полагают, именно ЗВс.

Важно отметить, что явление, получившее имя «закона Вандриеса» и вполне признаваемое в большинстве авторитетных работ², имеет, однако, более, чем неабсолютный характер: он не работал в случае новых слияний (*φιλοῦμεν*), удерживался колумниальностью парадигм (*ἄρῳνα*), не действовал в случае префиксальных глаголов, неспособных переносить ударение на префикс (*παρεῖχον*) и т.д.³ Имеется и просто весьма немалое число исключений из этого закона, которые будут обсуждаться, в том числе и ниже. Кроме того, вызывает сомнение сама возможность связи ритмического (в частности, амфибрахического) устройства слова с позицией циркумфлекса; для сравнения, не вызывающий больших сомнений закон Уилера, говорит о перемещении акута в словах с *дактилическим исходом*, а не только в словах *дактилической структуры*. ЗВс, в отличие от этого, предполагается исключительно в амфибрахических словах, что не имеет хороших аналогов в греческой акцентологии и уже само по себе вызывает известные вопросы к формулировке закона⁴.

Наконец, кратко скажем о том, что в XX в. с открытием феномена морфонологизированных акцентных парадигм [Дыбо, 1973; Kiparsky, 1973] и возможностью его применения к древнегреческому [Kiparsky,

¹ К ближней баритонезе здесь и далее относятся баритоны с ударением на 2-м слоге и 3-й мере от конца (*ἀνδρεῖος* ‘мужественный’), к дальней — с ударением на 3-м слоге от конца при наличии безударной долготы во 2-м слоге от конца (*ἵππειος* ‘конный’). Подробное объяснение греческих акцентологических терминов в [Белов, 2015: Глава IV].

² См., например: [Collinge, 1985: 199–202]. Из совсем новых работ: [Gunkel, 2014; Alfageme, 2019].

³ Подробнее: [Devine & Stephence, 1994, 102]. Известный пример самого Вандриеса [Vendryes, 1905–1906] *ἐρωγε* ‘я-то’ из гипот. ***ἐρώγε* является некорректным, так как в нем смешиваются факты словесного ударения и фразового ударения при энклитиках. Сама форма ***ἐρώγε* не только не засвидетельствована ни в одном надежном тексте, но и не могла существовать по определению, точно так же, как группа *ἀγών τις* ‘какое-то состязание’ никогда не станет ***ἀγών τις*. Перенос же из *ἐρώ γε* в *ἐρωγε* объясним в терминах семантико-просодических монолитов. Подробнее об этой проблематике [Белов, 2015: 258–263; 318–332].

⁴ Этот вопрос рассмотрен [Белов, 2011; 2015: 241–249].

1973, Steriade, 1988] существенно изменилось само понимание общих принципов древнегреческой акцентуации. Теперь мы знаем [Probert, 2006: 130], что баритонеза в древнегреческом есть позиция ударения «по умолчанию»⁵, тогда как различные случаи «небаритонного» ударения могут рассматриваться как следствие воздействия на баритонезу различных морфонологических и морфологических явлений, таких как действие акцентогенных морфем или различных видов акцентных категоризаций [Белов, 2015: Глава VI]. Эти принципы оказываются сродни тем, что уже давно применяются в славистике и русистике («доминантные и рецессивные» морфемы: [Дыбо, 1973; 2000; *также* Зализняк, 1985]), и позволяют встроить древнегреческую акцентуацию в общеиндоевропейскую как ее частный и очень специфический случай.

Все эти обстоятельства опять-таки подрывают доверие к ЗВс в его традиционной формулировке. Теперь мы понимаем, что перенос ударения (рецессия) из ближней баритонезы в дальнюю — это совершенно общий процесс, легко наблюдаемый как в именах (*ἄνθρωπος* 'человек' при *ἀνήρ* 'муж'), так и в глаголах (*παιδεύω* 'воспитал', но *παιδευώς* 'воспитавший'), который не нуждается в каких-то специальных законах. (Полную баритональную рецессию мы можем наблюдать в эолийском диалекте.) А вот что реально представляет собой важную акцентологическую проблему — так это удержание окситонезы и ближней баритонезы при возможности их рецессии в дальнюю. В случае ЗВс вопрос должен ставиться не так, отчего ударение в *βέβαιος* подверглось рецессии, а так, почему в *ἀρχαῖος* и т.п. (равно как и в приведенных выше примерах *φιλοῦμεν*, *ἀγῶνα*, *παρεῖχον*) оно не рецессировало. Поскольку же данные в скобках примеры обыкновенно объясняются в морфологических и морфонологических категориях, то и объяснение случаям типа *ἀρχαῖος* и *ἀνδρεῖος* должно быть сходным.

В работах [Белов, 2011 и Белов, 2015: 241–249, 395–402] было рассмотрено и проанализировано действие закона Вандриеса для группы слов с суффиксом *-αῖος*. Результаты исследования показали разумность морфологического объяснения для удержания ближней баритонезы в словах такого типа. Установлено, что существует два типичных случая такого удержания: 1) влияние ударения производящей основы (*ἀρχαῖος* < *ἀρχή* 'начало') и 2) акцентная категоризация суффикса, принимающего на себя конкретную семантическую нагрузку (например, *-αῖος* как указание на место происхождения, проживания, национальность: *Ἀθηναῖος* 'афинянин', но *Παναθηναία* 'Панафиней'). Приложение этих двух критериев к материалу ЗВс

⁵ В новейших работах, например: [Yates, 2015] делаются попытки рассматривать рецессивное ударение как немаркированное для анатолийского и общеиндоевропейского языкового состояния.

показало, что удовлетворительно объяснить удастся до 80% случаев, что не хуже традиционного объяснения по ЗВс, который и сам имеет многочисленные исключения.

Материал исследования

В настоящей работе было продолжено это исследование и рассмотрены слова с исходом *-ειος*, *-ειον* (также *-ηιος*, *-ηιον*) с ударением во всех трёх позициях, т.е. окситонные и с ближней и дальней баритонезой. В качестве источника использовался словарь [Buck & Peterson]. Были проанализированы практически все словоформы (793), содержащиеся в данном словаре, существительные и прилагательные, в том числе имена собственные. Часть словоформ не засвидетельствованы словарями [LSJ, HD, GED] и словарем И.Х. Дворецкого [1958], использовавшимися в работе. К рассмотрению принимались словоформы от древнейших авторов, и вплоть до византийских. При этом все лексемы были разбиты на следующие шесть групп: 1) охватывающая авторов от древнейших до V BC; 2) авторы IV BC; 3) авторы III—I BC; 4) лексемы, встречающиеся у глоссатора Гесихия; 5) авторы AD и 6) словоформы датировку, которых мы не знаем.

Всего было рассмотрено 793 лексемы⁶. Лишь 14 из них — окситоны (обсуждение которых мы опускаем здесь для экономии места), тогда как все прочие — баритоны с ближней и дальней баритонезой. Тут всего мы имеем 62 для окончания *-εῖος* и 297 для *-εῖον* в ближней баритонезе и 272 и 99 соответственно в дальней баритонезе.

Данные ближней баритонезы

Анализ показал, что более продуктивными оказываются те модели, где суффикс несет отчетливо выраженную семантическую нагрузку. Для удобства дальнейшего анализа в этих группах баритонов были выделены подгруппы по семантическим признакам. Эмпирический выбор дал нам следующие типические признаки: *место* («где?»), *инструмент* («чем?»), *димиутив*, ряд типичных специфических значений (*'результат действия'*, *'награда'*, *'название праздника'*). Дальнейший анализ (см. ниже) показал, что из этих семантических групп особое значение имеет главным образом одна — *место*. Одновременно с этим определялось число слов, противоречащих правилу Вандриеса, причем как для специфически амфибрахических

⁶ К сожалению, полный объем исследования, включающий более 50 стр. одних лишь словарных таблиц с аннотациями, слишком велик для периодического издания. Будем надеяться опубликовать его полностью в дальнейшем, тогда как здесь приводим наиболее важные данные и выводы.

структур, так и для слов, имеющих один лишь амфибрахический исход. Здесь анализ показал, что число амфибрахических слов, не подчинившихся ЗВс все-таки достаточно велико 34/295, т.е. более 11% одних лишь «исключений» из ЗВс только в этой группе. Для слов с амфибрахическим исходом таких «исключений» ровно половина 148/295, т.е. мы видим, что для слов такого типа ЗВс действительно не работает.

В группу лексем на *-εῖος* входят прилагательные, в основном образованные от существительных со значением 'принадлежащий, соответствующий, относящийся' типа *γυνή: γυναικεῖος*, ('женщина': 'женский'). Из 62 рассмотренных лексем 17 (27%) имеют дактилический исход, а пять имеют амфибрахическое строение *πραεῖος* ('светло-зеленый' ср. *πράσιν* 'лук порей'), *νοθεῖος* ('принадлежащий внебрачному ребенку: *νόθος* 'внебрачный, незаконнорожденный'), противореча тем самым ЗВс. Причем в образующих лексемах в большинстве случаев мы имеем дело с дальней баритонезой и ударением, падающем на корень. Выглядит это так, как если бы при переходе лексемы в разряд прилагательного, несущего признак образующего существительного, ударение переходило бы с корня на суффикс.

В этом смысле ситуация в этой группе оказывается отличной от той, что наблюдалась для слов на *-αῖος* в парах типа *ἀρχαῖος: ἀρχή* — большая часть ударных *-εῖος* не происходит от окситонов, напоминая категоризацию ударения на суффиксе с определенным значением. Главная проблема здесь в том, что формализовать семантическое отличие слов на *-εῖος* от слов на *-ειος* (о них ниже) исключительно трудно⁷. Тем не менее можно полагать, что большая часть ударных суффиксов передает значение 'принадлежности' (*γυναικεῖος*), тогда как безударные — скорее более общий 'отличительный признак' или 'свойство/качество' (*ἱπλεῖος*).

Среди слов группы на *-εῖος* обращает на себя внимание ряд грамматических терминов (типа *ἐλεγεῖος* 'элегический'; шесть сложных со *-σπονδεῖος*). Есть небольшая группа слов, преимущественно отглагольных, не указывающих явно на принадлежность, но близкая баритонеза в которых может быть объяснена влиянием производящей основы (*θεμιστεῖος* 'воздающий по закону' < *θεμιστέω*).

Напротив, семантически яркая картина наблюдается для суффикса *-εῖον*, самой многочисленной из групп. Суффикс имеет ярко выраженную семантическую окраску. Примерно 2/3 словоформ отвечают на вопрос «где?» и имеют значение 'места, где что-либо помещается, хранится, содержится, происходит, часто сосуд'. Из них

⁷ Эта вариация подобна трудным для семантического описания случаям типа рус. *апельсиновый: апельсинный* или *водяной: водный*. Тем не менее греческий материал допускает возможность трактовать случаи с ударным и безударным *-ειος* как два разных суффикса.

половина (для периода V до Р.Х. и ранее: 32 из 61) имеют амфибрахический исход и из них 17 представляют собой амфибрахий в чистом виде (т.е. противоречат ЗВс). Менее многочисленные группы имеют значение инструментальное и в порядке убывания диминутива и результата. Для всех групп (по временным периодам) результаты имеют схожий характер. Результаты представлены в таблице. Среди словоформ имеются также сложные слова, которые по правилу для сложных слов должны были бы переносить ударение на максимально возможную левую позицию⁸, но сохраняющие тем не менее ближнюю баритонезу. Таким образом, приобретая семантическое значение, суффикс становится маркированным и притягивает на себя ударение, вне зависимости от прочих условий.

Таблица 1

Распределение по семантическим и временным группам словоформ с суффиксом -εῖον и число среди них словоформ с амфибрахической структурой

	V BC	IV BC	III–I BC	Hsch	AD	б/дат.	всего
«где?»	61	26	49	8	34	18	196
«чем?»	13	4	6	2	8	1	34
<i>dimin.</i>	6	2	8	1	—	2	19
‘награда’	4	1	—	—	—	—	5
‘результат действия’	7	—	1	—	2	1	11
<i>Agens</i>	1	1	—	—	—	—	2
‘наподобие’	—	2	2	—	—	—	4
‘праздник’	—	—	2	—	—	—	2
<i>He систем.</i>	9	1	5	4	7	12	38
Противоречат ЗВс	48	20	28	4	31	17	148
Из них чистый амфибрахий	17	6	4	2	5	—	34
Всего слов	91	33	73	14	50	34	295

Особого внимания заслуживают слова с семантикой места, которые будут специально рассмотрены в конце работы.

Данные дальней баритонезы

Дальняя баритонеза, будучи в принципе немаркированным случаем ударения, по неизбежности объединяет весьма разнородные образования. Помимо множества простых имен как подпадающих под результат ЗВс, так и нет, здесь будет обнаружено большое число сложных слов с известной с индоевропейских времен акцентной ретракцией [Белов, 2015: Глава VI], а также большое число слов трудных для описания и классификации.

⁸ Ср. прил. *κεραυνό-βολος* ‘пораженный молнией’ при сложном эпич. суш. *κεραυνό-βόλος* ‘поражающий молнией’. Подробнее: [Белов, 2015: 318–321].

Поскольку эмпирический материал здесь существенно отличен от случаев ближней баритонезы, анализ этих слов предполагал некоторые особенности. Во-первых, так как эти слова не могут быть даже теоретически рассмотрены как исключения из ЗВс, важным оказывается вопрос о том, имел ли место перенос ударения в связи с ударением в производящей основе. Во-вторых, более дробным было сделано разбиение по семантическим группам, так как выявились некоторые особые типы значений. Самым типичным значением слов этой группы явилось значение 'отличительного признака', которое дальше классифицировалось по своему объекту (*животные, растения, человек, предметы*). Помимо этого обнаружились слова с семантикой 'качества', 'материала', указания на время, местонахождение и ряд других, более частных (табл. 2). Отдельно рассматривалась просодика этих слов, стоит ли ударение на долгом или кратком гласном.

Таблица 2

Распределение по семантическим и временным группам словоформ с безударным суффиксом –ειος, наличие амфибрахических структур

		V BC		IV BC		III–I BC		Hsch		AD		б/дат.		всего
'признак или принадлежность', относящиеся к	животным	32	46	11	9	15	6	3	2	18	10	2	—	95
	растениям	1			—		2		—		4		—	
	человеку	9			2		5		1		1		—	
	предметам	4			—		2		—		3		2	
'обладающие качеством'		11		13		8		1		15		8		56
'материал'		7		—		—		2		2		2		13
связанные со 'временем суток', 'года', 'частью света'		7		—		—		2		—		—		9
'образ и подобие'		3		1		3		—		3		—		10
'принадлежащий (автору)'		—		1		—		—		—		—		1
Dimin.		—		1		—		1		—		3		5
'предназначенный, свойственный'		—		—		4		—		—		—		4
'вмещающий, мера'		—		—		1		—		1		2		4
'местонахождение'		—		—		—		—		3		2		5
неклассифицированные		21		6		—		4		9		12		52
Не амфибрахии (ударение на долгом)		46		11		14		4		26		10		111
Всего слов		95		33		31		13		49		31		252

Типичным случаем в словоформах с дальней баритонезой оказываются случаи типа *ἵπλειος* 'конский'. В большинстве своем (чуть меньше половины) это прилагательные со значением 'имеющий отличительный признак, имеющий отношение', являющийся,

по-видимому, более абстрактным, чем признак 'принадлежности'. К этой группе относятся почти все прилагательные образованные от названий животных, *τράγειος* 'козлиный' от *τράγος* 'козёл', *δορκάδειος* 'принадлежащий антилопе' от *δορκάς* 'антилопа', *δαυπόδειος* 'заячий' от *δαύπους* 'заяц, кролик' (сигнф. 'мохноногий'; сложное слово типа бахуврихи) и т.д. Остальные группы — более малочисленны. Они приведены в сводной таблице. Следующая по численности группа — сложные прилагательные типа *καλλιπάρειος* 'прекрасноланитный', которые ведут себя по правилу для сложных слов-бахуврихи. Целый ряд (9) географических терминов, сложных с *-γειος* (*μελάγγειος* — 'черноземный'). Далее идут группы слов, связанные с 'материалом' и 'подобные чему-либо'. Большинство словоформ сохраняют ударение, стоящее на корне в образующем слове, но есть словоформы образованные из окситонов, типа *λάγειος* 'заячий' от *λαγώς* 'заяц' и *χρῦσειος* 'золотой' от *χρῦσός* 'золото'. В первом случае ударение переносится на краткий слог, во втором — на долгий. И опять же мы наблюдаем, похоже, тот факт, что суффикс *-ειο-ς* в лексемах со значением 'принадлежности', 'имеющий отношение', 'материал' остается безударным независимо от квантитативного строения третьего слога от конца.

Таблица 3

**Словоформы с дальней баритонезой, не имеющие амфибрахического исхода
(ударение на долгий⁹ слог)**

Через дробь — число случаев переноса ударения (образующее — окситон)

		V BC		IV BC		III—I BC		Hsch		AD		б/дат.		всего
'признак или принадлежность', относящиеся к	животным	25/1	16/1	3/2	2/1	9/1	4/1	3/1	1	11	7	1	—	52/5
	растениям		1		—		1		—		2		—	
	человеку		7		1/1		2		1		—		—	
	предметам		1		—		2		—		2		1	
'обладающие качеством' (сложные слова)		2/1		3/3		—		—		3/2		1		9/6
'материал'		5/1		—		—		—		2		2		91
'связанные со временем суток', 'года', 'частью света'		—		—		—		1		—		—		1
'образ и подобие'		2		1/1		2		—		1		—		6/1
'принадлежащий (автору)'		—		1/1		—		—		—		—		1/1
Dimin.		—		—		—		—		—		—		—

⁹ Здесь и далее под «долгим» разумеется «метрически долгий», т.е. тяжелый слог, в том числе закрытый с кратким гласным.

	V BC	IV BC	III—I BC	Hsch	AD	б/дат.	всего
‘предназначенный, свойственный’	—	—	2/2	—		—	2/1
‘вещающий, мера’	—	—	1	—	—	—	1
‘местонахождение’	—	—	—	—	2	—	2
неклассифицированные	12/1	3/1	—	—	7	6/1	28/3
Всего слов	46/4	11/8	14/3	4/1	26/2	10/1	111/19

Как следует из табл. 3, большинство слов сохраняют исходное ударение. Однако в 17% оно переходит из окситонезы производящего слова в крайнюю левую позицию. Например *λάγεις* ‘заячий’ от *λαγός* ‘заяц’, *στρούθειος* ‘воробьиный, страусовый’ от *στρουθός* ‘воробей, страус’. Объяснение подобным случаям в других словообразовательных группах через потерю акцентогенности суффикса (например, по аналогии) приводится, например, в [Steriade, 1988; Probert, 2006].

Таблица 4

Распределение по временным и семантическим группам словоформ с безударным суффиксом —ειον (дальняя баритонеза)

	V BC	IV BC	III—I BC	Hsch	AD	б/дат.	всего
«где?»	3/2	1/1	3/2		1	1/1	9/6
«чем?» (инструм.)	—	—	1	—	—	—	1
<i>Dimin.</i>	15/8	5/2	4/1		1	4	29/11
Названия растений и их сок	—	—	7/5	—	4/3	1/1	12/9
‘Результат действия’	—	2	—	—	—	—	2
‘Часть, качество’	—	—	—	—	4	—	4
«как?» (‘образ и подобие’)	1	—	1	—	—	—	2
‘приношения, празднества’ (особ. по имени основателя)	—	—	7/5	—	1	1	9/5
Не классифицированные	6/2	—	4/1	—	6/2	4/2	20/7
Ударение на долгий слог	12	3	14	8	5	4	46
Всего слов	25	8	27	12	17	11	100

Через «/» приведено число словоформ с ударением на долгий слог, т.е. не имеющих амфибрахического исхода и которые по логике закона Вандриеса должны сохранять ударение ближней баритонезы. Это такие слова, как *κοῦρειον* ‘жертва за мальчика’ (*κοῦρος* ‘мальчик’) или *κῶνειον* ‘цикута’. Также имеется незначительное (6) число слов, в которых дальняя баритонеза предпочтена ближней даже при том, что в производящем слове была окситонеза. Самый интересный пример — *μαλάχεια*, *τά* ‘моллюски’ при *μαλαρός* — ‘мягкий, нежный’; примечательно, что это слово имеет исход в амфибрахий. Есть несколько

слов, подчиняющихся законам сложных слов (*Πάνθειον* — 'храм всех богов', *πρωταίχμεια* — 'первая добыча').

Вариации в баритонезе

Рассмотрим теперь соотношение семантики словоформ с исходом *-ειον* для ближней и дальней баритонезы.

Как уже было отмечено, самым характерным значением было значение места. Мы видели выше, что слова такого типа предпочитают ударный *-εῖον* даже в тех случаях, когда производящее слово не было окситоном. Всего слова со значением места составляют две трети случаев с ударным *-εῖον*. 10 слов, однако с данной семантикой имеются и для дальней баритонезы. Рассмотрим каждый случай индивидуально.

Две лексемы (*ζήτηρειον* = *ζητρεῖον* — 'место наказания рабов' и *φυλαγεῖον* = *φυλάκειον* — 'караулка' (помещение) от *φύλαξ* — страж) встречаются в обоих вариантах.

Λύκειον 'Ликий' происходит от соседства с храмом Аполлона Ликийского (*Λύκειος*) и не несет очевидной семантики места. Вторично значение места в *ἀνώγειον* 'верхний этаж'.

Πάνθειον ('Храм всех богов') является на самом деле прилагательным и подразумевает определяемое *ἱερόν* — 'святилище' (всех богов). Примечательно, что это сложное слово. Кроме того, это слово можно рассматривать как прилагательное со значением принадлежности с характерной дальней баритонезой. То же можно отнести и к *ἀνώγειον* (верхний этаж, горница). Для *ζώστειον* = *ζήτηρειον* ('место, где подвергались наказанию рабы') можно предположить аналогию. Имеется еще четыре слова с дальней баритонезой и очевидным значением места, которые можно рассматривать как некие исключения. Это *κέστρειον* — 'склад для *κέστροι*', арсенал, *κέστρος* — вид стреломёта, *μελίσσειον* — 'улей', *ἐπικαλάμεια*, *τά* — тростниковое поле (*καλάμη* — 'тростник', 'соломина'), *πρακτόρειον* — помещение сборщика податей, *πράκτωρ* — 'сборщик податей'. Примечательно, что фактически во всех этих случаях ударение или следует ударению производящей основы, или подчиняется правилу сложных слов.

Особого внимания заслуживает ряд парных словоформ имеющих в источниках с дальней и ближней баритонезой. Они вполне очевидно показывают тенденцию: ближняя баритонеза вновь типична для обозначения места и вместилища, тогда как дальняя отображает более общие или абстрактные семантические свойства. Так, *χαλκειος* — 'медный (бронзовый)' вообще, тогда как *χαλγεῖον* — 'кузнечная мастерская, кузница', а также 'медный сосуд', 'рефлектор светильника'.

Парные случаи ближней/дальней баритонезы
Жирным выделены слова со значением 'места'

<i>μίλτειον</i>	‘сосуд для сурика, охры, киновари’
<i>μίλτειος</i>	‘сделанный из сурика, охры, киновари’
<i>ἐφηβείον</i>	‘главный двор или площадка палестры’
<i>ἐφήβειος</i>	‘юношеский (вообще)’
<i>ἱεραγεῖον</i>	‘святилище ястреба’
<i>ἱεράκειος</i>	‘ястребиный’
<i>ἀνθρώπειος</i>	‘человеческий’
<i>ἀνθρώπειον</i>	‘человеческая природа’
<i>ἀνθρώπεια, τὰ</i>	‘человеческие дела’
<i>πολυανθρώπειον</i>	‘общая могила’ (NB: вопреки баритонезе в сложных словах!)
<i>ὀρνίθειος</i>	‘птичий’
<i>ὀρνίθεια, τὰ</i>	‘птичье мясо’
<i>ὀρνιθεῖον</i>	‘птичий базар, гнездовье’
<i>θύννεια, τὰ</i>	‘тунцовое мясо’
<i>θύννειος</i>	‘тунцовый’
<i>θυννεῖον</i>	‘тунцовые места’ (для рыбалки)
<i>κεράμειος</i>	‘глиняный’
<i>κεραμεῖον = κεραμῆϊον = κεράμιον</i>	‘гончарная мастерская’
<i>χρύσειος = χρύσεος</i>	‘золотой’
<i>χρυσεῖον</i>	‘золотой рудник’
<i>ὄνειος</i>	‘ослиный’
<i>ὄνειον</i>	‘ослиное стойло’
<i>φυλάκεια, τὰ</i>	‘караульный отряд из 4-х чел.’
<i>φυλακεῖον</i>	‘сторожевой пост’
<i>οὐρείος, ὄρειος</i>	‘горный’
<i>οὐρεῖον</i>	‘крепость’ (возм., ‘форт’)
<i>πάνειος</i>	‘относящийся, принадлежащий Пану’
<i>πανεῖον</i>	‘святилище Пана’
<i>πάνεια, τα</i>	Празднество Пана (на Делосе)

Некоторые типичные случаи корреляции ударения и семантики

Помимо указанного выше, обнаруживаются и некоторые другие тенденции связи ближней/дальней баритонезы с семантикой, которые мы за недостатком места просто перечислим здесь¹⁰.

1. Словоформы с семантикой ‘instrumentum’ обыкновенно относятся к ближней баритонезе. *πυρεῖον* — ‘горючий материал’, ‘огниво’,

¹⁰ Их уместно сравнить с другими известными науке «семантическими» переносами греческого ударения, подсказанные анонимным рецензентом работы, например: *λεῦκος* ‘белый’ — *λεῦκος* ‘белый тополь’, *λεύκη* ‘белорыбца’; *σωζόμενος* ‘спасающийся’: *Σωζόμενος* — имя собственное Созомен. См. также [Белов, 2015: 239]. Важно отметить, что все эти случаи могут рассматриваться не только как знаковое передвижение ударения влево, но и как семантическая потеря окситонезы.

γραφεῖον — палочка для письма. И лишь одна лексема ἀπολάβειον — ‘скоба, зажим, тиски’ — к дальней. Ближней баритонезой типично передаётся название награды, мыслимое как результат некоего действия или качества: ἀριστεῖον — награда за доблесть, памятник (ἄριστος — ‘лучший’), βραβεῖον — награда на состязании, приз (βραβεύς — ‘судья на играх’).

2. Названия растений, их сок, названия мелких животных и птенцов, а также уменьшительные типично передаются дальней баритонезой: χελιδόνειον — ‘ласточкин птенец’ и, также, ‘чистотел’ (χελιδών — ласточка); κοράκειον — ‘фиги чёрные (как ворон)’, (κόραξ — ‘ворон’), μυρμηκειον — разновидность φαλάγγιον — ядовитых пауков (μύρμηξ — муравей). Вопрос, считать ли это отдельной функцией дальней баритонезы или просто немаркированной акцентуацией, не может быть решен сразу.

3. Дальней баритонезой передаются также названия празднеств, соревнований, приношений, денежных пожертвований и фондов (обычно это отыменные образования): κοῦρειον ‘жертва, приносимая за мальчика’ (κοῦρος — юноша, мальчик), φιλονίδειον празднество Филонида, ἐχενίκειον — приношение Эхинекея.

3. Уменьшительные могут передаваться также и ближней баритонезой, но число зафиксированных лексем в два раза меньше. Например κυμβεῖον — ‘небольшая чаша, чашка’ (κύμβη — ‘чаша’), ρίζεῖον — ‘корешок’ (ρίζα — ‘корень’), φυλλεῖον — ‘салатные травы, кухонная зелень’ (φύλλον — ‘листва’).

Заключение

Проведенный анализ показал наличие морфологической и семантической зависимости позиции ударения в рассмотренных словах. Мы видим, что морфосемантические механизмы переноса и удержания ударения одинаковы для слов амфибрахической структуры и для слов иного строения, что позволяет усомниться в объяснительной силе «закона Вандриеса» для слов на -ειος и особенно -ειον. В сочетании же с современными положениями общей теории греческого ударения и данными других исследований поиск альтернативных ЗВс вариантов объяснения видится предпочтительным.

Список литературы

Словари

1. Buck & Peterson — Buck C.D. Petersen W. A Reverse Index of Greek Nouns and Adjectives arranged by terminations with brief historical introductions. Chicago, 1945.

2. GED — *Beekes R.S.P.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden, 2009.
3. HD — *Autenrieth G.G.* Homeric Dictionary. L., 1984.
4. LSJ — *Liddel H.G., Scott R., Johnes H.S.* Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
5. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. М., 1958.

Научная литература

6. *Белов А.М.* О «законе Вандриеса» в системе древнегреческой баритонезы // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XV. СПб, 2011. С. 39–49.
7. *Белов А.М.* Древнегреческая и латинская просодика (мора, ударение, ритмика). М., 2015.
8. *Дыбо В.А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецовские чтения. М., 1973. С. 8–9.
9. *Дыбо В.А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.
10. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
11. *Alfageme I.R.* “Vendryes’ Law” // Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics, Managing Editors Online Edition: First Last. [Brill: 2019] URL: <http://dx.doi.org/10.1163/2214-448X_eagll_SIM_00000544> (accessed: 26 March 2019).
12. *Collinge N.* The Laws of Indo-European. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1985.
13. *Devine A.M. & Stephence L.D.* The Prosody of Greek Speech. Oxford University Press, 1994.
14. *Gunkel D.* Accentuation // Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics. Vol. 1: A–F. Ed. Georgios K. Giannakis et al. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 7–12.
15. *Kiparsky P.* A propos de l’histoire de l’accentuation grecque // Languages. 1967. 8. P. 73–93.
16. *Kiparsky P.* The inflectional accent in Indo-European // Language. 1973. 49. P. 794–849.
17. *Probert Ph.* Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory. Oxford, 2006.
18. *Steriade D.* Greek accent: a case for preserving structure // Linguistic Inquiry. 1988. 19. No. 2. P. 271–314.
19. *Vendryes J.* Traité d’accentuation grèque. Paris, 1945/1904.
20. *Vendryes J.* L’Accent de ἔως and la loi des propérismènes en attique // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1905–1906. 13. P. 218–224.
21. *Yates A.D.* Anatolian Default Accentuation and Its Diachronic Consequences // Indo-European Linguistics. 2015. 3. P. 145–187.

Alexius Belov, Natalia Magnitskaya

REVISITING THE VENDRYE'S LAW: THE WORDS WITH -ΕΙΟΣ/-ΕΙΟΝ

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences,
1–1, Bol. Kislovsky per., Moscow, 125009*

The paper continues the research [Belov, 2011] on the Vendrye's law in Greek, which discusses nouns and adjectives ending in -αιος. Using the terms *accent paradigms* and *longer* and *shorter* barytonese, this paper discusses a new corpus of words ending in -ειος, -ειον. An analysis shows that new data supports the basic theoretic conclusions of the previous work: the shift from shorter to longer barytonese happens not according to the Vendrye's law, but according to more common principles of accent recession. The retention of accent is attributed to morphosemantic characteristics of Greek accent types.

Key words: ancient Greek accent; accentology; Vendrye's law; accent paradigms.

About the authors: *Alexius Belov* — Prof. Dr., Department of General and Historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: indogermanica@yandex.ru); *Natalia Magnitskaya* — PhD in Physics (e-mail: magnitskayann@gmail.com).

References

Dictionaries

1. Buck & Peterson — Buck C.D. Petersen W. *A Reverse Index of Greek Nouns and Adjectives arranged by terminations with brief historical introductions*. Chicago: University of Chicago Press (Cambridge: University Press), 1945.
2. Dvoretzkiy, 1958 — Dvoretzkiy I.Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar'* [Greek-Russian Lexicon]. Vol. I–II. Moscow, 1958. (In Russ.)
3. GED — Beekes R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden: Brill, 2009.
4. HD — Autenrith G.G. *Homeric Dictionary*. London: Duckworth, 1984.
5. LSJ — Liddel H.G., Scott R., Johnes H.S. *Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Papers and Monographs

6. Alfageme I.R. (2019). Vendryes' Law. *Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics*, Managing Editors Online Edition: First Last. [Brill, 2019] URL: <http://dx.doi.org/10.1163/2214-448X_eagll_SIM_00000544> (accessed on 26 March 2019).
7. Belov A.M. O “zakone Vandriesa” v sisteme drenegrecheskoi baritonezy [On the Vendryes's Law in barytonic positions in Greek]. *Indoevropeiskoe yazykoz-*

- nanie i klassicheskaya filologiya* — XV. Sankt-Petersburg: Nauka Publ., 2011, pp. 39–49.
8. Belov A.M. *Drevnegrecheskaya i latinskaya prosodika (mora, udarenie, ritmika)* [Greek and Latin Prosody: mora, accent, rhythemics]. Moscow: Academia Publ., 2015. (In Russ.)
 9. Collinge N. *The Laws of Indo-European*. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1985.
 10. Devine A. M. & Stephece L.D. *The Prosody of Greek Speech*. Oxford University Press, 1994.
 11. Dybo V.A. Balto-slavyanskaya aktsentnaya sistema s tipologicheskoi tochki zreniya i problema rekonstruktsii indoevropskogo aktsenta. *Kuznetsovskie chteniya*. Moscow, 1973, pp. 8–9.
 12. Dybo V.A. *Morfonologizovannye paradigmicheskie aktsentnye sistemy. Tipologiya i genezis* [Morphologicalized Paradigmatic Accent Systems. Genesis and Typology]. Vol I. M.: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. (In Russ.)
 13. Gunkel D. Accentuation. *Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics*. Vol 1: A–F. Ed. Georgios K. Giannakis et al. Leiden; Boston: Brill, 2014, pp. 7–12.
 14. Kiparsky P. Á propos de l'histoire de l'accentuation grecque. *Langages*, 8, 1967, pp. 73–93.
 15. Kiparsky P. The inflectional accent in Indo-European. *Language*, 49, 1973, pp. 794–849.
 16. Probert P. *Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory*. Oxford University Press, 2006.
 17. Steriade D. Greek accent: a case for preserving structure. *Linguistic Inquiry*, 19, No. 2, 1988, 271–314.
 18. Vendryes J. *Traité d'accentuation grecque*. Paris: Klincksiek, 1945/1904.
 19. Vendryes J. L'Accent de ἔγῳγε et la loi des propérispomènes en attique. *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*, 13, 1905–1906, pp. 218–224.
 20. Yates A.D. Anatolian Default Accentuation and Its Diachronic Consequences. *Indo-European Linguistics*, 3, 2015, pp. 145–187.
 21. Zaliznyak A.A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Proto-Slavic accentuation to the Russian accentuation]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (In Russ.)

И.В. Тресорукова

**АНТРОПОНИМИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ:
ΣΠΙΤΙ ΧΩΡΙΣ ΓΙΑΝΝΗ ΠΡΟΚΟΠΗ ΔΕΝ ΚΑΝΕΙ¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1, Россия*

В свете малоизученности проблемы актуализации антропонимов в греческой фразеологии представляется актуальным рассмотреть, как функционирует во фразеологических конструкциях имя собственное (ИС) *Γιάννης*, одно из самых распространенных в греческом языке. Данное ИС относится к собственно антропонимам, в которых отображаются этнопсихологические особенности носителя языка.

При анализе антропонима *Γιάννης* выявляются его денотативные, референтные и сигнификативные признаки, составляющие его ядро, а в результате анализа материала из корпусов текстов греческого языка, толковых и тематических словарей, содержащих фразеологические единицы (ФЕ) греческого языка, вычленено 58 случаев уникального употребления данного антропонима во ФЕ, где отмечаются варианты имени: *Γιάννης/Γιάννος/Γιαννάκης*, которые принимаются нами как единое ИС в различных формах. Среди скомпонованной группы ФЕ выделяются три категории фразеологизмов: идиомы, синтаксические фразеологизмы и паремии. Наибольшее количество приходится на долю идиом (среди которых, главным образом, присутствуют речевые формулы), затем следуют паремии и синтаксические фразеологизмы.

В статье семантика антропонима рассматривается как феномен с полевой устроенностью, анализируется его ядро и периферия, состоящая из эмотивно-оценочного, коммуникативно-ситуативного и культурно-исторического признаков антропонима. В результате подробного разбора ИС в составе ФЕ отмечается, что при анализе сферы эмотивно-оценочных признаков больше всего ФЕ описывают такую черту характера человека, как глупость, затем следуют ФЕ, обозначающие сходство, эгоизм, лень, целеустремленность и утрату способности логично рассуждать. **Коммуникативно-ситуативные признаки периферии поля антропонима содержатся в ФЕ, используемых для обозначения реакции при акте коммуникации: пренебрежения,**

Тресорукова Ирина Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: itresir@mail.ru).

¹ В заглавие статьи вынесена греческая поговорка, которая буквально переводится как «Дом без Яниса не будет развиваться» и употребляется для обозначения важности некоего человека или события для успеха всего дела.

похвалы, одобрения, положительной или отрицательно оценки происходящего и пр. Культурно-исторический признак периферии поля данного антропонима содержится в ФЕ, тесно связанных с православными и культурными традициями греческого народа. Все ранее сказанное позволяет сделать вывод, что данный антропоним в полной мере отражает национально-культурные особенности греческого народа и специфику национального самосознания, что говорит о включенности данного антропонима в общую фразеологическую картину мира носителя греческого языка, которая, в свою очередь, демонстрирует все своеобразие греческой языковой картины мира.

Ключевые слова: антропоним; фразеология; семантика онима; греческий язык.

Введение

Антропонимику фразеологического фонда в целом и паремиологического в частности на материале разных языков изучали такие ученые, как Г.Л. Пермяков [Пермяков, 1988], О.Е. Фролова [Фролова, 2005] и др., в работах которых отмечается важная роль личных имен в культуре разных народов. Тем не менее проблема актуализации антропонимов в греческой фразеологии в целом является на сегодняшний день малоизученной. Как отмечает А.А. Потеня, «чем далее в старину, тем обычнее и крепче вера в способность слова одним своим появлением производить то, что им означено» [Потеня, 1894: 68]. Дж. Фрезер подчеркивает, что для первобытного мышления «связь между именем или лицом, которое оно обозначает, является не произвольной и идеальной ассоциацией, а реальными, материально ощутимыми узами, соединяющими их столь тесно, что через имя магическое воздействие на человека оказать столь же легко, как через волосы, ногти или другую часть его тела» [Фрезер, 2003: 261]. По словам В.Н. Топорова, «люди были убеждены в том, что, назвав явление, предмет, они тем самым приобретали над ним власть. Особенно важная роль в мифологиях, связанных с земледелием и домашним хозяйством, принадлежала именам собственным. Известно, что имя собственное в мифологическом сознании воспринималось как часть конкретного носителя, было тесно связано с ним и даже заменяло его» [Топоров, Иванов, 1974: 48].

Для ономастики существенную роль играет разделение имен нарицательных (ИН), или аппеллятивов, и имен собственных (ИС), поскольку именно это позволяет говорить об отдельном объекте ее изучения. Онимы, по определению А.В. Суперанской, не связаны непосредственно с понятием; основное их значение заключено в их связи с денотатом, и они являются слоем лексики, не требующей перевода [Суперанская, 1973: 66]. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «поскольку онимы — это слова, то они не могут не иметь значений

как вербализованного отражения в нашем сознании объекта именования» [Алефиренко, 1998: 168], следовательно, они имеют ономастическое значение с собственной спецификой. Для нашей работы мы выбираем классификацию онимов, предлагаемую А.В. Суперанской [Суперанская, 1973: 71], согласно которой они включают следующие классы ИС:

— антропонимы, которые представляют собой наиболее распространенные в данном языковом пространстве имена и фамилии как простых людей, так и исторических личностей или мифологических персонажей (ср., например, в греческом языке *Γιάννης* (*Yanis* пер.² *Янис*), *Μαρία* (*María* пер. *Мария*), *Καραϊσκάκης* (*Karaiskakis* пер. *Карайскакис*³) и пр.);

— топонимы, включающие наименования городов, рек, гор и пр. (ср., например, в греческом языке *Αθήνα* (*Athina* пер. Афины), *Γάννηνα* (*Yanena* пер. *Янины*) и пр.);

— этнонимы, включающие наименования стран и народов, их населяющих (ср., например, в греческом языке *Αλβανία* (*Alvania* пер. *Албания*), *Αρμενία* (*Armenia* пер. *Армения*), *Αμερικάνος* (*Amerikanos* пер. *Американец*) и пр.).

Во фразеологических единицах (ФЕ) ИС приобретают черты апеллативности, о чем свидетельствуют их всевозможные парадигматические свойства [Бушуй, 2005: 17], такие, как наличие или отсутствие определенного артикля, наличие неопределенного артикля, который выступает в классифицирующем значении, что придает ИС обобщенный характер, а также возможность их употребления в форме множественного числа.

Антропонимы, которые, как уже было сказано, содержат имена и фамилии различных людей, мы разделяем на следующие подгруппы:

— наиболее распространенные имена и фамилии представителей данной этнической группы, не являющиеся прецедентными (собственно антропонимы, ср. *Γιάννης* (*Yanis* пер. *Янис*), *Μαρία* (*María* пер. *Мария*), *Νικόλας* (*Nikolas* пер. *Николас*) и пр.);

— имена мифологических персонажей и божеств, почитаемых в иных религиях (мифонимы, ср. *Πηνελόπη* (*Pinelopi* пер. *Пенелопа*), *Αριάδνη* (*Ariadhni* пер. *Ариадна*) и пр.), и библейских персонажей и христианских святых (библионимы⁴, ср. *Αδάμ* (*Ádam* пер. *Адам*), *Άγιος Νικόλας* (*Aghios Nikolas* пер. *Святой Николай Угодник*));

² Здесь и далее «пер.» — перевод.

³ Все примеры здесь и далее приведены автором данной статьи.

⁴ Термины «библионимы», «историонимы» созданы нами по аналогии с терминами «антропоним», «мифоним» и др.

— имена исторических деятелей (историонимы, ср. *Καραϊσκάκης* (*Karaiskakis* пер. *Караускакис*), *Λάμπρος Κατσώνης* (*Lambros Katsonis* пер. *Ламброс Кацонис*) и пр.)

— имена-неологизмы и окказионализмы (*Αγγελικούλα* (*Angelikula* пер. Ангеликула), *Μιχαλού* (*Mikhalu* пер. Михалу), *Λιος* (*Lios* пер. *Льос* (искаженное *Илиас*)) и пр.)⁵.

Как пишет Е.В. Колодочкина, в ономастических ФЕ «находят свое отражение этнопсихологические особенности носителя языка, чем и обусловлен отбор имен собственных в процессе образования ФЕ» [Колодочкина, 2004: 168]. Основными источниками при этом являются как интернациональный культурный фонд (куда включаются такие источники, как античная история, мифология, библейские сюжеты), так и национальный культурный фон (источниками являются национальная история, литература, искусство и фольклор).

С точки зрения семантики все онимы, и антропонимы в том числе, мы разделяем на узуальные и окказиональные. *Узуальные* (или константные) образовались на ранней стадии формирования человеческого сознания и доступны пониманию разных народов и национальностей (ср., например, в греческом языке прилагательное *αδαμιαίος* (*adamieos* пер. *принадлежащий Адаму*), производное от библионима *Αδάμ* и используемое для метафорического обозначения голого человека: *με αδαμιάα περιβολή* (*me adamiea perivoli* пер. *в костюме Адама*, ср. аналог. рус. *в костюме Адама*)). Окказиональные представляют собой отражение свойств и качеств, которые приписывает онимам человек [ср., например, Петрова, 1996: 29]: ср., напр., *τι Γιάννης τι Γιαννάκης* (*ti Yanis ti Yanakis* пер. *Что Янис, что Янакис*)⁶. Узуальным символам присуще постоянство и стойкость признака, а окказиональные символы, обладая динамическим характером символики, сужают или расширяют сферу своего применения, постепенно теряя ассоциативные связи [там же: 29]. При этом у каждого народа может быть своя окказиональная символизация [Черданцева, 1996: 132], и это связано с различным восприятием окружающего мира и разнообразием культур. Различные антропонимы формируют так называемое образное лексико-фразеологическое поле, где каждая лексема фигурирует в различных значениях, которые объединяются на основании единого исходного мотивирующего образа. В свою очередь, ФЕ, включающие узуальные или окказиональные онимы, также приобретают характер узуальности или окказиональности.

⁵ Данная группа представляет собой ИС, которые являются искаженными формами распространенных ИС и употребляются в конкретных ФЕ, более нигде практически не встречаясь.

⁶ См. ниже подробный разбор этого фразеологизма.

Антропоним *Γιάννης* в греческой фразеологии

В связи с малоизученностью функционирования антропонимов во ФЕ греческого языка представляется интересным и актуальным проанализировать один их самых популярных собственно антропонимов греческой фразеологии, а именно ИС *Γιάννης* (*Yanis* пер. *Янис*).

Как пишет А.Г. Широков, семантика любого ИС представляет собой совокупность референтного, денотативного и сигнификативного компонентов, составляющих ядро значения, а также коннотативных смыслов, образующих его периферию [Широков, 2002: 10]. Этой точки зрения придерживается и Н.Ф. Алефиренко, выделяя референтное значение (индивидуальный признак, благодаря которому объект выделяется из группы себе подобных), денотативное (общий признак однородных субъектов) и сигнификативное значения (знание о существовании предмета или явления и тех признаках, которые отличают его от других объектов) [Алефиренко, 2005: 203–210]. Все это и формирует ядро значения онима в целом и антропонима в частности.

При анализе антропонима *Γιάννης* мы установили, что денотативный компонент его семантики представлен семой отнесенности к классу «имя человека». Референтный компонент указывает на конкретный именуемый объект с большой вероятностью обобщения его значения, а сигнификативный компонент включает в себя сему одного из самых распространенных на территории Греции мужских имен (ср., напр., определение, которое дается данному имени в толковых словарях греческого языка: *κοινό ανδρικό όνομα* (пер. *распространенное мужское имя*) [Χρηστικό, 2014: 366]. Кроме того, согласно исследованию, проведенному в 2009 г. (в редакции 2013 г.)⁷, имя *Γιάννης/Ιωάννης* (*Yanis/Ioannis* пер. *Янис/Иоаннис*) встречается 373184 раза и находится на четвертом месте по частоте появлений в Реестре граждан Греции. По всей видимости, такая популярность имени связана с почитанием св. Иоанна Предтечи, праздник которого в православной церкви отмечается семь раз в год, а также и других отцов церкви, таких, как св. Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Русский, Иоанн Дамаскин, которые весьма почитаемы в Греции.

В общей сложности после проведенного анализа корпусов текстов греческого языка (ΕΘΕΓ, eITenTen), толковых словарей (например, [Μλαμπινιώτης] [Χρηστικό]) и различных тематических словарей, содержащих ФЕ греческого языка (ср., например, [Πολίτης], [Μερακλής], [Σαραντάκος] и пр.), вычленено 58 случаев

⁷ URL: <http://www.foundalis.com/grk/EllinikaOnomata.html>

уникального употребления этого ИС в различных фразеологических структурах в различных вариантах имени: *Πάννης/Πάννος/Παννάκης* (*Yanis/Yanos/Yanakis* пер. Янис/Янос/Янакус), которые мы будем принимать в дальнейшем как одно ИС в различных формах.

В результате анализа греческих корпусов текстов было выявлено, что в современном греческом языке имя *Πάννης* может употребляться в качестве нарицательного существительного, что указывает на референтность (обобщение значения ИС) данного антропонима, ср., например: *Η Ελλάδα χρειάζεται όλους τους Πάννηδες που αισθάνονται και θέλουν να είναι Έλληνες* (*I Ellada khriazete olus tus Yanides pu esthanonte ke thelun na ghinun Ellines* пер. Греция нуждается во всех Янисах, которые ощущают себя и хотят быть греками)⁸, т.е. в данном случае ИС употребляется для обозначения людей в целом, которые обладают греческим самосознанием и хотят стать достойными гражданами Греции. Следует также отметить, что ИС *Πάννης* используется для формирования производного существительного *στραβόγιαννος* (*stravouanos* досл. косоглазый Янис), которое встречается в ВМФ Греции для жаргонного обозначения новобранцев⁹. Все это позволяет говорить о метафорически обобщенном восприятии данного ИС в контексте греческого языка, что нашло свое отражение и во ФЕ.

Следуя полевой устроенности семантики антропонима, отметим, что периферию семантики составляют такие коннотативные смыслы, как социально-оценочный, эмотивный, культурно-исторический, региональный и эстетический [Алефиренко, 2005: 210; Головина, 2012: 27]. Сюда следует добавить прагматический компонент [Крюкова, 2011: 143], который представляет собой всю сумму коннотативных признаков [Скляревская, 1997: 6], формирующих прагматическую зону семантики антропонимов. Таким образом, мы оцениваем периферию антропонима в составе ФЕ по следующим признакам:

- эмотивно-оценочному;
- коммуникативно-ситуативному;
- культурно-историческому.

В данную классификацию коннотативных признаков мы целенаправленно не включаем эстетический аспект, наблюдаемый только в диалектном материале, так как в своем исследовании рассматриваем наиболее распространенные фразеологические конструкции с антропонимом *Πάννης* и не включаем региональные и диалектные варианты.

⁸ URL: http://doryforos-europa.blogspot.com/2013_06_30_archive.html

⁹ Ср. аналогичные сложные существительные, производные от ИС: *τρελαντόνης* (*trelandonis* досл. сумасшедший Андонис), *ψευθοδόδος* (*psefthodhoros* досл. врунишка-Тодорос), *γερολάζαρος* (*gherolazaros* досл. старый Лазарос) и пр.

Как уже сказано, было выявлено 58 уникальных ФЕ (без учета региональной вариативности и диалектных ФЕ), содержащих рассматриваемый антропоним (из 120 ФЕ с антропонимами, собранными при анализе корпусов текстов), из которых наиболее частотными по употребляемости являются 30 узуальных ФЕ¹⁰, остальные являются малоупотребительными (упоминаясь в различных сборниках паремий (ср., например, сборник Н. Политиса: *επιήκει ο Γιόργης στο χωριό και απάντησε τον Γιαννιό* (*Bike o Yiorghis sto khorio kai apandise ton Yano*) досл.¹¹ *Вошел Йоргис в деревню и встретил Яноса*, что соответствует русской пословице *Рыбак рыбака видит издалека*) или окказиональными (ср., например: *Όπου αχούς Μαρία και Γιάννη βάλε ψάρι στο τηγάνι* (*Opi akus Maria ke Yani vale psari sto tighani*) досл. *Когда слышишь <имена> Мария и Янис, клади рыбу на сковородку*). Данная паремия означает, что по церковной традиции по средам и пятницам держат пост на рыбу и мясо, если эти дни не совпадают с богородичными праздниками и праздником Св. Иоанна).

Среди скомпонованной группы ФЕ выделяются три категории фразеологизмов: идиомы, синтаксические фразеологизмы и паремии (классификация ФЕ проводится по теории Баранова — Добровольского [Баранов, Добровольский: 44]). Наибольшее количество приходится на долю идиом (среди которых главным образом присутствуют речевые формулы) (15 из 30), затем следуют паремии (11 из 30) и синтаксические фразеологизмы (4 из 30).

При анализе коннотативных признаков антропонима в составе ФЕ выявляются следующие группы значений:

— эмотивно-оценочный признак: схожесть людей по определенным чертам характера, проявление целеустремленности, глупости, лени, эгоизма, сумасшествия (всего 17 ФЕ из 30 рассматриваемых);

— коммуникативно-ситуативный признак: похвала, высказываемая собеседнику; пренебрежение по отношению к людям незначительным или к людям, которые оказали помощь и в дальнейшем стали ненужными; положительная или отрицательная оценка ситуации или ее неизменность; стремление выдать желаемое за действительное или нечто общеизвестное за уникальное;

— культурно-исторический признак: церковные праздники и православные святые (в том числе св. Иоаннис) в повседневной жизни.

При анализе сферы эмотивно-оценочных признаков больше всего ФЕ (9 из 30) описывают такую черту характера человека, как глупость: ср., например, *Σαρανταλέντε Γιάννηδες ενός κοκόρου γνώση*

¹⁰ Частотность выявлена по корпусам текстов eTenTen, EΘΕГ и поисковым системам Google, Yahoo.

¹¹ Здесь и далее *досл.* означает дословный перевод.

(*Saranda pende Yanides enos kokoru gnosi* досл. *Сорок пять Янисов, знание одного небуха*), что соответствуют русскому *У семи нянек дитя без глаза*, или *Αν είχαν οι Πάννηδες γνώση, θα μας δάνειζαν καμπόση* (*An ikhan i Yanides gnosi, tha mas danizan kambosi* досл. *Если бы у Янисов были знания, они бы нам одолжили немного*). Для обозначения глупости используются также синтаксические фразеологизмы, где ИС *Πάννης* остается неизменным (или присутствует во второй части в качестве уменьшительной формы *Παννάκης* (*Yanakis*), пер. *Янакус*, ср. рус. *Ванечка*) и меняются только глаголы или частицы: ср., например, *Πάννης πήγες Πάννης ήρθες* (*Yanis pighes Yanis irthes* досл. *Ты <как> Янис пошел, <как> Янис пришел*), где чередуются глаголы *πήγες/ήρθες* (*pighes/irthes* пер. *пошел/пришел*). или *Τι Πάννης, τι Παννάκης* (*Ti Yanis ti Yanakis* досл. *Что Янис, что Янакус*), или *Δεν είναι Πάννης — είναι Παννάκης* (*den ine Yanis ine Yanakis* досл. *Это не Янис, это Янакус*).

Сходство между людьми описывают следующие ФЕ (3 из 30 узуальных): *κατά το μαστρο-Πάννη και τα κοπέλια του* (*kata to mastro-Yani ke ta kopelia tu* досл. *По хозяину-Янису и его мальчики*), ср. русс. *Яблоко от яблоньки недалеко падает*; *Απ'τον Πάννη και τον Λιο τύφλα να'χουνε κι οι δυο* (*Ap'toYani ke ton Lio tifla na'khune ke i dio* досл. *Из Яниса и Льоса (= Илиас) оба слепы*); *Έξω Πάννης, μέσα Σουλεϊμάνης* (*Ekso Yanis mesa Suleimanis* досл. *Снаружи Янис, внутри Сулейман*).

Эгоизм выражается при помощи ФЕ (2 из 30) *Όλοι μιλούν για τ'άρματα και ο Πάννης για την πίτα* (*Oli milun gia t'armata ke o Yanis gia tin pita* досл. *Все говорит про танки, а Янис про пирог*), ср. русс. *Кто про что, а вишый про баню* или *Πάννης κερνάει και Πάννης πίνει* (*Yanis kerna ke Yanis pini* досл. *Янис угощает и Янис пьет*).

Весьма распространенной является пословица для обозначения ленивых людей *Πότε ο Πάννης δεν μπορεί, πότε ο κόλος του πονεί* (*Pote o Yanis den bori, pote o kolos tu poni* досл. *То Янис не может, то задница у него болит*), построенная по правилам стихотворной строчки, где рифмуются конечные слова каждой части *μπορεί — πονεί* (*bori — poni*).

Такое качество, как целеустремленность, также выражается при помощи пословицы, где фигурирует рассматриваемый антропоним: *Γύρευ' αγά μου τη δουλειά σου κι ο Πάννης δεν είναι για χαράτσι* (*Ghirev'aga tu ti dulia su ki o Yanis den ine gia kharatsi* досл. *Ищи, мой хозяин, свое дело, а Янис не для жестких налогов*), которая весьма употребительна в последние годы греческого кризиса, когда в язык вернулся термин *χαράτσι* (*kharatsi*), который взимали турки в Османской империи с христиан за разрешение исповедовать свою веру. В наше время этим термином именуются жесткие налоги, введенные правительством в качестве средства для сбора денег в государственную казну, чтобы покрыть дефицит бюджета.

ΦΕ *είναι για τον Αϊ — Γιάννη* (*ine yia to Ai-Yani* досл. ему надо к Св. Иоанну) употребляется для обозначения человека, утратившего возможность логично рассуждать. Эта идиома ведет свое происхождение из давних времен, когда в провинции не было врачей-психиатров, и всех душевнобольных отправляли для излечения в церковь к иконам Св. Иоанна Предтечи, который воспринимался как врачеватель, способный излечить душевные болезни.

Коммуникативно-ситуативные признаки периферии поля антропонима содержатся во ΦΕ *Та καλά του Γιάννη θέμε, και το Γιάννη δεν τον θέμε* (*Ta kala tu Yani theme, ke to Yani den ton theme* досл. Мы хотим хорошее от Яниса, но Яниса не хотим), которая употребляется в ситуации, когда о человеке, оказавшем помощь или содействие в сложной ситуации, больше не хотят слышать или относятся к нему пренебрежительно. С таким же значением употребляется и пословица *έχουν και τον μπάρμπα-Γιάννη σαν το γάιδαρο που κλάνει* (*ekhun ke ton barba-Yani san to ghaidaro pu klani* досл. у них есть дядька-Янис как осел, который выпускает газы), где опять-таки отмечается рифмованная структура частей *Γιάννη — κλάνει* (*Yani — klani*), свойственная паремиям.

Антропоним *Γιάννης* употребляется и в ситуации, когда хотят дать положительную оценку, подчеркнуть значимость конкретного человека или похвалить его: ср., напр., *Σπίτι χωρίς Γιάννη προκοπή δεν κάνει* (*Spiti khoris Yani prokopi den cani* досл. Дом без Яниса не будет успешным), где антропоним по сути утрачивает свою семантику, обозначая любого человека, приносящего удачу или успех. В аналогичном контексте употребляется и ΦΕ *Όπου Γιάννης και μάλαμα* (*Opi Yanis ke malama* досл. Где Янис, <там и> золото). Достаток и изобилие передаются при помощи ΦΕ *Μόνο ο Γιάννης ο σπανός μας λείπει* (*Mono o Yanis o spanos mas lipi* досл. Нам не хватает только плешивого Яниса).

Неизменность ситуации подчеркивается при коммуникации при помощи ΦΕ *Та ίδια Γιάννη μου, та ίδια Κωνσταντή μου* (*Ta idia Yani mi, ta idia Konstandi mi* досл. Одно и то же, мой Янис, одно и то же, мой Констандис), при этом данный синтаксический фразеологизм позволяет варьировать ИС и заменять их ИС *Παντελής* (*Pandelis* пер. Панделис): *Та ίδια, Παντελάκη μου, та ίδια Παντελή μου* (*Ta idia, Pandelaki mi, ta idia, Pandeli mi* досл. Одно и то же, мой Панделакис, одно и то же, мой Панделис).

Невозможность или невероятность ситуации или события передается при помощи ΦΕ *Πιάσ' το Γιάννη τον άπιαστο* (*Pias'to Yani ton apiasto* досл. Поймай Яниса неуловимого)¹². В аналогичной ситуации

¹² Эта ΦΕ встречается в качестве синонима к ΦΕ *πιάσ' το αβγό και κούρευ' το* (*pias'to avgo ke kuref'to* досл. схвати яйцо и постриги его), построенного на интонационной рифмованной структуре на -ο: *Πιάσ' το Γιάννη άπιαστο* ср. *πιάσ' το αβγό και κούρευ' το*.

используется и окказиональная ФЕ *Αν ο Αλῆς γίνεται Πάννης, κι η όρνιθα χταπόδι* (*An o Alis ghinete Yanis ki i ornitha xtapodi* досл. *Если Али становится Янисом и птица осьминогом*), ср. русс. *Когда рак на горе свистнет* или *Когда лягушки полетят*.

Стремление выдать желаемое за действительное или общеизвестный факт за нечто уникальное выражается при коммуникации при помощи соответствующих ФЕ *Ακόμη δεν τον είδαμε, Πάννη τον εβγάλαμε* (*akoma den ton idame, Yani ton evghalame* досл. *Мы еще его не видели, <a> Янисом <уже> назвали*) и ФЕ *άλλη καμιά δεν γέννησε, μόν' η Μαρία του Πάννη* (*Ali kamia den ghenise, mon'i Maria tu Yani* досл. *Больше ни одна не родила, только Мария, <жена> Яниса*).

В случае непредсказуемости исхода какого-либо действия или события для его характеристики используется ФЕ *φοβάται ο Πάννης το θериό και το θериό τον Πάννη* (*fovate o Yanis to therio ke to therio to Yani* досл. *Боятся Янис чудовище, а чудовище — Яниса*); для демонстрации непоправимых последствий какого-либо поступка используется ФЕ *να σε κάψω, Πάννη, να σε αλείψω λάδι {μέλι}*¹³ (*na se kapso, Yani, na se alipso ladi {meli}* досл. *я сожгу тебя, Янис, я намажу тебя маслом {медом}*).

Антропоним *Πάννης* представляет собой, как уже говорилось, искаженный вариант имени *Ιωάννης* (*Ioannis* досл. *Иоанн*), в греческой православной церкви много святых, носящих это имя, среди которых весьма почитаемы св. Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов. Именно поэтому в языке существуют ФЕ, тесно связанные с православными и культурными традициями греческого народа: *Δεν είναι κάθε μέρα τ' Αη-Παντιού* (*den ine kathe mera tu Ai-Yantiu* досл. *Не каждый день — праздник св. Иоанниса*), ср. рус. *Не всё кому Масленица*, и (по своей сути окказиональная) ФЕ *Όπου ακούς Μαρία και Πάννη βάλε ψάρι στο τηγάκι* (*Opi akus Maria ke Yanni vale psari sto tighani* досл. *Когда слышишь <имена> Мария и Янис, клади рыбу на сковородку*), о которой уже ранее шла речь.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа семантического поля ФЕ, содержащих антропоним *Πάννης*, обнаружено, что данный антропоним, являясь окказиональным, практически в полной мере отражает национально-культурные особенности греческой нации: чаще всего этот антропоним символизирует глупость, затем следуют ФЕ, обозначающие сходство, эгоизм, лень, целеустремленность и утрату способности логично рассуждать. Коммуникативно-ситуативные признаки периферии поля антропонима содержатся в

¹³ В фигурных скобках дается семантический синоним, который может употребляться вместо части речи, предвещающей скобки.

ФЕ, используемых для обозначения реакции при акте коммуникации: пренебрежения, похвалы, одобрения, положительной или отрицательно оценки происходящего и пр. Культурно-исторический признак периферии поля данного антропонима содержится в ФЕ, тесно связанных с православными и культурными традициями греческого народа. Являясь фрагментом языковой картины мира, ИС *Γάλλης* в качестве компонента ФЕ позволяет гораздо глубже понять специфику национального самосознания, так как референтность его значения усиливается, придавая этому антропониму обобщенный, практически нарицательный характер для обозначения любого представителя греческой нации. Кроме того, данный антропоним активно используется и как компонент ФЕ в ситуации коммуникации для характеристики не только конкретного человека, но и ситуации или действия. Все это позволяет говорить о включенности данного антропонима в общую фразеологическую картину мира носителя греческого языка, которая демонстрирует своеобразие греческой языковой картины мира в целом.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: Тезисы 8 междунар. конференции. Волгоград, 1998. С. 165–168.
2. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. М., 2005.
3. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии. М., 2013.
4. *Бушуй Т.А.* Перевод фразеологии английского языка на русский язык. Самарканд, 2005.
5. *Головина Л.С.* Этнокультурная семантика имени собственного и ее словарная репрезентация // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 24–28.
6. *Колодочкина Е.В.* Ономастические фразеологизмы во французском и русском языках // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2004. С. 168–173.
7. *Крюкова И.В.* Прагматика онима: направления исследований и методика анализа // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2011. № 8. С. 139–143.
8. *Петрова Н.Д.* Лінгво-гносеологічні основи динаміки фразеологічної номінації (на матеріалі англійської фразеології живої природи): Автореф. дисс. ... докт. філол. наук. Київ, 1996.
9. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.
10. *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности. Басня, пословица, поговорка. Харьков, 1894.
11. *Скляревская Г.Н.* К вопросу о прагматической информации в толковых словарях: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. Виды реализации и способы описания: Сб. статей. СПб, 1997. С. 6–13.

12. Супранская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
13. Топоров В.Н., Иванов В.В. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
14. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 2003.
15. Фролова О.Е. Антропоним в жёстко структурированном тексте // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 36–44.
16. Хрестоматия по социологии. Религия и общество. Т. II. М., 1994.
17. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58–70.
18. Широков А.Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
19. Μερακλής Μ.Γ. Παροιμίες ελληνικές και των άλλων βαλκανικών λαών. Αθήνα: Πατάκη, 2007.
20. Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής. Αθήνα: Κέντρο λεξικολογίας, 2012.
21. Πολίτης Ν.Γ. Μελέται περί του Βίου και της Γλώσσης του ελληνικού λαού. Παροιμιαί. Τ.Α' — Δ'. Αθήνα: 1965.
22. Σαραντάκος Ν. Το αλφαβητάρι των ιδιωματικών εκφράσεων. Αθήνα: Εκδόσεις Διάυλος, 2000.
23. Χρηστικό λεξικό της νεοελληνικής γλώσσας. Επιμ. Χ. Χαραλαμπίκη. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 2014.

Irina Tresorukova

ANTHROPONYMS IN THE PHRASEOLOGY OF MODERN GREEK: A HOUSE WITHOUT YANIS DOES NOT HAVE LUCK

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The connotative nature of proper names, or *anthroponyms*, in Greek phraseology is still understudied. Even less studied are proper names in phraseological units (PUs). Proper names known as *onyms* are words that cannot have a denotative meaning, for they have an onomastic meaning with its own connotations. *Onyms* include anthroponyms, which are sub-divided into anthroponyms proper, mythonyms, historianyms, biblionyms, and ad hoc words. This article discusses one of the most prominent anthroponyms in Greek phraseology, the proper name *Yanis*. Studying denotative, significative, and connotative components in the semantics of this anthroponym as part of PUs shows that it means ‘stupid’, ‘selfish’, ‘indolent’, ‘deliberate’, and ‘unable to develop his ideas rationally’. In a communicative act, Yanis-containing PUs are used to express disregard, praise,

approval, and positive or negative evaluation of a situation. In addition, the cultural and historical contexts included in the semantic periphery of *Yanis* as part of PUs are closely associated with cultural and religious traditions of the Greek. Lastly, *Yanis as part of PUs* provides insights into the Greek national consciousness, it creates a phraseological image of the native speaker of Greek, demonstrating how unique is the language picture of the Greek world.

Key words: phraseology; onyms; anthroponyms; Greek language; world's linguistic picture.

About the author: *Irina Tresorukova* — PhD, Associate Professor, Department of Byzantine and Modern Greek Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: itresir@mail.ru).

References

1. Alefirenko N.F. O prirode onomasticheskoj semantiki. [About the nature of onomastic semantics] *Onomastics of Povolzhie: Abstracts of 8th International Conference*. Volgograd, 1998, pp. 165–168.
2. Alefirenko N.F. Spornye problemy semantiki. [Controversial problems of semantics] Moscow, *Gnosis*, 2005.
3. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Osnovy phraseologii. [Bases of Phraseology]. Moscow, *Flinta*, 2013.
4. Bushuj T.A. Perevod phraseologii anglijskogo yazyka na russky yazyk [Translation of phraseology of English language to Russian]. Samarkand, *SamGII-Ya*, 2005.
5. Cherdantseva T.Z. Idiomatika i kultura (postanovka voprosa) [Idiomatics and culture (approach to the problem)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1996, № 1, pp. 58–70.
6. Frezer J.G. Zolotaya vetv'. [The Golden Bough] Moscow, *AST*, 2003.
7. Frolova O.E. Antroponim v zhestko strukturirovannom tekste. [Anthroponym in strictly structured text] *Voprosy onomastiki*, 2005, № 2, pp. 36–44.
8. Golovina L.S. Etnokulturnaja semantika imeni sobstvennogo i ee slovarnaja reprezentacija. [Ethnocultural semantics of proper name and its representation on dictionary] *Mir russkogo slova*, 2012, № 2, pp. 24–28.
9. Kolodochkina E.V. Onomasticheskie phraseologizmy vo frantsuzskom i russkom yazykah. [Onomastic phraseological units in French and Russian languages] Cultural layers in phraseological units and in the discourse. Ed. By Telija V.N. Moscow, *Yazyki slavyanskoj kultury*, 2004, pp. 168–173.
10. Kriukova I.V. Pragmatika onima: napravlenija issledovanij i metodika analiza. [Pragmatics of onym: tendencies of researches and methodology of analysis] *Izveštija Volgogradskogo gos.ped.universiteta*, 2011, № 8, pp. 139–143.
11. Petrova N.D. Lingvo-gnoseologichni osnovi dinamiki frazeologichnoj nominacii (na materiali anglijskoj frazeologii zhivoj prirody). [Bases of linguistics and epistemological dynamic in phraseological nomination (on the base of English phraseology of wildlife)] Avtoreferat diss. dokt. philol. nauk. Kiev, 1996.

12. Permyakov G.L. Osnovy strukturnoj paremiologii (Bases of structural paremiology). Moscow, *Nauka*, 1988.
13. Potebnya A.A. Iz lekcij po teorii slovesnosti. Basnya, poslovitsa, pogovorka [From the lectures about the theory of folklore. Fable, proverb, saying]. Kharkiv, 1894.
14. Shirokov A.G. Russkaja urbanonimia v diakhronisheskom osveschenii: apellativno-onimicheskie komplekxy [Russian urbanonyms from the diachronic aspects: complexes of appellatives and onyms]. Avtoreferat diss. kand. philol. nauk. Volgograd, 2002.
15. Sklyarevskaya G.N. K voprosu o pragmaticheskoj informacii v tolkovykh slovaryakh: vozmozhny li pragmaticheskie pomery? [To the question of pragmatologic information in the hermeneutic dictionaries: the possibility of pragmatological comments?] Linguistics pragmatics in the dictionary. Aspects of realization and ways of description. Sankt-Peterburg, *ILI RAN*, 1997, pp. 6–13.
16. Superanskaya A.V. Obshchaja teorija imeni sobstvennogo [General theory of proper name]. Moscow, *Hayka*, 1973.
17. Toporov V.N., Ivanov V.V. Issledovanija v oblasti slavyanskikh drevnostej: leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstrukcii tekstov. [Researches in the field of Slavic antiquities: lexical and phraseological approaches to the reconstruction of texts] Moscow, *Nauka*, 1974.
18. Babinotis G. Leksiko tis Neas Ellinikis (Dictionary of Modern Greek). Athens, *Kentro leksikologias*, 2012.
19. Khristiko leksiko tis neoellinikis glossas. [Useful Dictionary of Modern Greek] Ed. by Chr. Charalambakis. Athens, *Akadimia Athinon*, 2014.
20. Meraklis M.G. Parimies ellinikes ke ton allon valkanikon laon (Proverbs in Greek and from other nations of Balkans). Athens, *Patakis*, 2007.
21. Politis N.G. *Melete peri tou viou ke tis glossis tou ellinikou laou*. Parimie (Researches about the life and the language of Greek people. Proverbs). Vol. 1–4. Athens, 1965.
22. Sarantakos N. To alfavitari ton idiomatikon ekfraseon (The alphabet of idiomatic expressions). Athens, *Ekdosis Diaulos*, 2000.
23. Χρηστικό λεξικό της νεοελληνικής γλώσσας. Επιμ. Χ. Χαραλαμπάκη. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 2014.

Е.В. Терешко

АССОЦИАТИВНАЯ ПЛОТНОСТЬ ЗООНИМОВ И СТЕРЕОТИПЫ В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Данная статья, написанная в русле когнитивной лингвистики, отражает результаты лингвистического эксперимента, проведенного в 2017 г. и имевшего своей целью выявление стереотипных признаков животных в нидерландском языке. Анализ полученных данных позволил выделить параметр определенности стереотипа в сознании носителей языка, который предлагается назвать ассоциативной плотностью.

В первом разделе дается определение понятию стереотип с опорой на работы польских лингвистов во главе с Е. Бартминьским, заимствовавших этот термин из области психологии и социологии и давших ему новое звучание в рамках когнитивистики. Проводится граница между понятиями стереотипа и концепта, а также рассматривается соотношение в когнитивной лингвистике таких терминов, как концепт, стереотип, прототип и идеализированная когнитивная модель (ICM). Во втором разделе кратко описывается проведенный ассоциативный эксперимент, состоявший из двух частей: первая часть («раздел свободных ассоциаций») представляет собой направленный ассоциативный эксперимент; во второй части («фразеологическом разделе») участникам эксперимента было предложено дополнить устойчивые сравнения, в которых составители анкеты опустили прилагательное. В третьем пункте вводится понятие ассоциативной плотности. Даются примеры стереотипных признаков зоонимов *aap* ‘обезьяна’ и *hond* ‘собака’, которые были предложены респондентам в обеих частях эксперимента. Приводятся примеры четко очерченных стереотипных образов животных и их доминантных признаков.

Ключевые слова: стереотип; ассоциативный эксперимент; фразеология; когнитивная лингвистика; ассоциативная плотность; концепт.

Терешко Екатерина Владимировна — соискатель ученой степени кандидата филологических наук при Санкт-Петербургском государственном университете; преподаватель кафедры германской и кельтской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: katja.tereshko@yandex.ru).

1. Концепт и стереотип

В последние десятилетия в лингвистике часто используется понятие концепта — понятие, объединяющее представления о психологических процессах и их языковых выражениях. Концепт как термин широко используется, в частности, в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики. Тем не менее четкого определения концепта в языкознании не существует, что обусловлено его сложностью и неоднозначностью. Это отмечают и признанные авторитеты в области когнитивной лингвистики, как, например, Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.В. Красных, Ю.С. Степанов, Л.О. Чернейко и др.

На наш взгляд, наиболее полно и структурированно данное понятие описано в работах И.А. Стернина и З.Д. Поповой [Попова, Стернин, 2007], которые выделяют в нем несколько уровней: 1) уровень лексикографического значения; 2) уровень психолингвистического значения и 3) уровень интерпретационного поля. Если о первых двух составляющих концепта имеет представление любой лингвист, то последняя настолько индивидуальная, что кажется невозможным зафиксировать ее для всех носителей языка и описать тот или иной концепт полностью.

Польские ученые ввели в лингвистику еще одно понятие, заимствованное из областей психологии и социологии, — стереотип. Этот термин был подробно рассмотрен исследователями из Люблина в рамках этнолингвистики. Приверженцы понятия стереотипа как элемента языковой картины мира опираются на исследования когнитивной лингвистики. В частности, в их работах встречаются отсылки к работам Р. Лангакера: «базовым процессом любого лингвистического предположения является профилирование базового понятия <...> Независимо от когнитивной мотивации, профилирование — это фундаментальное явление языковой семантики» [Лангакер, 2004: 39, цит. по: Васиута, 2008: 155]. Тем самым стереотип связывается с такими когнитивными функциями, как категоризация действительности и профилирование, что также можно назвать концептуализацией.

Иными словами, лингвисты во главе с Е. Бартминьским отходят от понятия стереотипа, принятого в социологии и психологии и воспринимаемого как негативное и часто ложное суждение о какой-либо группе людей. В описании одной из основополагающих работ польских ученых — «Словаря народных стереотипов и символов» — Е. Бартминьский пишет: «‘Стереотип’ в самых общих чертах — это представление об объекте, сформированное в определенных социальных условиях, основанное на опыте и определяющее, чем является объект, как он выглядит, как к нему относятся люди и т.д. <...> Так же как и выражение, зафиксированное в языке, [стерео-

тип] отражен в языке и принадлежит картине мира определенного сообщества» [Бартминский, цит. по: Васиута, 2008: 153].

Понятие стереотипа в значительной мере пересекается с понятием концепта, но представляется более закрытым, так как не включает в себя индивидуальные ассоциации и представления, входящие в концепт в виде интерпретационного поля. Стереотип связан и с другими терминами когнитивной лингвистики, такими как прототип или идеализированная когнитивная модель (Idealized Cognitive Model — ICM), однако первое понятие представляется более узким, а последнее более широким, чем стереотип (больше о связях стереотипа с другими понятиями см. О.И. Лыткина, Т.С. Черевко).

Е. Бартминский [Бартминский, 2005] дает классификацию стереотипов с точки зрения степени закреплённости стереотипа в языке: 1) стереотип-тема, т.е. соединение семантических единиц при отсутствии фиксированной языковой формы, например, о собаке часто отзываются как о верном друге, и это стереотипное восприятие животного может иметь различные языковые выражения; 2) стереотип-формула, подразумевающий семантические связи, обладающие языковым выражением, например, словосочетание «вертится на языке» функционирует в языке в готовом виде; данный тип стереотипа согласуется с теорией концептуальной метафоры, выдвинутой когнитивистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон, 2004]; 3) идиомы, т.е. устойчивые выражения, зафиксированные в языке, мотивация которых затемнена для носителей языка, подобные русскому фразеологизму «вот где собака зарыта». Для полного рассмотрения стереотипа Е. Бартминский [Бартминский, 2005] предлагает брать для анализа все уровни его выражения и привлекать все доступные материалы, а именно словарные дефиниции, словообразовательные и семантические дериваты, фразеологизмы, данные экспериментов и узус.

В данной статье будут рассмотрены результаты ассоциативного эксперимента, который считается одним из эффективных способов выявления стереотипов (см. также К.К. Бораганова, А.И. Изотов, Н.В. Лукашевич, А.А. Герасимова, А.М. Ройтберг). Наравне с термином «стереотип» мы будем использовать термин «стереотипный образ».

2. Описание эксперимента

В 2017 г. при помощи онлайн-опроса и статистических инструментов Google¹ был проведен ассоциативный эксперимент, ста-

¹ Опросник, выполненный в Google Forms: URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSc2_gcmFWrUbrxJoKjElbiHK7v3CBSOspTYXFj_ROk88k8og/viewform

вивший целью выявить, какие ассоциации вызывают у носителей нидерландского языка различные образы животных. Самое общее описание методики такого эксперимента дано, например, в статье Р.М. Фрумкиной: «Информантам предъявляется некий набор слов-стимулов. Инструкция предлагает в качестве реакции написать первое же слово (или несколько слов), которые приходят в голову как ответ на предъявленный стимул» [Фрумкина, 2001: 190].

В качестве метода сбора и анализа языковых данных была выбрана техника направленного ассоциативного эксперимента. Как отмечает О.Е. Виноградова, этот метод «дает очень важные сведения для описания семантики слова как реальности языкового сознания носителя языка» [Виноградова, 2013: 67]. Методику проведения такого эксперимента кратко описывает Е.И. Горошко: «направленный эксперимент значительно ограничивает свободу процесса ассоциирования и как бы «направляет» ассоциации в нужное русло, например, требуя от испытуемого дать слово, противоположное по значению, синоним, или же те или иные синтагматические реакции: определения, определяемые, глаголы, прилагательные и проч.» [Горошко, 2005: 54]. Иными словами, отличием этой разновидности эксперимента от более распространенного массового свободного эксперимента [Уфимцева, 2011: 100] является стремление «сузить зону ассоциативного поиска у испытуемого» [Сахарный, 1989: 95].

Ограничение ассоциативных реакций респондентов проводилось нами по двум принципам. В первом случае — по частеречному признаку, т.е. в инструкции испытуемых просили дать в качестве реакции на название животного прилагательное. Это стимулировало респондентов давать предложенным животным характеристики, а не связывать их, например, с местом обитания. Причастия также принимались как корректный ответ. Второй способ ограничить область поиска испытуемых — фразеология. Именно в устойчивых выражениях языка стереотипное восприятие того или иного объекта действительности имеет фиксированное языковое выражение. В этом случае респондентам предлагалось дополнить устойчивые сравнения, в которых составители эксперимента опустили характеристику животного, выраженную прилагательным. Например, в сравнении *zo bang als een haas* ‘трусливый, как заяц’ опускалось прилагательное *bang* ‘трусливый’, которое предлагалось восстановить.

В качестве фразеологизмов были выбраны устойчивые сравнения типа *zo sterk als een beer* ‘сильный, как медведь’. Как отмечает В.М. Мокиенко, «принадлежность устойчивых сравнений к общей фразеологической системе национального языка подтверждается их структурно-семантической связью и даже переходностью к фразео-

логизмам других структур» [Мокиенко, 2016: 38]. Исходя из этого утверждения, устойчивые сравнения могут считаться репрезентативной областью фразеологии. К тому же, как отмечает Е.В. Иванова, «фразеология представляет собой благодатный материал для анализа концептуализации мира в языковой семантике» [Иванова, 2015: 47]. Сравнения, образованные по этой модели, обязательно включаются во фразеологические словари нидерландского языка. Важно учитывать, что образованные по данной модели сравнения могут и не быть устойчивыми, т.е. образовываться окказионально, но этот факт только подтверждает открытость модели, которая, с одной стороны, может отражать закрепленные в языке характеристики животных, а с другой — благодаря своей продуктивности предоставляет респондентам относительную свободу в выборе ассоциаций. Таким образом, эксперимент включал две части. Полученные данные были обработаны как статистическими инструментами Google, так и вручную.

Всего в опросе приняло участие 235 человек из Нидерландов, Фландрии и Антильских островов, от 1934 до 1998 года рождения, которые указали в качестве родного языка нидерландский. В нескольких случаях испытуемыми была сделана отметка о билингвизме. Например, несколько испытуемых указали в качестве места рождения нидерландскую провинцию Фрисландия, где местный фризский язык распространен наравне с официальным нидерландским. В этом случае респонденты испытывали сложность при определении своего основного языка. Всего в опросе встретилось два таких испытуемых.

В качестве формы проведения была выбрана письменная, несмотря на опасность исчезновения «одной из необходимых составляющих этого эксперимента — спонтанности реакции» [Горошко, 2005: 56]. Это было обусловлено желанием получить данные от наибольшего числа испытуемых и письменная форма проведения эксперимента как нельзя лучше отвечала этой цели. Кроме того, в качестве положительной стороны этой формы эксперимента Е.В. Бочкарева отмечает, что при такой форме проведения у испытуемого больше времени для ответа, и он работает в удобном для себя темпе [Бочкарева, 2002: 155]. В работе Т.А. Ершовой указывается и на связь выбора формы эксперимента с национальностью испытуемых [Ершова, 1999: 21]. Исследователь отмечает, что немцы предпочитают письменные формы проведения экспериментов, так как привыкли участвовать в процедурах активирования и тестирования, в то время как русские информанты предпочитают отвечать устно. Респонденты немецкой национальности тратят в два-три раза меньше времени на заполнение анкеты. В связи с культурной

и географической близостью Нидерландов и Германии, а также схожестью системы образования, мы осмелились распространить выводы Т.А. Ершовой о предпочтительности письменной формы проведения эксперимента на нидерландцев.

3. Ассоциативная плотность

Как отмечают В.Н. Денисенко и Е.Ю. Чеботарева в пособии «Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации» [Денисенко, Чеботарева, 2008], «ассоциативные методы <...> показывают не столько семантические характеристики отдельных слов-стимулов, сколько наличие связей между группами стимулов» [там же: 96]. Анализируя результаты проведенного эксперимента, мы попытались выявить подобные взаимосвязи.

Первое, что сразу бросается в глаза, — это количество вариантов ответов, данных респондентами в качестве реакции на различные стимулы. В случае одних зоонимов ассоциации или характеристики, которыми респонденты дополняли устойчивые сравнения, повторялись в большинстве анкет, так что вариантов ответов было мало, в случаях других зоонимов, наоборот, респонденты предлагали такое разнообразие вариантов ответов, что они редко повторялись.

В лингвистической литературе, посвященной исследованию концептов, часто используется понятие номинативной плотности, введенное в языкознание В.И. Карасиком [Подгорная, 2016: 56]. Под номинативной плотностью понимается количество лексем, служащих для выражения того или иного концепта. Таким образом определяется культурная значимость того или иного концепта. Слышкин пишет, что чем выше значимость концепта для социума или индивида, тем больше языковых единиц разных уровней репрезентируют данный концепт [Слышкин, 2004: 38], т.е. тем выше его номинативная плотность.

По аналогии с этим термином мы предлагаем понятие ассоциативной плотности, отражающее степень закреплённости характеристик объекта или ассоциаций с ним в сознании носителей языка. Ассоциативная плотность обратно пропорциональна количеству вариантов ответов респондентов на определенный стимул: чем больше вариантов, тем меньше повторений и тем меньше ассоциативная плотность, и наоборот, чем меньше вариантов, тем чаще участники эксперимента повторяют одни и те же ассоциации или характеристики, соответственно, тем больше ассоциативная плотность.

Как показал эксперимент, ассоциативная плотность не зависит от того, в какой части эксперимента зооним был предложен в качестве стимула. Можно было бы ожидать, что в ФР количество ответов будет

ограничено лишь характеристиками, закрепленными в устойчивых сравнениях, однако это не так: количество ответов в ФР для всех зоонимов значительно превысило количество характеристик, которые можно найти в словаре. Независимость ассоциативной плотности зоонима от наличия устойчивых сравнений, в состав которых он входит, ярко показывает пример с зоонимом *aap* ‘обезьяна’. В нидерландских толковых и фразеологических словарях зафиксированы устойчивые сравнения с зоонимом *aap* ‘обезьяна’ — *zo trots als een aap* ‘важный, как обезьяна’ *zo zat als een aap* ‘пьяный, как обезьяна’ [Van Dale, 2006: 19].

Таблица 1

Aap ‘обезьяна’

Раздел свободных ассоциаций (РСА)			Фразеологический раздел (ФР)		
<i>grappig</i>	смешная	40	<i>gek</i>	сумасшедшая	40
<i>menselijk</i>	человекоподобная	20	<i>lenig</i>	гибкая	32
<i>slim</i>	умная	19	<i>slim</i>	умная	22
<i>gek</i>	сумасшедшая	15	<i>trots</i>	гордая	19
<i>brutaal</i>	наглая	10	<i>lelijk</i>	уродливая	17
<i>speels</i>	игривая	9	<i>zot</i>	сумасшедшая	14
<i>lenig</i>	гибкая	8	<i>dom</i>	глупая	13

Несмотря на наличие в нидерландском языке устойчивых сравнений с зоонимом *aap* ‘обезьяна’, характеристики, которые были даны в качестве реакции на этот зооним-стимул в ФР, составили больше половины ассоциаций на обезьяну, названных в РСА. По сравнению с другими данными по зоонимам, предложенным в ФР, ассоциативная плотность зоонима ‘обезьяна’ одна из самых низких, еще менее определенными стереотипами обладают только ласка, устрица, перепел и кот. Удивительно, что в этот список вошел и *kat* ‘кот’, однако его образ настолько противоречив — кот воспринимается и как милый и ласковый, и как коварный и злой, — что большое количество ассоциаций неизбежно. В РСА обезьяна также обладает наименее очерченным стереотипным образом и самой маленькой ассоциативной плотностью.

Несмотря на тот факт, что частотные определения животного встречаются в двух разделах эксперимента в разном соотношении, они повторяются в обеих выборках (выделено жирным в переводе на русский). На примере обезьяны видно, что и в РСА, и в ФР ее посчитали сумасшедшей (*gek*), но в РСА эта характеристика занимает четвертое место, а в ФР — первое.

Иногда стереотипное восприятие животного, отраженное в свободных ассоциациях, имеет больший вес, чем характеристики,

закрепленные в устойчивых сравнениях, что можно проиллюстрировать на примере зоонима *hond* ‘собака’. С зоонимом *hond* ‘собака’ в нидерландском языке существуют устойчивые сравнения, приписывающие собаке такие признаки как *ziek* ‘больная’ и *moe* ‘усталая’: *zo ziek als een hond* ‘больной, как собака’, *zo moe als een hond* ‘усталый, как собака’ [Van Dale, 2006: 67].

Таблица 2

Hond ‘собака’

Раздел свободных ассоциаций (РСА)			Фразеологический раздел (ФР)		
trouw	верный	134	trouw	верный	196
blaffend	лающий	21	ziek	больной	8
vriendelijk	дружелюбный	6	moe	усталый	4
lief	милый	6	braaf	послушный	4
braaf	послушный	6			

Несмотря на наличие устойчивых сравнений, большинство участников эксперимента определило собаку и в РСА, и в ФР как верную. Поисковые интернет-системы при запросе *zo trouw als een hond* ‘верный, как собака’ уже выдают случаи использования этого нового устойчивого сравнения, еще не закрепленного в словарях в такой форме.

3.1. Стереотипы животных с высокой ассоциативной плотностью

Животные с высокой ассоциативной плотностью получают одни и те же характеристики от большого количества респондентов, соответственно их стереотипные образы представляются наиболее определенными в данной культуре и языке. В нидерландском языке такими стереотипными образами обладают, например:

- Муха: *vervelend* ‘надоедливая’ (27%), *irritant* ‘раздражающая’ (22%), *vies* ‘противная’ (11%), *lastig* ‘назойливая’ (8%), *zoemend* ‘жужжащая’ (4,5%)
- Угорь (*zo glad al seen aal* ‘скользкий, как угорь’): *glad* ‘скользкий’ (86%), *glibberig* ‘гладкий’ (10%);
- Улитка (*zo traag als een slak* ‘медленный, как улитка’): *traag* ‘медленная’ (73%), *sloom* ‘тупая/сонливая’ (14%), *langzaam* ‘медлительная’ (12%);
- Павлин (*zo trots als een pauw* ‘важный, как павлин’): *trots* ‘важный’ (62%), *fier* ‘гордый’ (36%);
- Заяц (*zo bang als een haas* ‘трусливый, как заяц’): *snel* ‘быстрый’ (76%), *bang* ‘трусливый’ (13%), *vlug* (8%), *rap* (2%), *angstig* (1%);

- Лис (*zo slim als een vos* ‘умный/хитрый, как лис’): *sluw* ‘хитрый’ (84%), *slim* ‘умный’ (14%).
- Все эти стереотипные образы животных характеризуются четкостью и закреплённостью в сознании носителей нидерландского языка. Другие характеристики, фигурирующие в ответах, часто являются синонимами доминантных признаков, например, помимо характеристик *sluw* ‘хитрый’ и *slim* ‘умный’, лиса так же характеризовали, как *slinks*, *leep* и *listig* — все эти определения синонимичны характеристике ‘хитрый’.

Таким образом, стереотипы обладают различной ассоциативной плотностью (АП), однако по данному параметру они не разбиваются на две четкие группы, но могут быть выстроены по шкале от зоонимов с наименьшей АП к зоонимам с наибольшей АП. Наименее четко очерченным стереотипом оказался стереотип зоонима *aap* ‘обезьяна’. На этот зооним в качестве стимула было дано 36 различных вариантов ответа в ФР и 75 — в РСА. Наиболее четкими оказались стереотипы лиса, павлина и улитки. Вопрос о том, от чего это зависит, требует дополнительного исследования.

4. Выводы

а. Стереотипы животных в нидерландском языке находят выражение в различном языковом материале, в том числе во фразеологизмах, которые представляют собой благодарный материал для исследования.

б. Одним из наиболее показательных способов выявления стереотипов является ассоциативный эксперимент.

в. Анализ результатов ассоциативного эксперимента с зоонимами в качестве стимулов позволил выделить параметр, при помощи которого можно определить степень чёткости стереотипа в сознании носителей языка, — ассоциативную плотность.

г. Ассоциативная плотность зоонимов, отражающая степень чёткости стереотипного образа того или иного животного — объективный показатель, независимый от материала, на основе которого он выявляется — на материале свободных ассоциаций или на материале более или менее устойчивых сравнений.

д. Примерами зоонимов с наименьшей ассоциативной плотностью служит обезьяна, с наибольшей — лис, павлин и улитка.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999. I–XV. 896 с.

2. *Бартминьский Е.* Стереотип как предмет лингвистики / Пер. С.М. Толстой // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Пер. с польск. М., 2005. С. 133–157.
3. *Бораганова К.К.* Гендерные стереотипы кумыков по данным кумыкской фразеологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 4. С. 175–182.
4. *Бочкарева Е.В.* Влияние формы эксперимента на ядро ассоциативного поля младшего школьника // Проблемы детской речи — 1999: Материалы Всерос. конф. Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999 г. СПб, 1999. С. 35–39.
5. *Виноградова О.Е.* Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия РГПУ им. Герцена. 2013. № 161. С. 66–73.
6. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 2008. 340 с.
7. *Горошко Е.И.* Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия ВГПУ. 2005. № 3. С. 53–61.
8. *Денисенко В.Н., Чеботарева Е.Ю.* Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: Учеб. пособие. М., 2008.
9. *Ершова Т.А.* Русско-немецкие ассоциативные портреты (опыт интерпретации): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998. 149 с.
10. *Иванова Е.В.* Фразеологическая репрезентация концепта // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 12 (55). С. 46–51.
11. *Изотов А.И.* Рецензия на кн.: Čermák Fr., Holub J. Slovník české frazeologie a ideomatiky 5: Onomaziologický slovník. Praha: LEDA, 2016 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 5. С. 276–283.
12. *Красных ВВ.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 6. С. 7–18.
13. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2004.
14. *Лукашевич Н.В., Герасимова А.А.* Определение устойчивых словосочетаний методом ассоциативного эксперимента // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 1. С. 23–42.
15. *Лыткина О.И.* Концепт, миф, стереотип в когнитивной лингвистике // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Слово в процессе массовой коммуникации. МГИ им. Е.Р. Дашковой. М., 2011. С. 14–25.
16. *Мокиенко В.М.* Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография в рамках проекта РГНФ «Ключевые концепты русских народных сравнений (опыт идеографического словаря)». СПб, 2016.
17. *Подгорная В.В.* «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2016.
18. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.
19. *Ройтберг А.М.* Ресурсы для исследования различных типов ассоциативных связей между именными группами в дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 5. С. 174–181.

20. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л., 1989.
21. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.
22. Степанов Ю.А. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007. 400 с.
23. Уфимцева Н.Д. Системность языкового сознания носителя языка как отражение системности культуры // Русский язык за рубежом. 2011. № 4. С. 98–108.
24. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.
25. Черевко Т.С. Образ, стереотип, имидж — границы применения и модель взаимодействия // Медиа альманах. 2011. № 6. С. 6–13.
26. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. 352 с.
27. Groot H.D. et al. Van Dale Groot Uitdrukkingenwoordenboek: Verklaring en herkomst van moderne uitdrukkingen, Amsterdam; Brussel, 2006.
28. Wasiuta S. Stereotype: a key concept of Lublin ethnolinguistics // Filologija. 2008. (13). P. 149–160.

Ekaterina Tereshko

ASSOCIATIVE SOLIDITY OF ZOONYMS AND STEREOTYPES

Saint-Petersburg State University

11 Universitetskaja nab., Saint-Petersburg, 199034

Lomonosov Moscow State University,

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This article is written in the framework of cognitive linguistics. We have used a theoretical base of Polish ethnolinguistic studies on stereotypes. In the first chapter the term ‘stereotype’ is separated from other terms used in cognitive linguistics such as concept, prototype, and idealized cognitive model (ICM). The second chapter describes an experiment. 235 respondents had to fill in an online form where they were asked to give their associations on the zoonymes that they got as stimulus. The experiment had two parts. In the first part of the directed associations experiment the respondents saw just a zoonym on the screen as stimulus and were asked to give an adjective as a reaction. The second part, phraseological, involved phraseology in the form of sustainable comparisons such as *zo bang al seen haas* ‘be afraid like a hare’. The adjectives in the comparisons were absent and the respondents were asked to make the phraseological units complete by adding the right adjective. The comparisons were taken from dictionaries of Dutch idioms. The third chapter explains the term ‘associative solidity.’ The point is different animals received different reactions, which is to suggest that some associations are more solid than others: the more variants, the less solid is a stereotype.

Key words: stereotype; cognitive linguistics; phraseology; directed associations experiment; associative solidity; concepts.

About the author: *Ekaterina Tereshko* — PhD Student, Saint Petersburg State University, Teaching Fellow, Department of German and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

References

1. Arutyunova n.d. *Yazyk i mir cheloveka*. 2-e izd., ispr. Moskva, *Yazyki russkoj kultury*, 1999. I–XV, 896 p.
2. Bartmin'skiy E. Stereotip kak predmet lingvistiki. [Stereotype as a linguistic object] Per. S.M. Tolstoï. *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike*. Peregod s pol'skogo. Moskva, *Indrik*, 2005, pp. 133–157.
3. Boraganova K.K. Gendernye stereotipy kumykov po dannym kumyjskoy frazeologii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2015. № 4, pp. 175–182.
4. Bochkareva E.V. Vliyanie formy' e'ksperimenta na yadro asociativnogo polya mladshego shkol'nika. *Problemy' detskoj rechi* — 1999: materialy' Vseros. konf. Sankt-Peterburg, 24–26 noyab. 1999. SPb, *Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena*, 1999, SS. 35–39.
5. Vinogradova O.E. Napravlenny'j asociativny'j e'ksperiment v opisani se-manitki slova, *Izvestiya RGPU im. Gercena*, № 161, 2013, SS. 66–73.
6. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody'). Moskva, *Izd-vo RUDN*, 2008. 340 p.
7. Goroshko E.I. Problemy' provedeniya svobodnogo asociativnogo e'ksperimenta. *Izvestiya VGPU*, 2005, № 3, pp. 53–61.
8. Denisenko V.N., Chebotareva E.U. *Sovremennye psikholingvisticheskie metody analiza rechevoy kommunikatsii: Ucheb. Posobie*. [Modern methods of analysis of discourse communication: Stud. textbook] Moskva, *RUDN*, 2008.
9. Ershova T.A. *Russko-nemeckie asociativny'e portrety' (opy't interpretatsii)*: dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1998. 149 p.
10. Izotov A.I. Retsenziya na kn.: Čermák Fr., Holub J. *Slovník české frazeologie a ideomatiky 5: Onomaziologický slovník*. Praha: LEDA, 2016. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2018. № 5, pp. 276–283.
11. Ivanova E.V. Frazеологическая репрезентация контсепта. [Phraseological representation of a concept] *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*, 2015, № 12 (55), pp. 46–51.
12. Krasnyh V.V. Lingvokul'tura kak obiekt kognitivnyh issledovaniy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2013. № 6, pp. 7–18.
13. Lakoff J., Jonson M. Metaforý, kotorymi my zhivem: Per. s angl. [Metaphors we live by] Pod. red. I s predisl. A.N. Baranova. Moskva, *Editorial URSS*, 2004.
14. Lukashevich N.V. Gerasimova A.A. Opredelenie ustojchivyh slovosochetaniy metodom assotsiativnogo eksperimenta. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2018. № 1, pp. 23–42.
15. Mokienko V.M. *Ustoychivye sravneniya v sisteme frazeologii. Kollektivnaya monografiya v ramkakh proekta RGNF "Kl'ucheveye kontsepty russkikh narodnykh sravneniy (opyt ideograficheskogo slovaryá)"*. [Sustainable compari-

- sons in the phraseological system. Collective monography in the frame of the RGNF project “Cultural concepts of Russian folk comparisons (an experience of ideographic dictionary)”] SPb, Greifswald, 2016.
16. Podgornaia V.V. “*Naivnaya anatomiya*” v *angliyskoy yazykovoy kartine mira*. [“Naïve anatomy” in English language worldview] SPb, 2016.
 17. Popova Z.D., Sternin I.A. *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [Semantic-cognitive approach in language analysis], Voronezh, *izd-vo “Istoki”*, 2007.
 18. Rojtemberg A.M. Resursy dlya issledovaniya razlichnykh tipov assotsiativnykh svyazey mezhdu imennymi gruppami v diskurs. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2017. № 5, pp. 174–181.
 19. Sakharov L.V. *Vvedenie v psikholingvistiku: Kurs lektsiy*. [Introduction to psycholinguistics: Course of lectures] L.: *Izd-vo Leningr. un-ta*, 1989.
 20. Slyshkin G.G. *Lingvokul’turnye kontsepty i metakontsepty*. [Linguistic cultural concepts and metaconcepts]. Volgograd, 2004.
 21. Stepanov Yu.A. Tonkaya plenka civilizatsii. Moskva, *Yazyki slavyanskix kul’tur*, 2007. 400 p.
 22. Ufimceva N.D. Sistemnost’ yazykovogo soznaniya nositelya yazyka kak otrazhenie sistemnosti kul’tury’, *Russkij yazyk za rubezhom*, № 4, 2011, pp. 98–108.
 23. Frumkina R.M. *Psikholingvistika: Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedeniy*. [Psycholinguistics: Stud. textbook for univers. students] Moskva, *Izdatel’skiy tsentr «Akademiya»*, 2001.
 24. Cherneiko L.O. Lingvo-filosovskiy analiz abstraktnogo imeni. Moskva, *MGU im. Lomonosova*, 1997. 352 p.
 25. Cherevko T.S. Obraz, stereotip, imidzh — granitsy primeneniya i model’ vzaimodeystviya // *Media al’manah*. 2011. № 6, pp. 6–13.
 26. Groot H.d. et al. *Van Dale Groot Uitdrukkingenwoordenboek: Verklaring en herkomst van moderne uitdrukkingen*. Amsterdam; Brussel, 2006.
 27. Wasiuta S. Stereotype: a key concept of Lublin ethnolinguistics. *Filologija*, 2008 (13), pp. 149–160.

О.Д. Черепанова

**АКУСТИЧЕСКИЙ КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ
КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТРЕНАЖЕРОВ
(на материале гласных русского и немецкого языков)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Как показывают многочисленные исследования, средства *локализации* произносительных ошибок на уровне фонем могут существенно повысить эффективность современных фонетических тренажеров. Для создания таких средств важна, в том числе, лингвистическая информация о родном языке пользователя. Согласно положениям контрастивного анализа, сравнение фонетических систем родного (L1) и изучаемого (L2) языков позволяет предсказать интерференционные произносительные ошибки, которые носители L1 с наибольшей вероятностью будут допускать в L2. Чаще всего контрастивный анализ звуковых систем двух языков производится на основе *артикуляционных и/или фонетических* признаков фонем. В настоящей работе рассматривается метод *акустического* контрастивного анализа на материале подсистемы гласных русского и немецкого языков. Анализ производился на основе значений частот первых двух формант гласных. В результате было выделено три типа потенциальных ошибок, которые носители русского языка с наибольшей вероятностью будут допускать при произнесении гласных в немецкой речи: 1) отсутствие противопоставления кратких и долгих гласных; 2) замена немецких монофтонгов [u], [o] акустически близкими русскими гласными; 3) произносительные ошибки на гласных [ʏ] — [y:] и [œ] — [ø:]. Для эмпирического подтверждения частоты встречаемости предсказанных ошибок был произведен акустический и экспертный анализ немецкой речи носителей русского языка с разной степенью владения немецким языком. Акустический анализ показал, что все три типа произносительных ошибок допускаются русскоязычными дикторами. Согласно результатам экспертного анализа, сильнее всего на степень выраженности произносительного акцента влияют ошибки типа 3. Полученные данные могут быть использованы в фонетических тренажерах не только для обеспечения функции локализации ошибок, но и для улучшения модуля обратной связи с пользователем.

Черепанова Ольга Дмитриевна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: cherepanova.od@gmail.com).

Ключевые слова: акустика; контрастивный анализ; фонетические тренажеры; русский язык; немецкий язык.

Введение

Современные технологии существенно расширили возможности так называемых *САРТ-систем* (англ. *computer-assisted pronunciation training systems*) — компьютерных программ для обучения произношению. В основе таких фонетических тренажеров лежат технологии автоматического распознавания речи: пользователю предлагается озвучить слово или фразу на изучаемом языке, после чего программа анализирует его звуковую запись, сравнивает ее с эталонной записью данного слова или фразы и дает пользователю обратную связь. В качестве обратной связи пользователь чаще всего получает общую оценку произнесенного слова или фразы в баллах или процентах. Главный недостаток такой обратной связи заключается в том, что пользователь вынужден самостоятельно определять, где он допустил произносительную ошибку и как ему ее исправить. Современные исследования свидетельствуют о том, что более детализированная обратная связь с пользователем может существенно повысить эффективность фонетических тренажеров [Hincks, 2003; Neri, Cucchiari, Strik, 2006; Engwall, Bälter, 2007; и др.].

В последние годы начали появляться САРТ-системы, поддерживающие функцию локализации произносительных ошибок на уровне отдельных фонем, — например, тренажер *AzAR 3.0* [Demenko et al., 2010]. Чтобы упростить технически сложную задачу локализации ошибок, в таких САРТ-системах используется в том числе лингвистическая информация о родном языке пользователя [Harrison et al., 2009; Koreman et al., 2011; Kolesnikova, 2012]. Одним из наиболее распространенных инструментов получения такой информации является метод *контрастивного анализа (КА)*. В соответствии с положениями КА, сравнение фонетических систем родного (далее — *L1*) и изучаемого (далее — *L2*) языков позволяет предсказать интерференционные произносительные ошибки, которые носители *L1* с наибольшей вероятностью будут допускать в *L2* [Величкова, 1989]. Информация о таких потенциальных произносительных ошибках может в значительной степени повысить качество работы средств локализации ошибок в фонетических тренажерах.

КА звуковых систем двух языков в большинстве работ производится на основе *артикуляционных* и/или *фонетических* признаков фонем или их аллофонов ([Блок, 2014; Harrison et al., 2009; Koreman et al., 2011; Kolesnikova, 2012]). Результаты такого КА не всегда сопоставимы: например, одни и те же согласные фонемы могут быть

описаны в одной работе как дентальные, а в другой — как альвеолярные. В зависимости от выбора признака КА даст разные результаты. Классификация гласных по признаку ряда и подъема языка часто является еще более условной. С этой точки зрения, более объективным может оказаться КА на основе *акустических* характеристик.

В настоящей статье рассматривается метод акустического КА на материале подсистемы гласных русского и немецкого языков, в результате которого был получен список типовых произносительных ошибок в немецких монофтонгах в акцентированной немецкой речи носителей русского языка (раздел 1). Чтобы эмпирически подтвердить частоту встречаемости предсказанных произносительных ошибок, был произведен анализ немецкой речи носителей русского языка с разной степенью владения немецким языком (раздел 2).

1. Акустический КА подсистемы гласных русского и немецкого языков.

При сопоставлении системы гласных русского и немецкого языков в настоящем исследовании рассматриваются основные аллофоны в ударной позиции: 7 аллофонов русского языка ([a], [o], [u], [e], [ɛ], [i], [ɪ]) и 15 немецких монофтонгов (7 кратких: [ɪ], [ʏ], [ɛ], [œ], [a], [ɔ], [ʊ]; 8 долгих: [iː], [yː], [eː], [ɛː], [øː], [aː], [oː], [uː]).

Акустический КА системы гласных производился на основании значений частот первых двух формант (F1 и F2), поскольку они несут основную акустическую информацию о качестве гласных. Частотные значения формант подчитывались на середине гласного с помощью звукового анализатора Praat 6.0.36. Так как противопоставление немецких монофтонгов по долготе напрямую связано с их качеством, длительность гласных не измерялась.

Звуковым материалом для эксперимента послужили аудиозаписи речи двух дикторов: носителя русского и носителя немецкого языков. Аудиоматериал был взят из лингводидактических пособий. Для каждого из семи русских и 15 немецких гласных было подобрано по 3–6 стимульных слов, в которых целевой гласный встречался в ударной позиции в контексте/CVC/, и подсчитаны значения частот F1 и F2. Выбирались такие слова, где ударный гласный находится в окружении смычных неносовых согласных (для русского языка — непалатализованных). Однако в рассматриваемом материале не для всех гласных нашлось достаточное количество стимульных слов со строгим соблюдением контекста, поэтому в материал также был включен ряд слов, в которых ударный гласный окружен непалатализованными сонорными и фрикативными согласными. Для русских [i], [e] были подобраны стимульные слова, в которых ударный гласный находится в контексте/C'VC/. В табл. 1 ниже при-

ведены полученные средние значения частот F1 и F2 для русских и немецких монофтонгов.

Таблица 1

Средние целевые значения частот F1 и F2 немецких и русских гласных

Немецкие монофтонги	F1 (Гц)	F2 (Гц)	Русские гласные	F1 (Гц)	F2 (Гц)
i:	257.42	2424.63	i	268.00	2101.12
ɪ	317.44	1979.72	ɪ	318.24	1731.58
y:	253.40	1657.80	e	339.28	1924.68
ʏ	355.53	1595.63	ɛ	478.96	1740.68
e:	311.85	2340.28	a	663.56	1200.20
ɛ	524.98	1936.90	o	402.15	734.80
ɛ:	512.98	1989.18	u	311.03	681.53
ø:	365.60	1543.68			
œ	501.75	1565.23			
a:	720.88	1259.86			
ɑ	708.10	1319.83			
o:	359.60	713.70			
ɔ	579.90	960.95			
u:	268.13	660.80			
ʊ	389.56	982.40			

Полученные данные были переведены в шкалу мел и нормализованы по методу Б.М. Лобанова¹ с помощью интерфейса NORM v. 1.1², чтобы редуцировать влияние физиологии и анатомии дикторов. На рис. 1 представлен построенный в NORM трапециод гласных для русского и немецкого дикторов. С помощью эллипсов показано стандартное отклонение значений формантных частот соответствующего гласного от среднего значения. Точку в центре эллипса можно считать центроидом соответствующего монофтонга, имеющего средние значения частот F1 и F2.

Для более объективной оценки акустического расстояния между формантными характеристиками гласных использовалась формула *евклидова расстояния* (EP), определяющая расстояние между двумя точками в многомерном пространстве. Центроиды гласных расположены в двумерном пространстве, где ось X — значения частоты F1, а ось Y — значения частоты F2, поэтому формула EP между двумя гласными будет выглядеть следующим образом (1):

$$d_{ij} = \sqrt{(F1_i - F1_j)^2 + (F2_i - F2_j)^2}, \quad (1)$$

¹ [Lobanov, 1971].

² URL: <http://lingtools.uoregon.edu/norm/norm1.php>

где d_{ij} — ЕР между центроидами гласных i и j , $F1_i$ и $F2_i$ — частотные значения формант центроида i , а $F1_j$ и $F2_j$ — частотные значения формант центроида j [Leinonen, 2009].

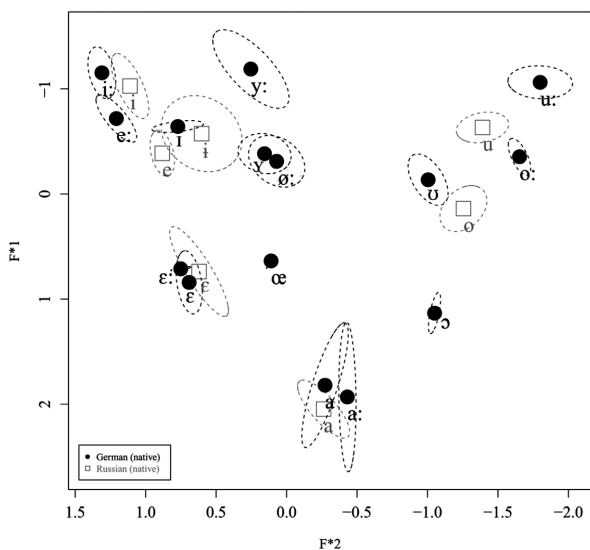

Рис. 1. Нормализованный трапециод русских (обозначены квадратами) и немецких (кругами) гласных в сопоставлении (ось X — нормализованные частотные значения F1; ось Y — нормализованные частотные значения F2)

Согласно основным положениям КА, на первых этапах изучения иностранного языка произносительные ошибки наиболее вероятны там, где фонетическая система изучаемого языка L2 сильнее всего отличается от фонетической системы родного языка L1. В результате акустического КА были выделены следующие наиболее вероятные ошибки в интерферированной немецкой речи носителей русского языка:

Ошибка I. Отсутствие противопоставления кратких и долгих гласных.

Акустические данные подтверждают положение о том, что краткие гласные в немецком языке отличаются от долгих гласных не только длиной, но и качеством. Это особенно заметно для пар гласных [ɛ] — [e:] (ЕР 1,64), [ɔ] — [o:] (ЕР 1,60), [ʊ] — [u:] (ЕР 1,22). В каждой из таких пар ненапряженный краткий гласный расположен ближе к центру трапецоида. Гласные [a] и [a:] являются исключением и практически не отличаются друг от друга по своему качеству (ЕР 0,19). Поскольку в русском языке противопоставления ударных гласных по напряженности нет, мы можем предположить, что одной из наиболее распространенных произносительных ошибок у носителей русского

языка будет одинаковое (качественно) произнесение кратких ненапряженных и долгих напряженных немецких гласных.

Ошибка II. Замена немецких монофтонгов акустически близкими русскими гласными. Русские гласные аллофоны [u], [o], [i], [e] находятся в трапецоиде гласных приблизительно между соответствующими напряженными и ненапряженными немецкими монофтонгами, поэтому весьма вероятным кажется сильное влияние перечисленных гласных L1 на немецкие монофтонги в речи носителей русского языка.

Ошибки типа I и II могут допускаться одновременно, если центроиды краткого и долгого монофтонга находятся близко друг к другу, и они оба смещены в сторону русского гласного. На основе данных КА можно предположить, что на монофтонгах [ɛ] — [ɛ:] ошибка I будет допускаться реже: более вероятной кажется «ассимиляция» немецкого напряженного [ɛ:] с русским [e] (EP 0,46) и немецкого ненапряженного [ɛ] с русским [ɛ] (EP 0,12), то есть ошибка II. То же самое кажется вероятным для пары гласных [i:] — [i]: русский гласный [i] акустически близок немецкому [i] (EP 0,18). Поэтому более вероятным кажется смещение в трапецоиде долгого [i:] к русскому [i], а краткого [i] — к русскому [i].

Ошибка III. Произносительные ошибки на гласных [ʏ] — [y:] и [œ] — [ø:]. В русском языке отсутствуют аналоги данных немецких монофтонгов, поэтому, согласно положениям КА, русскоязычным дикторам должно быть сложнее их освоить. Вероятным кажется смещение центроидов [ʏ] и [y:] в сторону русского [u] (или упередненного [ʊ]), а монофтонгов [œ] и [ø:] — в сторону русского [o] (или упередненного [ə]). Это может быть обусловлено, во-первых, графическим сходством немецких букв «u» и «ü», «o» и «ö», а во-вторых, чередованиями *u-ü* и *o-ö*, например, при образовании множественного числа существительных (*Kuss* [kʊs] ‘поцелуй’ — *Küsse* [kʏsə] ‘поцелуи’; *Sohn* [zo:n] ‘сын’ — *Söhne* [zø:nə] ‘сыновья’).

Чтобы эмпирически проверить частоту встречаемости перечисленных типов произносительных ошибок, был произведен анализ акцентированной немецкой речи носителей русского языка, методология и результаты которого описываются в разделе 2 ниже.

2. Акустический и экспертный анализ немецкой речи носителей русского языка

В качестве стимульного материала было выбрано 60 немецких слов из эксперимента 1 (по четыре слова на каждый из 15 немецких монофтонгов). В эксперименте участвовало 12 русскоязычных дик-

торов мужского пола от 18 до 29 лет с уровнем владения немецким языком от начального (A2) до свободного владения (C2). Испытуемым предлагалось прочитать вслух 60 предложений со структурой *Das Wort X steht auf der Tafel* ('Слово X написано на доске'), где вместо X были вставлены стимульные слова. Каждое предложение дикторы читали два раза. Запись происходила в студии звукозаписи кафедры ТиПЛ филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2.1. Методика проведения акустического анализа немецкой речи русскоязычных дикторов

В рамках акустического анализа немецкой речи русскоязычных дикторов были подсчитаны значения частот F1 и F2 ударных гласных в стимульных словах. Полученные значения формантных частот были переведены в шкалу мел и нормализованы. Для всех 12 дикторов были построены трапецииды гласных с помощью интерфейса NORM. На рис. 2 представлен полученный таким образом трапециид гласных для диктора 6 в сопоставлении с эталонными значениями, полученными в рамках КА для русских и немецких гласных.

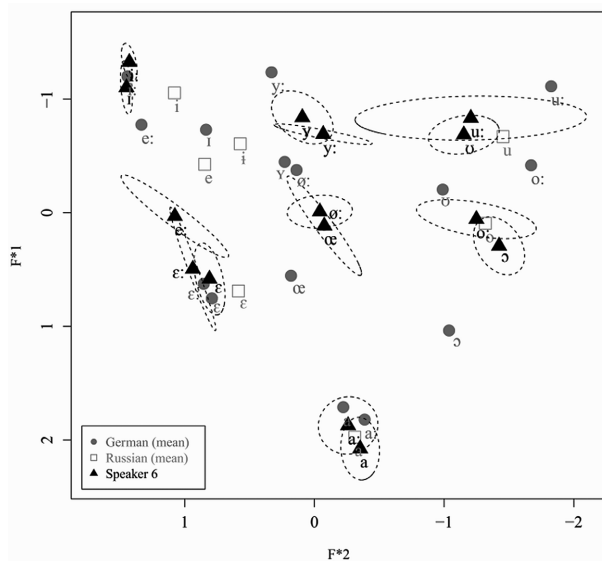

Рис. 2. Нормализованный трапециид немецких гласных русскоязычного диктора 6 (обозначены треугольниками) в сравнении с эталонными данными для русского (квадратами) и немецкого (кругами) языков

2.2. Методика проведения экспертного анализа немецкой речи русскоязычных дикторов

Чтобы проверить, насколько автоматическая оценка произношения немецких гласных на основе акустических характеристик коррелирует с оценкой преподавателями и носителями немецкого языка, был произведен экспертный анализ звукового материала. В эксперименте участвовали два носителя немецкого языка и опытный преподаватель немецкого языка с филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Для экспертного анализа из предложений, озвучиваемых русскоязычными дикторами, были вырезаны стимульные слова. В результате для каждого диктора было получено 120 записей, между которыми были вставлены паузы длиной в 1,5 секунд. Экспертам предлагалось прослушать звуковой материал для 12 дикторов и оценить произношение ударного гласного звука в каждом из стимульных слов по 3-балльной шкале, где

3 — полное соответствие произносительным нормам немецкого языка; отсутствие акцента;

2 — частичное несоответствие произносительным нормам немецкого языка; наличие акцента;

1 — несоответствие произносительным нормам немецкого языка; ярко выраженный акцент.

Результаты акустического и экспертного анализа немецкой речи русскоязычных дикторов рассматриваются ниже в разделе 2.3.

2.3. Результаты анализа немецкой речи носителей русского языка

Результаты *акустического анализа* показали, что значительная часть дикторов допускает в своей речи ошибки типа I (отсутствие противопоставления кратких и долгих гласных по качеству). В рамках настоящего исследования мы условно считаем, что краткий и долгий монофтонг противопоставляются в речи диктора, если EP между их центроидами > 0.7 . По данному определению лишь четыре из 12 испытуемых последовательно различают в своей речи краткие и долгие гласные, причем только один из них — последовательно для всех монофтонгов. На паре гласных [ɛ] — [ɛ:] только три диктора допускали ошибку типа I, что подтверждает предположения акустического КА. В частности, диктор 6 в своей речи практически не различает по качеству краткие и долгие монофтонги (среднее EP 0,20), однако EP между [ɛ] и [ɛ:] в его речи составило 0,61 (рис. 2). Вероятно, носителям русского языка легче освоить данные монофтонги в связи с наличием аллофонов [e] и [ɛ] в русском языке.

Отметим, что русский [i] не оказал подобного влияния на освоение дикторами монофтонгов [i:] — [i]: девять дикторов произносили [i:] и [i] одинаково по качеству.

Ошибка типа II (замена немецких монофтонгов акустически близкими русскими гласными) также сравнительно часто допускалась испытуемыми. В частности, на рис. 2 видно, что центроиды [ɔ] и [o:] в речи диктора 6 находятся близко к русскому [o] (EP = 0,23; 0,08 соответственно), а [ʊ] и [u:] — к русскому [u] (EP = 0,24; 0,27). Отметим, что ошибка II чаще всего допускалась именно на гласных [ɔ] — [o:] и [ʊ] — [u:].

Ошибка типа III (ошибки на гласных [ʏ] — [y:] и [œ] — [ø:]): акустический анализ показал, что только у 2 дикторов монофтонги [ʏ] — [y:] и [œ] — [ø:] смещены в сторону русских [u] и [o] соответственно. В то же время, наблюдается обратная картина: шесть дикторов произносили монофтонги [ʊ] — [u:] и [ɔ] — [o:] упрежденно, на трапецоидах эти гласные смещены в сторону [ʏ] — [y:] и [œ] — [ø:] соответственно. В частности, на рис. 2 видно, что в речи диктора 6 гласный [u:] периодически имел слишком высокое значение частоты F2, близкое к эталонному значению [y:]. Можно предположить, что перечисленные гласные взаимно влияют друг на друга. Это влияние особенно заметно в речи диктора 3 (рис. 3).

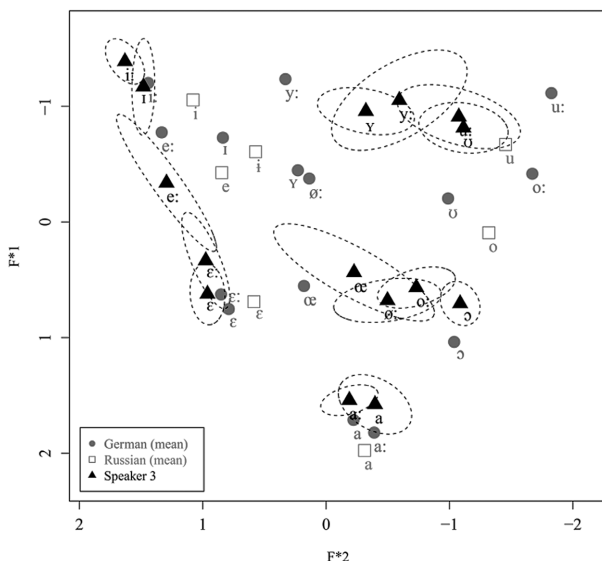

Рис. 3. Нормализованный трапецоид немецких гласных русскоязычного диктора 3 (обозначены треугольниками) в сравнении с усредненными эталонными данными для русского (квадратами) и немецкого (кругами) языков

Результаты *экспертного анализа* показали, что по оценке специалистов ошибки типа I и II не так сильно влияют на степень выраженности акцента в речи дикторов, как ошибка III. Испытуемые, которые допускали ошибки I и II, часто получали от специалистов средние и даже хорошие оценки. В частности, в речи диктора 12, который владеет немецким языком на продвинутом уровне (C1), среднее ЕР между долгими и краткими гласными составляет 0,29 (противопоставляются только монофтонги [ɛ] — [e:] с ЕР 0,75). При этом гласные [ɔ] — [o:], [ʊ] — [u:] диктор произносит по качеству близко к русским [о], [u]. Несмотря на ярко выраженные ошибки I и II в речи испытуемого, средняя оценка экспертами стимульных слов на эти гласные составила 2,57.

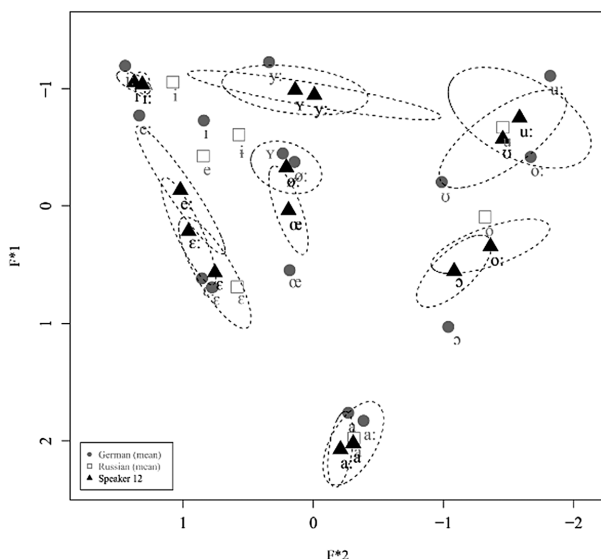

Рис. 4. Нормализованный трапециод немецких гласных русскоязычного диктора 12 (обозначены треугольниками) в сравнении с усредненными эталонными данными для русского (квадратами) и немецкого (кругами) языков

При этом эксперты последовательно ставили низкую оценку при допущении дикторами ошибки типа III, когда

а) монофтонги [œ] — [ø:] и [ʏ] — [y:] имели слишком низкое значение частоты F2;

б) гласные [ɔ] — [o:] и [ʊ] — [u:] имели слишком высокое значение частоты F2.

Отметим, что существенность ошибки определяется, в том числе, тем, насколько она влияет на разборчивость речи. Гласные переднего

ряда [œ] — [ø:] и [ʏ] — [y:], как и гласные заднего ряда [ɔ] — [o:] и [ʊ] — [u:] являются лабиализованными. Тем самым, ряд становится ключевым различительным признаком между монофтонгами [œ] — [ø:] и [ɔ] — [o:]; [ʏ] — [y:] и [ʊ] — [u:]. При упередненном произнесении [ʊ] слушатель может услышать [ʏ], а при произнесении [ʏ] более заднего ряда — наоборот, [ʊ]. Это объясняет также, почему специалисты ставили хорошие оценки в тех случаях, когда [ʏ] или [y:] в речи дикторов имели слишком высокие значения F2. Поскольку [ʏ] — [y:] отличаются от [i:] — [ɪ] по признаку лабиализации, упередненное произнесение первых не критично для восприятия.

В целом, ошибки, выделяемые автоматически с помощью рассматриваемого метода акустического анализа, коррелируют с оценкой произношения испытуемых специалистами. Приблизительно в 2/3 случаев, когда ЕР от эталона составляло $ЕР \geq 0,9$, оценка auditors за данное конкретное произношение была ниже средней (≤ 2). Безусловно, для успешной работы с фонетическим тренажером процент неверно выделенных ошибок должен быть существенно ниже. Однако следует учитывать, что данный результат получен на основании только величины акустического расстояния от эталонного произношения. Настоящее исследование показало, что точность автоматического акустического анализа можно повысить, если:

- 1) учитывать не только величину ЕР, но и направление отклонения от эталона (это должно позволить значительно снизить количество ошибочных исправлений на гласных [ɔ] — [o:] и [ʊ] — [u:] — см. выше);

- 2) присвоить меньший вес ошибкам типа I и II (что особенно важно для гласного [ɪ], который часто произносился испытуемыми по качеству как долгий [i:], но при этом положительно оценивался экспертами);

- 3) присвоить больший вес ошибкам типа III;

- 4) учитывать признак *долготы*: несмотря на то, что дикторы произносили монофтонги [a] — [a:] близко к эталонным значениям по качеству, специалисты выделили большое количество ошибок в словах с ударными [a] и [a:].

3. Выводы

В рамках задачи лингвистического обеспечения фонетических тренажеров полученные в настоящей работе данные важны не только для автоматической *локализации произносительных ошибок*, но и для их ранжирования от более критичных к менее значимым. Если компьютерная программа будет выделять слишком много или слишком мало ошибок, это может привести к снижению эффектив-

ности тренажера или к потере интереса у пользователя. Рейтинг произносительных ошибок может существенно облегчить задачу составления *сбалансированной обратной связи*. Еще одно перспективное направление исследований — это разработка упражнений для корректировки типичных произносительных ошибок в немецкой речи носителей русского языка. В таких упражнениях, в частности, могут использоваться скороговорки [Черепанова, 2017]. Дальнейшие контрастивные исследования в языковой паре русский-немецкий могут быть связаны с признаком длительности гласных, более широким составом их аллофонов, а также с КА согласных и просодических характеристик.

Список литературы

1. Блок Э.Е. Прогноз звуковых замен в речи инофона на основе контрастивного лингвистического анализа и эмпирических наблюдений (на материале русского и немецкого языков) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 6. С. 176–188.
2. Величкова Л.В. Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению. Воронеж, 1989.
3. Черепанова О.Д. Фонетические особенности немецкого и русского языков через призму скороговорок // Рема. 2018. № 3. С. 77–93.
4. Demenko G., Wagner A., Cylwik N. The Use of Speech Technology in Foreign Language Pronunciation Training // Arch. Acoust. 2010. V. 35. No. 3. P. 309–329.
5. Engwall O., Bälter O. Pronunciation Feedback from Real and Virtual Language Teachers // Computer Assisted Language Learning. 2007. V. 20. No. 3. P. 235–262.
6. Harrison A., Lo W.K., Qian X.J., Meng H. Implementation of an Extended Recognition Network for Mispronunciation Detection and Diagnosis in Computer-Aided Pronunciation Training // Proc. 2nd ISCA Workshop on Speech and Language Technology in Education. 2009. P. 1–4.
7. Hincks R. Speech technologies for pronunciation feedback and evaluation // ReCALL. 2003. V. 15. No. 1. P. 3–20.
8. Kolesnikova O. Linguistic Support of a CAPT System for Teaching English Pronunciation to Mexican Spanish Speakers // Research in Computing Science. 2012. V. 56. P. 113–129.
9. Koreman J., Bech Ø., Husby O., Wik P. L1-L2map: a tool for multi-lingual contrastive analysis // Proceedings of ICPHS XVII. 2011. P. 1142–1145.
10. Leinonen T. Analyzing vowel distance // LOT winter school. Groningen, 2009.
11. Lobanov B.M. Classification of Russian vowels spoken by different speakers // J. Acoust. Soc. Am. 1971. V. 49. P. 606–608.
12. Neri A., Cucchiaroni C., Strik H. ASR-based corrective feedback on pronunciation: does it really work? // INTERSPEECH. 2006. P. 1982–1985.

ACOUSTIC CONTRASTIVE ANALYSIS AS A LINGUISTIC TOOL FOR CAPT-SYSTEMS (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND GERMAN VOWELS)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Research shows that one of the key features that can improve the effectiveness of CAPT-systems is error localization at the level of phonemes. Linguistic information about the user's native language can facilitate this task. Provisions of contrastive analysis state that by comparing the phonetic systems of L1 and L2 we can predict interferential pronunciation errors most typical for L1 speakers in their L2 speech. Contrastive analysis is usually based on *articulation* and/or *phonetic* features of phonemes. In this paper, we discuss the method of *acoustic* contrast analysis on the material of Russian and German vowel subsystems. The analysis is based on F1 and F2 frequencies. As a result, we predicted three types of errors that native Russian speakers are most likely to make in vowels in their German speech: 1) lack of opposition between short and long vowels; 2) replacement of German monophthongs [u], [o] by acoustically close Russian vowels; 3) pronunciation errors on vowels [y] — [y:] and [œ] — [ø:]. So as to confirm empirically the occurrence of these predicted errors, we analyzed German speech of native Russian speakers. Its acoustic analysis showed that all three types of pronunciation errors are regularly made by Russian speakers. The analysis showed that type 3 errors are perceived as having the strongest effect on speech accent. The obtained data can be used in CAPT-systems to improve error localization at the level of phonemes and the user feedback module.

Key words: acoustics; contrastive analysis; CAPT-systems; Russian; German.

About the author: *Olga Cherepanova* — PhD Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: cherepanova.od@gmail.com).

References

1. Blok E.E. Prognoz zvukovykh zamen v rechi inofona na osnove kontrastivnogo lingvisticheskogo analiza i empiricheskikh nablyudeniy (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [The prediction of sound substitutions in the non-native speech on the basis of contrasting linguistic analysis and empirical observations (on the material of Russian and German)]. *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya*, 2014, No. 6, pp. 176—188. (In Russ.)
2. Velichkova L.V. *Kontrastivno-fonologicheskij analiz i obuchenie inozazychnomu proiznosheniju* [Contrast-phonological analysis and learning of foreign language pronunciation]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1989, 197 p. (In Russ.)

3. Cherepanova O.D. Foneticheskie osobennosti nemeckogo i russkogo jazykov cherez prizmu skorogovorok [Contrastive phonetic analysis of Russian and German tongue twisters]. *Rhema*, 2018. No. 3, pp. 77–93. (In Russ.)
4. Demenko G., Wagner A., Cylwik N. The Use of Speech Technology in Foreign Language Pronunciation Training. *Arch. Acoust.* 2010. V. 35. No. 3, pp. 309–329.
5. Engwall O., Bälter O. Pronunciation Feedback from Real and Virtual Language Teachers. *Computer Assisted Language Learning*. 2007. V. 20. No. 3, pp. 235–262.
6. Harrison A., Lo W.K., Qian X.J., Meng H. Implementation of an Extended Recognition Network for Mispronunciation Detection and Diagnosis in Computer-Aided Pronunciation Training. *Proc. 2nd ISCA Workshop on Speech and Language Technology in Education*. 2009, pp. 1–4.
7. Hincks R. Speech technologies for pronunciation feedback and evaluation. *ReCALL*. 2003. V. 15. No. 1, pp. 3–20.
8. Kolesnikova O. Linguistic Support of a CAPT System for Teaching English Pronunciation to Mexican Spanish Speakers. *Research in Computing Science*. 2012. V. 56, pp. 113–129.
9. Koreman J., Bech Ø., Husby O., Wik P. L1-L2map: a tool for multi-lingual contrastive analysis. *Proceedings of ICPhS XVII*. 2011, pp. 1142–1145.
10. Leinonen T. Analyzing vowel distance. *LOT winter school*, Groningen, 2009.
11. Lobanov B.M. Classification of Russian vowels spoken by different speakers. *J. Acoust. Soc. Am.* 1971. V. 49, pp. 606–608.
12. Neri A., Cucchiaroni C., Strik H. ASR-based corrective feedback on pronunciation: does it really work? *INTERSPEECH*. 2006, pp. 1982–1985.

О.Л. Довгий

ИРОНИЯ В САТИРАХ А.Д. КАНТЕМИРА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья является продолжением серии публикаций автора о поэтике сатир А.Д. Кантемира и посвящена микрофилологическому анализу механизма создания иронического модуса — главного в сатирах. Основным средством создания иронического эффекта является сравнение, постоянно балансирующее между режимом литоты и режимом гиперболы. Особое внимание уделяется приему «превзойденного образца» — когда заведомо низкий персонаж «посрамляет» античного бога или признанного мастера в его сфере. Режим иронического тождества также входит в риторический арсенал Кантемира. В статье подробно рассматривается топика иронических сравнений, материал для которых привлекается из различных разделов универсального фонда готового слова: античной мифологии, европейской и русской истории, культуры, быта, профессиональных кодов и т.д. На создание иронического тона работают все уровни текста — синтаксис, семантика, грамматика, фонетика, рифма. Кантемир широко использует композиционные средства, контрастное соположение уровней RES/VERBA, различных кодов (мифологических, бестиарных, гастрономических, телесных, профессиональных и т.д.), создающих нарочитое нарушение иерархии и вызывающих смех. В ходе анализа выявляются две основные функции мифологического кода в сатирах: просветительская и поставляющая материал для иронических сравнений. Ирония Кантемира не знает закрытых областей; авторская самоирония — органическая черта сатир. Особенно ярко авторская ирония Кантемира проявляется в поэтологической сфере: при описании писательского труда во всех деталях. Система риторических средств, способствующих созданию риторического тона, присутствующая в сатирах, универсальна и оказалась широко востребована последующей русской поэзией.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир; сатиры; поэтика; микрофилологический подход; ирония; топика; грамматика; фонетика; режим литоты; режим гиперболы; самоирония.

О своеобразии иронии Кантемира писали уже в XIX в.: «... Главнейшее достоинство Кантемира есть острота. Никто из наших писателей не обладал ею в такой степени. Посмотрите, как ядовит

Довгий Ольга Львовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры истории русской классической литературы РГГУ (e-mail: olga-dovgy@yandex.ru).

он в своих намеках, как ловок в своих прелогах, как тонок в своем притворном простодушии» (Д.Н. Толстой); «Насмешка и ирония — вот в чем заключается талант Кантемира...» (В.Г. Белинский).

«Острый ум», «острый язык» — эти формулы постоянно встречаются в сатирах. Ирония, действительно, — их главный тон. Но на чем основана знаменитая острота Кантемира? Как ему удастся «ругать, изображая хвалу, и восхвалять, изображая порицание» ([Махов, 2010: 426])?

Между литотой и гиперболой

В основе механизма иронии в сатирах лежит сравнение. Сравниваемый предмет может быть выше или ниже образца; а может быть признан равным ему. А.Е. Махов ввел термины «режим литоты» (сравнение с заведомо низким образцом) и обратный ему «режим гиперболы» ([Махов, 2014: 146]). Основная тактика Кантемира — балансирование между гиперболой и литотой.

Откуда выбираются образцы для сравнения? К услугам Кантемира весь фонд готового слова европейской поэзии — и *соріа регум*, и *соріа verborum*. Он черпает материал из мифологии, европейской и русской истории и культуры.

Зависть Аполлона

Всякий твой член в золоте и в камнях блистает,
Которы шлет Индия и Перу обильны,
Так, что лучи от тебя глаза снести не сильны.
Спишь в золоте, золото на золоте всходит
Тебе на стол, и холоп твой в золоте ходит,
И сам Аполлон, тебя как в улице видит,
Свите твоей и возку твоему завидит...

[Кантемир, 1956: 149]

Кантемир применяет свой любимый прием диссоциации, перечисления: мало сказать, что всякий член в золоте; надо многократно повторить это слово в разных падежах — золото везде, его некуда девать; парегменон и полиптотон создают гротескную картину, которая и заканчивается гротескно — мотивом зависти бога Аполлона. Это режим иронической гиперболы. Ирония усиливается от соположения кодов — мифологического и бестиарного:

Вот уж достиг, царскую лишь власть над собою
Знаешь; человеческ род весь уж под тобою
Как червяк ползет; одним взглядом ты наводишь
Мрачну печаль и одним — радости свет вводишь.
Все тебя, как бы божка, кадить и чтить тшятся,
Все больше, чем чучела — вороны, бояться...

[Кантемир, 1956: 149]

Если противопоставить две оппозиции («новый герой/все» и «чучело/вороны»), то по аналогии герой оказывается чучелом. А до этого упоминался червяк. Перед нами режим литоты в чистом виде. Сравнение с чучелом и воронами уж точно не тянет вверх. А то, что хозяин и холоп оба ходят в золоте и ничем не отличаются друг от друга, — возвышает ли хозяина?

«Посрамление» Венеры и Елены

Венера возникает в рассказе о тяжелой жизни охотника за чинами, о том гиперболическом вранье, которое приходится либо слушать, либо произносить:

Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой;
Кривую жену его называть Венерой...

[Кантемир, 1956: 148]

Перед нами оппозиция крайностей: «кривая жена/Венера». Венера посрамлена уже самим приравнением к кривой жене. А рифма «серой — Венерой» еще более усиливает это унижение: серость кафтана распространяется на кривую жену, делая ее еще более непривлекательной; задевает она и Венеру. Так что перед нами разнонаправленная фигура: для кривой жены сравнение с Венерой, безусловно, гипербола; а вот Венера невольно подвергается сопоставлению литотному.

Елена, для которой в сатирах есть перифраз «Менелаева жена», оказывается приотправшей в сравнении с Титовой женой:

Если б Титова жена Парису знакома
Была, — Менелаева пряла б пряжу дома...

[Кантемир, 1956: 97]

Режим гиперболы часто лежит в основе тактики льстеца: взять самый высокий образец и показать, насколько он ниже человека, которого в данный момент Тит хвалит. Но композиционное соположение часто бросает от гиперболы к литоте: сначала речь идет о Елене, потом сразу о ночном горшке:

В с.....м горшке, в столчаке твоём он признает
Дух мускусный и без стыда подтверждать то станет...

[Кантемир, 1956: 97]

Показания органов чувств часто используются для создания комического эффекта, для насмешки над персонажами: так, операцию замены слова для запаха горшка производит лстец Трофим «с языком сладким»: сталкиваются данные обоняния и вкуса. Гендиадис, называющий двумя разными словами источник запаха («с-й горшок» и «столчак»), — знак истинного качества запаха и бесстыдной лжи подхалима.

Евгений = Нарцисс

Режим иронического тождества — тоже сильное средство. Самовлюбленный щеголь Евгений из 2-й сатиры приравнивается к античному персонажу и превращается в еду для своих глаз:

Дивится тому строению племя
Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
Глотаешь очми себя...

[Кантемир, 1956: 72]

Евгений вообще атакован ироническими стрелами сверх всякой меры: он «посрамил» немало античных образов; и лишь один оказался ему «равен». Но и тут введение гастрономического кода окончательно переводит тождество в иронический план.

Эти примеры позволяют говорить о двух разных функциях мифологического кода сатир — по сути, тоже высокой и низкой: просветительской (в примечаниях Кантемир дает подробные сведения об античных персонажах) и поставляющей материал для иронических сравнений.

Немало «посрамленных образов» и в античной истории — например, Рекс. Его имя встречается дважды. В первой сатире король портных одерживает победу над королем ораторов Цицероном в споре образов из разных областей жизни (сапожника Егора и портного Рекса против Вергилия и Цицерона). Даны два параллельных ряда мастеров; две пары тех, кто шьет одежду и обувь, — и тех, кто шьет стихи и речи:

Пред Егором двух денег Вергилий не стоит;
Рексу — не Цицерону похвала достоин...

[Кантемир, 1956: 60]

И Вергилию, и Цицерону достается отрицание и на уровне формы: частица «не». У Вергилия она стоит перед глаголом, Цицерон глагола вообще не удостоивается, он дан мимоходом — по пути от Рекса к похвале. Имя в дательном падеже как бы сметено с дороги этой частицей. В чужом цехе он одержал победу, а в своем не смог: Рекс оказывается побежденным Евгением на своей же территории:

Каков рукав должен быть, где клинья уставить,
Где карман, и сколько грудь окружа прибавить;
В лето или осенью, в зиму и весною
Какую парчу подбить пристойно какою;
Что приличнее нашить: серебро или золото,
И Рексу лучше тебя знать уж трудновато...

[Кантемир, 1956: 72]

Основная задача в каждой области — превзойти признанный образец; принцип подражания-соревнования работает во всех сферах. Филарет констатирует, что Евгений в своем знании мод превзошел Рекса, главный авторитет в «искусстве кройки и шитья». Однако все строение фразы — использование союза «и» в функции эмфазы («даже самому Рексу»), шифтер «уж»¹, издевательский суффикс «-оват» в прилагательном («трудновато») рядом с именем Рекса — свидетельствует об ироническом модусе высказывания.

Описание трудов при шитье кафтана построено по принципу сопоставления этого труда с военным, поэтическим и поповским. Для высмеивания Евгения Филарет извлекает все новые примеры из разных блоков. Разнообразя материал иронических сравнений, Филарет явно стремится ориентировать читателя на осуждение таких безделок. Вот пример из блока «античная история»:

Не столько стало народ римлянов пристойно
Основать, как выбрать цвет и парчу и стройно
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды...

[Кантемир, 1956: 72]

Начало ироническому пассажи задает очень важная в сатирах частица «не». Сравняются заведомо неравные величины: основание народа и пошив кафтана — что уже само по себе настраивает на иронический лад. В начало строк вынесены глаголы «основать» и «сшить», в рифму наречия декорума «пристойно» и «стройно». Если пассаж о народе римлянов краток и неукрашен, то пассаж о кафтане риторически расширен: его надо не просто «стройно сшить», а сшить «по правилам щегольства и моды». Считать ли словосочетание «стройно сшить по правилам щегольства и моды» плеоназмом или увидеть в формуле «щегольство и мода» гендиадис — дело оптики; но в любом случае эта переукрашенность при рассказе о такой, с точки зрения Филарета, мелочи работает на создание оппозиции между ничтожностью предмета и пышностью описания, что и рождает иронический эффект. А предшествует пошиванию кафтана — выбор цвета и парчи. Это своего рода ироническая ретардация: не «цвета парчи», а и цвета, и парчи — все постепенно, все неспешно, все требует повышенного внимания. Так создается гиперболизированное утрированное описание — что и нужно для необходимого иронического эффекта.

Материал из блока русской истории тоже активно привлекается для иронических сравнений. Например, выбор Владимира для обозначения временного края как показателя древности рода — тоже пример гиперболического вранья:

¹ О роли шифтеров в сатирах см.: [Довгий, 2018: 53].

Нужно часто полыгать, небылицу верить
Большу, чем что скорлупой можно море смерить;
Господскую сносить спесь, признавать, что родом
Моложе Владимира одним только годом,
Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой...

[Кантемир, 1956: 148]

Владимир композиционно оказывается в позиции «превышения гиперболы» (после словосочетания «большу, чем скорлупой можно море мерить» — читай: утверждение о такой древности рода — ложь еще бóльшая, чем сказка про скорлупу и море), а отрезвляющее напоминание о сером кафтане отца закономерно спускает его по режиму литоты. Лексическое расширение «одним только» должно бы служить знаком достоверности — на деле же наоборот: это та капля, которая и служит для полной дискредитации высказывания.

На режиме иронической гиперболы держится и блок «экзотические страны, география». Чем экзотичнее и фантастичнее образцы — тем ниже в сравнении с ними сравниваемый предмет или человек. В данном случае — Евгений:

Как войско расположить, как раскопать шанцы,
Столь дико тебе, как нам — *китайские танцы*;
Осады, окоп, наступ когда поминаю,
Чашешь ты, что арапским языком болтаю...

[Кантемир, 1956: 373]

Профессиональный блок (а в сатирах представлены все основные поприща) — тоже богатый источник иронических сравнений. Главным украшением кантемировского фонда готового слова, без сомнения, являются попы. Жир, брюхо, борода, четки, поклоны, свечи, пьянство, участие в драке, спешка и непрофессионализм при богослужении и т.д. — все эти качества многократно отмечаются в сатирах и вызывают смех автора и читателя. К тому же у слова «поп» множество красноречивых синонимов — например, «безмозглый церковник». Сравнение с попами всякий раз представляет собой наглядный пример иронического движения между режимом литоты и гиперболы. Кантемир никогда не упускает случая уколоть попов.

Возьмем все тот же монолог Филарета — его иронический эпидейксис тщательности Евгения во всем, что касается моды:

Пора, место и твои рассмотрены годы,
Чтоб летам сходен был цвет, чтоб, тебе в образе,
Нежду зелень в городе не досажал глазу,
Чтоб бархат не отягчал в летнюю пору тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело,
Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
Как искусные попы всякого дни звоны...

[Кантемир, 1956: 72]

Попы возникают в конце пассажа как эталон. Они защищены эпитетом «искусные». Но этот эпитет заставляет видеть скрытую антитезу и подозревать наличие также и неискусных попов, чему в сатирах есть много подтверждений. Возвышает ли модника сравнение с попами? А попов — с модником? Вопрос дискуссионный. И эта неоднозначность оценки еще более усиливает ироническую окраску.

Вот пример «вывернутого» сравнения — из речи того же Филарета:

А зависти в тебе нет, как в попах соборных...

[Кантемир, 1956: 68]

В примечаниях Кантемир разъясняет: «Соборные церкви называются, у которых несколько попов служат. Редко в таких попах согласие живет, понеже одного ремесла люди в обществе без зависти пробыть не могут» [Кантемир, 1956: 78]. Серьезный и бесстрастный тон примечания контрастирует с эмоциональной окрашенностью самой строки — что тоже работает на создание иронического тона.

Пример из поэтологического блока. Речь идет о работе автора над правильно выбранной темой. Для обозначения скорости процесса автор приводит два сравнения:

Проворен, весел спешу, как вождь на победу,
Или как поп с похорон к жирному обеду...

[Кантемир, 1956: 113]

Сравнение с вождем — гипербола; сравнение со спешащим с похорон попом — безусловно, литота. Вообще спешка попов при исправлении своих обязанностей — это особый блок в фонде готовых иронических сравнений.

Иронические эпитеты

Супруга соседа из 3-й сатиры иронически названа «чистой». Она настолько чистая и доверчивая, что легко может быть поймана на золотую наживку:

Чистую удачливо удит
Золотом мягкий Силван супругу соседа...

[Кантемир, 1956: 96]

Иронические афоризмы

Их в сатирах предостаточно — сатиры разошлись на пословицы не хуже комедии Грибоедова. В основе, как правило, парадоксальное сближение по антитезе:

Дрова метая в огонь, пожар гасить трудно!

[Кантемир, 1956: 127]

Умно сморкнуть кривой нос знает

[Кантемир, 1956: 97]

Грамматические способы создания иронического модуса

Оппозиция единственного/множественного числа:

Архипастырь/архипастыри

Первый раз слово встречается в единственном числе в первой сатире. Этот чин является пределом мечтаний любого служителя церкви:

...Должен *архипастырем* всяк ты в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти...

[Кантемир, 1956: 60]

Но вот в 6-й сатире богатый старик подробно рисует обряд своих будущих похорон — и слово отражается в зеркале множественного числа:

Хоть чуть видят слабые бумагу уж взгляды,
Начнет писать похорон своих все обряды:
Сколько *архипастырей*, попов и причету
Пред гробом церковного и сколько по счету
Пойдет за гробом родни с горькими слезами,
С какими и сколькими провожать свечами...

[Кантемир, 1956: 135]

Сменив грамматическое число, архипастырь из знака верховной власти превращается в элемент декорума, обряда пышных похорон; он подлежит счету. Большой удар по самолюбию трудно представить.

Кафтан — кафтаны

Модно сшитый кафтан — это метонимия щеголя; образец, на который будет равняться «племя ему подобных».

Но вот Кантемир подставляет грамматическое зеркало смены числа — и столь любовно и тщательно пошиваемый кафтан превращается в простое, легко исчисляемое мерило богатства и безжалостно запирается в чулан с десятками себе подобных:

Хоть платьем целые три набиты чуланы,
На всякий день новые шил себе кафтаны...

[Кантемир, 1956: 129]

Переход от единственного числа к множественному — это чаще всего сигнал снижения, деиндивидуализации, подведения под общее.

Кроме того, это очень важное средство иллюстрации относительности всего в мире — одной из основных идей сатир. Все, что в единственном числе было уникально и гордилось собой (человек, вещь, действие, слово и т.д.), приняв окончание множественного числа, теряет свою исключительность и переходит в разряд перечисляемого через запятую. Ирония — действенное средство для иллюстрации относительности любой уникальности. Осознание того, что любая кажущаяся уникальной вещь может быть скопирована и размножена, позволяет излечиться от чрезмерной гордости и тщеславия — пороков, обличению которых отводится так много места в сатирах.

Игра надежными окончаниями. Полиптон

Филарет, воспроизводя распорядок дня Евгения, описывает процесс приведения в порядок волос:

...волос с волосом прибираешь к чину:
Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
По румяным часть щекам, в колечки завиты,
Свободно станет играть, часть уйдет за тема
В мешок....

[Кантемир: 119]

Ироническая тактика Филарета в подробном и тщательном словесном воссоздании этого процесса, его медленности и постепенности. Напомним и об оппозиции темпов: Евгений «скоком прыгнул» к зеркалу — чтобы теперь так замедлиться. Каждый волос в единственном числе. Волосы имплицитно сравниваются с человеком. У волос есть свой чин, свой порядок; в отличие от людей, у которых порядка нет. Волосы сановиты. Участь волос (как и людей) различна: часть станет свободно играть, часть — уйдет в мешок. Прибирая волосы, Евгений не спешит. Судьба каждого волоса рассматривается отдельно, в соответствии с его чином, что отражено и на уровне грамматики. Все волосы даны в косвенных падежах: они не самостоятельны; ими управляет рука Евгения (для волос это рука судьбы). Для волоса в винительном падеже тщательно подбирается волос в творительном падеже, с которым его можно гармонично сочетать, не нарушив чина и порядка.

Отрицательные частицы «не» и «ни»

А. Белый писал, что «об употреблении Гоголем частиц «ни», «не», «и», уже можно прочесть четыре лекции...» [Белый Андрей, 1934: 80]. Употребление этих частиц у Кантемира заслуживает не меньшего внимания — в частности, их роль в создании иронического эффекта. И это естественно: ведь и сама литота у Кантемира часто выражается с помощью этих частиц.

Не последнюю роль в процессе создания общего иронического тона сатир играют апофатические характеристики. «Неприбавка

овцы к отцовскому стаду» столь же красноречива, как частый в сатирах мотив отказа от замены, выражаемый формулой «не сменит что-то на что-то» — например, Медор в 1-й сатире «не сменит на Сенеку фунт доброй пудры» [Кантемир, 1956: 60].

Сатир в 5-й сатире дает такое определение человеческой одежде:

...Недруги покоя,
Зимой от стужи, летом не щитят от зноя...

[Кантемир, 1956: 119]

Чтобы давать покой, одежда должна быть такой, чтобы во всякое время года одинаково «щитить». Отрицательная частица «не» в литоте («недруги» вместо «враги») перекликается с отрицанием при глаголе: «недруги не щитят». Множественное число еще более усиливает ощущение предательства этих ложных помощников.

Полиmodalность

Ирония проявляется и в том, что Кантемир, чтобы доказать пользу наук, «притворно берет сторону глупцов и невежд» [Жуковский, 1960: 431] и дает слово в первой сатире четырем хулителям наук. Это известный с античности прием — предоставление слова самой глупости и невежеству — направленный на доказательство абсурдности позиции оппонента. Фактически эти четыре монолога — экспозиция дальнейшего содержания всех сатир. Четыре оратора сами себя разоблачают.

«Свята душа» Критон «ворчит и вздыхает» и фактически сводит суть понятия «добрый нрав» к рифме «квасу-мясу»:

Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу...

[Кантемир, 1956: 58]

«Румяный Лука» произносит свой монолог о пользе вина и вреде книг, предварительно «трожды рыгнув», и т.д.

Параллельные конструкции

Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Хочешь ли судьбою стать — вздень перук с уздами...

[Кантемир, 1956: 69]

Так на уровне обыденного сознания судят о сути поприщ священнослужителя или судьи.

К разделу параллелизмов относится и любимый Кантемиром прием перечисления, череда риторических вопросов — как, например, в случае выяснения Филаретом возможных причин плохого настроения Евгения:

Что так смутен, дружок мой? Щеки внутрь опали,
Бледен, и глаза красны, как бы ночь не спали?

Задумчив, как тот, что, чин патриарш достати
Ища, конный свой завод раздарил нектати?
Цугом ли запрещено ездить, иль богато
Платье носить, иль твоих слуг пеленать в злато?
Карт ли не стало в рядах, вина ль дорогого...

[Кантемир, 1956: 68]

Употребление несобственных имен

В ономастиконе сатир большую роль играют персонажи с именами «иной», «другой», «все». Их суждения — всегда знак включения иронического режима:

Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна — пусты руки»...

[Кантемир, 1956: 61]

Ироническая синхрония

Это тоже оружие искушенного в риторике Филарета:

Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор — тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты под парчою,
Углублен мягко в пуху телом и душою,
Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли;
Зевнул, растворил глаза, выпался до воли,
Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая
Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая...

[Кантемир, 1956: 71]

Временная антитеза — по сути уже знакомый нам прием сравнения в режиме гиперболы: когда потомок еще нежится в пуховой постели, предки уже выводили войска для битвы.

Бестиарные сравнения

И, чужих обнажена красных перьев, галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка...

[Кантемир, 1956: 71] —

таким ярким бестиарным сравнением венчает Филарет пассаж о необходимости собственными делами поддерживать доброе имя и славу предков. Легко увидеть, что это тоже режим литоты.

Фонетические жесты

«Нет правды в людях, — кричит безмозглый церковник, —
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею...»

[Кантемир, 1956: 61]

«Псалтырь и послания», «в Златоусте не запнусь» — для безмозглого попа сами эти словосочетания — просто сложное фонетическое

упражнение, напоминающее скороговорку. Для церковника уже само произнесение этого сложного набора звуков («псл», «злтст») — труд немалый. Он хвастается умением бегло их произносить (видимо — не всем попам это удастся); о смысле ему думать некогда.

Ироническое освещение писательского труда

В описании отношений автора и произведения, автора и читателя особенно ярко проявляется самоирония Кантемира. Риторические принципы построения иронических пассажей о поэтическом труде в целом те же, что описаны выше.

Иронический портрет автора строится на активном использовании телесной топики и частиц «не» и «ни»:

...сколько ногти ни грызу, ни тру лоб вспотелый —
С трудом стишка два сплету, да и те неспелы...

[Кантемир, 1956: 112]

Именно так будут изображать незадачливого автора в комедиях. Иронически обыгрываются отношения автора с музой. «Ворчишь», «жмешься и краснеешь», «болтнешь без всякой украсы» — все это глаголы из низкого, непоэтического регистра. Их применение к музе (да еще в режиме диалога), существу, принадлежащему к самым высшим поэтическим сферам, в очередной раз иллюстрирует поэтологическую установку Кантемира на контраст, на антитезу, на нарушение иерархии. А в его поэтике, как правило, это знаки иронии.

Кантемир постоянно применяет к себе литотные бестиарные сравнения:

Вот для чего я, уме, немее быть клуши
Советую...

[Кантемир, 1956: 60]

Иронические рекомендации авторам

Автор дает иронические примеры сочинений в разных жанрах, показывая умение владеть каждым из них.

Рецепт любовных стишков:

...Запой в Амариллиных объятиях сладких
Счастливого Титира иль Ирис, бесшадну
К бедну Филену. Свою Титир жизнь прохладну
Не сменил на царскую славу и обильность;
Филен носит на лице жалкую умильность;
Ведет ли стадо поить, иль пасти на поли —
Смутен станет, и текут с глаз слезы доволи;
Ирис, мимо идучи, ход свой ускоряет,
Смеясь, и, горда, его рану огорчает...

[Кантемир, 1956: 111]

Рецепт стихов печальных:

Вскинь глаза на прошлу жизнь мою и подробно
Исследуй: счастье ко мне ласково и злобно
Бывало, больше в своей злобе постоянно.
Почерпнув довольну тут печаль, нечаянно
Новым уж родом стихов наполним тетради,
Прилично чтецам своим; и что больше кстати
Нам здесь, смертным, как печаль? Тужить не напрасно
Можем, приближаясь к смерти повсечасно...

[Кантемир, 1956: 112]

Для человека, которому посвящаются стихи, у Кантемира есть преобидное имя — «чучело»:

И сраден в пятнах глазам нашим представляет
Себя, кто мало пред тем бел, как снег, казался.
Куды тогда труд стихов моих уж девался?
Пойду ль уже чучело искать я другое,
Кому б тые прилепить?..

[Кантемир, 1956: 112]

Кантемир иронически показывает, что для похвал можно взять абсолютно любой объект и выбрать для него из фонда синонимов подходящее слово, которое, не меняя сути, сменит знак оценки: «Туллий лукав — назовем умным...» [Кантемир, 1956: 111]; Силван молчит — значит, умеет «обуздывать свой язык преострый»... [там же].

Итак, способы создания иронического тона в сатирах «без конца различны», поскольку велик и разнообразен фонд готового слова, откуда черпается материал для сравнений. На создание иронического тона работают сразу все уровни текста — синтаксис, семантика, грамматика, фонетика, рифма. А в основе механизма — сравнение, постоянно балансирующее между литотой и гиперболой.

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Кантемир // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 8. М., 1953–1959. С. 613–634.
2. *Белый А.* Мастерство Гоголя: Исследование / Предисл. Л. Каменева. М.; Л., 1934.
3. *Довгий О.Л.* Оппозиция «Края/середина в сатирах А.Д. Кантемира» // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2018. № 1. С. 54–64.
4. *Жуковский В.А.* О сатире и сатирах Кантемира // Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1960. С. 419–446.
5. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений / Вступ. ст. Ф.Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. 2-е изд. Л., 1956 (Б-ка поэта).
6. *Толстой Д.Н.* О жизни и трудах князя А.Д. Кантемира // Русские классики. Тетрадь 1. Кантемир. СПб, 1836. С. 1–13.

7. *Махов А.Е.* Странные сближения в бестиарной эмблематике // Риторика бестиарности: Сб. статей. М., 2014. С. 144–153.
8. *Махов А.Е.* Тропы // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. М., 2010. С. 421–437.

Olga Dovgy

IRONY IN A. CANTEMIR'S SATIRES

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This paper is a microphilological study of the poetics of A. Cantemir's satires. It discusses schemes of creating the ironic mode, the principal mode is the satires. An ironic effect is created through a comparison that constantly balances between the regime of litotes and the regime of hyperbole. Special attention is paid to a device that can be called 'overshadowing the ideal', when a lowly character is bringing disgrace on an ancient god or a recognized master. Cantemir's rhetorical arsenal also includes the regime of ironical identity. The article minutely discusses ironic comparisons, the material for which is drawn from various sections of the universal fund of the ready-made word: ancient mythology; European and Russian history; culture; everyday life; and professional codes. The ironic tone is created at the levels of syntax, semantics, grammar, and phonetics. Cantemir makes extensive use of compositional means, contrasting the combination of RES/VERBA levels, various codes, including mythological, bestiary, gastronomic, corporal, and professional, creating a deliberate violation of the hierarchy and causing laughter. Research has revealed two major functions of the mythological code in satires: enlightening and supplying material for ironic comparisons. Irony of Cantemir boundless; authorial self-irony is an organic feature of his satires. Especially bright Cantemir's irony is in describing the writer's work in detail. The system of rhetorical means that contribute to the creation of ironic tone in satires is universal and has been highly demanded by forthcoming Russian poetry.

Key words: A. Cantemir; satire; microphilological approach; irony; similes; litotes regime; hyperbole regime; topic; grammar; phonetics; self-irony; poetics.

About the author: *Olga Dovgy* — Prof. Dr. (Philology), Senior Researcher, Department of Literary and Art Criticism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Department of the History of Russian Classical Literature, Russian State University for the Humanities (e-mail: olga-dovgy@yandex.ru).

References

1. Belinskii V.G. Cantemir. *Belinskii V.G. Poln. sobr. soch.* [Complete works]: in 13 vol. M., RAS Publ., 1953–1959. Vol. 8, 1955, pp. 613–634.

2. Belyi A. *Masterstvo Gogolia: Issledovanie*. Predisl. L. Kameneva [Gogol' Art: A Study. Preface by L. Kamenev]. M.; L., *GIKhL* [State Literary Publ.], 1934, 324 p.
3. Dovgii O.L. Oppozitsiia «Kraia/seredina v satirakh A.D. Kantemira» [Opposition edges/the middle in the satires of Cantemir]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Ser. literatury i iazyka* [RAS Proceedings. Literature and Language Series]. 2018, № 1, pp. 54–64.
4. Zhukovskii V.A. O satire i satirakh Cantemira. [On Satire and Satires of Cantemir] Zhukovskii V.A. *Sobr. soch.* [Works]: in 4 vol. Vol. 4. M., *GIKhL*, [State Literary Publ.] 1960, pp. 419–446.
5. Cantemir A.D. *Sobranie stikhotvorenii*. [Collection of poems] Vstup. st. F.Ia. Priimy; podgot. teksta i primech. Z.I. Gershkovicha [Prefaced by F.Ia. Prijma; commentary by Z.I. Gershkovich]. 2nd ed. L., 1956 (B-ka poeta [Poet' Library]), 557 p.
6. Tolstoi D.N. O zhizni i trudakh kniazia A.D. Cantemira. [On Life and Works of Prince A.D. Cantemir] *Russkie klassiki* [Russian classics]. Tetrad' 1 [Book 1]. SPb, 1836, pp. 1–13 (first pagination).
7. Makhov A.E. Strannye sblizheniia v bestiarnoi emblematike. [Strange convergence in bestiary emblems] *Ritorika bestiarnosti*: Sb. statei [Rhetoric of bestiary]. M., *Intrada*, 2014, pp. 144–153.
8. Makhov A.E. Tropy [Tropes]. *Evropeiskaia poetika ot antichnosti do epokhi Prosveshcheniia* [European poetics from Antiquity to the Enlightenment]. M., *Intrada*, 2010, pp. 421–437.

А.С. Федотов

**МЕЖДУ ГАЗЕТОЙ И ЖУРНАЛОМ:
«МУЗЫКАЛЬНЫЙ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВЕСТНИК»
В РЯДУ ДРУГИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ¹**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Дается общая характеристика журнала «Музыкальный и театральный вестник», выходившего в Санкт-Петербурге в 1856–1860 гг. Перечислены основные рубрики, постоянные сотрудники, отмечены наиболее заметные материалы, охарактеризована стратегия редактора М.Я. Раппапорта, кратко описаны обстоятельства закрытия журнала. Автор защищает идею, согласно которой в основе стратегии издателя специального театрального периодического органа лежит стремление к адекватности издания самому ритму театральной жизни. Этот ритм по определению более высокий, чем в литературе, отчасти из-за специфики театрального спектакля в эпоху до возникновения технических средств его фиксации, отчасти из-за исключительно текучего репертуара столичных императорских театров в середине XIX в. В качестве гипотезы предлагается идея, что формат «Музыкальный и театральный вестник» мог позаимствовать у просуществовавшей всего три месяца газеты «Театральная летопись», издание которой предприняли в 1845 г. А.А. Григорьев и В.С. Межевич. «Музыкальный и театральный вестник» был призван не просто занять нишу «Пантеона», отказавшегося от специально театрального статуса и ставшего общелитературным журналом, но и предложить русской публике принципиально новый издательский продукт, качественнее обслуживающий читателя-театрала.

Ключевые слова: история русской журналистики; театральная периодика; «Музыкальный и театральный вестник»; М.Я. Раппапорт; В.Я. Стоюнин; А.Н. Серов.

Журнал «Музыкальный и театральный вестник»² (далее — *MuTB*) изучен явно недостаточно [Медведева, 2003; Королев, 1999: 65–66].

Федотов Андрей Сергеевич — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anfed86@icloud.com).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–312–20003.

² С № 36 (15 сентября) за 1857 г. журнал стал называться «Театральный и музыкальный вестник». Изменение названия редакцией никак не пояснялось, но, вероятно, могло быть связано с изменением пропорций «музыкального» и «театрального» в издании в пользу последнего.

В этой статье я опишу основные особенности еженедельника, суммирую данные о его содержании, сотрудниках и композиции, а также впишу *MuTB* в типологию русских театральных журналов и газет, тем самым определив его место в этой журналистской суботрасли. Принципиальным для меня будет вопрос об адекватности журнальной модели *MuTB* темпу театральной жизни³.

1

MuTB появился в 1856 г., как и ряд других периодических изданий, включавший «Русский вестник», возобновленный в новом формате «Сын Отечества», славянофильскую «Русскую беседу» и др. Резкое увеличение числа журналов связано со смертью Николая I в марте 1855 г. и окончанием действия распоряжения императора, чтобы новых повременных изданий в России не появлялось⁴.

Этот специальный театральный журнал в каком-то смысле занимал нишу «Пантеона», который начал существенно запаздывать в 1855 г. и прекратился в 1856 г. Впрочем, в последние годы «Пантеона» редактор Ф.А. Кони переформатировал издание в общелитературный журнал, оставив под театральные пьесы только специальное приложение. «Пантеон» не выдержал конкуренции с другими энциклопедическими журналами и одновременно потерял того читателя, который выписывал его собственно ради театральных пьес и рецензий.

MuTB был еженедельной газетой или журналом⁵, сначала в 16, позднее — 12 (1858 г.), а в последние два года существования — 8–10 страниц газетного формата, напоминая в этом отношении «Литературную газету» или упомянутый «Сын Отечества». Объем журнала мог варьироваться и в течение года. В летние, скупые на события месяцы число листов могло уменьшаться. *MuTB* издавался и редактировался театральным критиком М.Я. Раппапортом (1826–1884), печатавшимся в разное время в «Репертуаре и Пантеоне», «Сыне отечества», «Биржевых ведомостях», а впоследствии ставшим театральным антрепренером (см. некролог: [Стоюнин,

³ См. мои рассуждения на эту тему в связи с историей журнала «Репертуар и Пантеон»: [Федотов, 2016: 32–38].

⁴ «Циркуляром от 1 октября 1836 г. на некоторое время было запрещено подавать прошения об основании новых периодических изданий, при этом возобновление журнала рассматривалось как основание нового (14 октября 1839 г.)» [Патрушева, Фут, 2016: 31]. Тексты циркуляров см.: [там же: 65]. Циркуляр 1836 г. стал, видимо, прямым следствием запретительной резолюции Николая I («И без того много») на прошение об издании «Русского сборника» [Стасов, 1903: 588–589; Скабичевский, 2011: 308].

⁵ На разнице между газетой и журналом я останавлиюсь позднее. Осознавая терминологическую условность, далее я буду называть *MuTB* журналом.

1884]). С 1858 г. издание *MuTB* и всех его приложений взял на себя Ф.Т. Стелловский, специализировавшийся в эти годы именно на производстве и распространении нот и других музыкальных изданий. С № 221860 г. Раппапорт более не значится редактором журнала. После этого момента журнал уже долго не протянет, без редактора выйдет всего 12 номеров.

Соединение в одном издании музыки и театра вполне закономерно. Эти сферы прочно связаны, эксплуатируют одни и те же помещения, адресованы одной и той же публике. Театрал середины XIX в. с более высокой степенью вероятности, чем нынешний, интересовался и драматическим театром, и оперой, и балетом. Видимо, до некоторой степени это связано с архаической синкретичностью самого театрального искусства этого времени, вынуждавшего драматических артистов много петь (например, в водевилях) и танцевать (в дивертисментах). Поскольку во время постов театральные спектакли были запрещены, музыкальные концерты фактически занимали их место. Это обеспечивало еженедельнику регулярный поток событий круглый год.

Раппапорту удалось в 1856 г. собрать в *MuTB* сильную команду авторов. Практически обо всем, что связано с музыкой, здесь писал А.Н. Серов. Так, в 1856 г. Серов отрецензировал: 1) «Узкие башмаки», оперетку О. Дютша (№ 8); 2) оперу «Северная звезда» Дж. Мейербера (№ 6–10); 3) девятую симфонию Бетховена (№ 15, 17); 5) «Марту», оперу в 4-х действиях, соч. Ф. фон Флотова (№ 42–43); 6) оперу Дж. Верди «Травиата» (№ 45); 7) оперу Джоаккино Россини «Граф Ори» (№ 50–51). Беспрецедентной по объему стала рецензия Серова на «Русалку», новую оперу А.С. Даргомыжского, растянувшаяся на 12 номеров (№ 20, 24, 26, 28, 32–34, 36–39). Кроме того, Серов напечатал в *MuTB* объемный «Курс музыкальной техники», подготовил к публикации «Заметки М.И. Глинки об инструментовке», вел регулярную рубрику «Новые музыкальные сочинения» под псевдонимом Модест 3-н, полемизировал с музыкальными обозревателями «Северной пчелы» Ф.М. Толстым и Ю.К. Арнольдом, регулярно помещал в журнале обозрения концертов, оперных гастролей, рецензии на премьерные или дебютные выступления. Кроме собственных текстов Серов готовил для *MuTB* многочисленные переводы: например, статьи Ф. Листа «“Роберт” Скриба и Мейербера», Л. Виардо «Музыка Бетховена к “Эгмонту” Гёте», Ф. фон Хиллера «Россини в Трувилле», статей и заметок А.Д. Улыбышева.

В 1857 г. вместо снизившего свою активность Серова (в первой половине года он не публикуется у Раппапорта вовсе) журналу удалось ненадолго привлечь Ю.К. Арнольда. Он вместе с Раппапортом вел регулярный, хотя просуществовавший и недолго театрально-музыкальный фельетон «Петербургский вестник».

В отличие от театральной части музыкальная включала множество практических, педагогических статей. Так, кроме уже упомянутого курса Серова в *МиТВ* была напечатана книга А. Контского «Изложение методы фортепианной игры», публикация которой растянулась на два года⁶, перевод труда Ф.-Ж. Фетиса «Изложение главных оснований музыкального искусства, или Краткое объяснение всего, что нужно знать, чтобы судить об этом искусстве, не имея в нем глубоких познаний и не будучи музыкантом»⁷ и др.

Самыми активными авторами театральной части были В.Я. Стоюнин и П.М. Шпилевский. Оба активнейшим образом сотрудничали в журнале до середины 1858 г., и их уход положил начало затяжному кризису издания. Шпилевский — известный литератор-этнограф, много писавший об истории и народной поэзии Белоруссии — в основном занимался в журнале регулярным рецензированием русских спектаклей в Петербурге. После долгой паузы он вновь ненадолго появится в журнале в 1859 г., но, как и Серов, прежней активности не проявит.

Стоюнин — известный петербургский педагог, преподаватель 3-й петербургской гимназии и автор важных сочинений о преподавании русской литературы в школе — в рубрике «Критические заметки» реагировал на публикации драматических пьес. Оставляя в стороне качество представления пьесы на сцене — это была епархия Шпилевского — Стоюнин оценивал пьесы с литературной точки зрения. Надо заметить, что Стоюнин предъявлял серьезные требования к уровню рецензируемых пьес. В 1856 г., например, отдельного разбора заслужили «Князь Луповицкий», комедия К.С. Аксакова (№ 22), «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина (№ 23), «Завтрак у предводителя» Тургенева (№ 35), пьесы В.А. Соллогуба и В.Р. Зотова, победившие в конкурсе к столетнему юбилею русского театра (№ 51). В «Критических заметках» Стоюнина 1858 г. разобраны «Три смерти» А.Н. Майкова (№ 7), «Смерть Пазухина» Салтыкова-Щедрина и «Не сошлись характерами!» Островского (№ 10), «Мишура» А.А. Потемина (№ 12), «Предубеждение» Н.М. Львова (№ 19).

У Стоюнина были не только критические амбиции. В 1856 г. он по частям опубликовал в «Музыкальном и театральном вестнике» свою книгу об А.П. Сумарокове, в этом же году вышедшую отдельным изданием [Стоюнин, 1856]. А в 1858 г. в «Вестнике» был помещен пространственный теоретический цикл «Драматическое выражение страстей»

⁶ Контский не был для журнала обычным вкладчиком. Весной 1856 г. Раппапорт и Контский подавали прошение о разрешении издания версии журнала на польском языке, в которой редактором должен был стать именно Контский. В цензуре вопрос был решен положительно, но до издания польского журнала дело так и не дошло. [Медведева, 2003: 104; Королев, 1999: 66].

⁷ Фр. «La musique mise à la portée de tout le monde: exposé succinct de tout ce qui est nécessaire pour juger de cet art, et pour en parler sans l'avoir étudié» (1830).

(№ 41—43, 45), в котором Стоюнин пытался классифицировать типы драматической интриги по лежащим в ее основании «страстям».

С уходом Стоюнина и Шпилевского в «Вестнике» настает явный кадровый кризис. Его причина не только в активности этих критиков, но — рискну здесь на оценку — и в их весьма серьезном профессиональном уровне. Раппапорт осенью 1858 г. привлек к работе в журнале К.И. Званцова, который помогал с регулярными театральными обзорами, рецензиями, фельетонами и проч., В.П. Петрова, который начал с юмористического отдела «Антракты», а затем участвовал и в других отделах. Отдел «Критические заметки» временно взял на себя Дм. Исаев. Уровень критики журнала существенно снизился, и Раппапорт продолжил поиски новой команды. Очередное обновление редакции происходит в середине 1859 г.: Исаев, Званцов и Петров сотрудничество в журнале закончили, им на смену пришел А.С. Гиероглифов.

С апреля 1859 г. «Критические заметки» перешли к Гиероглифову, он успел здесь отрецензировать, например, «Воспитанницу» Островского (№ 15), «Новейшего оракула» Потехина (№ 17). Гиероглифов вообще активно включился в дело и скоро прибрал и раздел «Театральная летопись», где обозревал спектакли Александринского театра.

Сам Раппапорт благодаря универсальным навыкам все время существования журнала не только снабжал его регулярными статьями, но и закрывал своими материалами образующиеся дыры, писал и о театре, и о музыке, сочинял фельетоны, театральную летопись и др. В начале 1860 г. он по сути вел умирающий журнал в одиночку, получая помощь разве что от московского корреспондента А. Баженова.

Журнал на протяжении всего своего существования публиковал мемуарные и исторические сочинения. Во второй половине 1857 г. здесь напечатаны «Картины прошедшего, записки русской артистки», А.Е. Асенковой, матери В.Н. Асенковой (№ 36—37, 39, 42, 44, 46, 49—51). На два года (1856—1857) растянулся «Исторический очерк театрального искусства на Западе и преимущественно в Германии», атрибутировать который пока не удалось. Вероятно, это было переводное сочинение.

Журнал с самого начала печатал массу приложений. В 1856 г. главным образом это были ноты, но иногда подписчики получали также портреты артистов. В 1857 г. еженедельник начал публиковать театральные пьесы. Ср., например: 1) Э. де Жирарден. Мать, сестра и невеста. Комедия в 1 д. (№ 9—11); 2) Актер С. Брянцев. Ростовщик, или Нашла коса на камень. Комедия в 1 д. (№ 13—14); 3) Актер С.О. Бойков. Купленный выстрел. Водевиль в 1 д. (№ 16—18); 4) А. Анненская. Редкий случай. Водевиль в 1 д. (№ 50—51). А. Дюма. Денежный вопрос. Комедия в 5 д. (№ 24—27, 29—30). В 1857 г. журнал напечатал также переводы повести Ж. Занд «Замок Дезерт» и А. Дюма

«Микель Анджело» и «Тициан Вечелли». Вообще готовность печатать художественные тексты для издания этого формата, видимо, свидетельствовала и о некотором кризисе наполнения.

После перехода хозяйственной части журнала в руки Стелловского в 1858 г. пьесы были вынесены в специальное ежемесячное приложение («Собрание театральных пьес»), что не отменило регулярных музыкальных приложений к журналу. Издание в этом отношении, видимо, воспользовалось опытом «Пантеона», также перенесшего театральные пьесы из основного корпуса в приложение.

«Вестник» имел раздел корреспонденции, где печатал регулярные известия из провинции и из-за границы. Из части мест материалы присылались нерегулярно, но, например, в Москве, Варшаве, Киеве, Воронеже журнал имел собственных постоянных авторов. Во второй половине 1858 г. путешествовавший Серов присылал регулярные «Письма из-за границы» с обзором текущей театральной жизни Европы. Еще один цикл «Заграничных писем» был опубликован летом 1859 г.

2

Поскольку для меня это ключевой вопрос, остановлюсь теперь на том, что я называю темпом театральной жизни. *Литературная* сфера потенциально не ограничена. В ней есть как бы избыток пространства, места: появление новой замечательной книги не отменяет «замечательности» книги, появившейся до этого. Выход рецензии на новую книгу с отставанием в несколько месяцев нежелателен, но все-таки это вполне распространенная практика. О том, что требуемая скорость критического отклика была довольно низкой и в то же время постоянно увеличивалась, на мой взгляд, свидетельствует, например, долгая жизнь и все-таки неизбежная смерть в 1850-е годы жанра годового обзора литературы, в котором упражнялись все ведущие критики эпохи. Жанр умирает в том числе потому, что к моменту появления обзора в начале следующего года все важнейшие литературные новинки оказывались уже основательно разобраны в рецензиях. И все-таки этот процесс свидетельствует не столько об изменениях в литературном ритме, сколько о наращивании объема литературной критики и увеличении ее разнообразия.

Театральная сфера была устроена совсем иначе. Из-за искусственного ограничения конкуренции в столицах — частные театры в Москве и Петербурге запрещены до 1882 г. — борьба за попадание в репертуар была крайне напряженной, а сам репертуар обновлялся исключительно часто: за несколько представлений пьесу успевала посмотреть вся театральная публика. Свое влияние оказывала и практика бенефисов, составлявших значительную долю всех спектаклей теа-

трального сезона: артист (или другой член труппы, в пользу которого назначался спектакль) был крайне заинтересован в том, чтобы афиша состояла из свежих, новых пьес, поскольку это обеспечивало хорошие сборы даже в том случае, если само имя бенефицианта не являлось надежной гарантией успеха. Все это приводило к тому, что многие спектакли, даже из числа заслуживающих внимания, быстро сходили со сцены. Опоздание с критическим откликом было в таком случае фатальным, потому что с театральной точки зрения то, что нельзя посмотреть, фактически и не существует. Обдумывая периодичность нового журнала о театре, Раппопорт учитывал эти факторы.

Наиболее известный русский специальный театральный журнал «Репертуар и Пантеон» не стал издательской моделью для *МиТВ*. Как я уже указывал, *МиТВ* должен был обслуживать ту аудиторию, которая утратила интерес к «Пантеону» Кони после его превращения в литературный журнал. Однако, как показали современные исследователи [Медведева, 2003: 102; Королев, 1999: 247], прошение о разрешении еженедельника о театре и музыке Раппопорт подал еще в 1853 г., а значит, он всерьез рассчитывал не просто занять освободившееся место, но и конкурировать с более авторитетным соперником. Очевидным преимуществом *МиТВ* должна была стать его большая частота, большая адекватность темпу театральной жизни. В этом отношении «Пантеон» не был прямым предшественником *МиТВ*. Тем не менее источники модели *МиТВ* могут быть названы.

Возможный образец упомянул директор императорских театров А.М. Гедеонов, указавший в отзыве на проект Раппопорта на важный прецедент: в 1846 г. Э.И. Губеру уже была запрещена «Театральная газета», которую тот планировал издавать ежедневно⁸. Однако прямым источником *МиТВ* может быть назван и другой, также запрещенный проект, к которому Раппопорт имел самое непосредственное отношение. В 1845 г. редакция «Репертуара и Пантеона», в котором в свое время сотрудничал и Раппопорт, решила отделить рубрику журнала под названием «Театральная летопись» в особый еженедельник.

«Театральная летопись» была полноформатной газетой, напоминавшей *МиТВ*, однако обладала статусом приложения к журналу, отдельная подписка на нее не принималась. Единственная цель, которую преследовали издатели, — сократить время между представлением и критической реакцией на него. Тогда как остальные материалы публиковались раз в месяц в журнале, рецензии на спектакли выходили бы в «Летописи» каждую неделю.

Эта цель была достигнута: в разделе «Прошедшая неделя» в № 1 говорилось о спектаклях 26—30 декабря, а обзор в № 2 доведен до спектаклей 5 января. Установка на скорость, оперативность реакции подчеркивалась и в декларации, помещенной в первом выпуске газе-

⁸ Соответствующий фрагмент донесения Гедеонова см.: [Медведева, 2003: 103].

ты: «В первый еще день Нового года «Театральная летопись» является к своим читателям в новом, преобразованном виде, составляя в то же самое время нераздельное целое с «Репертуаром и Пантеоном», которому она служит необходимым дополнением. Назначение ее — сообщать *с возможной быстротою* <курсив мой. — А.Ф.> все летучие новости о театрах русских (столичных и провинциальных), театрах иностранных и обо всем, что имеет к ним отношение» [Программа «Театральной летописи», 1845].

«Театральная летопись» как самостоятельная газета просуществовала всего два месяца. Цензура указала на отступление от программы журнала и потребовала возвращения «Театральной летописи» в его состав⁹. Несмотря на это, сама попытка создать еженедельник о театре свидетельствует, что именно такая периодичность представлялась издателям оптимальной для театральной критики. Возникновение «Музыкального и театрального вестника», рискну предположить, является реализацией этой идеи спустя 10 лет.

3

Последним номером *МиТВ* стал № 34 (28 августа) за 1860 г., в котором читателям кроме прочего сообщалось, что *МиТВ* прекращается с 1 сентября, подписчики вместо него будут получать журнал «Русский мир», который выходит два раза в неделю. Читателям обещали расширение театрального отдела «Русского мира» и издание музыкальных приложений, которые ранее сопровождали *МиТВ*.

В № 31 (7 августа) за 1860 г. издатель Стелловский тезисно обосновывал решение о закрытии журнала так: 1) спроса на специальное музыкальное и театральное издание в России нет; 2) поэтому читатели требуют политического и литературного отделов, но программа издания этого не позволяет. Проверить эти утверждения невозможно, однако следует констатировать, что ведущие журналы этого времени стремительно политизировались на фоне готовящихся реформ и что тем не менее ниша для специальной театральной периодики в России сохранялась.

Так, в 1864 г. в Москве и Петербурге одновременно появилось два театральных издания. В Москве было затеяно экспериментальное по форме издание «Театральные афиши и антракт», которое не выходило регулярно, а готовилось к очередному спектаклю и в котором статьи печатались на оборотной стороне театральной афиши. Тексты были как бы приложением к театральной программке и предназначались, видимо, именно для чтения в антракт. В 1866 г. это издание превратилось в более традиционный еженедельник «Антракт», по формату

⁹ Подробнее о неудавшемся проекте В.С. Межевича и А.А. Григорьева см.: [Федотов, 2016: 45–46].

напоминавший *МуТВ*. В Санкт-Петербурге под редакцией Н.В. Михно начал выходить журнал «Русская сцена», сначала ежемесячно, затем, с октября 1865 г. — два раза в неделю (с переименованием в «Русскую сцену. Театральную газету»). На мой взгляд, эти издания, вернее история их трансформаций, неизменно выбиравших промежуточную форму между ежедневной газетой и ежемесячным журналом, показывает, что именно эта модель была наиболее адекватной ритму театральной жизни середины XIX в. в России.

Список литературы

1. *Королев Д.Г.* Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX — начала XX веков. СПб, 1999.
2. *Медведева Е.В.* К истории создания журнала «Музыкальный и театральный вестник» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 2003. № 1. С. 102–106.
3. *Патрушева Н.Г., Фут И.П.* Циркуляры цензурного ведомства Российской империи. Сборник документов. СПб, 2016.
4. [Программа «Театральной летописи»] // Театральная летопись. 1845. № 1. С. 1.
5. *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры. 1700–1863. 2-е изд. М., 2011.
6. *Стасов В.В.* Цензура в царствование императора Николая I. Глава VI // Русская старина. 1903. № 3. С. 571–591.
7. *Стоюнин В.Я.* Александр Петрович Сумароков. СПб, 1856.
8. *Стоюнин В.Я.* М.Я. Раппапорт // Новости. 1884. № 320 (19 ноября).
9. *Федотов А.С.* Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Тарту, 2016.

Andrey Fedotov

BETWEEN THE NEWSPAPER AND THE MAGAZINE: THE MUSIC AND THEATRE HERALD AS A THEATRE PERIODICAL

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper gives the general characteristics of the “Music and Theatre Herald” magazine that was published in St. Petersburg in 1856–1860. The main publications and the permanent contributors are listed. The author shortly analyzes the most notable materials and the strategy of the editor Mavrikiy Rappaport in general. The circumstances of the magazine’s closure are also described. The author defends the idea that the strategy of the publisher of a special theatrical periodical is based on the desire for the adequacy of the magazine format to the

rhythm of theatrical life. This rhythm is by definition higher than in literature, partly because of the specifics of the theatrical performance in the era preceding the invention of technical means of its fixation, partly because of the extremely fluid repertoire of the Imperial theaters in Moscow and St. Petersburg in the middle of the 19th century. It is hypothetically stated that the *The Music and Theatre Herald* could have borrowed its format from the *Theatre Chronicle*, the newspaper that was opened in 1845 by Apollon Grigoryev and Vasily Mezhevich but managed to hold out only for three months. *The Music and Theatre Herald* thus was intended not only to occupy a niche of *The Pantheon* that had lost it specifically theatrical status and became a general literary magazine in the 1850s but also to offer the Russian public a fundamentally new publishing product which would better serve the theatregoers.

Key words: history of Russian journalism; theatrical periodicals; *The Music and Theatre Herald*; Mavrikiy Rappaport; Vladimir Stoyunin; Alexander Serov.

About the author: Andrey Fedotov — PhD, Teaching Fellow, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anfed86@icloud.com).

References

1. Korolev D.G. Ocherki iz istorii izdaniia i rasprostraneniia teatral'noi knigi v Rossii XIX — nachala XX vekov [Essays on the History of Publication and Distribution of Theatrical Books in Russia in XIX — early XX centuries]. St. Petersburg: *Russian National Library*, 1999. 328 p.
2. Medvedeva E.V. K istorii sozdaniia zhurnala “Muzykal'nyi i teatral'nyi vestnik” [On the History of the “Music and Theatre Herald” Magazine]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istorii, iazykoznanie, literaturovedenie* [St. Petersburg University Bulletin. Series 2. History. Linguistics. Literary Studies]. 2003. № 1, pp. 102–106.
3. Patrusheva N.G., Foot I.P. Tsirkuliary tsenzurnogo vedomstva Rossiskoi imperii. Sbornik dokumentov [Circulars of the Russian Empire Censorship. Collection of documents]. St. Petersburg: *Russian National Library*, 2016. 721 p.
4. <Programma «Teatral'noi letopisi»> [The Program of “Theatre chronicle”]. *Teatral'naia letopis'* [Theatre chronicle]. 1845. № 1, p. 1.
5. Skabichevskii A.M. Ocherki istorii russkoi tsenzury. 1700–1863 [Essays on the history of Russian censorship. 1700–1863]. 2nd edition. Moscow: URSS, 2011. 499 p.
6. Stasov V.V. Tsenzura v tsarstvovanie imperatora Nikolaia I. Glava VI [Censorship in the Reign of Emperor Nicholas I. Chapter VI]. *Russkaia starina* [Russian Antiquity]. 1903. № 3, pp. 571–591.
7. Stoyunin V.Ya. Aleksander Petrovich Sumarokov. St. Petersburg: *Ionson's printing house*, 1856. 172 p.
8. Stoyunin V.Ya. M.Ya. Rappaport. *Novosti* [News]. 1884. № 320 (November 19).
9. Fedotov A.S. Russkii teatral'nyi zhurnal v kul'turnom kontekste 1840-kh godov [Russian Theatrical Magazine in the Cultural Context of the 1840s.]. Tartu: *University of Tartu Press*, 2016. 178 p.

Е.В. Кешарпу

ПИСАТЕЛЬСКИЕ И ИЗДАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ Э. СИНКЛЕРА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Американский писатель-социалист Эптон Синклер много писал о проблеме тяжелого положения писателя на литературном рынке, о продажности редакторов издательств и прессы, критиковал денежные отношения в сфере литературы. Позиционируя себя как писателя-бессребреника, социалиста, «разгребателя грязи», противостоящего капиталистическому флангу газет и издательств США начала XX в., Синклер добился всемирной известности и популярности и вместе с тем вызвал гнев законодателей литературной моды Америки (Г.Л. Менкен, В.В. Брукс), критиковавших писателя за социалистический фанатизм и публицистический стиль. Статья посвящена анализу нетривиальных писательских и издательских стратегий Синклера, которые позволили ему быть успешным на литературном рынке вопреки критике современников и многочисленным экономическим взлетам и падениям, с которыми был сопряжен путь писателя. Материалом для исследования служат письма и мемуары Синклера, публикации в прессе (отзывы и рецензии на его произведения). В писательской карьере Синклера ключевую роль сыграли несколько факторов: он не ограничивался литературным вымыслом, выигрышно сочетая элементы художественного и нефикционального письма, писал на самые разнообразные темы, заводил дружбу с мировыми знаменитостями (Г. Уэллс, Б. Шоу, Махатма Ганди, Ч. Чаплин, А. Эйнштейн и др.), активно печатался в социалистических журналах, сам издавал свои книги, продавал их по мизерным ценам или рассылал бесплатно, имел собственный независимый журнал. При этом Эптон Синклер и играл против правил литературного рынка, и порой действовал по его законам.

Ключевые слова: Эптон Синклер; экономика литературы; литературный рынок; писательские стратегии; история литературы США.

Эптон Синклер (1878–1968), известный американский писатель, издатель и общественный деятель, занимал в «литературном поле» необычное положение: он принадлежал к левому флангу писателей-

Кешарпу Екатерина Витальевна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ekaterina.silyuk@gmail.com).

социалистов, «разгребателей грязи» и поэтому стоял вне круга американских «высоколобых» писателей и критиков начала XX в. (У.Д. Хоуэллс, Г.Л. Менкен и др.). Творчество Синклера воспринималось ими как социалистическая пропаганда, и потому он крайне редко печатался в наиболее популярных литературных журналах, авторам которых была обеспечена широкая общенациональная аудитория (“Harper’s Magazine”, “New Yorker”, “Smart Set”, “Atlantic Monthly”, “Little Review”). Законодатели литературной моды США, такие как Г.Л. Менкен, Г.М. Джонс, П.Э. Мор, В.В. Брукс, У.Д. Хоуэллс и др., постоянно критиковали — или, напротив, демонстративно игнорировали Синклера. Писатель всю жизнь был одержим горячей верой в то, что сможет изменить мир. В переписке со своим другом Майклом Голдом он признавал наличие у себя «комплекса Иисуса», «в котором сейчас больше всего нуждается общество» [Sinclair, 1932: 99] и литературу рассматривал как орудие борьбы с социальной несправедливостью¹. Однако книжные обозреватели находили Синклера «неисправимым идеалистом» [Mencken, 1920: 139—140] и критиковали его сочинения за социалистическую фанатичность и публицистический стиль [Moss, 1907: 122; Maxwell, 1919: 578]. Один из самых влиятельных критиков первой трети XX в. Ван Вик Брукс отзывается о Синклере так:

«Еще до поступления в колледж Эптон Синклер обеспечивал себя тем, что писал бульварные романы, на которых он набил себе руку, что наложило фатальный отпечаток на его стиль, поэтому вряд ли он может считаться серьезным писателем.

Он мало интересовался человеческой природой, плохо умел передавать характер, и эта его слабость с годами становилась все более и более очевидной <...> персонажи Синклера, как правило, выглядят картонными куклами» [Brooks, 1952: 380, 382].

Другой формой реакции на сочинения Синклера было их полное или частичное игнорирование литературными авторитетами. В своей автобиографии Синклер пишет: «Как писатель я мечтаю только об одном: что однажды Пол Элмер Мор сочтет мои книги достойными его критики» [Sinclair, 1932: 120]. Среди колоссального собрания статей и рецензий Хоуэллса, не пропустившего в своих книжных обзорах ни одного значительного произведения, выходившего как в Америке, так и за ее пределами, нет ни слова об Эптоне Синклере, хотя о макрекерах и натуралистах (Ф. Норрис, С. Крейн и т.д.) он пишет в 1910-е годы много².

¹ Об утопических и антикапиталистических идеях в творчестве Синклера см.: [Magid, 2016: 521—528; Micheli, 2017: 83—89].

² См. библиографии по творчеству У.Д. Хоуэллса: [Brenny, 1973; Gibson, Arms, 1948].

Тем не менее, несмотря на «бойкот» и высмеивание критикой, его сочинения вызывали в обществе большой общественный резонанс³.

К зрелым годам, пройдя длинный путь лишений и жизненных перипетий, Синклер добился всемирной известности и признания его заслуг на литературном поприще. В основе его успеха лежат нетривиальные писательские и издательские стратегии, нередко идущие вразрез с общепринятыми «технологиями» достижения успеха на литературном рынке Америки. Можно выделить несколько ключевых факторов успеха Эптона Синклера. Прежде всего он сумел создать себе репутацию «доктора социальных наук»⁴, работая на стыке художественной литературы и публицистики. С самого начала своей карьеры Синклер не ограничивался романами, построенными исключительно на художественном вымысле, но создавал и романы «документальные», в разных пропорциях сочетая факты, журналистское изображение реальных событий и лиц с вымышленными событиями и персонажами. Синклер также печатал эссе на самые разнообразные темы (обучение языкам, здоровое питание, вопросы семейных отношений и религии, борьба за трезвость, политика, спорт, психология, образование, кино). Рецензии на его сочинения появлялись в периодике самого широкого профиля — журналах медицинских, экономических, религиозных, психологических и т.д.⁵ Таким образом, Синклер широко выходит за рамки чисто литературного поля, осваивая нестандартные для литератора ниши социального исследователя и политика. Очевидно, что это «работало» и на его писательскую известность, на его литературную репутацию.

Синклер нашел свое место в кругу социалистических писателей и активистов⁶. В 1900–1920-е годы социалистическое движение Америки переживало период своего наивысшего подъема. Социалистами были многие известные американские писатели и журна-

³ Самым нашумевшим был роман «Джунгли», который до сих пор привлекает внимание исследователей в самых различных интерпретациях [Buscemi, 2018: 29–48; Graf, 2015: 63–93; Erdheim, 2013: 633–649].

⁴ В отличие от Бальзака Синклер ставил своей задачей не только изобразить социальные пороки, но и искоренить их. Социальное в литературном дискурсе сейчас привлекает повышенное внимание исследователей, о чем см.: [Венедиктова, 2019: 14–26].

⁵ Рецензия на роман «Брак Сильвии» вышла в журнале “British Medical Journal” [A Strait Talk for Adults, 1916: 53], на «Медную марку» — в “Journal of Political Economy” [Hitchcock, 1921: 336–388], на эссе о высшем образовании «Гусиный шаг» — в “Journal of Educational Research” [Gloriosus, 1923: 74–76].

⁶ О социалистической деятельности Синклера см.: [Coodley, 2013; Walker, 2013: 86–87].

листы (Дж. Лондон, М. Истмен, М. Голд и др.), они образовывали довольно широкий влиятельный круг, имели свои издательства (“Haldeman-Julius”, “Alfred A. Knopf”) и периодику (“Wilshire’s Magazine”, “Nation”, “Masses”, “Appeal to Reason”, “International Socialist Review”), где Синклер активно печатался.

Еще одним ключевым фактором успеха Синклера были его многочисленные личные и деловые контакты с американскими и иностранными писателями, критиками и редакторами. Как ни один другой американский литератор он умел заводить дружбу с мировыми знаменитостями (среди которых были не только писатели), что отражено в его колоссальной по объему переписке⁷. В число его корреспондентов входили Т. Манн, Махатма Ганди, Ч. Чаплин, А. Эйнштейн, С. Эйзенштейн, Р. Тагор, близкими друзьями Синклера были левые писатели — Б. Шоу, Г. Уэллс. Это способствовало широкой известности Синклера за рубежом, даже большей, чем на родине; его книги переводились на десятки иностранных языков⁸.

Отличительной особенностью писательских стратегий Синклера был имидж альтруиста, не стремящегося к коммерческому успеху. Он был гораздо более заинтересован в доступности своих изданий для самого широкого круга читателей, чем в гонорах. В автобиографии он писал: «... я потерял многие тысячи долларов, чтобы сделать свои книги доступными для студентов» [Sinclair, 1932: 68]. Деньги, которые ему принес роман «Джунгли» (30 тыс. долл.), Синклер полностью вложил в строительство утопической социалистической колонии «Геликон-холл». Он так объяснял свой выбор: «Когда ко мне пришел успех, я стал думать о том, чтобы основать колонию, или свой журнал, или поставить пьесу, или организовать забастовку. Что-то, что необходимо для того, чтобы сделать мир таким, каким он должен быть» [Sinclair, 1932: 163]. Как предприниматель Синклер зачастую был неудачлив, и вместо дохода его проекты вовлекали его в расходы: в постановку пьесы «Джунгли» он вложил три тысячи долларов, в кочующий социалистический театр — две тысячи долларов, несколько тысяч долларов — в золотые прииски своего друга Г. Уилшира; все эти предприятия прогорели. Начинаящий социалистический

⁷ Издана лишь небольшая часть переписки Синклера: [Sinclair, 1960], насчитывающей 10 000 писем.

⁸ Синклер был очень популярен в СССР, где его книги выходили огромными тиражами. Однако в отношении писателя, как это часто случалось с американскими авторами, не всегда соблюдались нормы авторского права. О проблеме издания американских писателей в Советской России см., например: [Панова, 2015: 61–67].

писатель М. Уильямс, с которым Синклер совместно написал книгу «Хорошее здоровье: как его заработать» (1909), в течение полугода жил за счет своего патрона и весь гонорар издательства “Frederic A. Stokes” за эту книгу присвоил себе. Созданное при активном участии Синклера Межуниверситетское социалистическое общество (Intercollegiate Socialist Society) (1905–1921) не приносило никакого дохода, но требовало от писателя много времени и сил. Ради осуществления своих утопических проектов Синклер писал статьи на самые разнообразные темы, переплавляя в них собственный жизненный опыт, например, писал статьи о вегетарианстве и здоровом образе жизни в журнал “Physical Culture”, которые стабильно приносили ему ежемесячный доход в 150 долларов. Однако, несмотря на безразличие к коммерческой стороне писательского ремесла (а во многом и благодаря этому), он активно наращивал свой «символический капитал» писателя-альтруиста, радеющего о справедливости и благополучии общества.

Наконец, чтобы обрести свободу голоса и не зависеть от коммерческих издательств, Эптон Синклер стал выпускать собственный журнал “Upton Sinclair’s”. Всю работу по изданию журнала (автора, редактора, рассылку журнала подписчикам) выполнял один-единственный человек — сам Синклер. Журнал выходил в 1918–1919 гг., после чего обанкротился и слился с другим социалистическим журналом “Appeal to Reason”. В журнале “Upton Sinclair’s” печатались политические и социалистические эссе Синклера, его полемика с критиками (Г.Л. Менкен), серийные издания произведений Синклера (трактат «Выгоды религии», роман «Джимми Хиггинс»), а также сочинения его жены Мэри Крейг и друзей (Дж. Стерлинга, Г. Уэлса). Самостоятельное издание своих книг Синклер практиковал всю жизнь, что было очень важной стратегией, поскольку многие его скандальные книги издатели печатать отказывались (например, трактаты «Медная марка», «Искусство Маммоны» и «Деньги пишут!»).

Таким образом, «американский бунтарь», «наивный радикал», «романтик», «идеалист» социалист Эптон Синклер сумел определить для себя нишу, сегмент литературного рынка, которую смог занять и максимально использовать. Грамотно выстроенные стратегии подтверждают социальное чутье и компетентность Синклера, который доказал, что он «доктор социальных наук», не только своей прозой, но и умением действовать в поле литературы, использовать и даже самому создавать литературные институции, выстраивать отношения с агентами литературного поля — коллегами-писателями, читателями, издателями, а также с властью — находясь в оппозиции к ней,

использовать возможности этой оппозиции. Парадоксальным образом Эптон Синклер, который всю жизнь был ярким противником капитализма и апологетом альтруизма, успешно действовал почти 70 лет на капиталистическом литературном рынке Америки.

Список литературы

1. *Венедиктова Т.Д.* Литературный дискурс как теория социального // Новое литературное обозрение. 2019. Т. 155. № 1. С. 14–26.
2. *Панова О.Ю., Панов С.И.* «Драйзер смотрит на Россию»: к истории книги Т. Драйзера об СССР // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 4 (77). С. 61–67.
3. A Strait Talk for Adults [Review of «Sylvia's Marriage» by U. Sinclair] // British Medical Journal. 1916. Jan. 8. P. 53.
4. *Brenny V.J.* William Dean Howells: A Bibliography. Metuchen, 1973.
5. *Brooks V.W.* The Confident Years: 1885–1915. N.Y., 1952.
6. *Buscemi F.* 1900–1918: The Normality of Meat // From Body Fuel to Universal Poison: Cultural History of Meat. Cham, 2018. P. 29–48.
7. *Coodley L.* Upton Sinclair: California Socialist, Celebrity Intellectual. Lincoln, 2013.
8. *Erdheim C.* Naturalism's Dietary Discourse: From Fasting Fads to Sinclair's Social Reforms // Food, Culture and Society. 2013. Vol. XVI. № 4. P. 633–649.
9. *Gibson W.M., Arms G.* A Bibliography of William Dean Howells. N.Y., 1948.
10. *Glorious M.* The Goose Step by Upton Sinclair // Journal of Educational Research. 1923. June. Vol. VIII. № 1. P. 74–76.
11. *Graf R.* Truth in the Jungle of Literature, Science, and Politics. Upton Sinclair's "The Jungle" and Food Regulation in the United States in the Progressive Era [Wahrheit im Dschungel von Literatur, Wissenschaft und Politik: Upton Sinclairs "The Jungle" und die Reform der Lebensmittelkontrolle in den USA der "Progressive Era"] // Historische Zeitschrift. 2015. Vol. CCCI. № 1. P. 63–93.
12. *Hitchcock C.N.* The Brass Check: A Study of American Journalism: By Upton Sinclair // Journal of Political Economy. 1921. April. Vol. XXIX. № 4. P. 336–388.
13. *Magid A.M.* Thomas More in America // Utopian Studies. 2016. Vol. XXVII. № 3. P. 521–528.
14. *Maxwell W.B.* Novels of Various Mood // Bookman. 1919. July. P. 578.
15. *Mencken H.L.* On Journalism // Smart Set. 1920. April. Vol. LXI. № 4. P. 138–144.
16. *Micheli G.* Upton Sinclair, a Poet Against Capital // Ponte. 2017. Vol. LXXIII. № 3. P. 83–89.
17. *Moss M.* The New Novels // Atlantic Monthly. 1907. Jan. P. 122.
18. *Sinclair U.* American Outpost: A Book of Reminiscences. N.Y., 1932.
19. *Sinclair U.* My Lifetime in Letters. Columbia, 1960.

20. Walker R. American Socialist Triptych: The Literary-Political Work of Charlotte Perkins Gilman, Upton Sinclair, and W.E.B. Du Bois // American Literary Realism. 2013. Vol. XLVI, № 3. P. 86–87.

Ekaterina Kesharp

UPTON SINCLAIR'S WRITING AND PUBLISHING STRATEGIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

American writer and socialist Upton Sinclair wrote a lot about the plight of the writer in the literary market, the corruption of editors, publishers and the press, he heavily criticized money relations in the field of literature. Positioning himself as a disinterested artist, socialist and muckraker opposing the capitalist press and publishing houses of the USA, Upton Sinclair achieved worldwide fame and popularity, but, clearly, aroused the wrath of the legislators of the literary “fashion” in America (H.L. Mencken, V.W. Brooks) who criticized him for socialist fanaticism and journalistic style. This article is devoted to the analysis of nontrivial writer's and publishing strategies of Upton Sinclair, which allowed him to be successful in the literary market despite the criticism of his contemporaries and numerous economic ups and downs. The paper is based on the analysis of Sinclair's correspondence and memoirs and the periodicals (reviews of Sinclair's books). Several factors played the key role in his career: he successfully combined fictional and non-fictional elements in his writings, wrote on a great number of topics, kept up friendship with the world celebrities, was actively published in socialist magazines, published his books himself, sold them at modest prices or sent them to his readers for free. Doing this, Upton Sinclair played against the rules of the literary market as well as obeyed its laws.

Key words: Upton Sinclair; economics of literature; literary market; writing strategies; history of American literature.

About the author: *Ekaterina Kesharp* — PhD Student, Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ekaterina.silyuk@gmail.com).

References

1. Venediktova T.D. Literaturnyj diskurs kak teorija social'nogo [Literary Discourse as a Theory of Sociality]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2019, vol. 155, № 1, pp. 14–26. (In Russ.)
2. Panova O.Ju., Panov S.I. “Drajzer smotrit na Rossiju”: k istorii knigi T. Drajzera ob SSSR [“Dreiser Looks at Russia”: the History of Dreiser's Book about the USSR]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija* [Her-

- ald of the University of the Russian Academy of Education], 2015, № 4 (77), pp. 61–67. (In Russ.)
3. A Strait Talk for Adults [Review of “Sylvia’s Marriage” by U. Sinclair]. *British Medical Journal*, 1916, Jan. 8, p. 53.
 4. Brenni V.J. *William Dean Howells: A Bibliography*. Metuchen, Scarecrow Press, 1973. 212 p.
 5. Brooks V.W. *The Confident Years: 1885–1915*. New York, Dutton, 1952. VIII, 627 p.
 6. Buscemi F. 1900–1918: The Normality of Meat. *From Body Fuel to Universal Poison: Cultural History of Meat*. Cham, Springer International Publishing, 2018. Pp. 29–48.
 7. Coodley L. *Upton Sinclair: California Socialist, Celebrity Intellectual*. Lincoln, University of Nebraska Press, 2013. XVI, 237 p.
 8. Erdheim C. Naturalism’s Dietary Discourse: From Fasting Fads to Sinclair’s Social Reforms. *Food, Culture and Society*, 2013, vol. 16, № 4, pp. 633–649.
 9. Gibson W.M., Arms G. *A Bibliography of William Dean Howells*. New York, The New York Public Library Press, 1948. 182 p.
 10. Gloriosus M. The Goose Step by Upton Sinclair. *Journal of Educational Research*, 1923, June, vol. 8, № 1, pp. 74–76.
 11. Graf R. Truth in the Jungle of Literature, Science, and Politics. Upton Sinclair’s “The Jungle” and Food Regulation in the United States in the Progressive Era [Wahrheit im Dschungel von Literatur, Wissenschaft und Politik: Upton Sinclairs “The Jungle” und die Reform der Lebensmittelkontrolle in den USA der “Progressive Era”]. *Historische Zeitschrift*, 2015, vol. 301, № 1, pp. 63–93.
 12. Hitchcock C.N. The Brass Check: A Study of American Journalism: By Upton Sinclair. *Journal of Political Economy*, 1921, April, vol. 29, № 4, pp. 336–388.
 13. Magid A.M. Thomas More in America. *Utopian Studies*, 2016, vol. 27, № 3, pp. 521–528.
 14. Maxwell W.B. Novels of Various Mood. *Bookman*, 1919, July, p. 578.
 15. Mencken H.L. On Journalism. *Smart Set*, 1920, April, vol. 61, № 4, pp. 138–144.
 16. Micheli G. Upton Sinclair, a Poet Against Capital. *Ponte*, 2017, vol. 73, № 3, pp. 83–89.
 17. Moss M. The New Novels. *Atlantic Monthly*, 1907, Jan., p. 122.
 18. Sinclair U. *My Lifetime in Letters*. Columbia, University of Missouri Press, 1960. XXI, 412 p.
 19. Sinclair U. *The Brass Check: A Study of American Journalism*. Long Beach, Sinclair, 1928. 446 p.
 20. Walker R. American Socialist Triptych: The Literary-Political Work of Charlotte Perkins Gilman, Upton Sinclair, and W.E.B. Du Bois. *American Literary Realism*, 2013, vol. 46, № 3, pp. 86–87.

Ян Шэнь

НЕДЕЛАНИЕ И МОЛЧАНИЕ КАК ВОСТОЧНЫЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. ХАРМСА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Известно, что Хармс, как и некоторые другие писатели его времени (и старшие современники (Андрей Белый, В. Хлебников), и чинари (А. Введенский, Я. Друскин)), испытывал глубокий интерес к культурам Востока, эзотерическим практикам и философии. В творчестве Хармса (и в содержании, и в поэтике) обнаруживаются, как представляется автору статьи, следы влияния некоторых основополагающих идей даосизма и буддизма, в частности, концепции неделания (у вэй) и молчания как плодотворных моделей поведения.

Действие и речь героев во многих произведениях Хармса оказываются соответственно бездействием и молчанием (либо пошлым говорением, которое ничего не сообщает, семантически пусто). Это обычно интерпретируется и как издевательство автора над бытовыми действиями и разговорами, обремененными некими смыслами, и как проявление попыток Хармса постичь высший смысл, высшую Истину. В творчестве Хармса так же, как и в даосизме и буддизме, две ключевые идеи — неделание и молчание — занимают очень важное место и имеют похожий смысл: отказ от действия, разума и желания обнаруживает также стремление к жизненной силе и к внутреннему покою.

Ключевые слова: Хармс; даосизм; буддизм; у вэй; молчание; ирония.

Философские аспекты творчества Хармса в последние десятилетия активно изучаются; однако отражение в его произведениях идей, явно восходящих к восточным мировоззренческим системам, не рассматривалось подробно, хотя интерес Хармса к восточной культуре очевиден. В частности, в содержании и в поэтике произведений Хармса проявились две основополагающие идеи даосизма и буддизма: ценность неделания и молчания.

Ян Шэнь — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: y.shen@bk.ru).

В китайской культуре выражение «неделание» («у вэй») ¹ трактовалось различно. Так, для Лао-цзы «Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, что бы оно не делало» [Лао-цзы, 2014: 53]. Здесь «осуществление недеяния» означает не пассивность (как это часто интерпретировалось в Европе), а отказ от безрассудных действий. «Нет ничего такого, что бы оно не делало», — указание на естественное возникновение вещей без усилия человека: «согласно теории “недеяния”, человек должен ограничить свою деятельность тем, что необходимо и естественно» [Фэн Ю-лань, 1998: 123].

Важный принцип даосизма, неотделимый от «у вэй», — следование естественности (*ци жиань*). Согласно «*ци жиань*» каждое дело и явление должны развиваться, следуя своим возможностям, без вмешательства внешних сил и воли (комментарий Чэнь Гу-ина в изд.: [Лао-цзы, 2016: 50]) ².

«Неделание» для Лао-цзы предполагает прежде всего отказ от желаний, направленных на приобретение излишнего. Сразу заметим, что мотив отказа от желаний — один из важнейших для Хармса: «... Постепенно человек теряет свою форму и становится шаром. И, став шаром, человек утрачивает все свои желания» («Макаров и Петерсен»); «Правильно уничтожая вокруг себя предметы, мы теряем вкус ко всякому приобретению» [Хармс, 1997 б: 344, 29].

Для Хармса характерны рассказы о человеке, который ничего не делал. Так, в повести «Старуха» говорится «о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. <...> Он может этот сарай превратить в прекрасный кирпичный дом, но он не делает этого, он продолжает жить в сарае и в конце концов умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда» [Хармс, 1997 б: 344].

Одно из ложных желаний, по Лао-цзы, — погоня за знанием: «Знание само по себе является объектом желания. <...> Знание — и хозяин, и слуга желания. Расширяя свои знания, люди перестают понимать, как довольствоваться тем, что есть, и где остановиться». «Выявляют рассудок и мудрость — обретают Великое Лицемерие (伪)» [Лао-цзы, 2002: 124, 74]. Лао-цзы призывает людей к «глупости» (юй), причем глупость, конечно, не отсутствие ума, а простота и невинность, «итог сознательного процесса самосовершенство-

¹ Даосское «у вэй» по-разному передавалось на европейских языках, в частности, и на русском: «недеяние», «недействие», «неделание» и т.д. Вл. Соловьев перевел (с французского) соответствующий термин как «бездействие» [Соловьев 1911–1914: 120]; Л. Толстой, оценивавший «у вэй», в отличие от Соловьева, положительно, — как «неделание».

² Принцип «у вэй» у Лао-цзы имеет прежде всего политический смысл: правитель не должен чинить насилия над подданными. Чжуан-цзы, живший позже Лао-цзы, поднял понятие неделания на трансцендентальный уровень, придав ему смысл прежде всего духовного освобождения.

вания... нечто высшее, чем знание, больше, а не меньшее» [Фэн Ю-лань, 1998: 126].

Высмеивание (лже)науки, иронические выпады в сторону рационализма есть и у Хармса:

Мы же дедов наших внуки
Сильно двинулись вперед
Верим только лишь науке,
А наука, всегда почти, врет.

(«Деды жили, деды знали...», сентябрь 1937)³

Герои Хармса часто впадают в состояние недоумения. Во многих прозаических текстах повторяется сюжет: рассуждения героя перебиваются событиями, которые никак с этими рассуждениями не связаны; герой не приходит в своих рассуждениях ни к какому результату: «мы остановились и начали спорить: по мнению одних, дальше следовало 7, по мнению других — 8. Мы спорили бы очень долго, но, по счастью, тут со скамейки свалился какой-то ребенок и сломал себе обе челюсти. Это отвлекло нас от нашего спора» («Однажды я забыл, что идет раньше: семь или восемь...») [Хармс, 1997 б: 344]; «На этом я понял, что это глупо, глупо мое рассуждение. Я распахнул окно и стал смотреть на двор. Я видел, как по двору гуляют петухи и куры» («Бесконечное, вот ответ на все вопросы...») [Хармс, 2001: 15]. Человек у Хармса осознаёт, что внешний мир неразумен и непонятен; более того, ставится под сомнение ценность понимания как такового: «Всегда наивысшая чистота категорий пребывает в полном неведении окружающего» [Хармс, 1997 а: 202]. Чудо у Хармса «возможно лишь при условии, что человек не осознает его в качестве реально совершившегося факта. Оpozнав же его в качестве такового, человек лишается возможности вновь повторить чудо» [Токарев, 2002: 29].

Хармс говорит о «вреде» рассудка не только серьезным тоном, но и иронизируя, прибегая к гиперболам и гротеску. Так, в «Вываливающихся старухах» старухи подряд одна за другой вываливаются из окна от «чрезвычайного любопытства» (т.е. стремления к знанию). В литературном дневнике Хармса есть фраза: «Покупая птицу, смотри, нет ли у нее зубов. Если есть зубы, то это не птица» [Хармс, 1997 б: 344]. Здесь сам процесс наблюдения и умозаключения оказывается предметом иронии.

Насмешка над слабостью и человеческого рассудка и ложью ритуала обнаруживается и в древних китайских текстах, прежде всего у Чжуан-цзы. Европейские мыслители, критически относившиеся

³ См. также, напр.: «Скажу тебе по совести...» (1931), «Хню» (1931), «Четыре иллюстрации того, как новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного» (1933), «Оптический обман» (1934).

к восточному миру (например, В. Соловьев), иногда видели в «у вэй» пассивность как таковую, неспособность к деятельности, в том числе и духовной; между тем в даосизме «у вэй» — бездействие, если можно так выразиться, ироническое, ответ на «действие» конфуцианства.

В притче «У Чжуан-цзы умерла жена...» говорится, как близкий друг Чжуан-цзы, узнав о смерти его жены, пришел ее оплакивать и нашел Чжуан-цзы сидящим на корточках и распеваящим песню, ударяя в таз. Такое странное поведение поразило друга, и тогда мудрец сказал ему:

«— Ты не прав. <...> Когда она умерла, мог ли я поначалу не опечалиться? Скорбя, я стал думать о том, чем она была вначале, когда еще не родилась. И не только не родилась, но еще не была телом. И не только не была телом, но не была даже дыханием. Я понял, что она была рассеяна в пустоте безбрежного Хаоса. Хаос превратился — и она стала Дыханием. Дыхание превратилось — и стало Телом. Тело превратилось — и она родилась. Теперь настало новое превращение — и она умерла. Всё это сменяло друг друга, как чередуются четыре времени года. Человек же схоронен в бездне превращений, словно в покоях огромного дома. Плакать и причитать над ним — значит не понимать судьбы. Вот почему я перестал плакать» [Чжуан-цзы, 1995: 170].

Очевидных признаков комического в этой притче нет: поведение мудреца противоречит общепринятому представлению о правильном поведении, но смешным его назвать все-таки трудно (риском предположить, однако, что эту притчу на европейской сцене можно было бы разыграть, представив Чжуан-цзы в амплуа клоуна, шута, т.е. в амплуа комического). Хармс, многое заимствующий из даосистской системы ценностей, создает тексты, полные юмора, пусть и черного. Напомним, что распространенное определение комического предполагает противоречие между поведением и контекстом, формой и содержанием и т.п., и именно такой контраст есть в даосской притче.

В отличие от конфуцианства, который высоко оценивает ритуал, даосизм рассматривает его как сопротивление самой сущности жизни. Чжуан-цзы может говорить о Дао (истинном пути), употребляя в том числе и шокирующие грубые образы. Так, на вопрос: «Где находится то, что мы называем Путем?» Чжуан-цзы отвечает: «В кале и моче!» [Чжуан-цзы, 1995: 199—120]. Дао тем самым не унижается, наоборот, наиболее последовательным образом утверждается его вездесущность; предмет иронии здесь — высокий стиль, в котором было принято говорить об Истине.

Лао-цзы противопоставляет «неделание» «действию». Для Чжуан-цзы же важно, чтобы всяческая оппозиция противоположностей устранилась: «Каждая вещь в мире есть “то”, и каждая вещь в мире

есть “это”. Каждый знает то, что доступно ему, и не видит того, что доступно другому. Вот почему говорится: “То рождается из этого, а это сообразуется с тем”» [Чжуан-цзы, 1995: 67]. Поэтому бездействие для Чжуан-цзы именно отказ от ложного действия есть действие самое подлинное: «Будучи пустыми, покойны, в покое движутся, в движении обретают непреходящее» [Чжуан-цзы, 1995: 138].

Таким подлинным действием для Хармса оказывается не изменение мира по своему произволу, а изменение самого себя:

«Я сел на кровати и закурил.
Я просил Бога о каком-то чуде.
Да-да, надо чудо. Всё равно какое чудо.
Я зажег лампу и посмотрел вокруг. Все было по-прежнему.
Но ничего и не должно было измениться в моей комнате.
Должно измениться что-то во мне».

(«Утро») [Хармс, 1997 б: 29]

Здесь возникает важный для Хармса мотив чуда, которое можно понимать как жизненную силу, приносящую прозрение и душевный покой. В тексте «Я долго смотрел на зеленые деревья» (2 августа 1937 г.) проявляется представление о возможности интенсивной духовной жизни во внешнем покое:

«Теперь я гляжу внутрь себя.
Но пусто во мне, однообразно и скучно,
Нигде не бьется интенсивная жизнь
<...>
Вы ждете, что я расскажу о своем путешествии,
Но я молчу, потому что я ничего не видел.
Оставьте меня и дайте спокойно смотреть на зеленные деревья.
Тогда быть может покой наполнит мою душу.
Тогда быть может проснется моя душа,
И я проснусь, и во мне забьется интенсивная жизнь».

[Хармс, 1997 а: 284–285]

Однако покоя историческая ситуация не предлагала:

«Я плавно думать не могу
Мешает страх
<...>
Я ничего теперь не делаю
И только мучаюсь душой.
Вот грянул дождь,
Остановилось время,
Часы беспомощно стучат
Расти трава, тебе не надо время.
Дух Божий говори, тебе не надо слов.
Цветок папируса, твое спокойствие прекрасно
И я хочу спокойным быть, но все напрасно».

(12 авг. 1937 г.: [Хармс, 1997 а: 288])

Необходимо заметить, что несмотря на мировоззренческую близость Хармса к даосизму, то отсутствие действия, о котором говорит русский писатель, часто не сознательный отказ от суеты, как у даосов, а нечто совершенно иное: бездействие вынужденное и приносящее страдание: «Я ничего не делаю: собачий страх находит на меня» (Курск, 1932 г.); «Сегодня я ничего не мог делать. Я ходил по комнате, потом садился за стол, но вскоре вставал и пересаживался на кресло-качалку. Я брал книгу, но тотчас же отбрасывал ее и принимался опять ходить по комнате» (кон. 1932 или нач. 1933: [Хармс, 1997 б: 35, 37]); «Я неправильно живу. Я ничего не делаю и очень поздно ложусь спать» (22 ноября 1932 г.); «Нужно работать, а я ничего не делаю, совершенно ничего. И не могу ничего делать» (7 авг. 1937 г., Детское Село); «Я больше не хочу жить. Мне больше ничего не надо» (16 нояб. 1937 г.); «Боже, какая ужасная жизнь, и какое ужасное у меня состояние. Ничего делать не могу. Всё время хочется спать, как Обломову» (30 нояб. 1937 г.: [Хармс, 2002, т. 2: 205, 193, 196, 197].

Страдая в середине тридцатых от бессилия писать, от истощенности вдохновения, в последние годы жизни Хармс страдает уже от голода, смерти близких друзей и возможности ареста.

* * *

Среди того, что интересовало Хармса, Л. Липавский называл молчание в одном ряду с «писанием стихов и узнаванием из стихов разных вещей... озарением, вдохновением, просветлением, сверхсознанием» [Сборище друзей, 2000: 175–176]. Молчание является одним из важнейших мотивов, напр., в «Басне», «Кассирше», «Есть ли что-нибудь на земле, что имело бы значение», «Объяснении в любви».

Как и неделание, у Чжуан-цзы молчание также имеет иронический характер: «не говоря, говорить»⁴. Дао как высшей истине свойственна несказуемость, путь к истине предполагает безмолвие перед лицом тайны: «О Пути нельзя ничего сказать, а если о нём что-то говорят — значит, это не Путь» [Чжуан-цзы, 1995: 201]. Для безмолвия перед лицом тайны есть особенное название: «у янь».

⁴ Оценивая у *вэй* и отказ от речи в даосизме как иронические, мы следуем за В. Янкевичем, который, анализируя подобные явления в западной культуре, утверждал: «Существует ироническое молчание, которое обескураживает несправедливость. <...> В каком-то роде ирония есть “речь тишины”, расстраивающая все хитроумные уловки и ловушки “словоплетения”. Иронический квиетизм избегает ложных проблем, не столько отвергая их, сколько вновь ставя неудачно сформулированные вопросы <...> Существование проблемы просто отвергается, в схватку с противником просто не вступают» [Янкевич, 2004: 64].

«Конфуций повидался с Сюэ-цзы и вышел от него молча.

Цзы-лу спросил:

— Почему вы, учитель, ничего не говорите об этой встрече? Ведь вы так давно хотели встретиться с Сюэ-цзы!

— Я-то с одного взгляда понял, что этот человек осуществляет в себе Путь. Словами это не высказать! — ответил Конфуций» [Чжуан-цзы, 1995: 190—191].

Идея молчания как правильного состояния есть не только в даосизме, но и в буддизме, где оно присуще состоянию абсолютного успокоения — нирване. В отличие от даосизма, где идеи «у *вэй*», «у *янь*» внешне парадоксальным образом включают «*вэй*» (делание) и «*янь*» (говорение; ср. также даосские идеи движения в покое, рождения в смерти, бытия в небытии), буддизм предлагает совершенно иной подход: здесь неделание, не-говорение абсолютны, «всё устремлено к покою, к преодолению движения, к нирване» [Георгиевский, 1892: 164].

Образ пустоты, в сущности, близкой буддийской нирване, появляется и у Хармса и в его позднем творчестве вытесняет «даосскую» надежду на плодотворное созерцание (см., например, исчезновение, превращение в Ничто персонажа трагикомического рассказа «Жил один рыжий человек...»).

В отличие от полного безмолвия, предполагаемого в буддизме, «даосы выступали лишь против использования слова как объективированного, конвенционального знака, фиксирующего столь же определенную, четко ограниченную сущность» [Малявин, 1982: 43]. Чжуан-цзы не отрицает язык как носитель искаженной мысли о реальности, а считает его необходимым для познания истины: «Ловушка нужна для ловли зайцев. Поймав зайца, забывают про ловушку. Слова нужны для выражения идеи. Постигнув идею, забывают про слова. Где же найти мне забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить?» [Чжуан-цзы, 1995: 237].

Хармс доводит до предела многоречивость героев, которая семантически оказывается семантически пустой. Так, в рассказах «Пушкин и Гоголь», «Математик», «неудачный спектакль», «Тюк!», «Григорьев и Семенов» слово лишено информативной функции, иногда много раз повторяется, но не имеет отношения к действию. Описывается умирание речи: например, в «Неудачном спектакле» на сцену один за другим выходят люди, каждый хочет что-то сказать, но икает, его начинает рвать, человек уходит, выходит следующий. В конце концов театр закрывается из-за того, что «всех тошнит!»

И буддизм, и даосизм предлагают понятие «истины без слов»; в дзэн (или «чань»)-буддизме это предполагает возможность непо-

средственной передачи мысли от сознания к сознанию, состоянием «мусин» («не-ума»), которое «означает отсутствие не мысли, а преград на ее пути» [Георгиевский, 1892: 173]. Характерный для чань-буддизма ментальный диалог между мастером и учеником описывается у Хармса:

«Есть ли что-нибудь на земле, что имело бы значение и могло бы даже изменить ход событий не только на земле, но и в других мирах? — спросил я своего учителя.

Есть, — ответил мне мой учитель.

Что же это? — спросил я.

Это... — начал мой учитель и вдруг замолчал.

Я стоял и напряженно ждал его ответа. А он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

Мы оба стоим и молчим.

Хо-ля-ля!

Мы оба стоим и молчим!

Хо-ля-ля!

Да, да, мы оба стоим и молчим!» [Хармс, 1997 б: 124].

Я. Друскин в работе о Введенском обсуждает явление, которое называет «семиотическим», или «бессмысленным молчанием», рассматривая три реплики действующих лиц в «Некотором количестве разговоров»:

«Первый. Я знаю сумасшедший дом. Я видел сумасшедший дом.

Второй. Что ты говоришь? Я ничего не знаю. Как он выглядит.

Третий. Выглядит ли он? Кто видел сумасшедший дом».

Отрицательная функция второго предложения, отмечает Друскин, устремлена на отрицание «не содержания предложения, а вообще предложения, то есть высказывание предложения». В результате такого отрицания не остается ничего, но «это не просто “ничего”, а молчание: семиотическое молчание» [Сборище друзей, 2000: 385].

Если молчание у Введенского передается через разрыв повествования, нарушение текстового семиотического кода, то у Хармса повествование не нарушается; например, в рассказе «Встреча» описывается такая ситуация:

«Вот однажды один человек пошёл на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и всё» [Хармс, 1997 б: 345].

То, что названо в заглавии «Встречей», в сюжете оборачивается скорее не-встречей, не-событием; рассказ завершается типичным для Хармса выражением «вот и всё» как знаком молчания.

Если у Введенского «молчание семиотическое», то у Хармса — «ситуативное». Возникновение ситуаций такого молчания можно уподобить паузам, определяющим структуру музыкального произведения (вообще определяющим художественную композицию): «На полпути между “молчанием” и “аллюзией” располагается умолчание, которое представляет собой активное сотрудничество молчания и слова, представляет собой подавленное слово <...> Недомолвка, умолчание — это умирающая речь, переход от ясно выраженного к подразумеваемому. <...> Молчание есть <...> отсутствие, в то время как умолчание, то есть “фигура молчания”, подобная паузам музыкальной речи, есть экспрессивное прерывание, как бы разновидность звучащей речи» [Янкелевич, 2004: 369].

«Фигурами молчания» у Хармса можно назвать ситуации исчезновения причинно-следственной связи между событиями (см., напр., рассказы «Начало очень хорошего летнего дня (симфония)» (1939), «Симфония № 2» (1930—1940).

Расшатывание причинно-следственных связей проявляется в приеме повтора, особенно очевидна эта функция приема в письме к Друскину «Связь» (1937): «Пишу Вам в ответ на Ваше письмо, которое Вы собираетесь написать мне...» Не настаивая на прямом влиянии даосской притчи на Хармса, обратим, однако, внимание, что также «по кругу» ходит мысль и речь у Чжуан-цзы:

«Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались по мосту через реку Хао. Чжуан-цзы сказал: «Как весело играют рыбки в воде! Вот радость рыб!»

— Ты ведь не рыба, — сказал Хуэй-цзы, — откуда тебе знать, в чем радость рыб?

— Но ведь ты не я, — ответил Чжуан-цзы, — откуда же ты знаешь, что я не знаю, в чем заключается радость рыб?

— Я, конечно, не ты и не могу знать того, что ты знаешь. Но и ты не рыба, а потому не можешь знать, в чем радость рыб, — возразил Хуэй-цзы.

Тогда Чжуан-цзы сказал: «Давай вернемся к началу. Ты спросил меня: Откуда ты знаешь радость рыб? Значит, ты уже знал, что я это знаю, и потому спросил. А я это узнал, гуляя у реки Хао» [Чжуан-цзы, 1995: 165—166].

В философском (иногда и религиозном) смысле молчание (и неделание) у Хармса тесно связано с его размышлением о пустоте, которая воплощается в образе «круга» (см. «Нуль и ноль», 1931, и «О круге», 1931). Круг как символ, по Хармсу, является совершенным отра-

жением Бесконечного («Бесконечное, вот ответ на все вопросы», 1932). Эта символика Хармса сопоставима с идеями Малевича, призывавшего освобождаться от предметности как от конечной формы, постигать тайну все вбирающей в себя пустоты [о сопоставимости идей Малевича и даосских идей см.: Ичин, 2016: 369].

Конечно, в некоторых произведениях Хармса молчание просто показывает бедность слов и ума в отношении кажущихся «абсурдными» ситуаций, но оно способно также обозначать начало рефлексии, созерцание связей между человеком и внешним миром вне слов.

Исследователи Чжуан-цзы говорят о нем, что «миссия аутентичного слова» для него состоит «не в том, чтобы что-то “выражать”, скрывая бытие, а в том, чтобы дать бытию раскрыться» [Малявин, 1982: 44]. Чтобы передать «свободную волю предмета» [Хармс, 1997 б: 305–306], чтобы передать ее в поэтической структуре, слова строятся Хармсом на принципе «битвы со смыслами за смысл» [Жаккар, 1995: 49]. В этом столкновении рождается новый смысл.

Список литературы

1. *Введенский А.И.* Полное собрание произведений: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
2. *Георгиевский С.М.* Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб, 1892.
3. *Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб, 1995.
4. *Ичин К.* Супрематические размышления Казимира Малевича о беспредметном мире // Ичин К. Авангардный взрыв: 22 статьи о русском авангарде. СПб, 2016.
5. *Лао-цзы.* Дао Дэ Цзин (Завет пути силы). М., 2002.
6. *Лао-цзы.* Дао Дэ Цзин. СПб, 2014.
7. *Малявин В.В.* Философия Чжуан-цзы: забытые пробуждения, немое слово // Дао и даосизм в Китае. М., 1982. С. 39–59.
8. «... Сборище друзей, оставленных судьбою»: В 2 т. Т. 1. М., 2000.
9. *Соловьев В.С.* Китай и Европа. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. СПб, 1911–1914.
10. *Токарев Д.В.* Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Д. Хармса и С. Беккета. М., 2002.
11. *Фэн Ю-лань.* Краткая история китайской философии. СПб, 1998.
12. *Хармс Д.* Записные книжки: В 2 ч. Ч. 2. СПб, 2002.
13. *Хармс Д.* Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 1. СПб, 1997 (1997 а).
14. *Хармс Д.* Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 2. СПб, 1997 (1997 б).
15. *Хармс Д.* Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 4. СПб, 2001.
16. *Чжуан-цзы.* *Ле-цзы.* М., 1995.
17. *Янкевич В.* Ирония. Прощение. М., 2004.
18. 老子今注今译. 陈鼓应译. 北京: 商务印书馆. 2016. (*Лао-цзы.* Современные комментированные тексты / Пер. на современный китайский язык, комм., сост. Чэнь Гу-ин. Пекин, 2016).

Ian Shen'

INACTION AND SILENCE AS EASTERN IDEAS IN D. KHARMS' WORKS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

It is known that D. Kharms, like some other writers of his time (older contemporaries (Andrey Bely, V. Khlebnikov) as well as Chinari (A. Vvedensky, Y. Druskin), had a deep interest in the cultures of the East, esoteric practices and philosophy. In Kharms' work (both in its content and poetics) traces of the influence of some fundamental ideas of Taoism and Buddhism, in particular, concepts of non-doing (Wu Wei) and silence as fruitful models of behavior can be found. The action and speech of the characters in many works of Kharms are in fact inaction and silence (speech that presented is often semantically empty). This is usually interpreted as the author's mockery aimed at everyday actions and conversations, but both as a manifestation of Kharms's attempts to understand the Supreme meaning, the Supreme Truth. In Kharms's work, as well as in Taoism and Buddhism, two key ideas — non-doing and silence — occupy a very important place and have a similar meaning: the rejection of action, reason and desire also reveals a desire for vitality and inner peace.

Key words: Daniil Kharms; Taoism; Buddhism; wu wei (無為); silence; irony.

About the author: *Ian Shen'* — PhD Student, of Modern Russian Literature History and the Modern Literary Process Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: y.shen@bk.ru).

References

1. Vvedenskii A.I. *Polnoe sobranie proizvedenii* [Complete works]: 2 vol. Vol. 1. M., Gileia, 1993. 285 p. [In Russ.]
2. Georgievskii S.M. *Mificheskie vozzreniia i mify kitaitsev* [Mythical views and myths of the Chinese]. Saint-Petersburg: *Tip. I.N. Skorokhodova*, 1892. 118 p. [In Russ.]
3. Jaccard J.-F. *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda* [Daniil Kharms and the end of Russian avant-garde]. Saint-Petersburg, *Akademicheskij proekt* [Academic Project], 1995. 470 p. [In Russ.]
4. Ichin K. *Suprematicheskie razmyshleniia Kazimira Malevicha o bespredmetnom mire*. [Reflections of Suprematist Kazimir Malevich on the non-objective world] Ichin K. *Avangardnyi vzryv: 22 stat'i o russkom avangarde* [The Archive of avant-garde: 22 papers on Russian avant-garde]. Saint-Petersburg, *Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge* [European University Publ.], 2016. [In Russ.]
5. Lao-tszy. *Dao De Tszin*. M., *Profit style*, 2002. 143 p. [In Russ.]

6. Lao-tszy. *Dao De Tszin*. Saint-Petersburg, *Azbuka*, 2014. 221 p. [In Russ.]
7. Maliavin V.V. *Filosofiiia Chzhuan-tszy: zabyt'e probuzhdeniia, nemoe slovo* [Zhuang-Tzu philosophy: oblivion of awakening, silent word]. *Dao i dao-sizm v Kitae* [Tao and Taoism in China]. M., *Nauka*, 1982, p. 39–59. [In Russ.]
8. "... *Sborishche druzei, ostavlennyykh sud'boiu*" [A bunch of friends by fate forlorn], Ed., foreword, comm. by V.N. Sazhin. In 2 vol. Vol. 1. M., *Ladomir*, 2000, 845 p. [In Russ.]
9. Solov'ev V.S. *Kitai i Evropa*. *Sobranie sochinenii v 10 tt.* [China and Europe. Works: in 10 vol.] Vol. 6. Saint-Petersburg, *Prosveshchenie* [The Enlightenment Publ.], 1911–1914. [In Russ.]
10. Tokarev D.V. *Kurs na khudshee: Absurd kak kategoriia teksta u D. Kharm-sa i S. Bekketa* [The course for the worst: The absurd as text category at D. Kharms and Beckett]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New Literary Review Publ.], 2002. 336 p. [In Russ.]
11. Fen Iu-lan'. *Kratkaia istoriia kitaiskoi filosofii* [The brief history of Chinese philosophy]. Saint-Petersburg, *Evrasiia*, 1998. [In Russ.]
12. Kharms D. *Zapisnye knizhki* [Notebooks]. In 2 vol. Vol.2. Saint-Petersburg, *Akademicheskii proekt* [Academic Project Publ.], 2002. 414 p. [In Russ.]
13. Kharms D. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works: In 4 vol.] Vol.1. Saint-Petersburg, *Akademicheskii proekt* [Academic Project Publ.], 1997. 434 p. [In Russ.]
14. Kharms D. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works: In 4 vol.] Vol.2. Saint-Petersburg, *Akademicheskii proekt* [Academic Project Publ.], 1997. 497 p. [In Russ.]
15. Kharms D. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works: In 4 vol.] Vol.4. Saint-Petersburg, *Akademicheskii proekt* [Academic Project Publ.], 2001. 319 p. [In Russ.]
16. Chzhuan-tszy. Le-tszy. M., *Mysl'*, 1995. 439 p. [In Russ.]
17. Iankelevich V. *Ironiia. Proshchenie* [Irony. Forgiveness]. M., *Respublika*, 2004. 334 p. [In Russ.]
18. 老子今注今译. 陈鼓应译. 北京: 商务印书馆. 2016. (Lao-tszy. *Sovremennyye kommentirovannyye teksty* / Per. na sovremennyyi kitaiskii iazyk, komm., sost. Chen' Gu-in. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2016).

Ю.А. Макартецкая

**МОТИВ СМЕРТИ В СБОРНИКЕ НОВЕЛЛ
У. ПЕЙТЕРА «ВООБРАЖАЕМЫЕ ПОРТРЕТЫ»**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье предложен анализ сборника новелл У. Пейтера “Imaginary Portraits”, 1887, книги, оригинальной для эпохи английского декаданса, раскрывшей в художественных образах центральные тезисы знаменитого труда Пейтера “Studies in the History of the Renaissance” (1873). Выделены главные мотивы сборника, среди которых особое внимание уделено мотиву смерти. Разобрана структура книги; дан краткий разбор каждого рассказа сборника; раскрыт смысл названия и жанра сборника; отмечено особое место книги в творчестве писателя. Дается объяснение того, почему для Пейтера красота присуща бытию, но требует выявления и проживания через обостренное чувство ее присутствия. Показывается, каким образом каждый герой «Воображаемых портретов» ищет наиболее яркие впечатления от собственной жизни, чтобы всего-навсего испытать от них мгновенное наслаждение, которое, согласно рассуждениям Пейтера, и есть конечная жизненная цель. Делается вывод о том, что в данной книге иносказательно, но при этом последовательно описывается смерть тех важнейших базовых элементов, которые составляют содержание искусства: вдохновенная *живопись*, воплощённая в красках и формах *красота*, чувство жизни и *творческий интерес*, *поэтическая мечта*, — элементы искусства, выраженные с наибольшей полнотой в эпоху Ренессанса. Каждая новелла сборника посвящена «вечному Ренессансу», открытию художником недолговечности жизни, но тем не менее поиску им именно в этом мире чего-то более важного, чем тленная жизнь.

Ключевые слова: У. Пейтер; «Воображаемые портреты»; смерть; эстетизм; П.П. Муратов.

*«Он был точно влюблён в смерть...»
[Патер¹, 1908: 113]*

Текст своего предисловия к единственному на настоящий момент переводу на русский язык сборника новелл У. Пейтера (W. Pater,

Макартецкая Юлия Александровна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: juliamauve@gmail.com).

¹ Пейтер — более близкая к английскому оригиналу транскрипция фамилии писателя, нежели Патер, поэтому в работе мы придерживаемся первого варианта написания.

1839–1894) «Воображаемые портреты» (“Imaginary Portraits”, 1887; «Воображаемые портреты. Ребенок в доме», 1908) его переводчик, искусствовед и литератор П.П. Муратов, начинает следующими словами: «Уолтер Патер — писатель совершенно неизвестный в России» [Патер, 1908: 1]. Прошло более века, но в области изучения творчества одного из наиболее ярких представителей английского эстетизма в нашей стране мало что изменилось. Как верно, на наш взгляд, отмечает Муратов, Пейтер принадлежит к числу тех писателей, которых почти невозможно оценить по одному единственному произведению. Тем более, что ему принадлежат сочинения, выполненные в разных литературных жанрах, а также относящиеся к разным сферам гуманитарной специализации. К числу художественных произведений Пейтера относятся роман «Марий-эпикурец» (“Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas”, 1885/«Марий Эпикурец: Его чувства и идеи», русс. пер. фрагментов романа, 1916), сборник новелл «Воображаемые портреты» (“Imaginary Portraits”, 1887, 1894/«Воображаемые портреты», русс. пер. 1908, 1916) и роман «Гастон де Латур: Незаконченный роман» (“Gaston de Latour: An Unfinished Romance”, 1896/«Гастон де Латур: Незаконченный роман»).

Новеллы сборника «Воображаемые портреты», представляющих собой востребованный символизмом жанр модернизированной исторической новеллы, занимает особое место в творчестве писателя и включает кульминацию всех размышлений Пейтера о преходящем, о смерти. Сборник является последним законченным художественным произведением Пейтера, и, как был вынужден признать сам автор, книгой, полностью отражающей его мировоззрение. “Which is the best of your books?” someone once enquired of Pater. “Imaginary Portraits,” he answered, “for it is the most natural”» [Wright, 1907: 95]. Как отмечает биограф Пейтера Т. Райт, писатель, скорее всего, обратился к такому заглавию в честь книги эссе английского поэта У.С. Лэндора «Воображаемые разговоры» [Wright, 1907: 91].

Сборник содержит четыре новеллы (“A prince of court painters: extracts from an old French journal”/«Король придворных художников. Отрывки из старого французского дневника», “Denys L’Auxerrois”/«Дэнис Оксеррский», “Sebastian van Storck”/«Себастьян ван Сторк», “Duke Carl of Rosenmold”/«Герцог Карл фон Розенмольд»), сквозные образы которых отражают особенности жизни и нравов Франции, Фландрии, Голландии и Германии того времени, который описывает отдельный рассказ. Пейтера интересовало европейское искусство, в том числе архитектура, что, в частности, нашло свое отражение в его книге о Ренессансе. На наш взгляд, в воображаемых рассказах Пейтера страна и город выступают колоритным фоном для разворачивания индивидуальной истории души. Однако,

знакомясь с трагедией персонажа, читатель всегда находит в ней отражение топографии, нравов, «действительного происшествия, случившегося на улицах» [Патер, 1908: 68].

Главные темы размышлений писателя — природа живописи и живописности (образы художника, природы, города в новелле «Король придворных художников»), отношения между интеллектом и чувственным началом (образы любви, воды как символа бесконечности знания в рассказе «Себастьян ван Сторк»), аскетикой и эстетизмом (образы бедности, простоты и прекрасного, выраженного как в артефактах культуры, так и в красоте человека в новелле «Дэнис Оксеррский»), моралью и аморальностью (например, так называемый образ “*funeral voyeurisme*” в новелле «Герцог Карл фон-Розенмольд»), а также мотив конечности и человеческого существования, и искусства в частности. Феномен смерти и часто ассоциирующееся с ним чувство хрупкости всего прекрасного занимали воображение Пейтера преимущественно в двух аспектах: 1) исключительность творческого таланта художника, как бы всегда готового умереть, чтобы отказаться от всего личностного, определяющего специфику конкретного существования ради соприкосновения с надличным, вечностью; 2) проявление «магии» подлинного искусства, лучшие образцы которого напрямую свидетельствуют о чрезмерности, зачастую губительной, авторских замыслов и желания реализовать их. Кроме того, смерть, в представлении Пейтера, содержит обещание творческого успеха, восхитительного в представлении зрителя и губительного для истинного художника.

Рассказы из «Воображаемых портретов» создавались Пейтером на протяжении всего его творческого пути, но именно как книга оказались предоставлены вниманию публике ближе к концу жизни писателя. В 1878 г. в “*Macmillan’s Magazine*” (Vol. 38) печатается рассказ «Ребенок в доме» с уточняющим заголовком «Воображаемые портреты 1. «Ребенок в доме» (“*Imaginary Portraits 1. The Child in the House*”). Впрочем, в первое издание сборника этот текст не вошел. В русскоязычное издание Муратов решил включить этот рассказ как дополнение. Из рассказа следует, что Пейтером с детства владели две исключительные страсти: эстетическая и «религиозная», т.е. чувство красоты и чувство страдания. Он был убежден, что все великие флорентийцы, которых он всем сердцем и умом понимал и ценил, были поглощены мыслью о смерти.

Знаменитое «Заключение» первого издания книги о Ренессансе оказалось оценено читателями совсем не так, как желал того сам автор. В броских тезисах писателя («Всегда гореть сильным, ярким, как самоцвет, пламенем, всегда сохранять в себе трепет экстаза — вот успех в жизни», «... наш единственный шанс расширить отпущенный нам промежуток времени, пережить в нем как можно больше биений

пульса. Этот ускоренный ритм жизни могут подарить нам пылкие страсти, восторги и муки любви... Только страсть может принести нам плод динамичного и возвышенного сознания» [Патер, 2006: 278] и др.) увидели прежде всего призыв к гедонизму и аморализму. Во избежание неприятностей при переиздании книги (1877) текст «Заключения» был опущен, а для третьего и всех прочих изданий текст был значительно переработан. Пейтер приложил немало сил, чтобы выразаться нейтрально и «академично», поскольку викторианские нравы не обходили стороной высшие учебные заведения. Его родной Оксфорд не был исключением.

Отныне Пейтер стал вынужден облекать свои идеи на тему эстетизма в художественную форму. Осуществленный им выбор исторических персонажей, скорректированных «воображаемыми» чертами, преследовал, по нашему мнению, аналогичную цель. В сходном с Пейтером жанре «исторических» повествований работали и другие символисты: А. Франс, Д.С. Мережковский, а также П.П. Муратов («Герои и героини») и др. В то же время модернизация истории предпринята Пейтером весьма ненавязчиво: только в рассказе о герцоге Карле фон Розенмольде автор называет имена исторических лиц, чьи устремления он попытался вложить в своего персонажа. В такой стилистике были написаны все основные художественные работы писателя, преимущественно новеллы. В основу романа «Марий-эпикурец» также легло небольшое повествование, постепенно расширенное.

«Воображаемые портреты» — сборник из четырех новелл. Общий для всех лейтмотив, на наш взгляд, — тонкое эстетическое переживание «чувства» смерти, а также своеобразное предвосхищение опыта смерти у художника (событие смерти всегда следует за исканиями прекрасного). Среди тематических и композиционных средств, обыгрываемых Пейтером в каждом рассказе, можно отметить следующие: события развиваются драматически, в последовательно хронологическом порядке; главный герой описывается практически с детства до момента смерти; рассказчик выполняет важную функцию — поведать историю «народной жизни» или раскрыть возможности эпистолярного жанра; все персонажи сборника — чувствительные натуры, искренне стремящиеся «найти себя» и суметь материализовать итог своих поисков (они, кроме того, люди своего родного края и творцы в том или ином смысле).

Повествование новеллы «Король придворных художников. Отрывки из старого французского дневника» разворачивается в «сонном городе» Валансьене, украшенном тем не менее «подобной цветам архитектурой» [Патер, 1908: 54]. Рассказ ведется от лица юной девушки, которая в письмах, на протяжении многих лет, с 1701 по 1721 г., рассказывает о судьбе знакомого ей художника. В саду ее отца

работает некий каменщик, которому помогает его сын, невероятно талантливый живописец Антуан Ватто, «гений», испытывающий страсть к вдохновенной импровизации, отчего даже перед началом работы над новой картиной он не стремится очистить от старых высохших красок мольберт.

Ватто — тонкий ценитель литературы; у него «сдержанные манеры»; он отличается «странной прихотью желая странствовать, которое он на деле так редко осуществлял»; лицо его обладает «оттенком красивой раздумчивости»; «эти остро-изогнутые брови, эти беспокойные глаза, которые кажутся больше чем всегда, — что-то приковывающее к себе и почти страшное в выражении лица, — всё это говорит ясно, непреодолимо наводит на мысль об итогах его жизни ... Проходит сквозь всю его жизнь какая-то внутренняя печаль актера» [Патер, 1908: 32]. По счастливому стечению обстоятельств Антуану предоставляется шанс «покорить» Париж. В скором времени светское общество единодушно признало картины Ватто достойными самых высших похвал; он становится членом Академии живописи и назначается Художником Короля. Однако то, о чем он так долго мечтал, очень быстро разочаровывает его. Общественное признание, светские рауты оказываются для Ватто иллюзией, не способной принести счастье, вдохновить художника на что-либо достойное. Из повествования остается неясным, что именно привело Антуана к смерти — тоска или чахотка, — по всей вероятности, и то и другое вместе. Талант Ватто оказался всеми забытым, за исключением ученика Жана-Батиста, младшего брата рассказчицы. Из вещей, сохраняющих память о нем, постоянным вниманием пользуется только расписанная им гостиная в доме рассказчицы, светлая и просторная, в которой любит проводить время вся семья. Рассказчица пишет в своем дневнике: «Я поражена целомудренной чистотой комнаты, которую он переделал для нас, — это как бы душевная чистота, воплощённая в формах и красках предметов» [Патер, 1908: 36]. Второй рассказ, «Дэнис Оксеррский», и третий, «Себастьян ван Сторк», также содержат важный для эстетики Пейтера мотив увядания творческих сил и смерти.

Одна из ключевых новелл сборника — «Герцог Карл фон Розенмольд». История начинается с обнаружения останков мужчины и женщины, найденных в результате падения дерева из-за сильного ветра. Тело мужчины было украшено изделиями из золота, что подсказало разгадку давней тайны. Сто лет назад в этих краях бесследно исчез герцог Карл, и никто достоверно не знает, что именно с ним случилось. Предполагали, что он вместе с возлюбленной оказался раздавленным всадниками (таинственной ночной армии).

Карл рос мечтательным и восприимчивым к искусству юношей. Как-то раз он обнаружил на чердаке своего замка книгу стихов, ко-

торая привела его в восторженное состояние. То были стихи Конрада Целтиса, написанные на латыни, об Аполлоне Гиперборейском, который пребывает в течение нескольких месяцев где-то на крайнем севере, но остается при этом божественным, прекрасным вдохновителем всех искусств.

Карлу казалось, что его слуги лицемерят, льстят ему, повторяя как эхо, будто он и есть подлинный Аполлон (и немецкий, и гиперборейский), но при этом не понимают его мечты — «добыть для Германии Аполлона и его лиру». Желание испытать искренность окружающих побудило Карла сыграть над двором и всей Европой необычную шутку: он захотел оказаться зрителем на собственных похоронах, и эта затея рождала в нем «сладкую жуть». Переодевшись странствующим музыкантом, Карл стал участником траурной процессии, имел возможность слышать, как ее участники поздравляют друг друга с тем, что сумасбродный правитель, наконец, скончался. После собственных похорон Карл путешествовал по разным странам, но, в конце концов, принял решение вернуться в родной для него Розенмольд. Смерть его настигла в тот самый момент, когда он внезапно понял, что хочет спокойной и мирной жизни, в тот день, когда он решил жениться. Смерть оказалась нелепой — молодожены оказались застигнуты пронёсшимся «ураганом победоносной армии». Согласно признаниям самого Пейтера, которые угадываются в конце рассказа, в образе Карла фон Розенмольда он попытался представить стремления тех, кто мечтал о наступлении новой эры в немецкой литературе, кто верил в вечное существование поэтического идеала — Гёте, Лессинга, Гердера.

Из книги о Ренессансе мы узнаем, что, согласно Пейтеру, вся природа вещей состоит из перемежающихся вихрей частиц, их стремительного потока, собирающегося в сплетения и узлы и снова рассеивающегося, поэтому тщетно стремление воплотить его многочисленные потоки в виде чего-то неизменного и нормативного. Раз, согласно Пейтеру, жизнь — это поток, то желание увидеть жизнь на краю, на границе со смертью, увидеть жизнь в окончательном и оформленном состоянии — это увидеть ее как художественное полотно, что позволяет вспомнить о знаменитых словах Фауста: «Мгновенье, прекрасно ты, продлись, постой!» (пер. Н. Холодковского). Подобно тому, как картина мастера представляет собой окончательный вариант оформления художнического замысла, точно так же и смерть есть конец самой жизни. Каждый герой «Воображаемых портретов» ищет наиболее яркие впечатления от собственной жизни, чтобы всего-навсего испытать от них мгновенное наслаждение, которое, согласно рассуждениям Пейтера, и есть конечная жизненная цель. Так, Ватто посвятил свою жизнь искусству живописи, и как только он достиг в этом искусстве высшей степени мастерства, жизнь для

него закончилась. Дэнис, обладавший талантом и восприимчивостью к прекрасным вещам и с открытым сердцем предлагавший их покупателям на рынке, после того, как оказался из-за глупых предубеждений обывателей в изгнании, был растерзан ими на кусочки: главное событие, связанное с жизнью Дэниса, — это его ужасная смерть. Трагедия Себастьяна — в переполнявшем его чувстве жизни и творческом интересе, история же Карла — это история про гибель поэтической мечты.

В сборнике новелл Пейтера иносказательно, но при этом последовательно описывается смерть тех важнейших элементов, которые составляют истинное содержание искусства: вдохновенная *живопись*, воплощенная в красках и формах *красота*, чувство жизни и *творческий интерес*, *поэтическая мечта*, — все те элементы искусства, которые, по мнению Пейтера, с наибольшей полнотой воплотил Ренессанс (Леонардо, Микеланджело и др.). Таким образом, каждая новелла сборника посвящена «вечному Ренессансу», открытию художником недолговечности жизни, но тем не менее поиску им именно в этом мире чего-то более важного, чем сама по себе тленная жизнь. Для Пейтера красота присуща бытию, но требует через обостренное чувство ее присутствия выявления и проживания.

Список литературы

1. *Муратов П.П.* Уолтер Патер // Патер У. Воображаемые портреты. Ребенок в доме / Пер. с англ. и вступ. ст. П.П. Муратова. М., 1908. С. 1–13.
2. *Патер У.* Воображаемые портреты. Ребёнок в доме / Пер. с англ. и вступ. ст. П.П. Муратова. М., 1908.
3. *Патер У.* Ренессанс: Очерки искусства и поэзии / Пер. с англ. В.Д. Дажиной. М., 2006.
4. *Pater W.* Imaginary Portraits: A New Collection (1887) / Ed. by E.J. Brzenk. N.Y., 1964.
5. *Wright Th.* The Life of Walter Pater. With Seventy-Eight Plates. L., 1907. Vol. II.

Yuliya Makartetskaya

THE MOTIVE OF DEATH IN *IMAGINARY PORTRAITS* BY WALTER PATER

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses *Imaginary Portraits* by W. Pater, 1887, the book original for the English decadence, as it reveals through fictional characters the tenets of

Pater's *Studies in the History of the Renaissance*, 1873. Central to the novellas, or stories, is the motive of death. The article scrutinizes the structure of the book, gives a brief analysis of each story, discusses the meanings of the titles and genre properties. It is noted that the book takes a special place in the writer's work. This book is allegorically, but consistently, describes the death of the basic elements that make up the essence of art, and the Renaissance: inspirational painting, beauty embodied in colors and forms, the sense of life and interest in creative, and a poetic dream. Each story in the collection is devoted to the "eternal Renaissance", discovery of the fragility of life, but nonetheless finding them in this world of something more important than perishable life itself. The article offers an explanation why beauty for Pater is intrinsic to being.

Key words: W. Pater; Imaginary Portraits; death; aestheticism; P.P. Muratov.

About the author: *Yuliya Makartetskaya* — PhD Student, Department of the History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: juliamauve@gmail.com).

References

1. Muratov P.P. Walter Pater [Walter Pater]. *Pater W. Voobragaemue portretu. Rebenok v dome*. [Imaginary portraits. The Child in the house], Moscow, *Izdatel'stvo V.M. Sablina*, 1908, pp. 1–13. (In Russ.)
2. Pater W. *Voobragaemue portretu. Rebenok v dome*. [Imaginary portraits. The Child in the house]. Moscow, *Izdatel'stvo V.M. Sablina*, 1908, 203 p.
3. Pater W. *Renessans: Ocherki iskusstva i poezii* [The Renaissance: Studies in Art and Poetry]. Moscow, *Izdatel'skiy dom mejdunarodnogo universiteta v Moskve*, 2006, 352 p.
4. Pater W. *Imaginary Portraits: A New Collection* (1887). N.Y.: *Harper Publ.*, 1964, 153 p.
5. Wright Th. *The Life of Walter Pater. With Seventy-Eight Plates*. L.: *Everett & Co Publ.*, 1907. Vol. II, 284 p.

Юйцин Ши

**ТИПЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЗРОСЛЫХ
И ДЕТЕЙ В ЦИКЛЕ «ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ»
ВИКТОРА ДРАГУНСКОГО**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье исследуются разные типы отношений взрослых и детей в цикле Виктора Драгунского «Денискины рассказы». Рассмотрены взаимоотношения Дениса Кораблева и Мишки Слонова с педагогами, родителями, их друзьями и случайными прохожими, обнаруживаются четыре разных типа взаимоотношений между детьми и взрослыми у Драгунского: персонажи могут проявлять уважение друг к другу, способность понять мотивы поступков и простить случайные ошибки; желание понять другую сторону при неспособности принять отдельные поступки и некоторые ситуации; взрослый может диктовать ребенку свои условия, подчинять его собственной воле; сам ребенок может не желать общаться со взрослым, который груб и неправ.

Диапазон отношений между взрослым и ребенком, таким образом, весьма велик и разнообразен: от взаимного приятия, понимания друг друга, дружбы, заботы, уважения и любви до взаимной ненависти и нежелания общаться. Рассказы подводят к пониманию необходимости компромиссов.

Ключевые слова: В.Ю. Драгунский; «Денискины рассказы»; взаимоотношения взрослых и детей; конфликт; детская литература; характер ребенка.

Жанр юмористического рассказа обрел особую популярность во второй половине XX в. и стал основой творчества Н. Носова, В. Голявкина, В. Драгунского и др. В.Ю. Драгунский (1913–1972) обратился к этому жанру в цикле о Денисе Кораблеве, прототипом которого стал сын писателя.

Изучение творчества Драгунского началось в 1968 г. с диссертации Е.Е. Зубаревой, говорившей о писателе прежде всего как о юмористе (о юморе Драгунского см. также, например: [Недува, 1981; Долженко, 2001]). В работах последних лет предметом особенного внимания становятся особенности повествования, например, в «Денискиных

Юйцин Ши — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: fdsyq@outlook.com).

рассказах» [Михайлова, 2013; Октябрьская, 2016: 94]. Типология персонажей Драгунского, как нам представляется, может быть обсуждена более подробно, чем это делалось раньше.

Основа «Денискиных рассказов» — цепь эпизодов, воссоздающих и обыденные, и исключительные ситуации из жизни дошкольника и младшего школьника. Цикл скрепляют сквозные персонажи, динамика их роста, линейное время действия.

Образная система цикла весьма ограничена. Главный герой — Денис Кораблев, персонажи — его родители, учителя (их тоже немного — особое внимание уделено учителю музыки Борису Сергеевичу, который подтрунивает над отсутствием музыкального слуха у Дениса, и учителю начальных классов Раисе Ивановне) и друзья: Мишка Слонов, Аленка. Появляются и эпизодические персонажи — взрослые и дети.

Денис Кораблев открыт для других, позитивен и эмоционален, воспринимает окружающий мир в ярких и радужных тонах, радуется всему. Это настоящий ребенок, раскрепощенный: «Я люблю посмеяться... Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех, — смотришь, через пять минут и вправду становится смешно, и я прямо кисну от смеха!» Он легко общается со сверстниками, простодушен и наивен. Особым проявлением его естественности становится желание петь, он поет и на улице, и на уроке музыки. «И я запел изо всех сил. Я хорошо пою, громко! Громче меня никто не может...» Из-за своей непосредственности Денис не понимает ни того, как он фальшивит, ни того, что громкость не главное достоинство пения. Особую радость, даже «телячий восторг», может вызывать у него любое проявление жизни — от деревенского пейзажа до победы в игре. Его эмоциональную реакцию может вызвать что угодно — закончившееся соревнование по плаванию, выезд за город на природу и т.д.

Образ Дениса — смысловой и композиционный центр цикла, поэтому особую роль играют взаимоотношения героя с другими персонажами. Конфликты, которые движут развитие сюжета, рождаются от непонимания других и основаны на поиске взаимопонимания. Через взаимодействие Дениса с родителями, друзьями, педагогами, даже прохожими писатель показывает нам разные типы отношений взрослых и детей.

Достижение взаимопонимания — сложный и серьезный труд. Основными в установлении взаимопонимания между ребенком и взрослым становятся желание общаться, умение понять собеседника.

Дети и взрослые живут в разных мирах. Ребенок обладает особой психологией и своеобразным пониманием сути проблем. Он пока несовершенен, несамостоятелен.

Драгунский изображает разные типы отношений взрослых и детей. Например, в основе сюжета рассказа «Рыцарь» — странный поступок Дениса, который сливает в одну банку коллекционный черный «Мускат» и дешевое жигулевское пиво. Что получится, для Дениса не важно, ему нужно освободить бутылки, сдать их и на полученные деньги купить маме подарок. И мама способна увидеть в поступке сына его искреннее чувство, желание доставить ей радость: «Она еле-еле проговорила: — Ведь это он... из лучших побуждений... Ведь он же... рыцарь... Я умру от смеха». Денис по смеху мамы и волнению папы чувствует, что сделал что-то не то. Он не понял ошибки, но доброе отношение родителей и желание сына поздравить маму сближают семью.

Однако не всегда взаимоотношения родителей и ребенка именно такие. В «Арбузном переулке» писатель разделяет родителей. Денис не хочет есть молочную лапшу: терпеть не может молочные пенки, а мама требует: «Ты меня вгонишь в гроб! Какие пенки? Ты на кого похож? Ты вылитый кощей!» Как мать не понимает сына, так и сын не может понять ее переживания из-за худобы мальчика.

Отец вместо нотации рассказывает историю из своего голодного военного детства. Разбитый арбуз, подаренный незнакомым рабочим, вспоминался в трудные времена. Желание хоть что-то съесть и муки голода, которые переживали отец и его товарищ в годы войны, подводят ребенка к пониманию необходимости дорожить едой. Драматический рассказ отца становится связующим звеном между родителями и сыном.

Взаимоотношения мамы и Дениса неоднозначны. Она любит сына, воспитывает его честным и ответственным за свои поступки, патристичным и самостоятельным. Однако общая верная направленность дидактической стратегии мамы нередко входит в противостояние с частной практикой единичных случаев. Например, для мамы самым важным оказывается кормление ребенка, она требует безоговорочного подчинения своим приказам и предлагает традиционные, но очень невкусные блюда: скользкую, липкую, густую манную кашу, молочную лапшу с пенками и т.д. Когда мама не получает желаемого, она начинает сердиться, и ребенок сразу замечает изменение на ее лице: «Тут мама посмотрела на меня, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник».

Во многих случаях герой пытается пойти на компромисс и даже пожертвовать своим вкусом, поэтому он все делает, чтобы исправить кулинарную неудачу мамы и съесть ненавистное блюдо («Тайное становится явным»). И только в конце, когда все его попытки провалились, он выбрасывает кашу в окно. Мать и сын во многом друг другу уступают. Так, после вмешательства отца ребенок съедает

лапшу с пенками («Арбузный переулок»). Сын готов смириться и с тем, что для живого уголка могут подойти только белые мышки, а не зубробизон, лось, як «или хотя бы бегемот». Мама, успокаивая сына, предлагает купить моллинезию («Живой уголок»).

Не всегда поступки мамы действуют на сына хорошо. Приняв всерьез шутливые слова мамы о том, что выражение «профессор кислых щей» — похвала, Денис попадает в нелепое положение: «награждает» настоящего профессора, врача, осматривающего Аленку, обидным прозвищем («Профессор кислых щей»).

Однако писатель показывает и то, как ребенок не отстаивает собственную позицию. В этом случае герой-ребенок во многом противопоставлен героям-взрослым. Если взрослые практичны, приземлены, рассудочны, то ребенок более эмоционален, романтичен, больше способен к творчеству. Так, мама Дениса, пытаясь уговорить его использовать игрушечного медведя вместо боксерской груши, не может понять, почему Денис протестует, почему старая игрушка не может стать боксерской грушей для подросткового сына. Она не понимает, как можно отдать «такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?» Шкала ценностей у взрослых и детей оказывается разная, для родителей важнее всего материальное, а для ребенка — эмоциональное. Для мамы плюшевый медведь — старая, ни к чему не пригодная игрушка, которую можно использовать в качестве боксерской груши. Для Дениса это друг детства. Самосвал для мамы — то, что стоит дорого, и поэтому его нельзя поменять на жука, а Денисом эмоционально воспринят не самосвал, а светлячок, который утешает и успокаивает ребенка в темноте и одиночестве.

Взаимоотношения с отцом выстраиваются иначе. Если с матерью сын общается постоянно, то отец появляется дома лишь под вечер, часто уезжает в командировку. Поэтому Денис особенно ценит время общения с ним. Отец часто что-либо рассказывает Денису, это сближает их. Кораблѐв-старший может развлечь сына и его друзей, показывая фокусы, варит с сыном бульон и т.д. Но когда отец устал или ему что-то мешает, он иногда игнорирует сына.

Например, в рассказе «Одна капля убивает лошадь» отец не понимает сына и ругает его, в то время как тот старается защищать его. Ребенку трудно понять и осмыслить условность мира взрослых, абстрактность их мышления, метафоричность языка, поэтому маленький герой понимает маму буквально, а ее слова о никотине («Ведь ты не знаешь, что одна капля папиросного яда убивает здоровую лошадь») заставляют сына волноваться за отца. Денис сердится на тетю Тамару, которая подарила портсигар, злится (что ему несвойственно), пытается «усовершенствовать» куруво отца и отрезать папиросы со стороны не мундштука, а табака. Но то, что вызвано любовью к отцу и заботой о нем, воспринимается как озорство...

Кроме родителей в цикле есть и другие взрослые. Учитель Борис Сергеевич оценивает певческий талант каждого из учеников, их музыкальный слух, умение петь по нотам. Однако для Дениса важно другое: громкость голоса, и он удивляется, когда Борис Сергеевич хвалит тихое пение Мишки. Сам Денис выбирает песни Гражданской войны и поет их громко и звонко, но получает тройку.

Герой не понимает, что не нравится Борису Сергеевичу. Денис эмоционален, авторитет Бориса Сергеевича для него важен — но учитель кажется равнодушным, иронизирует, что такое хорошее пение — не объясняет, и Денис не понимает его.

Но в ситуации, которая не касается профессиональных интересов учителя пения, тип отношений между педагогом и учеником меняется: именно Борис Сергеевич понял суть характеров Дениски и Мишки. Он сразу заметил, что душа главного героя открыта для всего мира («Честно говоря, ты ведь еще маленький... а смотри-ка, любишь как много! Целый мир!»), а чувства его друга сосредоточены только на чем-то материальном («Получается, ты любишь целый продуктовый магазин, и только...»).

Но не всегда взрослый способен чутко отреагировать на эмоции и поступки детей. Так, безымянный шахматист («Шляпа гроссмейстера») не просто равнодушен к поступку ребят, которые с трудом вытащили из пруда его шляпу, но и обвиняет их в порче его главного убора. Гроссмейстер слишком замкнут в мире шахматной игры, и поэтому сначала не понимает, что происходит, а потом становится даже агрессивным. Взрослый привык считать, что от детей можно ожидать лишь неприятностей.

Откровенная глупость, граничащая с бестактностью, свойственна герою рассказа «Ничего изменить нельзя». Безымянный персонаж не ищет контакта с ребенком, а лишь задает странные вопросы: «Ну, Денис, как тебя зовут?» Взрослый оказывается порой более эгоистичным и жестоким, чем ребенок, и общается лишь формально. Так, друг родителей Дениса из рассказа «Ничего изменить нельзя» задает мальчику неприятный вопрос, кого тот любит больше: маму или папу. Тетя Роза не обращает внимания на страх и одиночество ребенка и задерживает Денискину маму своей болтовней («Он живой и светится...»). Мария Петровна обманывает ребенка, обещая подарить настоящую саблю, но не терпит, когда обманывают ее саму. Она пользуется наивностью маленького героя и грубо разоблачает его («Разговаривающая ветчина»). Писатель маркирует ее поведение знаковыми глаголами «кричать», «квакать», «вскипать», «захлебываться», «булькать».

Таким образом, тема взаимоотношений взрослых и детей в «Денискиных рассказах» является ведущей на смысловом и структурном

уровнях. Главный герой почти всегда готов общаться с другими, выражать свои чувства, понять и принимать весь мир. Он становится закрытым только тогда, когда отношение взрослого человека к нему агрессивно и слишком авторитарно или эгоистично. Он не понимает и не принимает того, что не согласуется с его представлениями о мире.

Взрослый герой реже идет на открытый контакт с ребенком, особенно если не является его родителем или учителем. Дистанция между взрослым и ребенком слишком велика, взаимопонимание может возникнуть лишь тогда, когда и взрослый, и ребенок идут навстречу друг другу и принимают то, что вначале кажется странным и неприемлемым.

Общаясь друг с другом, дети и взрослые в рассказах Драгунского могут проявлять уважение друг к другу, способность понять мотивы поступков и простить случайные ошибки; могут желать понять другую сторону, но не быть способными принять отдельные поступки и некоторые ситуации; взрослый может диктовать ребенку свои условия, подчинять его собственной воле по праву взрослого и сильного; сам ребенок может не желать общаться со взрослым, который некорректен по отношению к нему или его родителям.

Список литературы

1. *Арзамасцева И.Н., Николаева С.А.* Детская литература. М., 2005.
2. *Долженко Л.В.* Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50–80-х гг. XX в.: Н.Н. Носов, В.Ю. Драгунский, А.Г. Алексин, В.П. Крапивин: Дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2001.
3. *Драгунский В.Ю.* Денискины рассказы. М., 2015.
4. *Зубарева Е.Е.* Проблема юмора в художественной литературе для детей и подростков: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1968.
5. *Кузнецова Н.И., Мещерякова М.И.* Русские детские писатели XX века: Биобиблиографический словарь. М., 1997. С. 164–166.
6. *Линкова И.Я.* Дети и книги. М., 1970.
7. *Михайлова О.О.* Типология конфликтов в «Денискиных рассказах» В.Ю. Драгунского: рецептивно-функциональный аспект // Детские чтения. Т. 7. 2015. № 1. С. 94–112.
8. *Михайлова О.О.* Формы выражения авторской адресации в рассказах В.Ю. Драгунского для детей: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
9. *Октябрьская О.С.* Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2017.
10. *Недува Э.Ш.* Творчество Носова и его роль в развитии жанров юмористической прозы для детей: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.
11. *Плешкова О.И., Селивёрстова М.П.* Формирование представления о психологизме детской литературы у будущих учителей начальных

- классов (на материале творчества В.Ю. Драгунского) // Современные образовательные технологии в начальной школе. 2017. С. 78–82.
12. *Сивоконь С.И.* Веселые ваши друзья. М., 1980.

Yuqing Shi

**THE TYPES OF RELATIONSHIPS BETWEEN ADULTS
AND CHILDREN IN VICTOR DRAGUNSKY'S
*THE STORIES OF DENIS***

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

The article discusses the types of relationships between adults and children in Victor Dragunsky's *The Stories of Denis*, Denis Korablev and Mishka Slonov, on the one hand, and the teachers, parents, friends, and passers-by, on the other. The focus is on the nature of conflict between an adult and a child and ways of repairing it. Dragunsky depicts four types of relationships between adults and children: the readiness to understand the main motives of the other side's actions and to forgive some mistakes, the respect not only for seniors but also for juniors; the conflict between the desire to understand each other and the inability to accept certain situations and actions; the imposing of the parents' will on children, the inability and unwillingness to listen to the child; the unwillingness of a child to communicate with adults who are rude to him or to his parents. The relations between adults and children are diverse: mutual acceptance, understanding, caring, respect, and love, and resentment and unwillingness to communicate.

Key words: V. Dragunsky; *The Stories of Denis*; relationships between adults and children; conflict; relationship types; characters.

About the author: *Yuqing Shi* — PhD Student, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literature Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: fdsyq@outlook.com).

Reference

1. Arzamastseva I.N., Nikolaeva S.A. *Detskaya literatura* [Children's literature]. Moscow, *Akademiya Publ*, 2005. 576 p.
2. Dolzhenko L.V. *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkoy literature 50–80-kh gg. XX v.: N.N. Nosov, V.Yu. Dragunsky, A.G. Aleksin, V.P. Krapivin* [Rational and emotional in Russian literature of the 1950–1980-ies.: H.H. Nosov, V.Yu. Dragunsky, A.G. Aleksin, V.P. Krapivin]: diss. dokt. filol. nauk: 10.01.01. Volgograd, 2001. 394 p.
3. Dragunsky V.Yu. *Deniskiny rasskazy* [The Stories of Dennis]. Moscow, *Ehksmo Publ*, 2015. 464 p.

4. Kuznetsova N.I., Meshcheryakova M.I. *Russkie detskie pisateli XX veka: Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian children's writers of the twentieth century]. Moscow, *Flinta Publ*, 1997, pp. 164–166.
5. Linkova I.Ya. *Deti i knigi* [Children and books]. Moscow, *Znanie Publ*, 1970. 80 p.
6. Mikhaylova O.O. *Formy vyrazheniya avtorskoy adresatsii v rasskazakh V.Yu. Dragunskogo dlya detey* [The forms of expression of the author's addressing in V.Yu. Dragunsky's stories for children]: diss. kand. filol. nauk: 10.01.01. M., 2013. 200 p.
7. Mikhaylova O.O. *Tipologiya konfliktov v "Deniskinykh rasskazakh" V.Yu. Dragunskogo: retseptivno -funktsional'nyy aspekt* [Typology of conflicts in "The stories of Dennis" by V.Yu. Dragunsky: a receptive-functional aspect]. *Detskie chteniya*. 2015. T. 7. № 1, pp. 94–112. (In Russ.)
8. Neduva E.Sh. *Tvorchestvo Nosova i ego rol' v razvitii zhanrov yumoristicheskoy prozy dlya detey* [Creativity Nosov and its role in the development of genres of humorous prose for children]: diss. kand. filol. nauk: 10.01.01. Moscow, 1981.
9. Oktyabr'skaya O.S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoy sistemy v russkoy detskoy proze 1920–50-kh godov* [Formation and development of the genre system in the Russian children's prose of the 1920–50-ies]: diss. dokt. filol. nauk: 10.01.01. Moscow, 2017.
10. Pleshkova O.I., Selivërstova M.P. *Formirovanie predstavleniya o psikhologizme detskoy literatury u budushchikh uchitely nachal'nykh klassov (na materiale tvorchestva V.Yu. Dragunskogo)* [Formation of ideas about the psychologism in children's literature of future teachers in primary school (based on the work of V.Yu. Dragunsky)]. *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v nachal'noy shkole*. 2017, pp.78–82. (In Russ.)
11. Sivokon' S.I. *Veselye vashi druž'ya* [Your funny friends]. Moscow, *Detskaya literatura Publ*, 1980. 191 p.
12. Zubareva E.E. *Problema yumora v literature dlya detey i podrostkov* [The problem of humour in literature for children and adolescents]: diss. kand. filol. nauk: 10.01.01. Moscow, 1968. 358 p.

М.А. Хлебус

**КАТЕГОРИЯ СЛОВА В РОМАНАХ М. ШИШКИНА
«ПИСЬМОВНИК» И Е. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рассмотрено осмысление категории слова в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водолазкина «Авиатор», определяется его смысловая значимость, выявляется тенденция возвращения слову онтологического статуса. Категория слова анализируется на различных уровнях поэтики: жанра, мотивов, системы персонажей, пространственно-временной организации повествования, а также на уровне используемых авторами христианских мифологем. Герои произведений пишут дневники и письма, буквально словом восстанавливают события прошлого, «воскрешают» чувства, стимулируют память ощущений, запахов, звуков. В романе Водолазкина «Авиатор» слово — философема, язык вводит героя в мир значений, недоступных простому созерцанию. Шишкин («Письмовник») имитирует эпистолярную фабулу, нарушает хронологическую последовательность событий, пренебрегает причинно-следственными связями с одной целью — продемонстрировать власть слова. Исследуя феномен слова в романах Шишкина и Водолазкина, мы обнаруживаем, что философско-эстетические положения писателей коррелируют с философией языка В. Соловьева, идеями Г. Шпета о языке как органе внутреннего бытия, Л. Выготского о соотношении мышления и языка, Д. Лихачева о концептосфере русского языка, В. Гумбольдта о сущностном родстве слова и ощущения. Мы приходим к выводу, что для обоих писателей слово — категория концептуальная, оно является смысловым центром произведений. Сюжеты выстраиваются памятью и словом, которое, выполняя коммуникативную и терапевтическую функции, подчиняя время и пространство, обладает субъективной и надсубъективной значимостью, приобретает бытийное значение, создает новую реальность.

Ключевые слова: Д. Быков; Е. Водолазкин; Л.С. Выготский; Д. Данилов; дневник; М. Елизаров; концепт; концептосфера; Д.С. Лихачев; мотив; мышление; память; письма; слово; В.С. Соловьев; М. Шишкин; Г. Шпет; язык.

В современной русской литературе категория слова, языка выступает не только средством создания художественной реальности, но

Хлебус Марина Александровна — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mhlebus@mail.ru).

и художественно осмысляются, приобретают бытийный смысл, что позволяет говорить о продолжении идеи слова как специфической реальности в художественном тексте (Мандельштам, «Утро акмеизма», 1914) и как феномена, обладающего особой креативностью в миропорядке (Гумилев, «Слово», 1921), что восходит к христианскому пониманию слова как творящего Логоса. Слово — константа в трудах «практически всех крупнейших философов XX века», — пишет Т.А. Касаткина и апеллирует к М. Хайдеггеру, который определяет «язык как “дом бытия”» [Касаткина, 2001: 303]. Пристальное отношение философов к слову не могло не подготовить почву для художественной лингвофилософии. Сегодня в русской литературе актуализировано высказанное В.С. Соловьевым [«Достоверность разума», 1899] задолго до Хайдеггера положение об онтологическом содержании языка. Слово, во-первых, — «психический факт»; во-вторых, ему присущи фактические и универсальные смыслы; в-третьих, слово соотнесено с мышлением; в-четвертых, «слово получает свой психический материал посредством памяти» [Соловьев, 1988: 811, 812].

Мы предприняли попытку на примере романов М. Шишкина «Письмовник» (2010) и Е. Водолазкина «Авиатор» (2016) рассмотреть аспекты категории «слова», формирующей эстетику текста и возвращающей себе онтологический статус.

Осмыслению статуса и функции слова в творчестве Шишкина посвящен целый свод работ: О. Гримова писала об онтологии слова в прозе писателя [Гримова, 2011]; С. Лашова проанализировала комплекс мотивов, образующий общий для всех романов Шишкина метасюжет «воскрешения словом» [Лашова, 2011]; лингвопоэтика текстов подробно рассмотрена в монографии С. Оробия [Оробий, 2011]. С появлением романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» (2012) обратили внимание на близость эстетических положений Шишкина и Водолазкина. И. Мотеюнайте, анализируя «Письмовник» и «Лавр», пишет об актуализации «традиции христианского отношения к слову-логосу» [Мотеюнайте, 2017: 237].

Творчество Шишкина и Водолазкина отмечается философско-эстетическим осмыслением категории слова, для обоих писателей характерно погружение в язык как бытийное пространство, порождающее онтологические версии слова. «Письмовник» и «Авиатор» — романы, в которых слово — концептуальная категория, определяющая систему персонажей, жанровое своеобразие, комплекс мотивов. Слово здесь — актант, заполняющий семантическое поле произведения и моделирующий ситуации, персонажную психику.

В «Письмовнике» главные герои пишут друг другу письма, обмениваются воспоминаниями о моментах первой любви. Он уходит

на войну. Она выходит замуж, теряет ребенка, хоронит родителей. В «Авиаторе» главный герой — интеллигент начала XX в., начинающий художник, осужден за убийство и отбывает срок на Соловках. В лагере он становится участником научного эксперимента: его заморозили в жидком азоте и благополучно разморозили в 1999-м в Петербурге, однако просыпается он в состоянии абсолютного беспомысленства. Доктор Гейгер предлагает пациенту вести дневник, чтобы восстановить память. Из этих заметок и складывается роман. Пристрастие к автобиографической прозе для себя, к самому процессу письма — доминирующий мотив произведений, их персонажи — авторы или скрипторы.

В обоих произведениях мы имеем дело с пониманием слова как реальности, регенерирующей пространственно-временное содержание бытия. Через слово предпринимаются попытки самоидентификации героев. Например, герои «Письмовника» чаще всего задаются вопросом — «кто я?»: «Мне уже столько лет, а я все еще ничего про себя не знаю. Кто я? Чего я хочу?» [Шишкин, 2016: 275]. Записи необходимы для пересмотра прошлого, а слово становится инструментом самоопределения: «Не описываю это, и оно вроде не существует вовсе» [Шишкин, 2016: 40]; «Существовать — это что? Знать, что ты был? Доказывать себя воспоминаниями?» [Шишкин, 2016: 41].

В «Авиаторе» усилиями героя хаос, пустота постепенно оформляется в слово. На глазах читателя происходит сотворение мира. «Инокентий ведет дневник с целью сохранить каждое воспоминание в вечности» [Голубков, 2018: 193]. При этом в своих записях герой игнорирует «исторические события», его интересуют только детали частной жизни (горечь микстуры от кашля, запах рождественской елки).

В «Письмовнике» война, на которую уходит герой, — средство для самоанализа, пространство для переоценки ценностей. Володя не реализует себя в военных действиях, он штабной писарь, перед ним стоят другие задачи: сфера личных интересов, переживаний, ощущений героев (вкус кислой клубники в сахаре, запах зубного кабинета изо рта любимого) доминирует.

Платонов пытается воскресить в памяти и зафиксировать словом звуки, запахи — всё то, что составляет повседневную жизнь, а главное — герой фиксирует речь исчезнувшего мира. Фраза «в России всё возможно» [Водолазкин, 2016: 22] всплывает в сознании героя, и он размышляет: «Нет уже ни людей, ни событий, а слова остались — вот они. Наверное, слова исчезают последними, особенно — записанные» [Водолазкин, 2016: 26]. С помощью таких фраз («тепло

быстро передается по металлу», «ровесник века», «иди бестрепетно» [Водолазкин, 2016: 27] и др.) Платонов воскрешает мир детства, юности. Случайно выхваченная из глубин памяти фраза становится реальным событием, обрастает бытовыми подробностями, раскрашивается, обретает свой запах. Например, выражение «ровесник века» [Водолазкин, 2016: 46] позволило воскресить в памяти эпизод распития водки.

В лингвофилософии язык — ключ к пониманию мышления. По Соловьеву, слово — «элемент мысли», ее «ближайшее предположение», не дающее собственно мысли; в то же время «мышление происходит из воспоминаний через слова» [Соловьев, 1988: 812, 813]. Рассматривая вопрос о соотношении мышления и языка, мы опираемся на положения Л.С. Выготского, чьи идеи близки, но не тождественны тем, что находим в «Достоверности разума»: Выготский отмечал, что мысль не выражается в слове, но совершается в нем («Мышление и речь», 1934). По Выготскому, путь мысли к слову — опосредованный. Ученый выделяет план речи внешней и внутренней, при этом внутренняя речь выполняет особую функцию. Если внешняя речь есть процесс материализации мысли, то во внутренней происходит обратное: «испарение» речи в мысль, а мышление осуществляется посредством значения как определяющего признака слова. Таким образом, мы вправе рассматривать значение слова как феномен мышления и — если иметь в виду внутреннюю речь — ее источник, инициатор рождения мысли. В этом и отличие концепции Выготского от точки зрения Соловьева. Мир значений составляет особое пространство: «Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский, 2017: 429]. В этом и состоит огромное значение языка для мышления. Язык вводит человека в мир значений, которые недоступны простому созерцанию, и в каждом слове, как пишет Выготский, заключена целая философия.

У героя Водолазкина каждая фраза становится самостоятельным пространственно-временным событием и поводом. Терапевтическая задача письма приобретает онтологическое значение. У Шишкина художественное пространство, образуемое словом, также является единственной реальностью: «Без твоих писем я перестал бы быть собой».

Слово в романах разрастается в концептосферу, становится результатом «столкновения» словарного значения слова с личным и народным опытом. Согласно Д.С. Лихачеву, концептосфера языка — это в сущности концептосфера русской культуры; «чем шире и богаче культурный опыт автора, тем шире и богаче потенции концепта» [Лихачев, 1999: 67]. Водолазкин осмысляет слово, словосочетание,

фразу, за которыми вскрывается целый культурный пласт: «Меня завораживало слово — авиатор. Его звучание соединяло в себе красоту полета и рев мотора, свободу и мощь. Это было прекрасное слово. Позднее появился “летчик”, которого будто бы придумал Хлебников. Слово неплохое, но какое-то куцее: есть в нем что-то от воробья. А авиатор — это большая красивая птица» [Водолазкин, 2016: 92]. Как и любимый персонаж Платонова Робинзон Крузо, он из ничего создает цивилизацию, «по памяти» [Водолазкин, 2016: 192], опираясь на слова-концепты. Шпет вслед за Гумбольдтом изучал внутреннюю форму слова («Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта», 1927), итогом его размышлений стало понимание того, что слово — это и орган свершения мысли, и ее питательная среда, и воплощение разума, а значит, и архетип культуры. По Соловьеву, слово получает психическое наполнение через память — из «сверхвременного» [Соловьев, 1988: 811].

По мнению И. Мотеюняйте, в художественной реальности обоих писателей слово способно преодолевать время и пространство, а христианское слово-логос дает возможность найти «выход из тупиков экзистенциального одиночества» [Мотеюняйте, 2017: 237]. В романах онтологическая суть слова актуализирована на уровне христианских мифологем. Самая очевидная — история о Лазаре (Ин. 1:1), с которой связан мотив «воскрешения» по Слову Господа. В «Авиаторе» «ЛАЗАРЬ» — это аббревиатура («Лаборатория по замораживанию и регенерации»), название лаборатории на Соловках, где в качестве эксперимента заморозили Платонова, предложив ему «стать лазарем» [Водолазкин, 2016: 216]. В Евангелии Лазарь воскрес, потому что прозвучали слова.

Идея сохранения жизни, памяти через слово связана с христианской идеей о первичности Слова и характере источника, из которого оно рождается: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин., 1:1). Шишкин отсылает читателя к библейской трактовке слова уже на первой страницы романа: «Открываю вчерашнюю «Вечерку», а там про нас с тобой. Пишут, что в начале снова будет слово...». В акте творчества авторы переписки и жизнеописания уподобляются Богу, они создают словесную вселенную, в которой словами определяют себя. Мотивы письма и творчества коррелируются с мотивом житнетворчества, слово и жизнь в романах мыслятся как образы-синонимы.

Согласно Водолазкину и Шишкину, бессмертие заключено в самих словах. Лазарь все равно умер, но в словах остался жить. В финале «Авиатора» не сообщается, удалось ли хоть кому-то из пассажиров выжить после аварийной посадки самолета, но очевидно, что Платонов остался жив в своих «запечатках» [Водолазкин,

2016: 223]. В «Письмовнике» Сашенька еще в детстве искренне верила, что прочитанное слово давно умершего писателя способно хотя бы на миг воскресить из небытия, и брала в библиотеке «из жалости к умершим и никому не нужным авторам» их «забытые книги» [Шишкин, 2016: 36].

Таким образом, в романах Шишкина «Письмовник» и Водолазкина «Авиатор» слово: 1) является концептуальной категорией; 2) наделяется статусом субъекта, творца художественного мира; 3) выполняя терапевтическую и коммуникативную функции, приобретает онтологическое значение. Только слово может преодолеть смерть, осуществить коммуникацию, воскресить прошлое, вплоть до самого мелкого, частного, бытового. В художественном мире романов силой, способной дать вторую жизнь прошедшим событиям, обладает именно слово. Слово передает чувства, ощущения и мысли, герои ищут ответы на сокровенные вопросы о смысле жизни. Полагаем, что художественная лингвофилософия Шишкина и Водолазкина отражает актуальные тенденции, характерные для многих современных авторов. Например, в романе М. Елизарова «Библиотекарь» (2007) в гротесковой манере воплощена мысль о непреодолимой мощи слова, способного подчинить себе волю человека; роман Д. Быкова «Орфография» (2003) представляет собой развернутую метафору языковой реальности; в романе-дневнике Д. Данилова «Горизонтальное положение» (2010) герой пытается словом нащупать смысл существования.

Список литературы

1. *Бочкина М.В., Голубков М.М.* Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. № 2 (Т. 23), 2018. С. 188–197.
2. *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М., 2016.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. СПб, 2017.
4. *Касаткина Т.А.* Слово, творящее реальность, и категория художественности // Литературоведение как проблема. М., 2001. С. 302–346.
5. *Лашова С.Н.* Мотив воскрешения в прозе М. Шишкина // Гуманитарный вектор, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/motiv-voskresheniya-v-proze-m-shishkina> (дата обращения: 28.09.2017).
6. *Лихачёв Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб, 1999.
7. *Мотеюнайте И.* Слово как способ преодоления времени в романах Михаила Шишкина и Евгения Водолазкина // Знаковые имена современности.

- менной русской литературы: Михаил Шишкин / Под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2017. С. 227–238.
8. Соловьев В.С. Достоверность разума // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 797–813.
 9. Шишкин М.П. Письмовник. М., 2016.

Marina Khlebus

**THE CATEGORY OF WORD IN *PISMOVNIK*
BY M. SHISHKIN AND *AVIATOR* BY E. VODOLAZKIN**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article offers a comparative analysis of the two novels, *Pismovnik* (The Letter-writer) by M. Shishkin and *Aviator* (The Aviator) by E. Vodolazkin. The analysis aims to reveal the conceptual and semantic significance of word in the realm of fiction created by these authors. The conception of word is analyzed at the levels of genre, motifs, characters, time and space, and Christian mythologemes. The characters in the novels exchange letters and write in journals; they reminiscence about their childhood and first love, thereby they are literally restoring events of the past, ‘resurrect’ their emotions, sensations, smells, and sounds. In *Aviator* it is the language that makes it possible for the protagonist to enter the realm of meanings which are hidden from his sight and which embrace the philosophy and scale of concepts. Whereas Shishkin recreates an epistolary plot of *Pismovnik*, he also breaks its chronology and disregards causality with the intent to bring out the irresistible power of the word. Having analyzed the phenomenon of word in the novels by Shishkin and Vodolazkin, we have discovered that the philosophy and esthetics of the authors correlate with the views of G. Shpet about the language as an organ of internal existence and L. Vygotsky’s idea of interrelation between language and thought development, and D. Likhachev’s works on concepts in the Russian language. Shishkin and Vodolazkin see the word as a conceptual category which plays the leading role in their novels. The word and objective laws of memory create a narrative, thereby they perform communicative and therapeutic functions, connect space and time. Under these circumstances the word acquires an ontological function in the novels. With the help of the word characters not only express their feelings and thoughts but they also look for answers to existential questions, they restore their past and create a new reality.

Key words: D. Bykov; diary; genre; D. Danilov; M. Elizarov; concept; conceptsphere; D. Likhachev; motive; thinking; memory; letters; word; G. Shpet; L. Vygotsky language.

About the author: Marina Khlebus — PhD Student, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mhlebus@mail.ru).

References

1. Bochkina M.V., Golubkov M.M. Ponyatiya “istoricheskogo” i “neistoricheskogo” v ehsteticheskoy i fi losofskoj sisteme romana “Aviator E. Vodolazkina. [Historical and Ahistorical Within Aesthetic and Philosophical System of Vodolazkin’s “Aviator”] *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]. № 2 (T. 23), 2018, pp. 188–197.
2. Kasatkina T.A. *Slovo, tvoryashchee real’nost’ i kategoriya hudozhestvennosti*. [The Reality-Forming Word, and the Category of Artistic Value] *Literaturovedenie kak problema* [Studies in Literature as a Problem]. M., *Nasledie Publ.*, 2001, pp. 302–346.
3. Lashova S.N. Motiv voskresheniya v proze M. Shishkina. [The Motif of Resurrection in M. Shishkin’s Novels] *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector], 2011. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/motiv-voskresheniya-v-proze-m-shishkina> (data obrashcheniya: 28.09.2017).
4. Lihachyov D.S. *Ocherki po filosofii hudozhestvennogo tvorchestva*. [Essays on the Philosophy of Fiction] SPb., *BLIZ*, 1999. 191 p.
5. Moteyunajte I. *Slovo kak sposob preodoleniya vremeni v romanah Mihaila Shishkina i Evgeniya Vodolazkina*. [The Word as a Way to Overcome Time in the Mikhail Shishkin’s and Yevgeny Vodolazkin’s Novels] *Znakovye imena sovremennoj russkoj literatury: Mihail Shishkin* [Emblimatic Names of Modern Russian Literature: Mikhail Shishkin] *Krakov, Druk*, 2017, pp. 227–238.
6. Shishkin M.P. *Pismovnik*. [Letter Writer] M., *Ltd. AST: Elena Shubina*, 2016. 416 p.
7. Solov’ev V.S. *Dostovernost’ razuma*. [Reliability of the Reason] Solov’ev V.S. Soch.: in 2 vol. M., *Mysl’ Publ.*, 1988, t. 1, pp. 797–813.
8. Vodolazkin E.G. *Aviator*. [The Aviator] M., *Ltd. AST: Elena Shubina*, 2016. 416 p.
9. Vygotskiy L.S. *Myshleniye i rech*. [Thinking and Speech] SPb., *Piter*, 2017. 432 p.

К 500-летию ПРИБЫТИЯ МАКСИМА ГРЕКА В МОСКОВСКУЮ РУСЬ

Е.А. Кузьминова, Т.В. Пентковская

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.¹

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются случаи обращения ведущих книжников второй половины XVII в. (представителей книжного круга Чудового монастыря, справщиков Московского Печатного двора, Сергея Шелонина и др.) к авторитетным аналитическим грамматикам церковнославянского языка Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, свидетельствующие о переходе от традиционного текстологического способа порождения церковнославянских текстов к грамматическому. Изучение соотношения системы кодифицированных в этих грамматиках норм и языковой практики позволило установить, что авторы, переводчики, редакторы и копиисты реализуют грамматические предписания на различных уровнях языковой системы — от орфографии (наиболее традиционного пласта правил) до лексики и грамматики. В рамках развивающегося грамматического подхода сочетаются два принципа — ориентация на эксплицитно сформулированные правила (регламентирующие, в частности, употребление буквы **ы**, орфографический способ разграничения лексических омонимов: **язык** ‘часть тела’ // ‘народ’ и др.) и ориентация на образцовые парадигмы (определившие, в частности, формы действительных причастий, указательных местоимений, сослагательного наклонения, способ подтитленного написания слов и др.). В тех единичных случаях, когда парадигма вступает в противоречие с правилом, императивность парадигм оказывается выше, как, например, при выборе между именной и местоименной формой прилагательных. Важное значение для церковнославянской книжности имело включение в московское издание грамматики Мелетия Смотрицкого фрагментов Лексикона Памвы

Кузьминова Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elenk2002@mail.ru).

Пентковская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatiana.pentkovskaya@gmail.com).

¹ Авторы глубоко признательны анонимным рецензентам «Вестника Московского университета» за комментарии и вопросы, позволившие, как мы надеемся, конкретизировать некоторые положения статьи.

Берынды. Ориентация на лексикон, который стал восприниматься как часть грамматики, привела к расширению лексических рамок церковнославянского языка за счет использования московскими книжниками лексем, принадлежащих фонду простой мовы.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция; грамматические правила; церковнославянский язык; книжный круг Чудова монастыря; переводы.

Благодаря филологической работе Максима Грека в Московской Руси формируется восприятие грамматического искусства как инструмента профессионального книжника, обеспечивающего совершенное знание славянского языка и успешность книжно-языковой деятельности, перевода и редактирования. Отношение к грамматике как к определяющему критерию оценки правильности текста и ведущему фактору правки утверждается в XVII в. в ходе книжной sprawy при патриархах Иосифе (1642–1652) и Никоне (1652–1658). О ключевой роли грамматического знания, «осьмочастнаго разумения и правления в родех, в числех, в падежах, во временах, в лицах, в наклонениях» иосифовские справщики Михаил Рогов и Иван Наседка заявляют в послесловиях к «Службам и житию Николая Чудотворца» (М., 1643. Л. 246) и Апостолу (М., 1644. Л. 312 об.) [Верховенская, 1989: 72–75]; в учебной Псалтыри 1645 г. они дают подробные грамматические сведения о родительном падеже [Николаевский, 1891: 153]. Понимание необходимости системы абстрактных правил, которая позволила бы контролировать стабильность текста и унифицировать языковые нормы, обусловило обращение справщиков к грамматике Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619) (далее — ГС), содержащей развернутую аналитическую кодификацию церковнославянского языка, и осуществление в 1648 г. на Московском печатном дворе ее второго издания (далее — ГМ). Предисловие Михаила Рогова и Ивана Наседки к новому изданию, обосновывающее теологическую концепцию грамматики как разновидности богословия и включающее обширные цитаты из слов Максима Грека о книжном исправлении, явилось апофеозом утверждения грамматически мотивированного подхода к языку и тексту [Кузьмина, 2012: 113–137].

Изучение соотношения системы норм, кодифицированных в авторитетных грамматиках церковнославянского языка Мелетия Смотрицкого (ГС и ГМ) и Лаврентия Зизания (Вильно, 1596) (далее — ГЗ)², и языковой практики XVII в. свидетельствует, что книжники в значительной степени руководствуются орфографическими и грамматическими предписаниями.

Оба грамматиста подчеркивают недопустимость написания буквы **ы** вместо **и** в позиции после **к**, **г** и **х**. Лаврентий Зизаний в орфо-

² О популярности ГЗ в Московской Руси и, в частности, ее использовании на Московском печатном дворе см. [Кузьмина, 2012: 6, 39–111, 145–147].

графическом каноне, посвященном **ы**, квалифицирует подобные написания (ср. **грѣшники** вместо **грѣшники**) как «нелепые»: «**си^х мнѹ нелѣпо вѣти ѿпотревлѣнїе**» (л. 88 об.), а Мелетий Смотрицкий оговаривает их ненормативность в специальном «**оуѣвѣщенїи**» к склонению слов на «**ка, га, ха**», представленному парадигмами **влѣга, рѣка, снѣха** (л. 34 об.). Данные предписания ГЗ и ГС были обусловлены тем, что написания с **ы** после **к, г, х**, противоречащие нормативным представлениям Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, были характерны для библейских и богослужебных книг, изданных в XVI–XVII вв. в типографиях Острога и Львова, в частности для Острожской Библии 1581 г. [Сиромаха, 1981: 148–149]³. Эта орфографическая особенность Острожской Библии полностью устраняется никоновскими справщиками при подготовке к изданию на ее основе Московской Библии 1663 г., заменившими в соответствии с рекомендациями ГЗ и ГС **ы** после **к, г, х** на **и**: **грѣшники** → **грѣшники** [Мк 2:16], **рѣкы** → **рѣки** [Ин 7: 30], **слѣгы** → **слѣги** [Мк 14:65], **дрѣгы** → **дрѣги** [Ин 15:13], **оуѣкрѣхы** → **оуѣкрѣхи** [Мк 6:43], **пѣсхы** → **пѣси** [Ин 2:23].

Рекомендации грамматик могут и не совпадать. В частности, это касается употребления **ы** в позиции после **ц**. Если Лаврентий Зизаний также признает его «нелепым» (л. 88 об.), то Мелетий Смотрицкий, напротив, регламентирует использование **ы** во флексиях форм вин.п. мн.ч. существительных м.р. с исходом основы на **ц** в целях реализации принципа антистиха — для графико-орфографического распределения с формами им.п. мн.ч., в которых кодифицирует флексию **-и**, ср. им.п. **ѡтци, чвѣнци** — вин.п. **ѡтцы, чвѣнцы** (л. 48–48 об.). Московские издатели его грамматики поддерживают данное нормализаторское решение (л. 111–112) и распространяют оппозицию **и** — **ы** на те же омонимичные формы существительных ж.р. с исходом основы на **ц**: в новой парадигме слова **ѡвца**, включенной ими в исходный текст Мелетия Смотрицкого, в форме им.п. мн.ч. нормирована флексия **-и**, в форме вин.п. мн.ч. — **-ы**, ср. **ѡвци** — **ѡвцы** (л. 99). Подход редакторов ГМ получил отражение в рукописи книги Иова в переводе Моисея Чудовского 1671 г. (СПБ ИИ РАН, ф. 238, оп. 1, № 384)⁴, где формы им.п. мн.ч. существительных м.р. с окончанием **-ы** правятся на полях на **-и**: **бѣхѣ же члѣвцы** [на поле **ї**] **мѣдрїи**; **млнцы** [на поле **и**] **невидѣцїи свѣта**; **ѡгнїи члѣвцы** [на поле **и**]; **пѣтѣшественницы** [на поле **и**] **идѣцїи**⁵, в то время как формы

³ В этой орфографической особенности исследователи усматривают отражение отсутствия смягчения заднеязычных согласных в украинском языке [Крымский, 1907: 123, Огиенко, 1918: 114–115] либо в его отдельных говорах (карпатских, в частности) [Филин, 1972: 306].

⁴ Писцом данной рукописи был Феофан Чудовский, а корректором рукописи — священник Никифор из окружения Епифания Славинецкого [Исаченко, 2002: 72–74].

⁵ Исправления, однако, не охватывают все случаи употребления **ы** в им.п. мн.ч. после **ц** (**корчатса помощницы; имѣт ли ѡмолчати члѣвцы** и др.).

вин.п. мн.ч. существительных ж.р. с флексией **ы** исправлениям не подвергаются (**ослицы пасажѣ**; **попалнѣ овы** и др.).

В ГМ справщики Печатного двора включают новое правило о букве **ѧ**, в котором кодифицируют орфографический способ снятия лексической омонимии (**ѧзыкъ** ‘часть тела’ — **ѧзыкѣ** ‘народ’), основанный на оппозиции дублетных букв **ѧ** — **ѧ**: «**ѧ**, пишется <...> **ѧ** вначѧлѣ тѣмѣ въ єдинѣмѣ ѡ ѧмѣнѣ, ѧдѣ же глѣтѣсѧ оѹдѣ тѣлесныи, **ѧзыкѣ**; **ѧзыкомѣ** воспою дѣла твоѧ ѧ **ѧзыкѣ** моѣ подчѣтѣсѧ правдѣ твоєѣ [Пс. 34: 28] ѧ **ѧзыкѣ** моѣ приплѣ гортѧни моемоу [Пс. 21: 16].|| сѧ же ѧ подчѣннаѧ **ѧ** глаголѣтѣсѧ. въ прѣчнѣхъ же прѣдчѣннаѧ **ѧ**, въ началѣ пишется. **ѧ**кѣ, **ѧ**влѧюсѧ, **ѧ**влѧю. **ѧ**зыкѣи ѡкрѣстѣни [Иер. 25: 9]» (л. 55–55 об.). Противопоставление форм **ѧзыкѣ** ‘часть тела’ и **ѧзыкѣ** ‘народ’ восходит к южнославянской орфографии. Константин Костенечский в трактате «Сказѧние ѧзыѧвлѧнѣи ѡ писменеѣ...» (ок. 1424–1426 гг.) предлагает различать **ѧзыкѣ** (в значении ‘часть тела, речь’, *греч.* γλῶσσα) и **ѧзыкѣ** (в значении ‘народ’, *греч.* ἔθνος) [Ягич, 1885–1895: 405–406]. Впоследствии это противопоставление усваивается в церковнославянском языке. Оно, в частности, отмечается в словаре Памвы Беринды (Киев, 1627) (стлб. 312, 314), которым пользовались при подготовке издания ГМ иосифовские справщики (см. подробнее далее). Хотя в целом для языка Юго-Западной Руси XVI — начала XVII в. оппозиция **ѧзыкѣ** — **ѧзыкѣ**, по всей видимости, не была нормативна, о чем свидетельствует отсутствие ее кодификации в ГЗ и ГС. В этих грамматиках написание **ѧ** в позиции начала слова признается недопустимым (ср. «**ѧ**, Никѣгдаже в началѣ слѣва полагаѣтѣсѧ. нѣ въ срѣдѣ ѧ нѣ на коѣнѣи» ГЗ л. 87 об., «**ѧ** <...> во срѣдѣ ѧ ѧ коѣнѣи полагаѣ емѣ» ГС л. 11 об.) и в слове **ѧзыкѣ** во всех значениях употреблялась буква **ѧ**. Предписанное в правиле орфографическое разграничение омонимов московские издатели ГМ воплощают и в своей правке исходного текста Мелетия Смотрицкого, заменяя **ѧ** на **ѧ** слове со значением ‘часть тела’: **Своѣи емѣ ѧзыкѣ**/ѣже хѣщѣтѣ глѣтѣ → **ѧзыкѣ** (л. 203 об., 291), **Оѹже ми гортѧнѣ/рѣцѣ/нѣзѣ/ѧзыкѣ** оѹвлѧнѣша → **ѧзыкѣ** (л. 211, 299), сохраняя **ѧ** в слове со значением ‘народ’: **челѣвѣческѣ ѣстѣ/мысль оѹготовѧти, ѧ Гдѣ ѣстѣ/ѧзыкѣи стрѣитѣ** (л. 212, 300 об.). Данное правило ГМ получило реализацию в аналогичных исправлениях, внесенных в текст Острожской Библии при подготовке к изданию Библии 1663 г.: **никоновские справщики** избавляются от **ѧ** в слове **ѧзыкѣ** в значении ‘часть тела’: ѧ **ѧзыкомѣ** своѣмѣ солгашѧ емѣ → **ѧзыкомѣ** [Пс 77:36], **Глѧшѧ на мѧ ѧзыкомѣ** лѣстѣвымѣ → **ѧзыкомѣ** [Пс 108:2], **кошнѣ ѣго въ ѧзыкѣ** → **ѧ** **ѧзыкѣ** [Мк 7:33], оставляя неизменным написание слова со значением ‘народ’: **Бѣ, прѣидѣша ѧзыкѣи** вѣдѣстѣиѣ твоѣ → **ѧзыкѣи** [Пс 78:1], **вѣстанѣтѣ бѣ ѧзыкѣ на ѧзыкѣ** → **ѧзыкѣ** на **ѧзыкѣ** [Мк 13:8], **да єдинѣ члѣкѣ оѹмрѣтѣ зѧ люди, ѧ не вѣсь ѧзыкѣ** погѣвѣтѣтѣ → **ѧзыкѣ** [Ин 11:50].

Область применения грамматических руководств не исчерпывается использованием дублетных графем для противопоставления грамматических и лексических омонимов. Выбор определенной формы может диктоваться не только собственно правилами, но и ориентацией на образцовые парадигмы. Так, при создании Московской Библии справщики регулярно заменяют сокращения исходного текста Острожской Библии **ѣъ** на **ѣѣъ**, **ѣъ** на **ѣѣъ** и т.д. Изменения эти продиктованы не только правилом употребления титла в ГМ, но и наличием таких сокращений в соответствующих образцовых парадигмах склонения [Кузьминова, 2017: 35–36]. Этот вариант становится базовым для московских книжников Чудовской книжной школы: только так сокращается **ѣѣъ** и **ѣѣъ** в книге Иова (для первой лексемы зафиксировано более 50 употреблений, при отсутствии **ѣъ**, а для второй — более 20 при отсутствии каких-либо иных вариантов сокращения), в списках «Слова о милости» (перевод с польского языка книжного круга Епифания Славинецкого, выполненный, по всей вероятности, после 1653 г.), а также в особом переводе Нового Завета того же круга, представленном в двух диглоттах ГИМ, Син. 472 и 473 (НЗЕ) второй половины XVII в. Те же принципы соблюдаются и в старших списках «Дезидерия», переведенного с польского языка Феофаном Чудовским в 1688 г. (в частности, в списке РГБ, Унд. 528 к. XVII в.).

Об ориентации редакторов Московской Библии на парадигмы ГС и ГМ свидетельствует, в частности, правка флексий полных действительных причастий и прилагательных с исходом основы на мягкий согласный в грамматической позиции вин.п. мн.ч. м. и ж.р. Представленная в Острожской Библии флексия **-аа/-аа** последовательно заменяется в Библии 1663 г. флексией **-ѣа** в позиции после мягких согласных: **помаѣѣ дѣи дрѣвѣаа** → **дрѣвѣѣа** [Пс 142:5] и флексией **-ѣа** после шипящих: **потрѣвити ѿ града гѣа вса дѣлающаа безаконіе** → **дѣлающѣа** [Пс 100:8], **и ѡбрѣте в цркви продающаа ѡвца и воли, и голуби, и пѣнажники сѣдѣаа** → **продающѣа, сѣдѣѣа** [Ин 2:14], **Нѣщаа бѣ всегда имате с собою** → **Нѣщѣа** [Ин 12:8]. В ГС и ГМ у прилагательных с исходом основы на шипящий и причастий буквы **ѣ** во флексии вин.п. мн.ч. служит средством реализации принципа антистиха: посредством распределения букв **ѣ** и **ѣ** разграничиваются омонимичные формы им.п. мн.ч. ж.р. и вин.п. мн.ч.м. и ж.р., ср. **нѣѣѣа** // **нѣщѣа** (л. 78–78 об., 137 об.–138), **вѣѣѣа** // **вѣѣѣа** (л. 185 об.–186, 266 об.–267). Внесенная правка **-аа/-аа** → **-ѣа/-ѣа** приводит к снятию омонимии с формами им. и вин.п. мн.ч.с.р. (ср. **исходѣѣа ѿ негѣ, та сѣѣѣ сквернѣѣа человекѣа** [Мк 7:15]): вин.п. мн.ч. м., ж.р. = им. и вин.п. мн.ч.с.р. → вин.п. мн.ч. м., ж.р. // им. и вин.п. мн.ч.с.р.: **нѣѣѣа** = **исходѣѣа** → **нѣщѣа** // **исходѣѣа**. Изменения, внесенные никоновскими справщиками, отвечают норме ГС=ГМ, в которой формы вин.п. мн.ч. м., ж.р. и им. и вин.п. мн.ч.с.р. действительных причастий и прилагательных с исходом на мяг-

кий согласный последовательно противопоставлены: в формах м. и ж.р. кодифицирована флексия **-ыа/-ѣа** (**снѣвнѣа, нѣшыа, вѣбѣа, вѣшыа**), в формах с.р. — **-аа/-ѣа** (**снѣвнѣаа, нѣшаа, вѣбѣаа, вѣшаа**) (л. 78, 79 об., 82; 137 об., 138, 138 об. 141 об.; л. 183 об., 185 об.; 264 об., 266 об. и др.). Флексия **-ыя** в данных позициях представлена и в списках «Слова о милости», в частности, ГИМ, Син. 716: **нѣшыя ... вѣеди въ домъ твой** (л. 26 об.), **онъ нѣшыя помилова** (л. 27), **грѣхы ... смердящыя умножаютъ** (л. 30 об.), **аще имать кыя тѣшыя сосѣды и делвы** (л. 32) и т.д.

Существенно, что в тех единичных случаях, когда парадигма вступает в противоречие с эксплицитно сформулированным правилом, императивность парадигм оказывается выше. Так, пятое правило синтаксического раздела ГС=ГМ предписывает употребление в атрибутивной функции как членных (**цѣльыхъ**), так и именных (**оуѣченыхъ**) форм прилагательных: **«правѣло, ѣ. Прилагателное оуѣченое съществителнѣ всѣлѣ цѣлагов прилагаетсѣ»** (л. 197—197 об.; 283). Однако в парадигмах пятого, адъективного, склонения именные и членные формы кодифицированы в качестве равноправных вариантов не во всех позициях: в твор.п. ед.ч. м. и с.р., дат., твор. и мест.п. мн.ч. в ГС=ГМ единственно нормативными являются членные формы: **сѣымъ, сѣыми, сѣыхъ; вѣгымъ, вѣгыми, вѣгыхъ** (л. 74 об.—77 об.; 133 об.—137 об.), в то время как в остальных падежах именные и членные формы выступают как варианты, ср. **ѣи, ѣи сѣи, сѣыхъ, ѣи свѣтъ, сѣыа, ѣи сѣи** и т.д. (ibid). Именно в тех позициях, где в ГС=ГМ регламентированы только членные формы, редакторы Московской Библии последовательно избавляются от именных форм прилагательных в атрибутивной функции, заменяя их членными: **възъпи ѣс гласомъ вѣлѣмъ → вѣлѣмъ** [Мк 15:34], **застѣплѣнѣ снѣомъ лѣтовомъ → лѣтовымъ** [Пс 82: 9], **творѣщен дѣланѣа въ вода многа → многихъ** [Пс 106: 23]. Можно полагать, что однозначный выбор книжников в пользу образцовых парадигм при расхождении их показаний с теоретической формулировкой правил обусловлен тем, что, несмотря на утверждение грамматического подхода — начетнический, с ориентацией на тексты-образцы. Теперь подобными образцами служат уже не тексты, а представленные в грамматиках парадигмы, но установка действовать согласно прецедентам все же еще отчетливо прослеживается в таком выборе.

Грамматики могут диктовать выбор определенной формы из ряда вариантов, которая тем самым становится маркированным средством книжности. Так, в ГС и ГМ была кодифицирована форма указательного местоимения **тѣи** (л. 104 об., 167 об.), которая также регулярно фигурирует в образцовых парадигмах как показатель формы им.п. ед.ч. м.р. Эта форма известна всем восточнославянским языкам, но для говоров великорусского центра единственно возможной является

форма *тот* [Горшкова, Хабургаев, 1997: 277–279]. Тем примечательнее регулярное употребление разнообразных местоименных форм парадигмы *той* в списках «Слова о милости» второй половины XVII в. (ГИМ, Син. 716, ГИМ, Син. 483, ГИМ, Барс. 459 и КПЛ 290/145)⁶, а также в книге Иова (здесь форма *той* встречается исключительно эта форма около 40 раз) и НЗЕ. Именно ее, а не *тъ*, употребляет в своих трудах Евфимий Чудовский.

Вряде церковнославянских переводов различного происхождения (киевского и московского) находятся особые формы сослагательного наклонения. Часть таких форм, используемых киевскими книжниками в изданиях Бесед Иоанна Златоуста 1623 и 1624 гг. (со вспомогательным глаголом *вымъ* типа *видѣать вымъ* и дополнительной связкой в презенсе), кодифицирована в ГС и сохраняется в ГМ, ср. *ѡце вымъ чѣлъ*, *ѡце вы ѣси чѣлъ* и т.п. (л. 128, 194). Московскими книжниками форма *вымъ* на практике не используется, однако они усваивают другой способ образования сослагательного наклонения, кодифицированный в ГЗ, — с неизменяемым *вы* и формой аориста или имперфекта смыслового глагола, типа *вы исполнихомса* и *ѡбѣлаше вы* (л. 58 об.) [Пентковская, в печати].

В грамматиках кодифицируются конструкции, по происхождению являющиеся кальками с греческого языка, такие как одинарное отрицание и субстантивированный инфинитив с предлогами и без них. Именно вхождением этих конструкций в оба издания грамматики Мелетия Смотрицкого объясняется их употребление не только в церковнославянских переводах с греческого языка, но и в переводах с латыни и польского [Пентковская, 2017: 172–176]. Интересны в данном аспекте и регулярно встречающиеся в НЗЕ, а также в других переводах чудовского книжного круга формы составного местоимения типа *себе самагѡ*, употребление которых инициировано формами греческого возвратного местоимения *ἑαυτοῦ*. Формы составных местоимений, среди которых находится, в частности, *самагѡ себе*, *самагѡ мене*, *самомѡ мнѣ*, регламентированы в ГС и ГМ (л. 101 об., 164).

Таким образом, в рамках развивающегося грамматического подхода к созданию переводного текста сочетаются два принципа — ориентация на эксплицитно изложенные правила и на образцовые парадигмы.

⁶ Здесь, в частности, как и в образцовой парадигме обоих изданий грамматики Мелетия Смотрицкого, различаются формы мн.ч. с *-ы-* и *-ѣ-*: так, дат.п. мн.ч. имеет вид *тымъ*, а род., твор. и мест.п. («сказательный») имеют формы *тѣхъ*, *тѣмн*, *ѡ тѣхъ*. При этом в ГЗ форма вин.п. мн.ч. для трех родов различается следующим образом: м.р. *тын*, ж.р. *тыя*, ср.р. *таа* (л. 50), в ГС и ГМ в вин.п. мн.ч.м.р. кодифицированы формы *тыя/ты*, ж.р. *тыя/ти*, ср.р. *таа/та* (л. 105, 105 об.; 167 об.—168 об.). В списках «Слова о милости» единственный вариант формы м.р. мн.ч. — *тыя*, как и в ГС=ГМ.

В московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого сфера компетенции грамматики как описания многоуровневой системы языка расширена: исходный текст Мелетия Смотрицкого дополнен новой частью, содержащей кодификацию лексического уровня книжного языка, «**Ѣслѡвїе ѿмѣнъ по азъ вѣди, стѣхъ соуцнихъ въ свѣтцахъ, с толкованїи словѣнска ꙗзыка**» (л. 361–373). Эта часть, содержащая перечень христианских имен в алфавитном порядке с объяснением их значения и указанием дней памяти святых, представляет собой сокращенную переработку второй части «Лексикона» Памвы Беринды (Киев: тип. Киево-Печерской Лавры, 1627) «**ѿмѣнъ Тѣлкованїе**». Переработка осуществляется издателями грамматики в соответствии с критериями, заданными в названии раздела: из вокабулярия «Лексикона» в «**Ѣслѡвїе ѿмѣнъ**» отбираются имена «**стѣхъ соуцнихъ въ свѣтцахъ**», которые истолковываются на церковнославянском языке — «с толкованїи словѣнска ꙗзыка» [Кузьминова, 2016].

Редакторская работа московских издателей грамматики над «Лексиконом» была направлена на устранение «простомовных» толкований и на приведение языка словарных статей в соответствие с нормой церковнославянского языка Московской Руси, ср.:

Таблица 1

«Лексикон»	ГМ
ерáстѣ: мѣлы, вѣдѣны, прѣмны, роскошный, ѡбо желатѣны (стлб. 400)	ѣрáстѣ, мѣлый (л. 364)
Кѣръ: Пáнъ, аѣ Господиѣ (стлб. 423)	кѣръ, гѣнъ (л. 367 об.)
Никѡла, аѣ ѿ: ѣ, Звѣтá³ство поспѡства, повѣда людѣй, повѣда людскаа (стлб. 439)	никѡла, повѣда люскаа (л. 369 об.)
Маѣѡй: Дáръ пáнскѣ (стлб. 435)	мáтѣѡй, дá гѣзскѣ (л. 369)
варѡоломѣй: сыѣ завѣшѡючого вѡды (стлб. 372).	варѡоломѣй, сынъ замѣшѡющагѡ вѡды (л. 362)
амѡсъ: долготрѣпелѣѣ (стлб. 341)	амѡсъ, долготерпѣливъ (л. 362)
Крѣскенъ: рѡстѣчѣй (стлб. 426)	крѣскѣнтъ, растѡуцѣй (л. 368)

Точно так же поступает с простомовной частью Лексикона Беринды и Сергей Шелонин, который включил Лексикон в свой Азбуковник третьей редакции (50-е годы XVII в.)⁷ практически в полном объеме: так, исходная статья Лексикона **бѣгостыня: доброт-**

⁷ Согласно исследованию А.Н. Левичкина, на первом этапе работы Сергея Шелонина в Азбуковнике БАН, 33.9.1 (40-е гг. XVII в.) содержалось 7766 словарных статей, на втором этапе работы, в Азбуковнике РГБ, собр. Тихонр., № 338 (конец 40-х — начало 50-х гг. XVII в., до 1653 г.) — уже 8177, а на третьем этапе — Азбуковник РНБ, Сол.18/18 (вторая половина 50-х гг. XVII в.) — 16110 словарных статей [Левичкин, 1999].

ливость, щедробливо^{CT}, ласкаво^{CT}, млѣть, добротъ, χρητοτός, млрды. Benignitas/Clementia приобретает у Сергия Шелонина следующий вид: Благостыня, добротливость, щедролубивость, привѣтство, милость, добротъ, милосердіе [Сапожникова, 2010: 288]. Отметим, что Сергий Шелонин устраняет не только простомовные лексемы, но и греческие и латинские параллели, приводимые Берындой, что соответствует деятельности московских редакторов ГМ, которые освобождают исходный текст Мелетия Смотрицкого от всех элементов, «прившеши^X» из классических языков, — цитат из Септугинты, греческих и латинских терминов, парадигм греческих и латинских заимствований и др. [Кузьминова, 2012: 137–142], ср.:

Таблица 2

ГС	ГМ
Ѣще во мно́гаа си^m подобнаа ѣ Бо*: писаніи ѿтѣческаго діалекта своѣства искоу́снїи превѣднїи превѣдиша: ꙗ́кѡ во оу́казѣ καὶ ἐπίστευσαν τῇ γραφῇ καὶ τῷ λόγῳ/ ᾠείπεν ὁ Ἰσοῦς: И вѣроваша писанію и словесѣ/ѣже рече Іс. (Iwaⁿ: г^л. б.) [Ин 2:22] (л. 205 об.).	Ѣще во мно́гаа си^x* (*m) подобнаа въ бж́ественомъ писаніи ѿтѣческаго діалекта своѣства искоу́снїи превѣднїи превѣдиша: ꙗ́кѡ, во́ ѹказѣ. и вѣроваша писанію и словесѣ, ѣже рече Іс [Ин 2:22] (л. 293).
Ѡ сщ̑ествїтєльныхъ сщ̑цаємыѣхъ <u>чрє³</u> прѡсѡбєсїν, сїречѣ/чрє³ приложєніє спраг̑аємыѣхъ: Пра^b: ѿ. (л. 199).	Ѡ сщ̑ествїтєльныхъ сщ̑цаємыѣхъ чрєзъ приложєніє спраг̑аємыѣхъ. правѣло, ѿѣ (л. 285 об.).

Включение лексиконов в грамматические труды имеет важное следствие. Восприятие лексикона как части грамматики позволяет расширить лексические рамки церковнославянского языка. Во второй половине — конце XVII в., в отличие от ситуации первой половины — середины XVII в., такое расширение может осуществляться уже за счет использования московскими книжниками лексем, принадлежащих фонду простой мовы. Легитимность такого употребления задается наличием данных лексем в лексиконах, в частности, в том же Лексиконе Памвы Берынды, с которым московские книжники к этому периоду хорошо знакомы. Этот труд выдержал в XVII в. два издания — Киев, 1627 г. и Кутеино, 1653 г.

Так, уже обращалось внимание на присутствие в языке переводов Евфимия Чудовского лексем, свойственных простой мове, таких как **перѣнь** ‘гром’, **катъ** ‘палач’, которыми глоссируются нейтральные лексемы **громъ** и **мѣчитель** [Пентковская, 2016: 35–36]. В Лексиконе Берынды эти простомовные лексемы находятся в толкованиях: **перѣнь**: Громъ; **мѣчитель**: **Спекѣлаторъ**, **каты**. Еще выразительнее выглядит словоупотребление в следующем толковании Феодора Вальсамона к 76-му правилу шестого Вселенского собора в переводе Евфимия Чудовского: ГИМ, Син. 464 **пѣнязѡмѣннїи**, си **єсть** **трапєзїты**, Ѡ сщ̑енны^x **ѡградъ** **изгна**. κόλλυβος же **дровный** **пѣнязь**

(л. 217 об.) — τοὺς κολλυβιστάς, τούτέστι τοὺς τραπεζίτας, ἐκ τῶν ἱερῶν περιβόλων ἐξήλασε (κόλλυβος δὲ, τὸ λεπτὸν νόμισμα) [Пентковская, 2016: 40]. Именно такое толкование дается в словаре Берынды лексеме **лѣпта**: **дровный пѣна**.

Не диалектное, а книжное происхождение имеют, судя по всему, югозападнорусские регионализмы, находящиеся в книге Иова, переведенной с польского языка московским книжником Моисеем Чудовским в 1671 г. С одной стороны, их употребление поддерживается польским оригиналом: **паче же показѹетъ, такъ нїедї наказанный не иматъ познанъ быти злочестивымъ, ниже той емѹже счаститса иматъ познатса побожнымъ** (л. 68) — Nad to ukazuje iż żaden skarany nie ma być złosciwem ani ten komu się szczęści ma być rozumian pobożnym (281). С другой стороны, поддержкой данного выбора переводчика служит их наличие в словарях, в частности, в Лексиконе Памвы Берынды: **Бѣгополѹчаю: щаститъ ми сѧ. Бѣгополѹченїе: щастье. Бѣгополѹчный: щасливый; Бѣженство: щасливо^{ст}, вѣвенство, фортѹна, μαχαρίότης; Бѣженствѹю: щасливый естемъ. Бѣгочестїе: Бѣговойность, Побожность... набоженство; Бѣгочестивый: Побожный; Бѣговѹзненное: Бѣговойное... побожное.**

Таким образом, на протяжении XVII в. в Москве происходит осознание нерезультативности перевода и книжной sprawy, основанных на одних лишь текстологических соображениях, и неизбежности обращения к грамматическим критериям, совершается переход от традиционного текстологического способа порождения церковнославянских текстов к грамматическому. Ориентация на грамматики фиксируется на различных уровнях языковой системы — от орфографии (наиболее традиционного пласта правил) до лексики и грамматики. Московские книжники при этом демонстрируют приверженность системе норм, кодифицированных не только в московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого, но и в грамматике Лаврентия Зизания.

Список источников

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ
БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
НБУ — Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского (Украина, Киев)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СПбИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Рукописи

БАН, 33.9.1 — Азбуковник, 40-е гг. XVII в.
Барс. 459 — ГИМ, собрание Е.В. Барсова, № 459, Сборник слов и поучений, втор. пол. XVII в.

- КПЛ 290/145 — НБУ, собрание рукописей Киево-Печерской лавры, № 290/145, Сборник втор. пол. XVII в.
- Син. греч 472 — ГИМ, Синодальное (Патриаршее) собрание греческих рукописей, № 472, Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого, втор. пол. XVII в.
- Син. греч 473 — ГИМ, Синодальное (Патриаршее) собрание греческих рукописей, № 472, Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого, втор. пол. XVII в.
- Син. 483 — ГИМ, Синодальное (Патриаршее) собрание славянских рукописей, № 483, Сборник слов и поучений, втор. пол. XVII в.
- Син. 464 — ГИМ, Синодальное (Патриаршее) собрание славянских рукописей, № 464. Номоканон в переводе Евфимия Чудовского, втор. пол. XVII в.
- Син. 716 — ГИМ, Синодальное (Патриаршее) собрание славянских рукописей, № 716, Сборник, втор. пол. XVII в.
- Сол. 18/18 — Азбуковник РНБ, собрание Соловецкого монастыря, 18/18, 50-е гг. XVII в.
- СПБИБИ РАН, ф. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, № 384 — Книга Иова в переводе иеромонаха Моисея, втор. пол. XVII в.
- Тихонр. 338 — РГБ, собр. Н.С. Тихонравова, № 338, Азбуковник, кон. 40-х — нач. 50-х гг. XVII в.
- Унд. 528 — РГБ, собрание В.М. Ундольского, № 528, «Дезидерий» в переводе Феофана Чудовского, кон. XVII в.

Старопечатные книги

- Библия. Острог, 1581.
- Библия. М., 1663.
- Беседы Иоанна Златоуста на Послания св. апостолов. Киев, 1623. РГБ, Музей книги, № 516.
- Беседы Иоанна Златоуста на Деяния св. апостолов. Киев, 1624. РГБ, Музей книги, № 518.
- Грамматика. М., 1648.
- Лаврентий Зизаний. Грамматика словенска съвершеннаго искусства и частей слова, и иных нуждных. Вильна, 1596.
- Мелетий Смотрицкий. Грамматики славенския правильное сунтагма. Евье, 1619.
- Памва Берында. Лексикон славеноросский. 1-е изд. Киев, 1627. URL: <http://litopys.org.ua/berlex/be.htm> (дата обращения: 10.02.2019); 2-е изд. Кутейно, 1653; URL: <https://imwerden.de/publ-2477.html> (дата обращения: 10.02.2019).

Список литературы

1. *Верховенская Е.А.* Новое в тематике послесловий книг московской печати сер. XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2 (XVI — нач. XVIII в.). М., 1989. С. 72–75.
2. *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., испр. М., 1997.

3. *Исаченко Т.А.* Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.): особенности языка и историко-литературный контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 10. С. 67–75.
4. *Крымский А.Е.* Украинская грамматика. М., 1907.
5. *Кузьмина Е.А.* Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М., 2012.
6. *Кузьмина Е.А.* «Лексикон» Памвы Беринды как источник Грамматики 1648 г. // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 17. М., 2016. С. 3–12.
7. *Кузьмина Е.А.* Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной sprawy второй половины XVII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 5. С. 21–46.
8. *Левичкин А.Н.* Лексикографические труды Сергия Шелонина // Русский язык конца XVII — начала XVIII в.: Сборник статей. СПб, 1999. С. 43–53.
9. *Николаевский П.Ф.* Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. Т. 1. № 1/2. С. 147–186.
10. *Огиенко И.И.* Украинская культура. Краткая история культурной жизни украинского народа. Киев, 1918.
11. *Пентковская Т.В.* Адаптирующие глоссы в поздних церковнославянских переводах с греческого // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 1. С. 26–45.
12. *Пентковская Т.В.* Гречизация в церковнославянских переводах с польского Чудовской книжной школы // Классические языки в постклассический период. Казань, 2017. С. 167–177.
13. *Пентковская Т.В.* Сослагательное наклонение в поздних церковнославянских переводах восточнославянского происхождения // *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani* (в печати).
14. *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. М.; СПб, 2010.
15. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
16. *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб, 1885–1895.

Elena Kuzminova, Tatjana Pentkovskaja

GRAMMAR PRESCRIPTIONS AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE CHURCH SLAVONIC BOOK-LEARNING OF THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper discusses how the leading scribes of the second half of the 17th century, including the Chudov Monastery Book Circle, the Moscow Print Yard

editors, and Sergey Shelonin would use the authoritative analytical grammars of the Church Slavonic language by Laurentius Zizanius and Meletius Smotrytsky. This testifies to the fact that the textual method of generating Church Slavonic texts was gradually replaced by the grammatical method. Research into the correlation between the system of norms codified in the grammars and language practice shows that authors, translators, editors and copyists would implement grammatical prescriptions at different levels of the language system, from spelling (the most traditional stratum of rules) to vocabulary and grammar. The grammatical approach combined two principles, a focus on explicitly formulated rules, which were to regulate the use of the letter *ѣ* and create a spelling method of differentiating lexical homonyms as in *ѣзѣкъ* ‘body part’ // ‘the people’, and a focus on exemplary paradigms, which were to identify forms of valid participles, demonstrative pronouns, the subjunctive, and the method of spelling “subtitle” words. It is argued that in the isolated cases when the paradigm contradicts the rule, the imperative of paradigms is higher, as is the case when, for example, one has to choose between the nominal and the pronominal form of adjectives. Important for the Church Slavonic book-learning was the inclusion in the Moscow edition of Smotrytsky’s grammar of fragments of the Lexicon of Pamwa Berynda. Orientation to the lexicon, which was perceived as part of the grammar, and the use by the Moscow scribes of the vernacular, or plain language, led to the extension of the lexical part of the Church Slavonic language.

Key words: Slavic grammatical tradition; Grammar rules; Old Church Slavonic; of Chydov Monastery Book Circle; translations.

About the authors: *Elena Kuzminova* — Prof. Dr., Department of Russian Language for International Students of Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elenk2002@mail.ru); *Tatjana Pentkovskaja* — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tatiana.pentkovskaya@gmail.com).

References

1. Verhovenskaja E.A. *Novoe v tematike posleslovij knig moskovskoj pečati ser. XVII v.* [Innovations in the subject of the book afterwords of the Moscow press in the middle of the 17th century] *Germenevtika drevnerusskoj literatury*. Sb. 2 (XVI — nach. XVIII v.). M.: *IMLI RAN, OIDR*, 1989. S. 72–75.
2. Gorshkova K.V., Haburgaev G.A. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*. [Historical grammar of the Russian language] 2-e izd., ispr. M.: *Izd-vo Mosk. un-ta*, 1997.
3. Isachenko T.A. *Kniga Iova v perevode monaha Chudova monastyrja Moiseja (1671 g.): osobennosti jazyka i istoriko-literaturnyj kontekst*. [The book of Job translated by a monk of the Chudov monastery Moses (1671): the linguistic features and historical and literary context] *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*. 2002. № 10. S. 67–75.
4. Krymskij A.E. *Ukrainskaja grammatika*. [Ukrainian grammar] M., 1907.
5. Kuz'minova E.A. *Razvitie grammatičeskogo mysli Rossii XVI–XVIII vv.* [The development of the grammatical thought in Russia in 16th — 18th centuries] M.: *MAKS Press*, 2012.

6. Kuz'minova E.A. "*Leksikon*" Pamvy Beryndy kak istochnik Grammatiki 1648 g. [The "Lexicon" of Pamwo Berynda as a source of the Grammar 1648] Slovo. Grammatika. Rech'. Vyp. 17. M.: MAKS Press, 2016. S. 3–12.
7. Kuz'minova E.A. Grammatika 1648 g. kak reguljator biblejskoj knizhnoj spravy vtoroj poloviny XVII v. [The Grammar of 1648 as the Regulator of Biblical Book Correction in the Second Half of the 17th century] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*. 2017. № 5. S. 21–46.
8. Levichkin A.N. *Leksikograficheskie trudy Sergija Shelonina* [Lexicographical writings of Sergius Shelonin] Russkij jazyk konca XVII — nachala XVIII v. Sbornik statej. SPb: ILI RAN, 1999. S. 43–53.
9. Nikolaevskij P.F. *Moskovskij Pechatnyj dvor pri patriarhe Nikone* [Moscow Printing Yard under Patriarch Nikon] Hristianskoe chtenie. 1891. T. 1. № 1/2. S. 147–186.
10. Ogienko I.I. *Ukrainskaja kul'tura. Kratkaja istorija kul'turnoj zhizni ukrain-skogo naroda*. [Ukrainian Culture: A Short History of the Cultural Life of the Ukrainian People] Kiev, 1918.
11. Pentkovskaja T.V. *Adaptirujushhie glossy v pozdnih cerkovnoslavjanskih perevodah s grecheskogo*. [Adapting Glosses in the Late Church Slavonic Translations from Greek] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*. 2016. № 1. S. 26–45.
12. Pentkovskaja T.V. *Grecizacija v cerkovnoslavjanskih perevodah s pol'skogo Chudovskoj knizhnoj shkoly*. [Greek borrowings in the Church Slavic translations from Polish of the book circle of Moscow Chudov monastery in the 2nd half of the 17th century] *Klassicheskie jazyki v postklassicheskom period*. Kazan': Brig, 2017. S. 167–177.
13. Pentkovskaja T.V. *Soslagatel'noe naklonenie v pozdnih cerkovnoslavjanskih perevodah vostochnoslavjanskogo proishozhdenija* [Conditional mood in late Church Slavonic translations of East Slavic origin] *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani (v pečati)*.
14. Sapozhnikova O.S. *Russkij knizhnik XVII veka Sergij Shelonin*. [Sergius Shelonin, a Russian scribe of the 17th century. Editorial activity] M.; SPb: Al'jans-Arheo, 2010.
15. Filin F.P. *Proishozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo jazykov: Istoriko-dialektologičeskij očerok*. [The Origin of Russian, Ukrainian and Belarusian languages: Historical and dialectological essay] L.: Nauka, 1972.
16. Jagich I.V. *Rassuzhdenija južnoslavjanskoj i russkoj stariny o cerkovnoslavjanskom jazyke*. [Considerations of the South Slavic and Russian antiquity on the Church Slavonic language] *Issledovanija po russkomu jazyku*. T. 1. SPb, 1885–1895.

И.В. Вернер

**ГРЕЧЕСКАЯ ТРИОДЬ МИТРОПОЛИТА ФОТИЯ 1408 г.—
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ЦВЕТНАЯ ТРИОДЬ 1525 г.:
ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЯ СПРАВЫ МАКСИМА ГРЕКА**

*Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А*

В статье рассматриваются текстовые и языковые исправления, которые были внесены Максимом Греком в рукопись Цветной Триоди в 1525 г. в соответствии с греческой Триодью митрополита Фотия 1408 г. Текстологический анализ позволяет утверждать, что греческая Триодь послужила единственным источником многочисленных изменений текста славянской Триоди. Анализ конъектурных лексических глосс на полях текста показывает, что славянские списки Триоди привлекались в процессе справки в гораздо меньшем объеме по сравнению с текстологической работой, которая сопровождала ревизию Псалтыри 1552 г. Разнообразная и объемная лингвистическая правка Триоди 1525 г. соотносится со справой, осуществленной Максимом Греком позже в Псалтыри 1552 г. Характерные для обоих текстов языковые исправления типологически соответствуют тем «общим местам», на которые обращали внимание в процессе перевода с греческого на латынь итальянские филологи-гуманисты и которые были обстоятельно прокомментированы Эразмом Роттердамским в приложении к его переводу Нового Завета (*Novum Instrumentum omne*, 1516). Наличие у переводчика уже в ранний московский период лингвистической программы справки славянских библейских книг по греческому оригиналу, представляющей собой адаптацию европейских методов филологической критики библейского текста, указывает на ее формирование в период итальянских филологических занятий Михаила Триволиса на рубеже XV–XVI вв. Это подтверждает необоснованность обвинений переводчика в плохом знании церковнославянского языка на церковном Соборе 1525 г.

Ключевые слова: Цветная Триодь; Максим Грек; церковнославянские переводы; переводы с греческого.

В 1525 г. Максим Грек исправил Цветную Триодь (ГИМ, Шук. 329), переписанную в мастерской Михаила Медоварцева при монастыре Николы Старого в Москве, по греческому тексту Триоди митрополита киевского и всея Руси Фотия. Греческая Триодь (ГИМ, Син. 284), как и Анфологион (Vat. gr. 779), была написана в Москве

Вернер Инна Вениаминовна — кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Института славяноведения РАН (e-mail: inna.verner@mail.ru).

в 1408 г. рукой бывшего трапезундского епископа Феодула, ранее пришедшего из Константинополя в Новгород «милостыня ради» [Фонкич, 2003: 28–34]¹. Греческий текст на л. 335 об содержит запись 1437 г. митрополита Исидора о принадлежности рукописи Фотию, вложившем ее в митрополичью казну. Свидетельством работы Максима Грека с этой рукописью служит записанная его рукой глосса на л. 219 об. К середине XVI в. относится автограф митрополита Макария на л. 1 об, запись по-гречески (со славянским переводом Евфимия Чудовского) о переплете книги в 1557 г., две записи греческих паломников 1558–1559 гг. и записи Арсения Елассонского конца XVI в. В течение XVI в. Триодь Фотия была одной из наиболее почитаемых греческих рукописей, хранившихся в митрополичьей библиотеке. В середине XVII в. рукопись была передана на московский Печатный двор, где хранилась до конца XVIII в., а затем попала в Синодальную библиотеку, в фондах которой хранится и по сей день.

Над славянской рукописью Цветной Триоди работали шесть писцов, но большую часть работы выполнил Михаил Медоварцев: им переписаны первые девять тетрадей и некоторые листы в других, его рукой выполнена нумерация страниц и внесена правка по всему тексту [Синицына, 1972: 310]. Работа была закончена незадолго до первого суда над Максимом Греком, в марте 1525 г., о чем сообщает запись на л. 231 об., также принадлежащая Медоварцеву: *мѣтїю вѣіею. напісана сѣа трїѣ цвѣтнаа. въ преіменїтомъ ѿ славѣмъ градѣ москвѣ. въ монастыри, стго ѿ великаго чюдотворца васїліа. вѣіею мѣтїю гдѣра ѿ самодержьца всеа рѣсѣа, ѿ великаго кнѣа. подвїго ѿ трѣдѣ мїхѣїла медовѣрцева. ѿ правленїемъ всеа рѣсѣа. в лѣ. 43. трїдесѣа, третїаго. мѣта, к. сѣвершїшасѣа.*

В «Исповедании православной веры» Максим позже сообщит, что работа с Триодью, как и перевод Толковой Псалтыри, осуществлялась через посредство латинского языка: «егда бывааше мною грѣшным исправление Триодное, латыньскою бесѣдою сказал есмь тлѣмачомъ вашимъ Митѣ да Власу, занеже не у сѣвршенѣ изучившу ми вашей бесѣде» [Преподобный Максим Грек, 2014: 55]. Однако эти слова были написаны уже после Собора 1525 г., на котором правка Триоди была основным предъявленным Максиму филологическим обвинением, и потому не должны восприниматься буквально: к 1525 г. Максим провел в Москве уже семь лет, интенсивно рабо-

¹ Первоначально Б.Л. Фонкич предполагал константинопольское происхождение рукописи и считал ее одной из привезенных Фотием греческих книг [Фонкич, 1972], в число которых входили два ватиканских кодекса (Vat. gr. 394 и 717), позже привезенные в Италию митрополитом Исидором, а также не сохранившийся Номоканон с толкованиями Вальсамона, с которого Максим Грек делал перевод для Вассиана Патрикеева [Фонкич, 2003: 30].

тая со славянскими текстами; ссылки на плохое знание церковно-славянского и использование латыни связаны здесь, скорее, с оправдательным дискурсом его послания, нежели чем с реальными обстоятельствами работы. Состав сотрудников Максима (Дмитрий Герасимов, Влас Игнатов, монах Селиван, Михаил Медоварцев), по-видимому, не изменился со времен перевода Толковой Псалтыри, однако потребность в языке-посреднике для sprawy славянских текстов, несомненно, должна была значительно сократиться.

До Собора 1525 г. Максим жил и работал в Чудовом монастыре в Кремле, откуда рукописи передавались для переписывания и оформления в скрипторий Медоварцева. Михаил Медоварцев, к тому времени уже несколько лет сотрудничавший с Максимом Греком, был, по-видимому, не монахом, но светским лицом, искусным писцом, владевшим также навыками орнаментального украшения рукописей, сверки и правки текстов. Н.В. Сеницыной в свое время было выявлено большое количество переписанных им рукописей [Сеницына, 1972, 1974]. Однако его участие в исправлении Триоди 1525 г. сводилось лишь к ремесленной части работы, т.е. к внесению в текст правки Максима Грека.

Принадлежность правки Максиму не подлежит сомнению: он сам пишет об этом в «Исповедании православной веры», а в «Слове отвещательном об исправлении книг русских» приводит два примера «хульных» чтений из 9-й песни канона Великого Четверга [Преподобный Максим Грек, 2014: 55, 137–138]². Грубые ошибки старшего перевода, на которые ссылается Максим, не только затемняют содержание текста, но и дают возможность «хульного» еретического толкования. Еще одно упомянутое Максимом место из 3-й песни канона Фоминой недели в Шук. 329 читается уже в исправленном виде, что дало основание Н.В. Сеницыной предполагать, что во второй половине рукописи (лл. 165–239) содержится заново переписанный текст с уже учтенными исправлениями, а не тот старший вариант, куда приходилось вносить правку, как в первой половине текста. Это предположение, требующее тщательного сравнения со старшими рукописными Триодями, еще предстоит проверить.

В настоящей статье будут рассмотрены те наглядные исправления, которые присутствуют преимущественно в первой части рукописи. Классификация устойчивых, повторяющихся исправлений в Шук. 329 и их соотнесение со справой в поздней Псалтыри 1552 г. позволит сделать некоторые выводы о характере филологической деятельности Максима Грека в ранний московский период.

² Оба этих фрагмента были воспроизведены Н.В. Сеницыной по рукописи ГИМ, Шук. 329, современной ей Триоди (ГИМ, Увар. 1152) и по тексту «Слова отвещательного» [Сеницына, 1972: 312].

Прежде всего исправления делятся на текстовые и собственно языковые, причем по объему они примерно соотносимы. Интенсивные текстовые правки затронули практически все элементы текста: добавления, иногда довольно значительные по объему, вносились как в песнопения, так и в паримейные и синаксарные чтения. Часть исправлений была сделана по смысловому, «заглаженному» тексту, часть вписывалась поверх старого текста, зачеркнутого или частично выскобленного. Недостающие в сравнении с греческой Триодью Фотия фрагменты текста были внесены в рукопись на полях.

Как уже упоминалось, в тексте записи на л. 231 об. есть прямые указания на использование греческой Триоди Фотия. Кроме того, на нижнем поле л. 92 об присутствует также запись о том, что в указанном месте (Зах. 11:13, паримия на Великую пятницу) заканчиваются паримейные чтения по-гречески: **коне" сѣи парѣмъе. въ греческы^х нѣ^ѣ бо^ѣ сего^ѣ**, тогда как славянский текст включает еще и частично 14-й стих. Запись соответствует объему паримии на л. 184 в Син. 284. Еще Н.В. Синицына в свое время отмечала, что вставки текста не связаны с дефектностью конкретно данной рукописи³, напротив, по составу текста Шук. 329 совпадает (при наличии отдельных разночтений) с другими рукописями, принадлежащими, по классификации М.А. Моминой [Момина, 1983: 32], к евфимиевскому типу Триоди. Просмотренные нами рукописные Триоди XV–XVI вв. подтверждают отсутствие внесенных в 1525 г. фрагментов в других евфимиевских Триодах.

Масштаб текстовой правки и ее отношение к славянским и греческому рукописным источникам можно продемонстрировать на примере паримии из книги Исход (33: 11–23), читаемой на вечерне Страстной Пятницы (добавленные в Шук. 329 фрагменты заключены в квадратные скобки, подчеркнуто написанное по стертому, знаками + отмечено добавленное в строку): **Г҃а г҃ь к'моу'сѣов лицѣ к лицуу, іако^{же} кто въз'г҃лѣтъ къ своемуу дрѣгов. ѿ ѿсилаашесѧ в' полкѣ. слѣгѧ же/101 об/ісоуѣ снѣ навѣиінѣ ѡноша, не ісхоужаше ѿ скініи, ѿ рѣ мѡу'сѣи кѣ г҃ѣ сѣ тѣи ми г҃лѣши, възведеи лю^{ди} сѧ. тѣи же не сказа мѣѣ, ѡго же послѣши съ мнѡю. ты^{же} ми рѣкаѣ єси вѣм та паче всѣѣ, ѿ б҃годатѣ імаши ѿ мене. ѡце оубѡ дѣрѣтоуѣ бѣгѣтъ прѣ тобою. іави ми сѧ сѧ разѣмно да вижѣ тѣа, іако да ѡбращѣ бѣгѣтъ прѣ тобою, ѿ да разѣмѣють лю^{ди} твѡи +і+ ѡзыкѣ сѣи. ѿ г҃ла ємѣ г҃ь ѡзѣ сѧ прѣидѡу прѣ тобою ѿ оупокѡу тѣа. ѿ рѣ к немѣ ѡце не ты сѧ шѣствѣши с нѡми. да ма не възведеши ѡсѡдоу, ѿ како разѣмно бѣдѣ въ істиноу іако ѡбрътѣ бѣгѣтъ прѣ тобою. ѡз же ѿ людіе твѡи\:** [тѡкмо шѣствѣющѣ тѣѣѣ с нѡми, ѿ прослѡвимсѧ ѡз же ѿ людіе твѡи] паче всѣ^х родовѣ ѡліко сѣтъ нѡ

³ Для сравнения состава Шуйкинской Триоди Н.В. Синицыной были привлечены семь рукописей XV–XVI вв. с синаксарными чтениями и без них [Синицына, 1972: 311].

земли. рече^{+же+} ꙗко к' мѡвѣсѣю, и сїе тебѣ слово ꙗже рекъ еси сътворю. ѡбръѣа бо еси бѣгоудъ прѣ мною, и вѣмъ та паче всѣхъ. и гдѣ мѡвѣсѣи, покажи ми ꙗко слава твоя. и рече азъ сѧ мимо ѡйду прѣ тобою славою моею. и призовѣ ѡименѣ мой гдѣ прѣ тобою. и помѣлаю ѡго же ѡще помѣлаю. и ѡщедрю, ѡго^{же} /102/ ѡще ѡщедрю. и рече ѡмоу ꙗко, не възможеша видѣти лице мое и живѣти бѣти. не можетъ бѣи чѣкъ видѣти лице мое и живѣти бѣти. и рече ꙗко сѧ мѣсто ѡ мене. и станеша на камени в'негда^{+же+} мимо ѡидетъ слава моя. и положю та в разсѣли камени. и покрѣю рѣкою моею надъ тѣмъ. дондеже ѡубо мимо ѡйду. и ѡиѡмоу рѣкою мою, и тогда ѡзриши заднаѧ моя. лице же мое не ѡвѣстѣ ти сѧ. ✠ [и ѡранивѣ мѡвѣсѣи заѡро възыде на горѣ синайскѣю ꙗко повелѣ ѡмъ и снѣде ꙗко въ ѡблацѣхъ и предста ѡмъ тамо мѡвѣсѣи. и призвѣ ѡименѣ гдѣи, и мимо ѡиде ꙗко прѣ лицемъ ѡго. и призвѣ ꙗко бѣи щедръ и мѣтивъ долготерпеливъ и многомѣтивъ и ѡистиненъ. и поѡца<...> мѡвѣсѣи приниче на землю и поклонисѧ гдѣви] (ГИМ, Щук. 329, л. 100–102).

Прежде всего объем этой паримии увеличен за счет двух фрагментов, вписанных на полях рукописи: это пропущенная часть 16-го стиха и добавление заключительной части паримии из Исх. 34:4–6, 8. Эти вставки отсутствуют в Триодях XV–XVI вв. и в правленной редакции Паримейника, представленной русскими списками XV–XVI вв.⁴ [Пичхадзе 1991: 158; 1998: 38–42]. В греческой Триоди Фотия эти фрагменты читаются на л. 194–194 об. Вне этих вставок сравнение паримии из Щук. 329 с паримейным текстом книги Исход, учитывающим разночтения всех известных рукописей, показывает совпадения с чтениями списков поздней редакции Паримейника [Пичхадзе, 1991:5]. Эта редакция была исправлена по греческому оригиналу предположительно болгарскими книжниками на Афоне или в Константинополе в XIII–XIV вв.; поэтому соответствующие греческому тексту чтения этого перевода, содержащиеся в Триоди 1525 г., в большинстве своем не должны были вызвать возражений Максима. Однако в Щук. 329 имеются несколько отличий от текста правленной паримейной редакции. Так, присутствующие в списках последней и, соответственно, в Триодях XV–XVI вв. последние слова в 33:20 и живѣти бѣти в Щук. 329 зачеркнуты Максимом в полном соответствии с Син. 284, л. 194 об, где чтение καὶ ζήσεται отсутствует.

К лингвистическим разночтениям, не находящим соответствия ни в списках Паримейника, ни в списках Триоди, относятся: в 33:13 глагольная форма ѡбръѣа вместо ѡбръѣи бѣдоу (в Триоди и в Паримейнике), в начале 19-го стиха местоимение сѧ (отсутствует в Триоди и в Паримейнике) в соответствии с αὐτός в Син. 284, в 33:22 частица же в соответствии с δὲ в Син. 284 (отсутствует в Триоди и в Паримейнике), в 33:17 местоимение тебѣ (ти в Триоди и в Паримейнике)

⁴ Нет этих вставок и в первых печатных Триодях Андроника Невежи 1591 г. и Ивана Андроникова Невежина 1604 г., изданных на московском Печатном дворе.

и перфект ѿвръѣа во ѣси (ѿвръѣте в Триоди и Паримейнике)⁵. К этим безусловно принадлежащим Максиму исправлениям могут быть добавлены и другие правки, совпавшие с грецизированными чтениями разных списков поздней паримейной редакции: в рукописях Триоди имеются окказиональные разночтения с Паримейником.

Эти особенности Щук. 329 позволяют с уверенностью утверждать, что лингвотекстологическая правка Максима в Щук. 329 основана на доверии к тому единственному греческому источнику, который по счастливой случайности оказался в его руках в Москве, — к Триоди митрополита Фотия. Для эпохи зарождения критической текстологии в Европе это вполне стандартная ситуация: десятью годами раньше источниками для исправления латинского Нового Завета Эразму Роттердамскому послужили не самые лучшие греческие рукописи византийского происхождения, а лакуну в тексте единственной рукописи Откровения Иоанна Богослова Эразм и вовсе заполнил собственным переводом из Вульгаты [Combs, 1996]. Через тридцать лет, исправляя Псалтырь в 1552 г., Максим также будет ограничен в греческих источниках, однако работа со славянскими списками к тому времени будет носить уже вполне современный критический характер, на что указывают многочисленные маргинальные глоссы интерлинеарных списков Псалтыри 1552.

Глоссирование присутствует в Триоди в меньшем объеме, чем в Псалтыри 1552 г., где глоссы полифункциональны и могут представлять собой как предлагаемые варианты исправлений, так и отвергаемые чтения старшего перевода, а также краткие комментарии разного рода [Вернер, 2017]. Сравнение глосс в Щук. 329 с чтениями других южнославянских и восточнославянских рукописных Триодей XV–XVI вв.⁶ дает основания считать, что правка Триоди не сопровождалась такой же целенаправленной текстологической работой со славянскими списками, как исправление Псалтыри 1552 г.: большинство глоссируемых чтений совпадает⁷ с чтениями Триодей XV–XVI вв., а маргинальные глоссы представляют собой конъектуры справщика: неѡѡстникъ — глосса чертѡгъ (40 об); въ солѡло — глосса в сосѡл (60); ковъ — глосса запинаніе (60 об); стропотное стреманіе — глосса неѡдержімоє (79 об); вѣситисѧ — глосса неѡстовити (62); почиваніѧ дѣй — глосса покѡищныи (134); совровѣство — глосса продерзѧніе (79); противѡбразни — глосса жестоцѣи (16 об); злѡмалѡдѣшіе — глосса

⁵ А.А. Пичхадзе указывает, что перфект в 33:17 отмечен только в рукописи ГИМ, Хлуд. 17 д — списке Паримейника XVII в., исправленного по старопечатной Цветной Триоди [Пичхадзе, 1998: 6, 40].

⁶ Для сравнения использовались Триоди РНБ, F.I 583, РГБ, ф. 304.I № 399 и 400, ГИМ, Ув. 714.

⁷ Нам удалось обнаружить совпадения только двух глосс с чтением других Триодей евфимиевского типа: ѡ ѡкрыхсѧ — глосса ѡ спѣсѧ (43); ѡ ѡбѡчествѣ — глосса чѡлѡвѣкѣ (158) (ср. в Триоди РГБ, ф. 304.I № 400, л. 11 об и 92).

лѣталѣность (48 об); съвѣрице — глосса по́лкъ (43 об). Часть из этих глосс представляет собой грецизмы: вѣдѣніе леда стра́шна — глосса криста́ла (41 об); стѣклáницѣ спсѣ мѣра — глосса ἀλαβάστρѣ (44 об); однако грецизация здесь не выступает лингвистическим принципом исправления, но обусловлена денотативно, ср., напротив, замену грецизма в тексте: скѹменѣ лѣвѣвъ — глосса цѣнеѣцѣ (12).

Что касается собственно языковых исправлений, то правке подлежит довольно большое число ошибочных с точки зрения соответствия греческому тексту переводов. Эти исправления не только многочисленны, но и разнообразны: среди них есть лексические, грамматические и синтаксические. Лексическая правка касается неверно переданных в рукописи или неточно переведенных лексем: нечѣстнѣѣ враже ἄσπονδε (48); рыдáніе и жалѣстѣ плачѣ μέλος (50); ѿ ро́ва вѣ́дѣка лѣтаго λύκου ἐκ δεινοῦ (3 об); кѣ ѿскренѣмѣ вѣон своемѣ проѣ τὸν θεὸν αὐτῶν (137); себе хѣн предавше возложше ἀναθέμενοι (56); по́сѣра́днѣша виногра́ мои διέφθειραν (98 об). Исправлению подлежат и морфемные словообразовательные несоответствия славянской переводящей лексики греческому оригиналу: възвеселиса ѿ красѣи́са εὐφραίνου καὶ κατατέρπου (12 об); напи́сѣса πίομαι (143); възглаго́хъ λελάληκα (133); съвѣ́стника δαιτυμόνα (42). Правятся неверные грамматические формы и синтаксические конструкции, не находящие соответствия в греческом: съкрѣши^{+вше+му+} бра́ни τῷ συντρίψαντι (23); не ѿпа́мѣ посты́дѣ́нѣса (76 об); пришѣшоу же ѿмѣ в землю мадіамскѣ ἐλθὼν δὲ εἰς γῆν Μαδιαμ (51); никто же мене не ѿвѣржетса (78). Очень часто исправления носят комплексный характер и приводят к изменению целых синтагм текста: члѣкѣ вѣи́и стѣ мѣмѣхѣди въ свѣбѣ́нѣ (69); ꙗ́ко не раздѣ́виша твоѣ смѣтрѣ́не τιθέντα на τὰ πόδιῶν (80); ѿ^{+сѣ+} мѣ́дры^{+мн+} съчѣ́и мѣ дѣа^{+мн+} въ черто́зѣ твоѣм (41).

Все перечисленные исправления, хотя и объединены общей лингвотекстологической установкой, ситуативны и связаны с конкретными чтениями. Это отличает их от большой группы повторяющихся, стандартных языковых исправлений, которые не менее интересны, поскольку демонстрируют определенные представления Максима Грека о языке и его функционировании в тексте Св. Писания. Лингвистическая правка включает несколько основных позиций.

Особое внимание Максима обращают на себя неверно или неточно переведенные служебные слова: частицы, союзы, предлоги. Большая группа исправлений включает те случаи, в которых в соответствии с греческим текстом устранены (а) или добавлены (б) частицы во, ѿбо и же: а) та́ко вѣ ѡднѣатса ѡзы́и οὕτως θαυμάσονται ἔθνη (96); възлежащи ти ѿвѣ ἐπιστάσά σοι (44 об); гѣ вѣ преда́ ѡго хѣриѣс парѣдохѣν αὐτὸν (л. 96 об); до́блѣи же сѣдѣше на колесни́и ο γενναῖος ἐκάθητο ἄρματι (26 об); въ цѣ́тѣи же ѡ́ца ἐν τῇ Βασιλείᾳ τοῦ Πατρὸς (29 об); б) ѡбразѣ +ѡбо+ сыи ѡчѣ́и ... сѣ ѡνѣи +ѡбо+ веселѣшесѣ

σχήματι μὲν ὧν μαθητῆς ... τοῖς μὲν Ἰουδαίοις συναγαλλόμενος (62 об); **прно живѡтнѣ +же+ извѣдшѣ плѣмени** Ἀειζώου δὲ ἐκμαρανθείσης φλογός (29); **слѣпцѣ +оубо+ видѣнїѣ** τυφλοῖς δὲ τὸ βλέπειν (21); **дхѣ +бо+ вѡдрѣ ѧ плѡ немѡщна** τὸ μὲν πνεῦμα πρόθυμον (79). Во многих случаях частицы и союзы переведены иначе: **ѧ аще не всако в лице тѧ вѣви** εἰ μὴν (52); **даже доколѣ терпѣши** μεχρι (52); **ни ꙗко не единого чѣса не възмогосте вѣдѣти хѡν мѡан ѡран** (78); **брѣтѡлѡбїѣ не стажи ѧже ѡ хѣк брѣа** ὡς (77). Последовательно исправляются старые беспредложные формы Дат.п., в текст вносится предлог **къ**, соответствующий греческому **πρὸς**: **ѧтѣ +къ+ сѣпостѣтныѣ** πρὸς τοὺς ὑπεναντίους (33 об); **привязѡа +къ+ лѡстѣ жрѣва** πρὸς ἄμπελον (12); **рече +къ+ гїезиоу** πρὸς Γιεζι (69)⁸. В начале паремийных чтений в повторяющихся стандартных фразах **такѡ глѣтѣ гѣ** наречие **такѡ** регулярно правится на местоимение **сиа**, поскольку в греческом стоит местоименная форма ср.р. мн.ч. **τάδε**: **такѡ сиа глѣтѣ гѣ бѣ** (12 об, 50, 92 об, 95 об)⁹.

Такое пристальное внимание к дейктическим элементам текста как средствам актуализации содержания — очень характерная черта европейской библейской филологии XVI в. С той же тщательностью относится к передаче в своем латинском переводе греческих служебных слов Эразм Роттердамский в знаменитом греко-латинском издании Нового Завета 1516 г. Эразм также считает греческий текст бесспорным основанием для исправления латинского и неоднократно объясняет в комментариях значение союзов, частиц и предлогов для понимания смысла текста и его верного истолкования. Список служебных слов, подлежащих исправлению в латыни у Эразма и в церковнославянском у Максима пересекается: в частности, также часто Эразм обращает внимание на соответствие греческой частицы **δὲ** и латинской **autem** [Вернер, 2018].

Важность служебных слов для обоих переводчиков хорошо иллюстрирует исправление союзов, которые часто бывают многозначными, и в этих случаях греческий позволяет разграничить разные значения в славянском и в латыни. В Щукинской Триоди уже есть четкое различение **ѧко** как изъяснительного союза, соответствующего греческому **ὅτι**, и сравнительного **ѧко же** (ὡς, ὡσεῖ, ὡπερ): **(9) ѧко^{+же+} бѣ възскрѣилъ еси ѡς дѣ** Θεὸς ἀνέστησας; **възыскѡеши оубѡ ѧко^{+же+} смрѣтенъ ѡпер** θνητός (8); **ѧко^{+же+} дѣти хѡ възсхвалѣи ѡс ої** Ποῖδες (14 об). Эта правка будет позже последовательно осуществлена Максимом и в переводе Псалтыри 1552 г. Она имеет очевидные аналогии с исправлением Эразмом многозначного **quia** на изъясни-

⁸ Старые беспредложные формы, впрочем, могут правиться и независимо от наличия предлога в греческом, ср. **+ѡ+ пропасти же** ἄδovy ѧ **тмы оубѣгѣ** χάους Ἄδov **те καὶ ζόφov ἀποδράσας** (7 об).

⁹ Оформление субстантивированных местоимений в ср.р. мн.ч. в тексте строго выдержано, ср. **бѣ сиѣ вѡмѣ** → **быша сѣа вѣ** ἐγένετο ταῦτα ὑμῖν (94 об).

тельный quod в соответствии с ὅτι [Вернер, 2018]. При отсутствии союза в греческом Эразм устраняет quod, а Максим устраняет **ѡко**: **вѣлѣгѣсно зовуще ѡко вѣлѣ** μεγαλοφώνως κραυγάζοντες τῷ Δεσπότη (14 об); **видѣніе ѡхъ, ѡко подобіе чѣка въ нѣ** ἡ ὁρασις αὐτῶν, ὁμοίωμα ἀνθρώπου ἐπ' αὐτοῖς (31 об).

Особое место в списке исправлений Максима Грека занимает правка 2 л. ед.ч. аориста на перфект со связкой **еси**, последовательно представленная в Шук. 329: **дарова** → **дароваѣ еси** (131 об); **ѡбѣтова** → **ѡбѣтоваѣ еси** (30); **показа** → **показаѣ еси** (76 об); **рѣ** → **рѣкль еси** (101 об); **въскрси** → **въскрси^{ль} еси** (9); **ѡбрѣте** → **ѡбрѣкь во еси** (101 об); **свѣза** → **свѣзаѣ еси** (18); **положи** → **положиѣ еси** (56) и др. (ср. также в [Кравец, 1991]). Эта принципиально важная для Максима правка обусловлена молитвенным контекстом употребления форм 2 л. ед.ч.: в толковании к чтению Пс. 89:2 Максим называет их формами, обращенными к первому лицу (**кѣ пѣвому лицу рѣкше, еѣа блгодарѣше создателя глѣ к немѣ самому**). В отличие от них форма «второго» лица (грамматически третьего), **рѣкше хвалѣ ѡны скѣзываѣ бывшее еѣже еѣго к намѣ блготворѣніе** (РГБ, ф. 304.I, 201, л. 105 об). Молитвенный контекст преобладает как в Триодных песнопениях, так и в Псалтыри.

Хорошо известно, что именно эти формы, а точнее, одна из этих форм — перфект **сѣдѣль еси**, субъектом которого выступает Христос, стали основным лингвистическим аргументом обвинения Максима в 1525 г. Не повторяя всего, что уже сказано об этих формах [Живов, 2017: 866–871]¹⁰, заметим лишь, что материалы Судного дела 1525 г. весьма наглядно показывают, что претензии к Максиму были связаны не с перфектными формами как таковыми¹¹, а с присутствием перфекта в конкретном контексте «Христос сидел еси одесную отца»¹², поскольку в нем грамматика определяет экзегезу и заставляет считать, что Христос сидел одесную в прошлом, но сейчас уже не сидит. Основанием для такого толкования является осмысление перфекта не как лично-временной формы (что было присуще Максиму), а как видо-временной формы (несовершенный вид был намного более актуален для русских обвинителей Максима, чем перфектное время).

¹⁰ Там же и ссылки на посвященную этому вопросу литературу.

¹¹ О допустимости этих форм в ранних текстах и степени их распространенности см. в [Афанасьева, Шарихина, 2017].

¹² Обвинитель Максима на процессе 1525 г. митрополит Даниил апеллирует к текстам и приводит очень внушительный список цитат из авторитетных источников, среди которых Евангелие от Марка и от Луки, Послания ап. Павла к евреям и к ефесянам, сочинения Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского и др. Приводимые Даниилом многочисленные цитаты содержат не формы 2 л., а самые разные глагольные формы — настоящего времени, инфинитива, презентных причастий, аориста, а некоторые приводимые Даниилом отрывки и вовсе лишены форм глагола сѣдѣти, однако же говорят о вневременном царствии Христа [Судные списки, 1971].

В «Исповедании православной веры» Максим пишет об этих формах в контексте стихир на Вознесение, поэтому А.И. Плигузов полагал, что Максим намеревался исправить чтение «Христос взыде на небеса и седе одесную отца» именно там [Плигузов, 2002: 239]¹³. Однако в Триоди 1525 г. этого чтения нет: она начинается с недели Лазаря и заканчивается неделей Жен-мироносиц, а служба на Вознесение, приходящаяся на 6-ю неделю по Пасхе, в этой Триоди отсутствует. Поэтому пока мы не можем утверждать, из какого именно источника были взяты цитаты с перфектом в материалах Судного дела¹⁴.

Присутствуют в Щукинской Триоди и другие исправления, которые останутся актуальными для Максима спустя много лет при редактировании Псалтыри 1552. К ним относятся местоименные и именные формы причастий и прилагательных в соответствии с греческими причастиями с артиклем и без, формы притяжательно-возвратного местоимения *свои*, не соотносящиеся с субъектом, оптатив с частицей *да*, предложно-падежная конструкция *въ* + Мест.п. на месте греч. *ἐν* + Дат.п., словоизменение относительных местоимений по греческой модели [Кравец, 1991: 252–260]. На эти же позиции Максим будет обращать внимание при исправлении Псалтыри 1552 г. [Вернер, 2017]. Однако более примечателен тот факт, что список этих исправлений находит очевидные соответствия в обсуждаемых на рубеже XV–XVI вв. лингвистических позициях перевода с греческого на латынь, активно практиковавшегося в итальянской гуманистической среде. Именно в этом, на наш взгляд, заключалась посредническая роль латыни, о которой упоминает Максим в Москве. Освоенная им в Италии лингвистическая техника была «перенесена» на славянскую почву сразу же и оказалась весьма продуктивной именно для исправления библейских книг. Наиболее последовательной экспликацией этой техники является подробный комментарий Эразма Роттердамского к его исправленному по греческому тексту латинскому Новому Завету.

Сравнение sprawy Триоди 1525 г. и Псалтыри 1552 г. убедительно показывает, во-первых, что все актуальные для поздних исправлений позиции уже присутствуют в 1525 г. Поэтому нет никаких

¹³ Кроме А.И. Плигузова, никто до сих не пытался отождествить исправленные строки, неоднократно воспроизводимые на суде, с конкретным текстом. Однако, исходя из слов Максима об исправлении Триоди через латынь, Плигузов относил исправление стихир Вознесению к 1519–1521 гг., оговаривая, что не располагает иными данными об исправлении Цветной Триоди [Плигузов, 2002: 239].

¹⁴ В литературе о Максиме Греке XIX — начала XX в. (см., например: [Иконников, 1915: 176], там же и ссылки) не единожды встречается упоминание о правке Максимом также Часослова и Минеи, однако эти указания никак не связываются с конкретными рукописями, которые прямо или косвенно ее бы отражали.

лингвистических оснований повторять тезисы церковных судов 1525–1531 гг. об ошибках Максима вследствие плохого знания им церковнославянского. Более того, старшая рукопись Триоди, будучи менее исправной и в языковом, и в текстовом отношении, нежели Псалтырь, дает возможность проследить большее разнообразие исправлений и составить представление об методологическом содержании лингвистической критики текста Максимом Греком. Во-вторых, наличие у переводчика уже в ранний московский период определенной лингвистической программы, представления о том, на что следует обращать внимание при исправлении по греческому тексту и как осуществлять это исправление средствами неклассического языка, заставляет думать, что эти представления были сформированы раньше, в период итальянских филологических занятий Михаила Триволиса. И наконец, список этих исправлений, а также языковые модели и способы правки последовательно соотносятся с лингвистической практикой итальянских библейских филологов, на которых опирался в своей справе латинского текста Эразм Роттердамский.

Список литературы

1. *Афанасьева Т.И., Шарикина М.Г.* Употребление перфекта 2-го лица ед. числа вместо аориста: к вопросу о времени становления грамматической нормы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 102–109.
2. *Вернер И.В.* К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 гг.: хронология, текстология, методология // Славяноведение. 2017. № 2. С. 40–54.
3. *Вернер И.В.* *Locī communes* европейской гуманистической филологии: справа библейских текстов Эразма Роттердамского и Максима Грека // *Latinitas in the Slavonic World. Nine case studies*/Ed. by V.S. Tomelleri and I.V. Verner. Leipzig, 2018. P. 207–235.
4. *Живов В.М.* История языка русской письменности. Т. 2. М., 2017.
5. *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915.
6. *Кравец Е.В.* Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI в. // Russian Linguistics. 1991. № 15. P. 247–279.
7. *Момина М.А.* Вопросы классификации славянской Триоди // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 25–38.
8. *Пичхадзе А.А.* К истории славянского Паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 147–173.
9. *Пичхадзе А.А.* Книга «Исход» в древнеславянском Паримейнике // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 4. М., 1998. С. 5–60.

10. *Плигузов А.И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.
11. *Преподобный Максим Грек.* Соч. Т. 2 / Отв. ред. Н.В. Сеницына. М., 2014.
12. *Сеницына Н.В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 286–317.
13. *Сеницына Н.В.* Новые рукописи Михаила Медоварцева // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. С. 145–149.
14. Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки / Изд. подг. Н.Н. Покровский; под ред. С.О. Шмидта. М., 1971.
15. *Фонкич Б.Л.* Греческая рукопись митрополита Фотия // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 189–195.
16. *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003.
17. *Combs W.W.* Erasmus and the Textus Receptus // Detroit Baptist Seminary Journal. 1996. № 1. P. 35–53.

Inna Verner

**THE GREEK TRIODION OF METROPOLITAN PHOTIUS
(1408) — CHURCH SLAVONIC LENTEN TRIODION (1525):
LINGUOTEXTOLOGY OF MAXIMUS THE GREEK'S REVISION**

*Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334 Moscow, Leninsky Prospekt, bldn. 32-A*

The article examines textual and language corrections made by Maximus the Greek in the Lenten Triodion according to the Metropolitan Fotius's Greek Triodion of 1408. A textological analysis shows that the Triodion of 1408 was the only source of numerous text changes made in the Slavic Triodion. An analysis of the marginal glosses in the text shows that Slavic lists of the Triodion were involved on a much smaller scale compared with the textual work accompanying the revision of the Psalter of 1552. Maximus's various and voluminous linguistic corrections of the Triodion correlate with the later revision in the Psalter of 1552. The language corrections common to both texts typologically correspond to «loci communes» which Italian humanists paid attention to while translating from Greek to Latin and which were extensively commented by Erasmus of Rotterdam in his Annotations to the New Testament (Novum Instrumentum omne, 1516). In the early Moscow period, the translator had already had a linguistic program of Slavic biblical books revision according to the Greek text, which points to its formation during Michael Trivolis's Italian philological studies and confirms the groundlessness of the translator's accusation of poor knowledge of the Church Slavonic language at the Church Council in 1525.

Key words: Lenten Triodion; Maximus the Greek; Church Slavonic translations; translation from Greek.

About the author: *Inna Verner* — PhD (in Philology), Associate Professor, Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: inna.verner@mail.ru).

References

1. Afanas'eva T.I., Sharihina M.G. Upotreblenie perfekta 2-go lica ed. chisla vmesto aorista: k voprosu o vremeni stanovleniya grammaticheskoy normy. *Drevnyaya Rus'*. Voprosy medievistiki, № 1 (67), 2017, SS. 102–109.
2. Verner I.V. K istorii perevoda Psaltyri Maksimom Grekom v 1522–1552 gg.: hronologiya, tekstologiya, metodologiya. *Slavyanovedenie*, 2017, № 2, SS. 40–54.
3. Verner I.V. Loci communes evropejskoj gumanisticheskoy filologii: sprava biblejskih tekstov Erazma Rotterdamskogo i Maksima. *Latinitas in the Slavonic World. Nine case studies*. Ed. by V.S. Tomelleri and I.V. Verner. Leipzig, 2018, pp. 207–235.
4. Zhivov V.M. Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti. Tom 2. Moscow, 2017.
5. Ikonnikov V.S. *Maksim Grek i ego vremya*. Kiev, 1915.
6. Kravec E.V. Knizhnaya sprava i perevody Maksima Greka kak opyt normalizatsii cerkovnoslavyanskogo yazyka XVI v. *Russian Linguistics*, № 15, 1991, pp. 247–279.
7. Momina M.A. Voprosy klassifikatsii slavyanskoy Triodi. *TODRL*. L., 1983. T. 37, SS. 25–38.
8. Pichkhadze A.A. K istorii slavyanskogo Parimejnika (parimejnye chteniya knigi Iskhod). *Tradicii drevnejšej slavyanskoy pis'mennosti i yazykovaya kul'tura vostochnyh slavyan*. Moscow, 1991, SS. 147–173.
9. Pichkhadze A.A. Kniga “Iskhod” v drevneslavyanskom Parimejnike. *Uchenye zapiski Rossijskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova*. Vyp. 4. Moscow, 1998, SS. 5–60.
10. Pliguzov A.I. *Polemika v russkoj cerkvi pervoj treti XVI stoletiya*. Moscow, 2002.
11. *Prepodobnyj Maksim Grek*. Sochineniya. T. 2. Otv. red. N.V. Sinicya. Moscow, 2014.
12. Sinicya N.V. Knizhnyj master Mihail Medovarcev. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga*. Moscow, 1972, SS. 286–317.
13. Sinicya N.V. Novye rukopisi Mihaila Medovarceva. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga*. Moscow, 1974, SS. 145–149.
14. *Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki*. Izd. podgot. N.N. Pokrovskij, pod red. S.O. Shmidta. M., 1971.
15. Fonkich B.L. Grecheskaya rukopis' mitropolita Fotiya. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga*. M., 1972, SS. 189–195.
16. Fonkich B.L. *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii*. M., 2003.
17. Combs W.W. Erasmus and the Textus Receptus. *Detroit Baptist Seminary Journal*, 1, 1996, pp. 35–53.

М. Гардзанити

**ГЛОССЫ СБОРНИКА МАКСИМА ГРЕКА
В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ФРАНЦИИ:
МЕЖДУ ЛЕКСИКОГРАФИЕЙ И ЭКЗЕГЕЗОЙ**

*Флорентийский университет, Флоренция, Италия
Via della Pergola, 58-60 — Firenze, Italy*

Анализируя глоссы сборника Максима Грека в Национальной библиотеке Франции (Man. Slave 123), автор предлагает войти в лабораторию Максима Грека, чтобы понять его подход к языку и толкованию текста. Рассматриваемые глоссы предлагается разделить на группы по разным категориям: среди них есть отсылки к библейской лексике и библейским реалиям, а также к лексике и реалиям античной классики. В достаточном количестве присутствуют медицинские или научные объяснения. Библейские цитаты могут быть только упомянуты и адаптированы или введены в более полном виде. Одновременно встречаются более или менее обширные объяснения теологического и аскетического характера. Эта герменевтическая работа проводилась под знаком символической и аллегорической культуры, которая, как это было в случае Максима Грека, реализовалась как на уровне отношений между греческим и славянским, так и на уровне интерпретации отдельных языков. Анализ выявляет лингвистическое чутье и одновременно педагогические усилия монаха, цель которого состояла в том, чтобы предложить читателю важнейшие экзегические инструменты и методы, направленные на защиту восточной традиции от возрождения классической культуры и от сухости латинской схоластики, которые, каждая на свой манер, прорывались в русский мир. Филологическая деятельность Максима Грека показывает его представителем гуманистической ренессансной культуры и начинателем процесса трансплантации новой культуры в церковно-славянскую традицию.

Ключевые слова: Максим Грек; гуманистическая филология; церковно-славянская лексикография.

Прошло пятьсот лет с момента прибытия в Москву монаха Максима Грека, ставшего одним из выдающихся переводчиков и писателей в России, однако предстоит еще многое сделать, чтобы оценить его деятельность и его произведения. Научное издание его обширных трудов, начатое Ниной Васильевной Синициной, еще не

Гардзанити Марчелло — профессор, заведующий кафедрой Славянской филологии департамента образования, языков, межкультурной коммуникации, литератур и психологии Флорентийского университета (e-mail: marcello.garzaniti@unifi.it).

завершено, и продолжают исследования о рукописной традиции его произведений¹.

В последнее десятилетие внимание было сконцентрировано на собраниях его сочинений, в особенности тех, которые переписывались под руководством автора и которые представляют его деятельность как полемиста и педагога в целом. Уже в 1970-е годы Н.В. Синицына описала некоторые сборники, содержащие его сочинения, которые даже привязанные к особым обстоятельствам или к специальным поводам тем не менее являются упорядоченными согласно придуманной схеме. По мнению ученой, начало сборников содержит обособленную группу, составленную из апологетических сочинений, которые напоминают содержание апологии, подготовленной Джироламо Савонаролой, перед тем как его обвинил церковный суд во Флоренции².

При изучении рукописной традиции Максима Грека необходимо подчеркнуть в особенности присутствие глосс, которые в наиболее древних кодексах приписывались непосредственно автору. Святогорец тогда не только замыслил сложный план собрания сочинений, но старался их многократно пересматривать, добавляя пояснительные примечания, так как в общем делали гуманисты на своих рукописях или на кодексах им принадлежащих, и как это было принято в эпоху флорентийской Академии, которую он посещал в юности³.

В 1970-е годы рукопись конца XVI в., описанная С.А. Белокуровым (1899) и считавшаяся утерянной, была идентифицирована в кодексе, принадлежащем Национальной библиотеке Франции *Man. Slave 123*. Речь идет о рукописи, которая в конце XIX в. находилась в частном владении в губернии Нижнего Новгорода. Не принадлежавший той же эпохе, в которую жил святогорец, этот кодекс представляет собой важное рукописное свидетельство сборника, который содержит 112–113 глав, более древнего, чем Синод. 491, ранее счи-

¹ Сегодня в нашем распоряжении имеется научное издание его сочинений под редакцией Н.В. Синициной. В первом томе представлены произведения начального периода (1518–1525), написанные до первого судебного процесса [Преподобный Максим Грек, 2008]. Во втором публикуется собрание его избранных сочинений из 47 глав, названное Иоасафским собранием, по имени владельца самой важной рукописи, митрополита Иоасафа [МДА № 42; Преподобный Максим Грек, 2014]. Среди последних работ можно назвать исследования Л.И. Журовой [Журова, 2011].

² Уже в начале прошлого века русская критика опознала тематическое совпадение некоторых сочинений Максима Грека с произведениями доминиканского брата из Феррары, особенно устанавливая соотношения «Торжество креста» Савонаролы — с собранием произведений, составленным афонским монахом после заключения, и прежде всего с теми из них, которые были направлены против других религий, ересей и астрологии [Висковатый, 1939–1940; Синицына, 1972, 2005].

³ В связи с этим надо еще раз сделать отсылку к монографии Е. Денисова [Denisoff, 1943], даже если сегодня в свете новых знаний об итальянском гуманизме и о деле Савонаролы необходимо вернуться к этому вопросу [Garzanti, 2017].

тавшегося самым архаичным⁴. Необходимо в особенности отметить, что этот кодекс более, чем другие тексты этого собрания, сохраняет значительное число глосс, которые с большой вероятностью восходят к тому же Максиму Греку, и который Н.В. Синицына определяет как «маргинальный глоссарий, сопровождающий многие его тексты (но не все), что указывает косвенным образом на иерархию тем и предпочтений автора» [Преподобный Максим Грек, 2014: 33].

Имея возможность просмотреть рукопись *Man. Slave 123* и учитывая второй том издания собраний сочинений Максима Грека, мы приняли во внимание глоссы, которые сопровождают некоторые важные главы⁵. Нашей целью будет войти в лабораторию монаха, который формировался в среде гуманистов во Флоренции и его учеников, чтобы постараться высветить его лингвистическое чутье и прежде всего его педагогические усилия в стремлении предложить лучшее толкование текста.

При первом знакомстве с кодексом сразу бросается в глаза его отличие от сборников, которые характеризуют церковнославянскую традицию, т.е. присутствие указания автора и его форма. Антология открывается портретом Максима Грека, к тому же представленного в профиль, именно так, как это было принято в западной традиции, т.е. в форме отличной от византийской иконографии (л. 1 об.). За портретом следует подробный указатель произведений, добавленный позднее (л. 3 об.). Более сложная задача, стоящая перед исследователем, — объяснить присутствие того же портрета, возможно, более поздней копии первого, находящегося несколькими листами далее (л. 10 об.)⁶.

Среди первых текстов, сопровождаемых глоссами, присутствует одно из наиболее интересных сочинений Максима Грека «Слово пространѣе излагающе съ жалостию нестроения и бесчиния цареи и властелѣхъ послѣдняго вѣка сего» [Преподобный Максим Грек, 2014: 264–271; № 26, 390–393 комментарии]⁷, главным героем которого является аллегорическая фигура вдовы, названной Василия, и которая высказывает свои жалобы о нынешнем положении мира. В начале речи на месте слова «встреча (срѣтение)» можно прочесть

⁴ См. введение Н.В. Синицыной к т. 2 собрания сочинений [Преподобный Максим Грек, 2014: 11]. То же мнение высказывает и Х. Ольмстед [1994: 128]. См. сведения об исследуемой рукописи (указание на ее состав, датировку почерков, сведения о бытовании и хранении и т.д.) [Бычкова, Лангелер, Найденова, 2009].

⁵ См. описание *Man. Slave 123* и ее глосс Н.В. Синицыной [Преподобный Максим Грек, 2014: 34–43].

⁶ Среди особенностей этого сборника сочинений афонского монаха, помимо портретов, помещенных в начале, хотелось бы отметить также присутствие перевода с греческого из Кирилла Александрийского (л. 613 об.).

⁷ Издание произведения с более подробным научным аппаратом, но в котором отсутствуют разночтения и глоссы *Man. Slave 123*, представлено в [Журова, 2011: 26–43].

гlossу «видѣние» (л.68 об.). Как верно заметила Н.В. Синецкая, речь идет о «стилистической замене, уточняющей смысл, его аллегорический характер» [Преподобный Максим Грек, 2014: 392]. И это верно, если учитывать, что речь идет об образе, который, как мы показали, отсылает к аллегории, присутствующей в одной из песен Савонаролы [Garzaniti, 2019: в печати]. Понятие «видение» отсылает к важнейшему концепту пророческой литературы. Именно этим способом пророки излагали свое понимание современности.

В последующей глоссе из МДА № 138, (л. 179 об.), более древнем кодексе, содержащем собрание его произведений с собственноручными примечаниями Максима мы находим подтверждение сложного значения упомянутой аллегорической фигуры. Ее имя — Василия — объясняется в глоссе: “толк: сирѣчь царство, а тлькуется утверждение людемъ” [Преподобный Максим Грек, 2014: 390.]. Речь идет об адаптации библейской цитаты, которая отсылает к «царю премудрому»: «и царь премудръ утверждение есть людемъ» (Прем. 6, 24). Экзегеза, предложенная Максимом, исходя из контекста, вводит универсальную историческую перспективу и, как в библейском источнике, послужившем образцом, эсхатологическое ожидание царства Божия⁸.

В последующем «Слове о Рождествѣ Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в томъ же и на иудѣя» [Преподобный Максим Грек, 2014: 66—70; № 5, 354—356 комментарии] Максим возвращается к важному концепту «видения» в связи с «видѣнием и мудраго пророка». В кодексе МДА № 42 добавлена глосса «видѣние есть еже просвѣщением Святаго Духа зрят пророци умом о хотящих быти Божиих делании на земли» [Преподобный Максим Грек, 2014: 66, 355]. Идея «видения» очевидно связана с «просвещением» их ума Святым Духом и с их деятельностью на земле согласно божественным велениям. Было бы интересно отметить, что в той же речи предлагается этимология имени пророка Даниила вновь в связи со Святым Духом, который в МДА № 42 появляется как глосса, а в Man. Slave 123 уже вставлена в текст [Преподобный Максим Грек, 2014: 66, 355].

Очень интересны глоссы, представленные в сочинении «Слово обличительно на еллинскую прелесть» [Преподобный Максим Грек, 2014: 71—77, № 6, 356—358 комментарии]. Оно относится к

⁸ Что касается разночтений из библейского текста, усвоенных Максимом, отсылаем к наблюдению Н.В. Синецкой о последующей глоссе (л. 70 об.). На основе дат, предложенных Л.В. Журовой, исследователь подчеркивает, что глосса “неправедных” в цитате из Пс. 73, 20, кажущаяся синонимичным прочтением текста “(домов) беззаконных”, в действительности отражает разночтения Геннадиевской Библии [Преподобный Максим Грек, 2014: 391]. Не будем забывать, что среди первых соратников Максима в его деятельности переводчика мы встречаем именно Дмитрия Герасимова, который сотрудничал при создании первой славянской Библии в Новгороде. [Гардзанини, 2017].

тем немногим произведениям Максима, написанным в России, которые сохранились также и на греческом языке. Речь идет о сжатом сравнении языческой мифологии и христианской догмы, в которой «евангельская нелестная истина» противопоставляется «безбожной прелести» [Преподобный Максим Грек, 2014: 77].

В различных глоссах, представленных в Man. Slave 123, особо объясняются некоторые понятия, которые при переходе с греческой версии на славянскую могли показаться трудными для понимания⁹. Например, когда речь идет о понятии «баснословна», автору кажется уместным сделать отсылку к поэмам Гомера «сирѣчь Омирская книга» (л. 171 об.) [Преподобный Максим Грек, 2014: 74, 357]. Можно отметить в этой связи игру слов, используемую Максимом в «Слове отвѣщательно о исправлении книгъ русских», где противопоставляется понятие «баснословие» понятию «богословие» [Преподобный Максим Грек, 2014: 141].

Автор предлагает подробное объяснение также при упоминании музы Каллиопы: «каллиопиа едина есть от 9 мусъ, яже по еллинех предстоит творцовои премудрости, сирѣчь умудряет творцов прекрасны книги съчинивати» (л. 171 об) [Преподобный Максим Грек, 2014: 74, 357]. И далее, когда встречается слово «акадиманским» в связи с упоминанием Афинской академии, на полях делаются заметки: «толк: акадимиа двор бысть въ Афинех, преславное училище, в нем же Платонъ философъ приходя учаше ученикы своя»; а когда речь заходит об определении «кекропидьскаго» — родоначальнике афинян, — делается комментарий: «толк: афинѣискаго, кекропсъ бо начальник роду бысть афинѣаном» (л. 175) [Преподобный Максим Грек, 2014: 77, 357]. В этом случае термин «толк», который, надо напоминать, не всегда сопровождает глоссы, относится к объяснению малоизвестных «реалий». Именно это составляло одну из важных целей, которой Максим посвятил свою деятельность в России, и о которой находим свидетельства, как в переводах лексикона Суда, так и в составлении «Толкования именам по алфавиту» — словаря еврейских, греческих и латинских имен. Именно эти произведения положили начало лексикографии и энциклопедизму в России¹⁰.

Есть и другие типы глосс, которые мы можем обнаружить в этом кодексе, так же, как и в других рукописных текстах. В качестве примера можно рассмотреть «Слово похвалное къ святым апостолом Петру и Павлу, в том же обличение и на латыньскыа три болшиа ереси» [Преподобный Максим Грек, 2014: 81–94; № 7, 358–362 комментария]. В этом панегирике в честь святых Петра и Павла, уже в принадлежащей к той же эпохе рукописи МДА № 42, делается

⁹ Н.В. Силицына представляет их в таблице в предисловии [Преподобный Максим Грек, 2014: 35–36].

¹⁰ Ср. [Буланин, 1984: 53–81, 128–181] и [Ковтун, 1975].

отсылка к Чистилищу, которая стала темой острой дискуссии на Ферраро-Флорентийском Соборе: «отселѣ на латынскую ересь глаголемую пургаторионь...» В нашем кодексе далее можно прочесть (л. 180) глоссу, которая содержит сходное указание на верхнем поле: «отселе на латынскую ересь о происхождении Святаго Духа» [Преподобный Максим Грек, 2014: 82, 359]. Примечание «отселѣ на...» должно было облегчить чтение произведения, подчеркивая разные фрагменты речи, посвященные западной теологии. На нижнем поле еще читаем глоссу «писано есть въ Еуагелїи: иже нѣсть съ Мною, на Мя есть и не събирааи со мною расточает...», которая является прямой библейской цитатой [Преподобный Максим Грек, 2014: 88, 359].

К иной сфере отсылают другие интересные глоссы, которые можно прочесть в нашем кодексе в «Бесѣде Души и Уму, по вопросу и отвѣту, о еже откуда страсти ражаются въ них, в том же и о божественѣмъ промыслѣ и на звѣздочетцѣхъ» [Преподобный Максим Грек, 2014: 159–175, № 14, 368–369 комментарии; см. еще: 37–38]. В этом диалоге Души и Ума присутствуют объяснения научного характера, которые касаются некоторых болезней, как, например, симптомы желтухи или гангрены: «толк: иктеръ болѣсть есть, егда печень недугует и очи желтеют и все лицо человѣче» (л. 207) [Преподобный Максим Грек, 2014: 168], «толк: гагрена проказа есть злѣиша и неисцелна, даже до кости плоть изъядающи» (Man. Slave 123, л. 207 об.) [Преподобный Максим Грек, 2014: 168].

Присутствуют, как мы видели, глоссы, которые содержат и библейские цитаты. В этом тексте находим прямую отсылку к пророческой литературе. В глоссе на нижнем поле читаем: «Толк: глаголетъ бо нѣгде Исаия пророкъ, аще не вѣрите не имате разумѣти» (л. 196) [Преподобный Максим Грек, 2014: 160]. А на верхнем поле вставлена глосса, которая предлагает объяснения теологического аскетического характера «Толк: сиа же суть яко же благодать, кротость, правда, любви и сим подобнаа» [Преподобный Максим Грек, 2014: 160]. То же самое появляется далее «толк: сирѣчь слово спасительное еже есть дѣлание заповѣдей Спасовых, память вечных благ и будущего Страшнаго суда и грѣхных мук» (л. 206) [Преподобный Максим Грек, 2014: 167]¹¹.

Глоссы из последующего диалога носят преимущественно объяснительный характер. В нем присутствуют те же аллегорические главные герои: Душа и Ум, но на этот раз диалог посвящен критике лихоимства: «Словеса душеполезна зѣло внимающим ихъ, бесѣдуетъ

¹¹ К этой типологии примечаний примыкают также и рекомендации, обращенные к читателю или к слушателю, на которые ссылается Н.В. Сеницына: «Зри прилѣжно и исправися» (МДА № 42, л. 367) и «Примѣтите прилѣжнѣ, стяжанолюбци и лихоимци, и исправитесь ранѣе» (МДА № 138, л. 145) [Преподобный Максим Грек, 2014: 36].

Умъ къ Души своеи, в томъ же и на лихоимство» [Преподобный Максим Грек, 2014: 176–197, № 15, 369–375 комментарии]. В этом тексте обширные примечания, занимающие все левое и нижнее поля, носят научный характер, и относятся к фиговому дереву или к ветру, называемому зефир. Эта последняя глосса откровенно принимает функцию моральной аллегии. На левом поле читаем: «толк: смоковница есть дивиа глаголемаа по еллински еринеос, въ плоды ея ражаются животинища тончаиша крилата, псины именуемы, сию смоковницу садовницы нарочом сажают посреди добрых смоковниц на утверждение плодовъ их. Псины бо тии прилѣтающе к плодом их крепят их и не опадают на земли. Таковъ Содѣтелевъ промысль». На нижнем поле написано: “толк: сии Зефиръ вѣтръ есть западнии лѣтнии и тихо и гладко корабль двизаа не зѣло бурным влѣнением, сим подобно святое смирение, и крѣпит иноку вся добродѣтели и провожает его опасно к невлаемому пристанищу жизни вѣчна” (л. 242 об.) [Преподобный Максим Грек, 2014: 198]. Д.М. Буланину удалось установить оригинал первой глоссы в лексиконе Суда [Буланин, 1984: 179].

И в заключение хотелось бы процитировать полемический диалог о монашеских владениях: «Стязание о извѣстном иночьскомъ жительствоѣ, лица же стязующихся Филоктимонъ да Акимонъ, сирѣчь Любостяжелный да Нестяжелный» [Преподобный Максим Грек, 2014: 219–230, № 20, 379–380 комментарии]. В этом случае наш кодекс интересен не столько присутствием глосс, сколько их отсутствием. В названии и в начале диалога, в отличие от других кодексов, находим только греческие имена, указывающие на монаха, которого определяют как любителя стяжательства «Любостяжелный», Филоктимон, и монаха, определяемого как «Нестяжелный», Акимон, без какого-либо указания на славянские имена (л. 283). Было бы логично ожидать пояснительную глоссу для имен главных героев полемики, однако она отсутствует.

Как можно видеть, кодекс, хранящийся в Париже, раскрывается очень интересно благодаря присутствию глосс, значительно обогащая наши знания о лаборатории Максима и его учеников. Однако перед исследователями остается сложная задача — определить в корпусе глосс различные вставки и более поздние добавления переписчиков.

Если рассматривать глоссы, представленные нами, в их целостности, то их можно было бы разделить на группы по разным категориям. Там есть отсылки к библейской лексике и библейским реалиям, так же как к лексике и реалиям античной классики¹².

¹² В рамке отсылок к реалиям можно усмотреть типологическую связь с толкованиями, присутствующими в переводе толкового Апостола, выполненном Максимом Греком и его сотрудниками в 1519 г. Ср. [Пентковская, 2018].

В достаточном количестве присутствуют медицинские или научные объяснения. В глоссах библейские цитаты иногда только упоминаются или вводятся полностью, в то же время наличествуют более или менее обширные объяснения теологического и аскетического характера. Эта герменевтическая работа проводилась, как уже заметила Н.В. Синицына, в зависимости от символической и аллегорической культуры, которая, как в случае Максима, реализовалась как на уровне отношений между греческим и славянским, так и на уровне интерпретации отдельных языков. Из этого ясно видно, какой глубокой эрудицией обладал писатель, с каким вниманием он относился к словам, их этимологии и значению, что «позволяют с бесспорностью включить его в ряд представителей гуманистической ренессансной культуры конца XV–XVI вв.» [Преподобный Максим Грек, 2014: 11]. Таким образом, он начал процесс трансплантации новой культуры в церковно-славянскую традицию.

В то же время Максим Грек демонстрирует и педагогическую чуткость, цель которой состоит в том, чтобы предложить важнейшие экзегические инструменты и методы русскому читателю, направленные на защиту восточной традиции от возрождения классической культуры и от сухости латинской схоластики, которые каждая на свой манер прорывались в русский мир. В связи с этим было бы необходимо рассмотреть более конкретно функцию глосс, преодолевая формальную классификацию. Необходимо в таком случае отличать глоссы, которые выполняют апологетическую функцию *ad extra* с полемической направленностью против влияния западной культуры, от других с апологетической функцией *ad intra*, которые нацелены на наиболее органичное и глубокое знание традиции восточного христианства.

Список литературы

Список источников

- Государственный Исторический музей, Синод. 491.
Российская Государственная библиотека, ф. 173, МДА № 42.
Российская Государственная библиотека, ф. 173/III, МДА № 138.
Bibliothèque nationale de France, Man. Slave 123.
1. Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984.
 2. Произведения Максима Грека. Рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки / Под ред. А.Н. Сахарова, А. Лангелера. М., 2009.
 3. Синицына Н.В. Максим Грек и Савонарола. О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 149–156.

4. *Висковатый К.* К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha*, 1939–1940. № 17. С. 128–133.
5. *Гардзанини М.* Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого* / Сост. А.А. Алексеев, Ф.В. Панченко, В.Г. Подковырова, В.А. Ромодановская. СПб, 2017. С. 57–65.
6. *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека. Рукописная и литературная традиции. Т. II. Новосибирск, 2011.
7. *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975.
8. *Пентковская Т.В.* Преподобный Максим Грек как переводчик и редактор Толкового Апостола // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2018. № 4 (24). С. 31–34.
9. Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1 / Под ред. Н.В. Синицыной. М., 2008.
10. Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2 / Под ред. Н.В. Синицыной. М., 2014.
11. *Denissoff E.* Maxime le Grek et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Louvain-Paris, 1943.
12. *Garzaniti M.* Michel Trivolis / Maxime Le Grec (env. 1470–1555/1556). Processus de modernisation et fin du Moyen âge en Russie // *Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria* / Ed. C. Pieralli, C. Delaunay, E. Priadko. Firenze, 2017. P. 49–65.
13. *Garzaniti M.* Il Discorso di Massimo il Greco su instabilità e disordini (*Slovo o nestroenijach i bezčijnijach*). Alle fonti del lamento della Vasilija. // *Scrittura e scritture per Massimo il Greco a cinquecento anni dall'arrivo in Moscovia* / Ed. F. Romoli, D. Speranzi/Studi slavistici. 2019. № 16, 2. (В печати)
14. *Olmsted H.* Modeling the Genealogy of Maksim Grek's Collection Types. The 'Plectogram' as Visual Aid in Reconstruction // *Medieval Russian Culture* / Ed. M.S. Flier, D. Rowland. Vol. 2. Berkeley, 1994. P. 107–133.
15. *Sinicyna N.V.* Massimo il Greco, Firenze, Savonarola // *Giorgio La Pira e la Russia* / Ed. M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze, 2005. P. 265–289.

Marcello Garzaniti

**GLOSSES OF MAKSIM GREK'S MISCELLANY
IN THE NATIONAL LIBRARY OF FRANCE:
BETWEEN LEXICOGRAPHY AND EXEGESIS**

Via della Pergola, 58-60 — Firenze, Italy

Analyzing the glosses of Maksim Grek's miscellany in the National Library of France (Man. Slave 123), the author suggests entering the laboratory of Maksim

Grek in order to understand his approach to language and text interpretation. The glosses can be divided into groups according to different categories. Among them are references to Biblical vocabulary and Biblical realities, vocabulary and realia of ancient classics, medical and scientific explanations. Biblical quotations can be mentioned, adapted or entered in a more complete form. At the same time there are more or less extensive explanations of theological and ascetic nature. This hermeneutic work was carried out under the sign of symbolic and allegorical culture, which, as was the case with Maksim Grek, was realized both at the level of relations between Greek and Slavic, and at the level of interpretation of individual languages. The analysis reveals the linguistic sensitivity and at the same time the pedagogical efforts of the monk, whose goal was to offer the reader the most important exegetic tools and methods aimed at protecting the Eastern tradition from the revival of classical culture and from the dryness of Latin scholastics, which in their own way broke into Russian world. The philological activity of Maksim Grek shows him as a representative of the humanistic Renaissance culture and the initiator of the process of transplanting a new culture into the Church Slavonic tradition.

Key words: Maksim Grek; Humanist philology; Church Slavonic lexicography.

About the author: *Marcello Garzaniti* — Full Professor of Slavic Philology, Department of Education, Languages, Intercultures, Literatures and Psychology, University of Florence, Italy (e-mail: marcello.garzaniti@unifi.it).

References

1. Bulanin D.M. *Perevody i poslanija Maksima Greka. Neizdannye teksty*. [Translations and letters of Maksim Grek. Unpublished texts]. Leningrad, Nauka, 1984. 278 p. (In Russ.)
2. *Proizvedenija Maksima Greka. Rukopis' iz Slavjanskogo sobranija Parizhskej nacional'noj biblioteki* [Maksim Grek's works. Manuscript from the Slavic Collection of the Paris National Library]. Ed. by A.N. Saharov, A. Langelier. Moscow, Institut Rossijskoj istorii RAN 2009. 704 p. (In Russ.)
3. Sinicyna N.V. Maksim Grek i Savonarola. O pervom rukopisnom sobranii sochinenij Maksima Greka. [Maxim Grek and Savonarola. On the first manuscript miscellany of Maxim Greek's works]. *Feodal'naja Rossija vo vseмирno-istoričeskom processe*. [Feudal Russia in the world-historical process]. Moscow, Nauka 1972, pp. 149–156. (In Russ.)
4. Viskovatij K. K voprosu o literaturnom vlijanii Savonaroly na Maksima Greka. [To the question about the literary influence of Savonarola on Maksim Grek]. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Praha, 1939–1940. № 17, pp. 128–133. (In Russ.)
5. Gardzaniti M. Perevod i ispol'zovanie Biblii v tvorčestve Maksima Greka. [Translation and use of the Bible in the Maksim Grek's works] *Slavjanskaja Biblija v epohu rannego knigopechatanija. K 510-letiju sozdanija Biblejskogo sbornika Matfeja Desjatogo*. [Slavic Bible in the era of early printing. By the 510th anniversary of the creation of the bible miscellany of Matfej Desiatyj]. Ed. by A.A. Alekseev, F.V. Panchenko, V.G. Podkovyrova, V.A. Romo-

- danovskaja. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma 2017, pp. 57–65. (In Russ.)
6. Zhurova L.I. *Avtorskij tekst Maksima Greka. Rukopisnaja i literaturnaja tradicii*. [Author's text of Maksim Grek. Manuscript and literary traditions]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN 2011. V. 2. 303 p. (In Russ.)
 7. Kovtun L.S. *Leksikografija v Moskovskoj Rusi XVI — nachala XVII v.* [Lexicography in Muscovite Rus' XVI — beginning of the XVII century]. Lenin-grad, Nauka 1975. 352 p. (In Russ.)
 8. Pentkovskaja T.V. Prepodobnyj Maksim Grek kak perevodchik i redaktor Tolkovogo Apostola. *Vestnik Ekaterinburgskoj duchovnoj seminarii*. Ekaterinburg, 2018. № 4 (24), pp. 31–34. (In Russ.)
 9. *Prepodobnyj Maksim Grek. Sochinenija*. [Saint Maksim Grek. Works]. Ed. by N.V. Sinicyna. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi 2008. V. 1. 568 p. (In Russ.)
 10. *Prepodobnyj Maksim Grek. Sochinenija*. [Saint Maksim Grek. Works]. Ed. by N.V. Sinicyna. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi 2014. V. 2. 432 p. (In Russ.)
 11. Denissoff E. *Maxime le Grek et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis*. Louvain-Paris, Desclée De Brouwer, 1943. 460 p.
 12. Garzaniti M. Michel Trivolis/Maxime Le Grec (env. 1470–1555/1556). Processus de modernisation et fin du Moyen âge en Russie. *Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria*. Ed. C. Pieralli, C. Delaunay, E. Priadko. Firenze, Firenze University Press, 2017, pp. 49–65.
 13. Garzaniti M. Il Discorso di Massimo il Greco su instabilità e disordini (*Slovo o nestroenijach i bezčiniach*). Alle fonti del lamento della Vasilija. Scrittura e scritture per Massimo il Greco a cinquecento anni dall'arrivo in Moscovia. Ed. F. Romoli, D. Speranzi. *Studi slavistici* 16, 2 (2019) (in print).
 14. Olmsted H. Modeling the Genealogy of Maksim Grek's Collection Types. The 'Plectogram' as Visual Aid in Reconstruction. *Medieval Russian Culture*. Ed. M.S. Flier, D. Rowland. Vol. 2. Berkeley, 1994, pp. 107–133.
 15. Sinicyna N.V. Massimo il Greco, Firenze, Savonarola. *Giorgio La Pira e la Russia*. Ed. M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze, Giunti 2005, pp. 265–289.

ИЗ АРХИВА

М.Ю. Данилевская (Степина)

К.Р. И Я. ПОЛОНСКИЙ О РЕЛИГИОЗНОМ ЧУВСТВЕ В ИСКУССТВЕ: ПО СТРАНИЦАМ ПЕРЕПИСКИ ДВУХ ПОЭТОВ

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034 Санкт-Петербург, Набережная Макарова, 4*

В статье производится анализ стихотворения Полонского «Ничто», посвященного религиозной тематике, в контексте его переписки с поэтом К.Р., Великим Князем К.К. Романовым, хранящейся в Отделе рукописей (ф. 137, архив К.Р., № 70, 73).

Стихотворение написано в Пасхальную ночь и выражает религиозные убеждения поэта. По мнению К.Р., *ничто* сродни небытию и поэтому не страшно для человека, обращенного к Богу. По убеждению Полонского, человек бессмертен, но *ничто* как начало и конец всего в современном ему мире является частью соблазнительного мирского знания, которым управляет рассудок. *Ничто* разрывает «цепь бесконечную» — человечество, представляемое мыслью исторической (эпоха), социальной (поколения), семейной (род). Оно же противоречит знанию, которое подразумевает передачу, накопление и критический пересмотр. И оно же чревато разрывом между одним конкретным человеком и его Богоданным образом, который в отрицании Дающего будет забыт и утрачен. Анализируемое стихотворение содержит в себе молитву о сохранении Богоданного образа.

Ключевые слова: Я.П. Полонский; К.Р.; стихотворение; искусство; анализ; религиозное чувство; образ; знание; рассудок.

Известно, что Яков Петрович Полонский и Великий Князь Константин Константинович, поэт К.Р., состояли в переписке, и их эпистолярный диалог содержит немало искренних замечаний по поводу недавно написанного и прочитанного. Их письма говорят о живом интересе двух поэтов друг к другу и к литературному творчеству. Об этом свидетельствует часть их двусторонней переписки, вышедшая в отдельном издании [К.Р., 1999]. Подборка включает лишь небольшую часть сохранившихся писем обоих собеседников. В Отделе рукописей ИРЛИ (ф. 137, Архив К.Р. (Романова Константина Константиновича). № 70, 73) эта переписка за 1887–1898 гг. составляет два тома (всего 42 письма К.Р. к Полонскому и 55 писем Полонского к К.Р.; письма сшиты в книги и одеты в переплет). Этот документ мы и будем анализировать и цитировать (орфография и пунктуация под-

Данилевская (Степина) Мария Юрьевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (e-mail: m.stepina.spb@mail.ru).

линника приведены в соответствие с современными нормами, за некоторыми исключениями: в частности, сохранено характерное для обоих авторов интонационное тире и характерное для Полонского многоточие из четырех точек).

Сюжет, взятый для данной публикации, локален, но закономерен для исследовательского внимания. Полонский был глубоко верующим человеком. Более того: вера была для него не только непосредственным личным переживанием и неотъемлемой частью повседневной этики, но и частью культуры, в том числе — культуры чтения: «Как грустно, что современная наша молодежь совсем не знает наших воистину православных писателей — ни Хомякова, ни Самарина. Полагаю, что наши учителя гимназии сами никогда не читали их» (письмо к К.Р. от 11 янв. 1894 г., № 73, л. 49 об.). В дневниковых записях и письмах к другим лицам разных лет находим горячие, продиктованные глубоко личным чувством размышления Полонского о церкви, о ее роли в обществе, о православии как объединяющем славян начале. Вере и Церкви посвящена известнейшая статья Полонского «По поводу одного заграничного издания и новых идей графа Л.Н. Толстого» [Полонский, 1895]. Мотивы веры в Бога, обращения к Богу органичны для поэзии Полонского, который, однако, был способен осмысливать вопросы веры, обращаясь к чтению философов и общественных деятелей различных направлений.

Религиозные и философские воззрения Якова Петровича Полонского требуют основательного изучения, и в предлагаемой публикации мы лишь констатируем несомненную значимость и объемность этой темы. Избранный сюжет — диалог К.Р. и Полонского о религиозном чувстве в искусстве — служит тому иллюстрацией.

Диалог посвящен одному поэтическому тексту. Полонский пишет К.Р. 27 марта 1893 г.: «Посылаю Вам мое последнее стихотворение — далёко <Так! — М.С.> не праздничное. — Побраните меня за него, если оно Вам не понравится» (№ 73. Л. 12 об.). Письмо написано в Пасхальную ночь. К нему приложен листок с типографским экземпляром стихотворения, датированного 1893 г., «Ничто»¹. Оно, видимо, создано незадолго до самого письма, и время его создания Полонский соотносил с церковным календарем: в его письмах временные отрезки часто определяются количеством дней не до определенного числа, а до ближайшего церковного праздника; особенно это относится ко времени Великого поста и Пасхи.

«Ничто» развивает тему, обозначенную этой философской категорией, содержание которой исторически менялось. Интерес к этой проблеме актуализировался в идеалистической философии XIX — начала XX в. В общем «ничто» понимается как противоположность бытию, существованию.

Приведем полный текст стихотворения Полонского:

Ничто.

Ничтожество, пустой призрак,
Не жажду твоего покрова.

А. Пушкин

¹ В дальнейшем поэт включил стихотворение в издание: [Полонский, 1896: 97–98].

Всесильное *ничто* — бездушный мрак, — могила
Бездонная всего, что движется, — что было
И есть, и будет — смерть смертей!..

Я не могу без содроганья
Ни мыслить о тебе, ни — о судьбе людей,
Прильнувших в вихре мирозданья
К земле на миг, чтоб быть игральщищем страстей,
Безумных оргий иль страданья.

Но если иногда ничтожество мое
Мне говорит, что я не вечен...
Ничто! — уже ли я тобой вочеловечен,
Или — подобие твое?..

Ужели мне тобой даны и слух, и очи,
И осязанье, для того
Чтоб я, как Бог, из ничего
Творил минуты, дни и ночи
И наполнял бы их собой, —

Сердечным трепетом и трепетным сознанием,
То отрицанием, то враждой,
То безобразием, то дивной красотой
И умиленным упованием!

Ужель, *ничто*, ты — первообраз мой!..
Цепь бесконечная существования стала
Невидимой, или она ушла,
Чтоб тьма иль пустота ее оборвала,
И чтоб она навек пропала!..

.....

О Господи! земных творцев Творец!
Не вижу, не могу я видеть, где конец
Того, где Ты всему начало!
О Господи! верни мне то,
Чего не покорит всесильное *ничто*, —
И веру, и любовь, и правду, и незлобие...
Верни мне образ Твой, верни Твое подобье!..

1893. Я. Полонский (№ 73. Л. 14—14 об.)

Константин Константинович, ознакомившись со стихотворением, пишет Полонскому:

«В вашем стихотворении есть, по-моему, противоречие: вас пугает “ничто”, и вслед за тем вы обращаетесь к Богу. Мне кажется — “ничто” и Бог — понятия несовместимые; или одно, или другое. А раз вы научились призывать Бога, разве “ничто”, Его исключяющее, — может быть вам страшно?» (№ 73. Л. 16 об. — 17).

Итак, К.Р. интерпретирует поэтический монолог следующим образом: лирический герой противопоставляет взаимоисключающие понятия: «ничто» («бездушный мрак», «могилу бездонную», «тьму», «пустоту») — и Бога. Недоумение, отчего лирическому герою «страшно», вероятно, вызвано тем, что К.Р. склонен видеть в стихотворении размышления лирического героя о *своей* личности и *своем* существовании. Поскольку в тексте заявлено лирическое «Я», текст трактуется как размышление индивидуального

человека, носителя определенного мировоззрения, о собственной индивидуальной судьбе.

И это — прочтение тонкого и внимательного читателя. Стихотворение Полонского предварено эпиграфом из Пушкина: третьей и четвертой строками из «Тавриды»:

Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! пустой призрак,
Не жажду твоего покров!

Лирического героя пушкинского стихотворения занимает именно его индивидуальная судьба, предначертанность его бытия, его мыслей и чувств, его ощущений, присущих ему в ипостаси смертного:

Конечно, дух бессмертен мой,
Но, улетев в миры иные,
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
И чужд мне будет мир земной?
Ужели там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутной жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я?..

Однако поэтическая мысль Полонского развивается иначе. С эпиграфом, предваряющим стихотворение Пушкина: немецким «Возврати мне мою юность» — соотносится финал стихотворения Полонского:

О Господи! верни мне то,
Чего не покорит всесильное *ничто*, —
И веру, и любовь, и правду, и незлобье...
Верни мне образ Твой, верни Твое подобье!..

Его лирический герой просит не юности как ресурса сил и возможностей, определенного приподнятого настроения и личной витальной активности. Он — после погружения в мысль о том, что такое «Ничто», — просит Бога вернуть ему Божий образ и подобие. Обращение «О Господи!» соотносит просьбу лирического героя с молитвой, его молитва — не о благе личной судьбы и даже любящей души, а о строгости богоданного образа, это сугубо духовная просьба.

Ответ Полонского в письме к К.Р. пространен.

«Стих<отворение> “Ничто” мне самому не нравится, как идейное...

Но я несколько иначе его понимаю.

Я понимаю его как протест, как противоречие тем, кто верит в это ничто. А таких материалистов сотни тысяч не только в Германии и Франции, — к сожалению, и в России.

Я не мог бы ни дышать, ни жить, если бы не верил в свое личное бессмертие, — и всем это говорю, не боясь насмешек... Спорил и с покойным Фетом, который, переводя Шопенгауера, проникался его идеями — и верил в бессознательную Волю, которая всё творит и всё разрушает. Для меня, признаюсь Вам², — бессознательная (т. е. неразумная) Воля — бессмыслица. — Для всех почитателей этой модной, Шопенгауеровой философии, смерть ничто иное, как переход в бессознательное состояние, иначе сказать, в ничто. — А какое громадное влияние имеет этот Шопенгауер! — Но и я верующий, думаю, что рассудка моего я Туда не возьму с собой. — Он нужен мне только в моей земной оболочке, среди земных житейских отношений — домашнего и общественного обихода... (У каждого зверя есть рассудок.) Это не есть отличительное качество души. — В новом мире, каков бы он ни был, — и рассудок будет иной — не земной рассудок. По преимуществу практические рассудительные люди едва ли и каяться способны, — едва ли и на исповедь они не смотрят как на такой обряд, который нисколько не мешает им... Вера, любовь, правда и незлобие — Вот в чем образ и подобие Божие — а не то, что может победить ничто, — т.е. мой рассудок, хотя [бы] по его милости я бы и нажил себе миллионы... Источником всякого греха — служит (по-моему) или холодный эгоистический рассудок или безумная страсть... Грех это пятно на душе — и это пятно останется — но не рассудок и не страсти. Моя изнеженность, привычка к роскоши — минута сладострастия, гнев — мечтательность, и проч., и проч. — не вечны. Вечность не для них. — Вечны только грех (пятно на совести) или святость — только то, что искалечило душу, или то, что приблизило ее к подобию Божию — к Богу. —» (№ 73. Л. 18 об. — 19 об., 1 апреля 1893).

Представляется первоочередным обратить пристальное внимание не на литературные и философские источники, к которым полемически обращается Полонский, а на сам его поэтический текст.

Полонский говорит, казалось бы, о собственном «Я», «я» себя-автора и «я» лирического героя. Однако текст подводит читателя к более масштабным обобщениям.

Ни мыслить о тебе, ни — о судьбе людей,
Прильнувших в вихре мироздания,
К земле, на миг, чтоб быть игралищем страстей,
Безумных оргий иль страдания.
Цепь бесконечная существований стала
Невидимой, или она ушла,
Чтоб тьма иль пустота ее оборвала
И чтоб она навек пропала!..

Здесь речь идет не о персональной судьбе одной личности, и не просто о множестве людей. «Цепь бесконечная» — это человечество, представляемое мыслью исторической (эпоха), социальной (поколения), семейной (род), и это представление обнимается Библией для Полонского и для К.Р.

² В письмах Полонского это обращение всегда с прописной буквы, у К.Р. всегда со строчной.

Ничто! — уже ли я тобой вочеловечен,
Или — подобие твое?..
Ужели мне тобой даны и слух, и очи,
И осязанье, для того
Чтоб я, как Бог, из ничего
Творил минуты, дни и ночи
И наполнял бы их собой...

В таком поэтическом освещении «Ничто» становится основой мировоззрения, контекстуально сравнивается с Богом, следовательно, философское понятие «Ничто» обретает способность стать верой, религией. Исповедание этой религии, по мысли Полонского, чревато разрывом связи и между поколениями, и между культурными эпохами, и между частными людьми, и между одним конкретным человеком и его Богоданным образом, который в отрицании Дающего будет забыт и утрачен.

Отметим, что Полонский, сторонник веры — особого рода знания, принципиально не требующего доказательств истинности, убеждения в истинности ДО доказательств, — отнюдь не отрицает знания. Знание подразумевает передачу, накопление и критический пересмотр; разрыв цепи, понимание «ничего» как начала и как конца противоречат не только вере, но и мысли. Защитник веры становится в своем ответе К.Р. защитником и мысли, и знания, и искусства как знания особого рода.

Эти размышления будут подробно развиты Полонским в его статьях, посвященных учению Толстого: «... жаждущие правды, стоящие на бесконечном пути к ней, до конца дней своих самоотверженно изучая природу и жизнь, во всех ее проявлениях, неорганических и органических, материальных и душевных» [Полонский, 1895: 566]; «... дураки <...> не научились мыслить, но зато <...> были совершенно довольны и счастливы, но это не человеческое, это чисто скотское счастье» [там же: 567–568]). Очевидна определенная перспектива мысли Полонского, его общий взгляд на религиозное чувство, не отвергающее традиционное рациональное знание, его настороженное отношение к фрагментарному, некритичному к себе знанию, которое претендует на роль заместителя религии.

В письме к К.Р., отвечая на его суждение о стихотворении «Ничто», Полонский изложил свои пояснения. Как показывает самый краткий, предпринятый здесь, анализ стихотворения, в нем поэт сказал гораздо больше — и гораздо громче. Думается, и был услышан своим собеседником, любителем литературы и поэтом К.Р.

Список литературы

1. К.Р. Избранная переписка / Сост. Л.И. Кузьмина. СПб, 1999.
2. Полонский Я.П. По поводу одного заграничного издания и новых идей графа Л.Н. Толстого // Русское обозрение. 1895. № 5–6.
3. Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений: В 5 т. Т. 3. Изд., просмотренное автором. СПб: Изд. А.Ф. Маркса, 1896.

Maria Danilevskaya (Stepina)

**GRAND DUKE KONSTANTIN ROMANOV AND YAKOV
POLONSKY ON RELIGIOUS FEELINGS IN ART:
(From the Poets' Correspondence)**

*Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
199034 St. Petersburg, Makarov Embankment, 4*

This article analyses Yakov Polonsky's poem *Nothing*, devoted to religious themes, in the context of his correspondence with the poet K.R. (Grand Duke Konstantin Konstantinovich Romanov). The poem was written on an Easter night and expresses religious beliefs of the author. According to K.R., *nothing* is akin to non-existence and therefore it cannot frighten a believer. According to Polonsky, man is immortal, but *nothing* as the beginning and end of everything in the modern world is part of the seductive worldly knowledge, which is controlled by reason. *Nothing* breaks the "infinite chain of humanity" it represented historical, social and familial thought. It also contradicts knowledge, which implies transfer, accumulation and critical revision. And it is fraught with the gap between a particular person and his God-given image, which in the denial of the Giver will be forgotten and lost. The poem thus contains a prayer for the preservation of God-given image.

Key words: Ya. Polonsky; K.R.; poem; art; analysis; religious feeling; image; knowledge; reason.

About the author: *Maria Danilevskaya (Stepina)* — Junior Researcher, Institute of Russian literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (e-mail: m.stepina.spb@mail.ru).

References

1. K.R. *Izbrannaja perepiska* [Selected correspondence] Composed by L.I. Kuz'mina. Saint-Petersberg, *Dmitrij Bulanin*, 1999. 528 p.
2. Polonskij Ja.P. Po povodu odnogo zagranichnogo izdanija i novyh idej grafa L.N. Tolstogo. *Russkoe obozrenie*, 1895, № 5–6.
3. Polonskij Ja.P. *Polnoe sobranie stihotvorenij*: V pjati tomah. [Complete works: in 5 vol.] Saint-Petersberg, *A.F. Marx Publ.*, 1896. Vol. 3.

Е.А. Полетаева

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Впервые подробно описывается один из первых независимых литературных клубов времен перестройки — клуб «Московское время» и его место в литературной жизни того периода. Рассказывается об истоках и истории возникновения клуба: А. Сопровский, принимая участие в другом перестроечном клубе, «Поэзия», критиковал его устройство и деятельность (в первую очередь беспорядок в организации и ориентацию на развлечение публики) и решил организовать свой собственный альтернативный клуб. Он был назван по одноименной самиздатской антологии 1970-х годов «Московское время», а также литературной группе, образовавшейся вокруг этой антологии, куда входили А. Сопровский, С. Гандлевский, Б. Кенжеев, А. Цветков и др. Принципы, близкие участникам группы, воплотились и в клубе «Московское время»: преемственность по отношению к традициям русской литературы, актуальность и современность, неконформизм. Диапазон выступавших авторов был довольно широк: от поэтов, продолжающих классические традиции русской поэзии, до концептуалистов, но все авторы принадлежали к неофициальной литературе. В статье освещены первые вечера памяти Галича, проведенные клубом. Сопровскому удалось воспользоваться перестройкой, чтобы дать возможность выступить перед широкой публикой ярким представителям андеграунда.

В статье затрагивается вопрос о хронологических рамках существования поэтической группы «Московское время» — вопреки одному из мнений, можно рассматривать группу не как «распавшуюся» после окончания работы клуба Сопровского, но как существующую вплоть до настоящего времени.

Статья основывается на учредительных и других документах, связанных с клубом «Московское время», архиве Сопровского — Т. Полетаевой, которые приведены впервые: неопубликованные дневниковые записи Сопровского, учетная карточка руководителя, устав клуба, годовая смета, афиши вечеров клуба.

Ключевые слова: «Московское время»; Сопровский; неподцензурная литература; неофициальная литература; перестройка; независимые литературные клубы.

Полетаева Екатерина Александровна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: epaterina@gmail.com).

Сегодня довольно известны имена поэтов С. Гандлевского, Б. Кенжеева, А. Цветкова, А. Сопровского — участников литературной группы «Московское время», возникшей в 1974 г. Поэты, познакомились в университетской литературной студии «Луч», издавали самиздатскую антологию «Московское время» в 1975–1977 гг. и ориентировались на возрождение традиций русской классической литературы, для них были характерны нонконформизм и неприятие официальной советской поэзии, интерес к актуальным проблемам¹. В данной статье рассматривается еще один эпизод существования этой группы — перестроечный клуб «Московское время», который организовал Александр Сопровский.

Литературный клуб «Московское время» объединил поэтов одноименной антологии 1970-х годов (Сопровского, С. Гандлевского, Т. Полетаева, Н. Ванханен, в клубе выступили эмигрировавшие к тому времени Б. Кенжеев и А. Цветков), а также поэтов более молодого поколения (Дм. Веденяпина, Г. Дашевского и В. Санчука). Клуб «Московское время» появился как реакция на перестройку и просуществовал два года, с 1987 по 1989-й. О клубе существуют лишь отдельные упоминания, но подробно клуб описан до сих пор не был. Стоит отметить, что в учебниках современной литературы с «Московским временем» связаны пробелы и ошибки. Например, в учебнике под ред. В.И. Коровина ошибочно сказано, что клуб «Московское время» появился в начале 1980-х годов [История русской литературы XX — начала XXI века, 2014: 11]. Ниже впервые в хронологическом порядке последовательно описываются истоки, история создания, существования и итоги работы одного из первых независимых литературных клубов.

Когда в 1986 году вышло постановление о хозрасчетных творческих самостоятельных организациях, в Москве появился первый перестроечный клуб «Поэзия»². В своем неопубликованном дневнике 1986 г. Сопровский пишет, что Пригов звонил Сергею Гандлевскому и сообщил, что Сопровский и Гандлевский приняты в клуб без обсуждения. Даже шла речь о представительстве «Московского времени» в худсовете или бюро клуба, Впрочем, не осуществившемся (Сопровский упрекает Пригова в том, что тот повлиял на худсовет, чтобы этого не произошло). В том же дневнике выражено критическое отношение Сопровского к деятельности клуба «Поэзия», в частности к организованному в ДК завода «Дукат» вечеру, о котором очевидец Владислав Кулаков написал: «... деликатные любители поэзии штурмовали черный ход и окна клуба, как рок-фанаты на концерте заезжего кумира...» [Самиздат века, 1997: 666]. Этот вечер Сопровский в своем дневнике называет провальным: «... были разбиты лампы <...> Успешно

¹ Подробнее об объединяющих поэтов группы принципах и образовании поэтической группы «Московское время» см.: [Полетаева, 2018].

² 13 мая 1986 г. вышло положение секретаря ВЦСПС, секретаря ЦК ВЛКСМ, заместителя министра культуры СССР и других «О любительском объединении, клубе по интересам». Это совместное постановление нескольких ведомств о творческих самостоятельных организациях позволило официально оформлять литературные клубы.

читали Пригов, Арабов, Искренко, Иртеньев. <...> Рубинштейн пошутил: “сумбур вместо музыки”. Итак, “фестиваль” был авангардистским; итак, к вечеру ВС 12.X стало ясно, что это был провал”. Этот вечер противоречил представлениям Сопровского о поэтическом мероприятии, которое должно иметь отношение в первую очередь к литературе, а не к эпатажу.

В архиве Сопровского — Т. Полетаевой сохранился документ на нескольких страницах с критикой и предложениями Сопровского по улучшению деятельности клуба «Поэзия». Основные недочеты работы клуба, с точки зрения Сопровского, — неупорядоченность структуры, предпочтение «концертной деятельности в ущерб клубному творчеству» и неравномерность представления литературных течений, хотя уже название предполагало, что будут представлены все литературные направления. А в клубе, по мнению Сопровского, «режим наибольшего благоприятствования», предоставленный «пока одному или нескольким чрезвычайно близким друг другу литературным течениям. Это было бы уместно, называйся наш клуб, например, Московским клубом иронических поэтов или клубом иронической молодежи». Игорь Иртеньев в уставе клуба писал: «Членом клуба “Поэзия” считается любой, написавший не менее восьми строк о свойствах страсти» [Самиздат века, 1997: 666], и такое нарочито несерьезное отношение для Сопровского было показателем ограниченности клуба — сам манифест был «иронистским».

Сопровский выходит из клуба и 18 ноября 1986 г. пишет открытое письмо Д.А. Пригову о причинах своего выхода (оно опубликовано). Причины эти повторяют указанные выше: предложения Сопровского по улучшению работы клуба «Поэзия» не были приняты, к ним добавляются и новые критические замечания: отсутствие организованного живого творческого общения, ориентация на «угождение уставшим после работы слушателям» [Сопровский 2008: 516]. Эти недостатки были учтены при создании клуба «Московское время», который стал альтернативой клубу «Поэзия».

6 мая 1987 Сопровский писал другу и соратнику по антологии «Московское время», поэту Б. Кенжееву: «Уйдя из их клуба, я немедленно создал свой. 16 января открылся литературный клуб “Московское Время”. Я там председателем, Гандлевский, Таня <Полетаева> и молодые наши друзья³ — совет учредителей. Первое время собирались мы в кафе “Метелица”, потом в зале Музея архитектуры с окнами на Кремль. Сейчас опять переезжаем. Кроме поэтических вечеров, у нас Карабчиевский читал свою книгу о Маяковском (ты читал? книга блестящая, сравнимая с IV частью “Дара”); была дискуссия жидомасонов с антисемитами на 120 человек, вечер пушкинских речей и так далее. Есть кооперативно-издательские и прочие хозрасчетно-коммерческие планы» [там же: 495].

Однако Сопровский не отказывался участвовать в дальнейшей жизни клуба «Поэзия». Сохранился текст «О тактике художника» — доклад к дискуссии клуба, упоминаемой в письме Кенжееву: «Лично с Приговым мы с тех пор здоровались, общались, улыбались друг другу, и он пригласил меня как одного из основных ораторов на конференцию “Тактика художника в

³ Дм. Веденяпин, Г. Дашевский и В. Санчук.

современных условиях”» [там же: 494—495]. В «Тактике художника» Сопровский приводит в пример ленинградский «Клуб-81» и говорит о появившейся во время перестройки возможности не вписываться в официальные литературные организации, а вывести на профессиональный уровень то, что уже существовало в неофициальной литературе. В своих воспоминаниях Т. Полетаева пишет, что «Клуб-81» возник после того, как Сопровский собрал рукописи у большого количества неофициальных авторов Ленинграда для издания альманаха «Вольное русское слово». КГБ все рукописи изъязло. «Питерские власти тогда перепугало и озадачило огромное количество неизвестных и не контролируемых ими литераторов <...> И они разрешили этот “неофициальный союз писателей”, чтобы приглядывать за вольной литературой» [Полетаева, 2013: 154]. Это начинание, как и самиздатская антология Сопровского и его друзей, тоже было предшественником клуба «Московское время». Еще до перестройки Сопровский продолжал собирать тексты неофициальных авторов. И при изменившейся политической ситуации он не мог не взять на себя организацию литературной жизни в публичном пространстве.

В архиве Сопровского — Полетаевой сохранились документы, относящиеся к работе клуба, которые печатаются и комментируются впервые. Так, в учетной карточке руководителя указаны: жанр и вид коллектива — литературный клуб, год создания — 1987, дни занятий — вторник, пятница; часы 19.00—22.00, количество участников — 10. Со временем количество участников увеличилось.

Сохранилась годовая смета расходов и доходов клуба «Московское время». Из нее мы узнаем, что клуб был самоокупаемый, платил за аренду помещений, деньги приходили из членских взносов и платных вечеров.

В архиве сохранился и рукописный устав клуба, написанный Сопровским. В нем отмечается, что его создатели «желали бы руководствоваться строгостью вкуса в сочетании с широтой подхода к тенденциям художественного творчества».

Основные задачи клуба провозглашены в уставе:

- «а) выявление способных молодых литераторов
 - б) расширение аудитории для нуждающихся в том авторов
 - в) культурная работа, направленная на
 - поддержание традиций нашей литературы в их разнообразии
 - обсуждение современных вопросов, критериев и ценностей культуры
 - пропаганду памятников отечественной литературы».
- Среди этих отличий от клуба «Поэзия» принципиальными для Сопровского являются его ценности: культура, литература, а не развлечение публики. Ориентация на традиции классической русской литературы всегда была актуальна для поэтов «Московского времени», с самых первых сборников самиздатской антологии, где они декларировали борьбу «за продолжение великих традиций на новой почве» и где говорилось, что все авторы антологии «стоят за органичное восприятие великих традиций русской поэзии — с Державина и Пушкина начиная» [“Московское время”, 2018: 306].

В анкете от 17 февраля 1987 г., распространяемой среди участников клуба, чтобы определить интересы читателей, ставятся вопросы как органи-

зационные, так и ценностные, например, о творчестве тех поэтов, которые стали этапом в духовном развитии опрашиваемых. Это внимание к тому, как литература может менять жизнь человека, установка на преемственность — важные составляющие работы клуба.

Однако среди выступавших на вечерах клуба «Московское время» были далеко не только поэты, продолжающие классические традиции русской поэзии. На сохранившихся в архиве афишах видно, насколько широк спектр приглашаемых авторов. Об этом пишет и М. Айзенберг в своем эссе о «Московском времени»: «Благородство клубного устава проявилось и в заявленном чередовании (через раз) выступлений членов клуба и приглашенных авторов» [Айзенберг, 2005: 143].

Из афиш (к сожалению, не все они сохранились) мы узнаем, что вечера в кафе «Метелица» проходили в двух отделениях — собственно литературном и музыкальном. Авторы с афиш вечеров, где с поэтами выступали музыканты и барды, из «Метелицы» (проспект Калинина, 29): Сергей Гандлевский (стихи), Федор Конденко (гитара), Георгий Цветков (цыганские романсы) — 3 февраля 1987 г.; Александр Сопровский (стихи), Петр Панин (гитара) — 17 февраля; Юрий Карабчиевский (стихи, проза), Татьяна Мкрчян (песни) — 24 февраля; Михаил Айзенберг (стихи), Андрей Липский (песни) — февраль.

Вот авторы вечеров в музее архитектуры им. А.В. Щусева (проспект Калинина, 5): Дмитрий Веденяпин (стихи), Дмитрий Межевич (песни) — 14 марта 1987; Татьяна Полетаева (стихи и песни) — 27 марта 1987; литературный вечер «Пушкин и мы», Валентин Непомнящий — 3 апреля 1987 г.; Валерий Шленов (стихи), Василий Марач, Сергей Преображенский (стихи и песни) — 29 апреля 1987. Здесь к поэтам и бардам присоединился литературовед В. Непомнящий.

Афиши из ДК медработника (улица Герцена, 19): Т.И. Сухомлина (стихи, песни, воспоминания) — 19 декабря 1987; Всеволод Некрасов, Лев Рубинштейн — 16 января 1988; Бахыт Кенжеев — 26 марта 1988; вечер памяти писателя Владимира Кормера — 10 мая 1988. В программе мероприятий появляются воспоминания, мемориальные вечера: Кормера, Галича (афиша не сохранилась).

Во вступительной заметке к подборке «Московского времени» в газете «Советский цирк» упоминается сотрудничество клуба с Тимуром Кибировым [Советский цирк: 14].

Список выступавших в клубе широк — от традиционных поэтов до концептуалистов. Однако все, кто выступал в клубе «Московское время», — авторы неофициальные.

Единственные из мероприятий клуба «Московское время», о которых уже написано, — это первые вечера, посвященные памяти Галича. Сопровский был автором двух статей о Галиче: «Встать, чтобы драться, встать, чтобы смочь!» [Сопровский 1997: 197] и «Поэтика Александра Галича» [Сопровский: 253]. Воспользоваться политическими переменами перестройки, публично говорить о замалчиваемом в свое время в СССР критике режима Галича — принципиально важно для Сопровского, поэта и философа «самиздата» и «тамиздата». О первом в Советском Союзе вечере Галича

сохранились воспоминания: «По инициативе Сопровского и в основном его усилиями был сделан первый официальный вечер Александра Галича, очень массовый и успешный» [Айзенберг: 143]. Об этом вечере как о примере скромности Сопровского пишет Гандлевский: «Сделать много — и остаться незамеченным — это больше походило на Сопровского. <...> Я с трудом уговорил его не уходить вместе со мной после им же организованного вечера памяти Александра Галича» ([Гандлевский: 21]). Сам Сопровский рассказывал Кенжееву об организации этого вечера: «Думал ли я, например, что буду ходить по исполкомам и общаться с героями Галича, пробивая вечер памяти Галича в зале на 900 мест?.. Пока неясно, выйдет ли, никто не спешит брать на себя ответственность — но, что характерно, никто не хочет и запрещать, а частным порядком все партийные и советские чиновники хором твердят: любим, знаем, как замечательно. Вот какие времена» [Сопровский: 493–494].

Другой вечер описан в книге «Александр Галич. Полная биография» Михаила Аронова как яркое проявление новых времен, знаковое событие перестройки: «Чуть позже состоялся вечер в Доме медиков на Большой Никитской, где только что обосновался литературный клуб «Московское время». Руководитель этого клуба Александр Сопровский приложил максимум усилий для проведения вечера Галича» [Аронов: 846]. Приведены слова очевидца: «На моих глазах та же поэтическая галичевская бомба взорвалась и в 1988 году <...> Атмосфера была тоже соответствующая — торжественная, эмоциональная, наэлектризованная» [Аронов: 846].

Итоги работы клуба подведены в предисловии Сопровского к подборке «Московского времени» в газете «Советский цирк»:

«... В переходные годы клуб помог нам укрепить литературное общение, расширить аудиторию, найти новых единомышленников. <...>

Помимо авторских вечеров поэзии и прозы, клуб занимался распространением и пропагандой ценностей культуры. В стенах клуба прошли два пушкинских вечера⁴, многолюдная дискуссия почвенников и западников⁵. Гостями клуба были многие известные поэты, прозаики, барды, философы, экономисты, публицисты. Писатели и читатели собирались поговорить о судьбах страны, обо всем, что волнует наших современников. По инициативе и при непосредственном участии руководства клуба в июне 1987 года в Москве был подготовлен и проведен первый посмертный публичный вечер

⁴ Вот как вспоминает один из двух пушкинских вечеров присутствовавшая на нем Т. Полетаева: «Во время обсуждения один молодой человек встал с места и высказался против излагаемых докладчиками мыслей о наследии поэта. Из зала послышались голоса: «Да кто его спрашивает? Кто это такой? Пусть назовется». «Я бы не хотел. У меня очень громкая фамилия», — отвечал незнакомец. Все стали требовать, чтобы его вывели из зала. «Никого выгонять не надо, у нас каждый имеет право на свое мнение», — сказал тогда Сопровский (он был председателем клуба). Чуть позже выяснилось, что не понравившийся гость был прапраправнуком Пушкина. «Хорош бы я был, если бы послушался всех и выгнал самого Пушкина», — сказал мне Саша» [Полетаева, 2013: 156].

⁵ Обсуждение доклада Сопровского, который стал материалом для его статьи «Privacy и соборность» [Сопровский, 2008: 380].

Александра Галича. Открылась возможность навестить Родину у наших старых товарищей. Праздником для нас стали выступления в клубе Бахыта Кенжеева и Алексея Цветкова.

Клуб просуществовал два года. К весне 1989 стоявшие перед ним задачи оказались выполненными. Положение дел в литературе продолжало меняться к лучшему. <...> Появилась возможность публиковаться в печати, в том числе и для наших “американцев”. Стало доступнее общение с читателем, участие в общественной и культурной жизни страны» [Советский цирк: 14].

Клуб собирал вокруг себя самых ярких представителей поэтического андеграунда разных направлений, туда приходили филологи и философы (кроме уже упомянутого Валентина Непомнящего назовем, например, Григория Померанца). В отличие от клуба «Поэзия» с его эстрадностью, эпатажем, громкими выступлениями на большие залы, клуб Сопровского продолжал другие литературные традиции: Серебряного века, где разные течения пересекались и взаимодействовали между собой, включая академическую науку и философию.

Основные задачи клуба — выведение неофициальной литературы (в будущем известных поэтов, ставших лауреатами многочисленных премий, — не только участников группы «Московское время», но и представителей других направлений) из подполья на широкую публику, открытое обсуждение ранее замалчиваемых вопросов — по мнению Сопровского, были выполнены (установка на актуальность всегда была важна для поэтов «Московского времени»). Клуб был коммерчески жизнеспособен, занимая помещения в самом центре Москвы. Для Сопровского не был важен коммерческий успех, он познакомил широкую публику поэзией андеграунда и после закрытия клуба делал политические обзоры для Би-Би-Си (передачи не сохранились), писал статьи, программу для Христианско-демократического союза России, переключился на политику: еще более серьезные изменения в жизни страны привлекли его внимание (опубликован его дневник 1990 г.: [Сопровский, 2010]). Клуб был последним большим проектом Сопровского, погибшего в декабре 1990 г.

Об окончании работы клуба 17 июня 1989 г. свидетельствует запись в трудовой книжке последнего формального руководителя клуба Т. Полетаевой (она худрук по образованию, реальным же руководителем, председателем клуба всегда был Сопровский). Дата эта названа в интервью Б. Кутенкову [Кутенков, Полетаева, 2012]. Определяя хронологические рамки существования группы, А. Бокарев ссылается на интервью Полетаевой Б. Кутенкову: эту дату он называет датой «распада» «Московского времени» [Бокарев: 6]. Это неточно, потому что те же участники группы под общим названием «Московское время» выступали вне клуба и после его закрытия (вечера группы «Московское время» проходили: в Центральном доме актера в мастерской Юрского 20 апреля 1987; большой аудитории Политехнического музея 19 июня 1997; «Булгаковском доме» в декабре 2006; клубе «ОГИ» 4 марта 2008). Участники «Московского времени» собираются до сих пор,

хотя живут в разных странах; например, в июне 2018 г. на Международном фестивале поэзии Б. Кенжеев (Нью-Йорк), А. Цветков (Израиль), Т. Полетаева (Москва), В. Дмитриев (Санкт-Петербург) выступали как группа. Одна из секций фестиваля была посвящена «Московскому времени».

Список литературы

1. *Айзенберг М.* Минус тридцать по московскому времени // Знамя. 2005. № 8. С. 137–143.
2. *Аронов М.* Александр Галич: полная биография. М., 2012.
3. *Гандлевский С.* Эссе, статьи, рецензии. М., 2012.
4. *Бокарев А.С.* Поэтика литературной группы «Московское время» в контексте русской лирики 1970–1980-х годов. Ярославль, 2016.
5. История русской литературы XX — начала XXI века: учебник для вузов. Ч. III. 1991–2010 годы/Сост. и науч. ред. проф. В.И. Коровин. М., 2014.
6. *Кутенков Б., Полетаева Т.* Вопреки всему и всем [интервью с Татьяной Полетаевой] // Homo Legens. 2012. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/homo_legens/2016/4/vopreki-vseму-i-vsem-pr.html (дата обращения: 14.04.2019).
7. «Московское время». Предисловия к выпускам антологии молодой поэзии «Московское время» (1-й, 2-й, 3-й выпуски; 1975). Публикация Е. Полетаевой // Новое литературное обозрение. 2018. № 5 (153).
8. *Полетаева Е.* Предисловия к выпускам антологии «Московское время» как манифесты // Новое литературное обозрение. 2018. № 5 (153).
9. *Полетаева Т.* Жили поэты // Знамя. 2013. № 3. С. 141–176.
10. Положение «О любительском объединении, клубе по интересам». Иск. ВЦСПС 13.05.86. 2-я типография Профиздата.
11. Самиздат века. Минск; М., 1997.
12. Стихи и судьбы: Московское время // Советский Цирк. 16 ноября 1989. № 46 (246). С. 14–15.
13. *Сопровский А.* Дневник 1986 г., синий блокнот. Архив А. Сопровского — Т. Полетаевой.
14. *Сопровский А.* Дневник // Новый Мир. № 12. 2010.
15. *Сопровский А.* «О тактике художника». Архив А. Сопровского — Т. Полетаевой.
16. *Сопровский А.* Правота поэта. М., 1997.
17. *Сопровский А.* Признание в любви. М., 2008.
18. *Сопровский А.* Смета литературного клуба «Московское время». Архив А. Сопровского — Т. Полетаевой.
19. *Сопровский А.* «Собранию московского клуба поэтов». Архив А. Сопровского — Т. Полетаевой.
20. Устав литературного клуба «Московское время». Архив А. Сопровского — Т. Полетаевой.
21. Учетная карточка руководителя. Архив А. Сопровского — Т. Полетаевой.

THE MOSCOW TIME LITERARY CLUB

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses the role of The Moscow Time Literary Club (1987–1989) in the literary process during perestroika. The founder, A. Soprovsky, used to be a member of the Poetry Literary Club, which was organized as soon as the political situation in the Soviet Union had changed. However, he criticized it for entertainment orientation and lack of discipline. As a result, he founded his own literary club, The Moscow Time. The club was named after the The Moscow Time Literary Group, which was formed in 1974 by A. Soprovsky, S. Gandlevsky, B. Kenjeev, and A. Tsvetkov. The principles of the group were adopted by the club: to cherish the traditions of Russian literary classics, to stay current, and to be non-conformist. The authors ranged from traditional poets to conceptualists. The article is based on the archive materials of A. Soprovsky — T. Poletaeva: unpublished diaries, Director Enrolment Form, articles of association, balance sheet, posters. A. Soprovsky took the advantage of changing the club's policy, wishing to present to the public a literature that was uncensored and remained underground. The article addresses the question of the time frame of The Moscow Time poetical group. The group can be considered to be still alive.

Key words: The Moscow Time Literary Club; A. Soprovsky; unofficial literature; uncensored literature; perestroika; independent literary clubs.

About the author: *Ekaterina Poletaeva* — PhD Student, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mil: epaterina@gmail.com).

References

1. Ajzenberg M. Minus tridcat' po moskovskomu vremeni [Minus thirty Moscow time]. *Znamja*, 2005, № 8, pp. 137–143. (In Russ.)
2. Aronov M. Aleksandr Galich: polnaja biografija [Aleksandr Galich: the full biography]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2012. 873 p. (In Russ.)
3. Gandlevskij S. Esse, stat'i, recenzii [Essays, articles, reviews]. Moscow, *Astrel' Publ.*, 2012. 509 p. (In Russ.)
4. Bokarev A.S. Pojetika literaturnoj gruppy "Moskovskoe vremja" v kontekste russkoj liriki 1970–1980-h godov [Poetics of the literary group "The Moscow time" in the context of Russian lyrics of the 1970's-1980's]. Jaroslavl', 2016. 183 p. (In Russ.)
5. Istorija russkoj literatury XX — nachala XXI veka: uchebnik dlja vuzov v 3-h chastjah s jelektronnym prilozheniem. Chast' III. 1991–2010 gody. Sost. i nauch. red. prof. V.I. Korovin [History of Russian literature 19th — early

- 21st century: textbook for universities in 3 parts with electronic application. part III. 1991–2010 years. Editorship of professor V.I. Korovin.]. Moscow, *Vlados Publ.*, 2014. 288 p. (In Russ.)
6. Kutenkov B., Poletaeva T. Vopreki vsemu i vsem (interv’ju s Tat’janoj Poletaevoj). [“In spite of everything and everyone”, (interview with Tatiana Poletaeva)] *Homo Legens*. 2012. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/homo_legens/2016/4/vopreki-vsemu-i-vsem-pr.html (In Russ.)
 7. «Moskovskoe vremja». Predislovija k vypuskam antologii molodoj poezii «Moskovskoe vremja» (1-j, 2-j, 3-j vypuski; 1975). [Preface to the anthology of young poetry “The Moscow time”] *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018, № 5 (153), pp. 305–311. (In Russ.)
 8. Poletaeva T. Zhili poety. [Poets lived] *Znamja*, 2013. №, pp. 141–176. (In Russ.)
 9. Poletaeva E. Predislovija k vypuskam antologii “Moskovskoe vremja” kak manifesty [Preface to the anthology “Moscow time” as a manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2018. № 5 (153), pp. 300–304.
 10. Polozhenie “O ljubitel’skom ob”edinenii, klube po interesam”. [Regulations “about amateur association, club on interests”] 13.05.86. 2nd printing house of Profizdat.
 11. Samizdat veka [Samizdat of the century], Minsk; Moscow, *Polifact Publ.*, 1997, 1192 p. (In Russ.)
 12. Stihi i sud’by: Moskovskoe vremja [The verses and fate: The Moscow time]. *Sovetskij Cirk*. 16th november 1989, № 46 (246), pp. 14–15. (In Russ.)
 13. Soprovskij A. Dnevnik 1986 g. [A diary, 1986]. Archive of A. Soprovsky — T. Poletaeva.
 14. Soprovskij A. Dnevnik. [A diary] *Novyj Mir*, 2010, № 12, pp.141–152.
 15. Soprovskij A. O taktike hudozhnika. [About the artist’s tactics] Archive of A. Soprovsky — T. Poletaeva.
 16. Soprovskij A. Pravota poeta. [The truth of the poet] Moscow, *Vash vybor Publ.*, 1997. 237 p. (In Russ.)
 17. Soprovskij A. Priznanie v ljubvi. [Declaration of love] Moscow, *Letnij sad Publ.*, 2008. 640 p. (In Russ.)
 18. Soprovskij A. Smeta literaturnogo kluba “Moskovskoe vremja”. [Estimates of the literary club “Moscow time”] Archive of A. Soprovsky — T. Poletaeva.
 19. Soprovskij A. Sobraniju moskovskogo kluba pojetov. [To the Moscow club of poets] Archive of A. Soprovsky — T. Poletaeva.
 20. Ustav literaturnogo kluba “Moskovskoe vremja”. [The Charter of the literary club “Moscow time”] Archive of A. Soprovsky — T. Poletaeva.
 21. Uchetnaja kartochka rukovoditelja. [Registration card of the director] Archive of A. Soprovsky — T. Poletaeva.

РЕЦЕНЗИИ

О.В. Мякшева

**Рецензия на кн.: ВСЕВОЛОДОВА М.В.,
ВИНОГРАДОВА Е.Н., ЧАПЛЫГИНА Т.Е.
РУССКИЕ ПРЕДЛОГИ И СРЕДСТВА
ПРЕДЛОЖНОГО ТИПА. МАТЕРИАЛЫ К
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКОМУ
ОПИСАНИЮ РЕАЛЬНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ.
КН. 2: РЕЕСТР РУССКИХ ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ А–В
(ОБЪЕКТИВНАЯ ГРАММАТИКА) /
Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: УРСС, 2018. 800 с.**

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83*

В рецензируемом словаре зафиксирован реально существующий в речи набор единиц определенного функционального назначения (средства предложного типа) и сделана попытка обнаружить сложные процессы семантических движений из знаменательности в неполнознаменательность с различной степенью сохранения их самостоятельности. Выявленные признаки предлога и средств предложного типа, в грамматике, по мнению авторов, не фиксируемые (стилистическая, просодические и фонетические характеристики; морфосинтаксический тип; языковой статус; парадигматика, грамматическая и текстовая; варианты; системные отношения в языке, например синонимия, антонимия; особенности отражения в словарях и т.д.), позволяют авторам предложить многоаспектный анализ функционирования избранных для изучения единиц и выйти далеко за пределы узаконенного авторитетами взгляда на их языковой статус.

Представленный в словаре реестр русских предложных единиц базируется на колоссальном объеме исследованного речевого материала: переведенных на русский язык трудах величайших ученых и мыслителей (А. Вежбицка, М. Коттрелл, С. Крамер, А. Дж. Тойнби и многих других), материалах НКРЯ, Интернете, газетно-журнальной периодике, причем не только центральной, но и региональной («Правда», «Вокруг света», «Известия», «Вечерняя Москва», «Новгородские ведомости», «Свободный Сахалин», «Томская неделя» и т.д.). В качестве «языковой альтернативы» привлекаются самые авторитетные толковые словари (В.И. Даля; Д.Н. Ушакова, МАС, БАС, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) и столь же авторитетные грамматики.

Мякшева Ольга Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (e-mail: myakshev@mail.ru).

Словарь также содержит ценнейший материал исследования для таких областей лингвистики, как функциональная стилистика, нормативная грамматика, орфография, в нем содержатся многочисленные примеры, демонстрирующие выразительные ресурсы русского языка, варианты владения языком в аспекте уровней речевой культуры его носителей.

Ключевые слова: предлоги и средства предложного типа; атрибуции; объективная грамматика.

Большинство современных словарей являются нормативными, предлагаемый вниманию — «Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц А–В (объективная грамматика)» — выполнен в русле лингвистических концепций создания не только нормативной, но и объективной грамматики, которая пытается фиксировать реально существующий в речи набор единиц определенного функционального назначения и позволяет обнаружить сложные процессы семантических движений из знаменательности в неполнознаменательность с различной степенью сохранения их самостоятельности. Авторы словаря задались целью выяснить, как работает язык, как строится высказывание для решения коммуникативных задач, чем продиктованы возможности и условия выбора определенных знаков из арсенала языковых средств и их комбинирования. И то, что представлено в словаре, — результат этой титанической работы.

Книга представляет несомненную ценность во многих аспектах, назовем наиболее, на наш взгляд, важные.

1. В словаре предлагается реестр семантически, грамматически, коммуникативно и т.д. охарактеризованных языковых единиц — предлогов или сочетаний слов/словоформ, функционирующих в речи в роли предложных. Данные единицы, представленные в алфавитном порядке по заголовочному слову (от А до В), охарактеризованы с точки зрения семантики, типов обозначаемых ими логических отношений (временные, пространственные, реляционные), актантных и предикативных ролей, с последующей детализацией, например: **адекватно** чему, **адекватно к** кому-чему, **адекватно с₁** кем-чем (*Действовать адекватно с обстоятельствами*) — реляционные: соответствия; **адекватно с₂** кем-чем (*Понимать словарь адекватно с автором*) — реляционные: сходства, тождества, с. 13–15; **в предвкушении** чего — статив (интеллектуальное состояние), с. 302, и рассматриваются в аспекте признаков, по мнению авторов, «в грамматике не фиксируемых» (с. 4). Выявленные признаки предлога даны в атрибуции, состоящей из 15 пунктов (стилистическая, просодические и фонетические характеристики; морфосинтаксический тип; языковой статус; парадигматика, причем грамматическая и текстовая; варианты; системные отношения в языке, например синонимия, антонимия; особенности отражения в словарях и т.д.). Многоаспектное исследование функционирования избранных для изучения единиц, детальный анализ их связей в контексте, безупречная логика вынуждают авторов выходить далеко за пределы узаконенного авторитетами взгляда на их языковой статус (см. на с. 158 и далее предлож-

ные единицы **в далеке** кого-чего, **в даль** чего, **в дело** чего, **в диапазоне** до и многое другое). Авторы словаря «несут волны» реального речевого потока, и это не разрешает им останавливаться в случае возникновения на пути препятствия, трактуемого нормативными грамматиками как «неправильная» или «правильная» языковая единица (в соответствии с последней мы должны строить, но реально далеко не всегда строим свою речь). Речевой, функционально-коммуникативный «статус» этих единиц (зафиксированные в словарях и грамматиках предлоги и средства предложного типа, отвечающие атрибуции) позволяют авторам быть свободными от «обязательств» перед языком и значительно расширить круг предложных единиц, причём увеличивая их число в связи с учетом ближайшего окружения, например: **в тон** чего (платья) — некодифицированный; **в тон кому-чему** (платью); **в тон к чему к** (платью); **в тон под что под** (платье); **в тон с чем с** платьем — общелитературные (с. 562–565). В то же время учет пунктов атрибуции (15!) заставляют авторов двигаться в узком коридоре ими же выбранного пути, поскольку классифицируются эти единицы исходя из нюансов значения, грамматического облика и типичности окружения.

2. Представленный в словаре реестр русских предложных единиц базируется на колоссальном объеме исследованного речевого материала: переведенных на русский язык трудов величайших ученых и мыслителей (А. Вежбицка, М. Коттрелл, С. Крамер, А. Дж. Тойнби и многих других), материалах НКРЯ, Интернете, газетно-журнальной периодике, предполагаю, намеренно не только центральной, но и региональной («Правда», «Вокруг света», «Известия», «Вечерняя Москва», «Новгородские ведомости», «Свободный Сахалин», «Томская неделя» и т.д.). Каждая предложная единица иллюстрируется примерами из этих источников, и количество примеров нередко достигает половины страницы. Такой объем и убеждает, и дает почву для дальнейших размышлений. А малое количество примеров, вероятно, показывает слабую речевую активность анализируемой единицы. В качестве «языковой альтернативы» привлекаются самые авторитетные толковые словари (В.И. Даля; Д.Н. Ушакова, МАС, БАС, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) и столь же авторитетные грамматики.

Многоликая речевая реальность, которая обнаруживает себя в многочисленных примерах, позволяет авторам фиксировать стилистический статус предлогов и их речевых эквивалентов: общерусский, общелитературный, деловой, юридический, технический, устаревший, церковно-книжный, разговорный, некодифицированный и т.д., что убедительно демонстрирует «жизнь» языка в речевом движении, см.: **в пример** кому — устаревший *Думала: в чем смысл трагического происшествия под названием «внезапная смерть»...? Зачем это господу? Неужто лишь в пример и назидание прочим?* (Б. Акунин), с. 311; **в притык** кого-чего — некодифицированный *Огорчили постройки домов и избышек **впритык** стены и даже на самой стене* (Интернет), с. 312; **в обнимку** с кем-чем — общерусский *Федот ходил в обнимку с Захаром* (Караваева, МАС), с. 238; **в обличение** кому — церковно-книжный *В краткую минуту умиления <...> написал я это в обличение себе, в увещевание, напоминание, наставление* (Свт. Игнатий Бренчанинов), с. 236; **в размер**, кого-чего — специальный, технический *Резка и подрезка картона и бумаги в*

размер заказчика и т.д. Авторы уважительно, а не запретительно относятся к существованию в речи «неправильных» (грамматически, орфографически и т.д.) вариантов (см.: **в течении** — некодифицированный, орфографически ненормативный вариант **предлога**, с. 561; **в притык** чем — орфографический вариант **впритык** чем, с. 312, и под.). Для них материалом исследовательского интереса является всё обширное пространство русской речи, причём и нескольких ушедших от нас веков, и современной. Проникновение в механизмы работы её важнейших единиц даёт авторам возможность заявить и такие статусы средств предложного типа, как системный (**в противку** кому-чему — системный, некодифицированный, с. 318) и потенциальный (см.: **адекватно** чего, с. 12; **в течение больше, нежели** <...> до, с. 457; **в течение больше, нежели** <...> перед, с. 458).

3. Авторы словаря, убежденно и убедительно отстаивая саму концепцию его создания, с заметным трепетом ждут суда читателей и открыты для дискуссий, даже при условии понижения ранга своего детища: «это еще не собственно словарь, а материалы, которые требуют активной работы и интерпретации целой плеядой лингвистов» (с. 3). И сами учёные показывают пример того, как можно отказаться от своих же утверждений, если логика дальнейших собственных размышлений перестает их подтверждать: «В книге 2014 года мы назвали это фразеологизацией, но это грамматикализация» (с. 4).

4. Актуальность и насущная необходимость исследования доказывается его перспективностью. Например, как указывалось выше, одним из пунктов в атрибуции даётся стилистическая характеристика предложной единицы, чаще общая (общерусская, общелитературная), иногда более узкая, см., например: **без цели** — специальный юридический *Квалифицированные виды угона или иных транспортных средств без цели хищения* (Интернет), с. 33–34; **в противоход** кому-чему — технический, спортивный *Хазов, в противоход вратарю нанёс мощнейший удар в ближнюю «шестёрку»* (Интернет), с. 337; **в процветание** кого-чего — высокий, книжный *В шумерских мифах наставление и совет родителей во благо и процветание детей является общепринятым и типичным* (С. Крамер/А. Милосердова), с. 339. Указанная в словаре стилистическая характеристика вполне может быть конкретизирована, иногда изменена и дополнена учёными, исследующими язык в функционально-стилевом аспекте (нередко даже приводимые в конце словарной статьи примеры могут быть достаточными для такой конкретизации).

Соглашаясь во многом со стилистическими пометами, не могу не отметить как малоубедительные, например, такие сочетания характеристик: *специальный, общелитературный* для предложной единицы **в диапазоне до**, пример: *Компакторы массы в диапазоне взвешивания до 3000 кг.* (Интернет), с. 163; общерусский, нейтральный для единицы **благодаря** кому-чему, пример: *Набег на Москву удался исключительно благодаря фактору внезапности и неподготовленности* *Дмитрия Донского к удару со стороны естественного союзника* (Л. Гумилёв), с. 38; общерусский, разговорный — **вдобавок к** кому-чему, пример: *Вдобавок к платным дорогам, появятся платные шлюзы и каналы* (Интернет), с. 606; общелитературный, публицистический, дело-

вой — **в вопросах** чего, пример: *Есть депутаты, которые компетентны в вопросах деятельности профсоюзов и общественных организаций* (Корпус), с. 122–123, и некоторые другие.

Максимально широкий взгляд на реальное функционирование анализируемых единиц, который отражается и в диапазоне проанализированного материала, и в подробных иллюстрациях примерами, позволяет также увидеть зависимость их употребления от носителей, например, обладателей полнофункциональной (элитарной) речевой культурой (переводные источники выдающихся мыслителей) или рядовых пользователей Интернета.

Активно обсуждаемая современными лингвистами проблема нормы также может найти в словаре своё убедительное разрешение. Как очевидно после изучения материалов словаря, для современной речевой ситуации *норма* не должна рассматриваться как одинаковое для всех стилей, форм и видов речи понятие. Норма строго дифференцирована и в аспекте функциональных стилей, и в аспекте форм речи (устная/письменная), и с точки зрения степени официальности/непринуждённости, и, наконец, с точки зрения уровня речевой культуры говорящего/пишущего и слушающего/читающего. В качестве иллюстрации приведу два примера. Хорошо известно требование составителей документации ВАК употреблять при существительном *Отзыв* предлог *НА*, а не нормативный для литературного языка предлог *О*, которое большинством оппонентов, высококлассных специалистов, выполняется. Второй пример лежит в плоскости возможной критики некоторых положений словаря, хотя здесь скорее столкнулись мнения разных носителей языка. По мнению авторов, предлоги типа **а-ля**, **апропо**, **версус** и подобные — общелитературные, однако, на наш взгляд, они по стилистической окраске «элитарности» явно не соответствуют большинству данных в словаре общелитературных типа: **в обоснование** чего (с. 238), **в обстановке** чего (с. 239), **близко к** чему (с. 46), **в разгар** чего (с. 342) и т.д.

Поскольку среди характеристик предложных единиц в словарных статьях авторы фиксируют их графические варианты (кодифицированные или нет), словарь содержит богатейший материал для анализа тенденций в современной орфографии.

Словарь может стать настольной книгой для изучающих выразительные ресурсы русской речи, специалистов в области риторики, см. например, перечень синонимов к предложной единице **в правление**: **в царствование**, **в эпоху**, **во времена**, **при ком**, с. 300, или **в противоположность**: **в контраст**, **в противовес**, **в отличие от**, с. 324 и многие другие.

В заключение хотелось бы сказать, что книга «Русские предлоги и средства предложного типа» не просто словарь, а демонстрация динамической, функциональной модели, вскрывающей механизмы работы русской речи. Выход в свет такого словаря позволяет получить полное представление о современной речевой реальности и, что не менее важно, вооружает знанием о способах работы с речевым материалом, базирующихся на внимании к целому комплексу характеристик (атрибуций). Читателям остается с нетерпением ждать выхода новых книг этого многотомного энциклопедического труда.

Olga Myaksheva

**Book review: VSEVOLODOVA M.V.,
VINOGRADOVA E.N., CHAPLYGINA T.E.
RUSSIAN PREPOSITIONS AND MEANS OF PREPOSITIONAL
TYPE. MATERIALS FOR THE FUNCTIONAL
AND GRAMMATICAL DESCRIPTION OF REAL USE.
BOOK 2: REGISTER OF RUSSIAN PREPOSITIONAL
UNITS A–B (OBJECTIVE GRAMMAR) / Under the general editorship
of M.V. Vsevolodova. Moscow: URSS, 2018. 800 p.**

*Chernyshevsky Saratov National Research University
83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012*

The dictionary under review presents means of prepositional type, or a set of units of a certain functional purpose that actually exist in speech. An attempt is made to discover complex processes of semantic movements from significance to incomplete significance with varying degrees of their independence preservation. According to the authors, the revealed features of the preposition and the means of prepositional type, which are not found in grammar (stylistic, prosodic and phonetic characteristics; morphosyntactic type; language status; paradigmatic, grammatical and textual; variants; systemic relations in language, for example synonymy, antonymy; features of reflection in dictionaries, etc.), enable them to offer a multifaceted analysis of the units functions. The register of Russian prepositional units presented in the dictionary is based on a plethora of speech materials: works of prolific scholars and thinkers (A. Wierzbicka, M. Cotterell, S. Kramer, A.J. Toynbee, and many others), materials of the Russian National Corpus, the Internet, central and regional newspapers and magazines, including Pravda, Vokrug Sveta, Izvestiya, Vechernyaya Moskva, Novgorodskiy Vedomosti, Svobodny Sakhalin, Tomskaya Nedelya. The authors use most authoritative grammars and explanatory dictionaries, including The Dahl Dictionary, The Ushakov Dictionary, The Ozhegov and Shvedova Dictionary, The Dictionary of the Russian Language in Four Volumes (MAS), The Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language (BAS). The dictionary is valuable for researchers of functional stylistics, normative grammar and orthography.

Key words: prepositions and means of prepositional type; attributions; objective grammar.

About the author: *Olga Myaksheva* — Prof. Dr., Chernyshevsky Saratov National Research University (e-mail: myakshev@mail.ru).

И.В. Козлик

**Рецензия на кн.: ФРИЗМАН ЛЕОНИД.
В КРУГАХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ. МЕМУАРНЫЕ ОЧЕРКИ.
2-е изд., испр. и доп. М.; СПб: Нестор-История, 2017. 379 с.**

*Прикарпатский национальный университет им. Василия Стефаника
Ивано-Франковск, ул. Шевченко, 57, 76018, Украина*

В рецензии анализируется второе издание книги, характеризуется история ее создания в контексте творческих практик автора и аналогичных опытов российских и украинских литературоведов, ее содержание, концепция, персонажный состав, стиль, архитектоника, иллюстративная составляющая. Основное внимание уделено исправлениям и дополнениям, которые автор внес во второе издание. Анализ учитывает имеющийся критический опыт восприятия в России первого издания мемуаров.

Ключевые слова: мемуары; литературоведение; русистика; история литературоведения; Л.Г. Фризмман.

Уже первое, украинское, издание [Фризмман, 2017], тираж которого мгновенно разошелся, вызвало положительный отклик в московском «НЛО» [Глушаков, 2017].

Творческая история мемуаров Фризмана не исчерпывается упомянутыми самим автором случаями его участия в юбилейных сборниках коллег. Здесь стоит учитывать более широкий контекст, что заметил в своей рецензии на первое издание С.И. Кормилов, когда соотнес по степени критичности воспоминания «В кругах литературоведов» с воспоминаниями В.Е. Хализева [Кормилов, 2018]. Уместно вспомнить издание избранных статей Фризмана «Предварительные итоги» (Харьков, 2005), приуроченное к его 70-летию юбилею, где статьям «Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов» и «Ирония истории» предшествуют вступительные замечания автора, рассказывающие об условиях их написания и первых публикаций. Думаю, появление таких предысторий связано и с тем, что Фризмман знал изданную тремя годами ранее в Ивано-Франковске книгу М.В. Теплинского [Теплинский, 2002], в которой после каждой из 15 републикаций статей поданы воспоминания об истории их написания. Все это взято вместе и способствовало движению Фризмана к сборнику мемуарных очерков.

Второе — уже зарубежное — издание воспоминаний Фризмана, появившееся спустя полгода в российском издательстве «Нестор-История», имеет свои отличия, не исчерпывающиеся увеличением объема и тиража, а за-

Козлик Игорь Владимирович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и сравнительного литературоведения Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника (e-mail: ihozlyk@pu.if.ua).

трагивающие состав книги, круг ведущих персонажей, ее композиционный строй и оформление.

Дополнения и переработка затронули уже иллюстративную часть мемуарной книги Фризмана, увеличившуюся до 69-ти рассредоточенных по всему тексту черно-белых иллюстраций (портреты людей, коллективные фотографии, репродукции обложек изданий, сцен из театральных постановок).

Открывается российское издание «В кругах литературоведов» эпиграфом — цитатой из дневника Толстого: *«Напрашивается то, чтобы писать без всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что чувствуешь»*. Этот текст перекликается с двукратным цитированием пушкинской строки: «Мы близимся к началу своему...», которой начинается посвященный В.Э. Вацуро очерк «Кандидат, превзошедший академиков» и заканчивается посвященный Д.Д. Благому очерк «Ученый, редактор, личность». В контексте появившегося во втором издании эпиграфа из дневниковой записи, сделанной Толстым в конце жизни, этот повтор выражает авторскую установку на максимальную полноту, честность и ясность высказывания, стремление автора на завершающем этапе своего жизненного пути до конца (чтобы не оставалось повода и места для неопределенности, домыслов и кривотолков) выговориться в рассказе об опыте своего бытия в профессии. Читатель видит синтез самоотчета, исповеди и завещания, что только подтвердилось сакральным (а уход, как и приход в этот мир, всегда сакральны) событием полдня 27 июня 2018 г. в Харькове¹.

В тексте «От автора» предельно лаконично (даже конспективно) изложены причина и мотивы обращения автора к мемуарному жанру, описано построение книги как сборника самостоятельных очерков, характеризуются герои мемуаров. Возникает впечатление, что автор торопится, как можно быстрее, перейти к сути дела, к собственно воспоминаниям.

Начинается основная часть второго издания отсутствующим в первом издании текстом под названием «Вместо введения». Это мемуарный очерк, посвященный началу жизненного пути, впечатлениям детства и юности. Здесь повествуется о родителях и атмосфере в семье, о жизни в эвакуации и возвращении в освобожденный от гитлеровцев Харьков, о советском послевоенном государственном антисемитизме, о ближайшем круге общения, который с молодых лет «на протяжении нескольких десятилетий <...> составляли не литературоведы, а математики и теорфизики <...> с достаточно известными именами» (с. 9). Именно от них Фризман перенимал присущие представителям точных наук навыки дисциплины мышления, в частности, «установку на системность любого анализа» (с. 10), стремление к точности и конкретности мысли, внимание к количественной стороне изучаемого явления («тяга связывать своеобразие поэта с количественным показателем его словаря»). Это, в свою очередь, привело к глубокому пониманию того, что литературоведение должно развиваться в сфере междисциплинарного взаимодействия. Именно на этой основе у литературоведа Л.Г. Фризмана и у теорфизика В.М. Кошкина родилась идея создания новой науки — «литературометрии, существом которой было бы применение к изучению литературы статистических методов» (там же; еще раз попутно появившись

¹ В это время и в этом месте скончался Л.Г. Фризман.

в очерке «Г.В. Краснов: мелочи из запасов моей памяти», этот сюжет пространно развернулся в посвященном М.Л. Гаспарову очерке «Обманчивый коллега»).

Кроме очерка «Вместо введения», Фризман включил в основной состав второго издания девять новых текстов: «Притупленное жало Овода», «Две встречи с Грибоедовым», «“Аз и Я” и я», «В кругу лермонтоведов», «В мире бардов», «Дорогие мои томичи», «Янковский и Бурого», «Дружба с Дружниковым» и «О писательской критике и Иване Франко». Из них очерк «Янковский и Бурого» заменил присутствовавший в первом издании текст под названием «Конференции», оставив из него для российского читателя в расширенном и доработанном виде то, что связано с личностями Ю.З. Янковского и С.Б. Бурого, превратившихся из персонажей повествования в его главных героев.

В очерке «О писательской критике и Иване Франко», в отличие от других текстов книги, не только рассказывается о движении автора к изучению писательской критики «как особого эстетического феномена» (с. 352) вообще и на материале литературно-критического наследия украинского классика в частности, но содержится анонс уже сделанной новой (и оказавшейся последней в жизни Л.Г. Фризмана завершенной) большой работы — монографического исследования о Франко-критике. То, что очерк о Франко в большой степени текстуально совпадает со вступительной главой «Беседа автора с читателем» вышедшей в 2017 г. (еще до второго издания мемуаров «В кругах литературоведов») русскоязычной монографии «Иван Франко: взгляд на литературу», свидетельствует о стремлении возбудить в российской читательской аудитории интерес к этому своему труду и к украинскому писателю, который, принадлежа Украине, является «уникальным явлением в мировой литературе» (с. 359). К многоликой и неоднородной российской аудитории относятся слова Фризмана: «Пусть книги о нем, выходящие на всех языках мира, будут подтверждением этого факта» [Фризман, 2017: 23] вхождения творческого наследия украинского писателя в сокровищницу мировой культуры. Эти слова не расхожая книжная риторика, а глубокое личное убеждение, которое автор стремится передать своему читателю, где бы тот ни находился.

В очерк «Твардовский, Буртин и другие» была сделана большая (в 11,5 стр.) вставка о поэмах Твардовского «Теркин на том свете» и «По праву памяти» (в аспекте темы Сталина в творчестве поэта). Очерк «Марк Черняков: портрет без ретуши», увеличив почти вдвое свой объем, трансформировался в текст под названием «Служили два товарища», где наряду с прежним героем, М.В. Черняковым, выведен еще один герой — его товарищ и коллега по кафедре истории русской литературы Харьковского университета М.Г. Зельдович.

Жанровый облик составляющих мемуарную книгу Фризмана очерков образуют эссе нескольких видов: 1) обычные воспоминания без привлечения иножанровых компонентов (например, «Вместо введения»); 2) воспоминания с обширной публикацией писем (большинство очерков); 3) воспоминания с публикацией переписки, включающие творческий портрет конкретного ученого (типа «Ученый, редактор, личность»), или характеристику сделанного им в науке («Норвежский исследователь русской литера-

туры»), или очерк его творческого пути (например, «Рыцарь литературной науки»); 4) воспоминания с публикацией переписки, включающие научную статью («Твардовский, Буртин и другие» либо «Обманчивый коллега») или рецензию на книгу («“Аз и Я” и я», «Б.Ф. глазами Л.Г.»); 5) научная статья с элементами воспоминаний («Притупленное жало Овода» об искажениях перевода на русский язык известного романа Э.Л. Войнич); 6) рецензия на театральные постановки («Две встречи с Грибоедовым»); 7) публицистическая статья («Наука и нравы»).

Увеличение числа основных персонажей до 67-ми (новыми героями выступили М.Г. Альтшуллер, Е.Н. Дрыжакова, Ю.И. Дружников, А.А. Жук, М.Г. Зельдович, Ф.З. Канунова, О.Б. Кафанова, С.И. Кормилов, А.В. Кулагин, О.Б. Лебедева, Ю.Д. Левин, В.А. Мануйлов, Б.Л. Милавский, Б.М. Сарнов, О. Сулейменов, Е.А. Тахо-Годи, Б.Т. Удодов и А.С. Янушкевич) не изменило изначальную идейно-концептуальную направленность повествования, а только обогатило его новыми сюжетами.

Несмотря на авторское определение жанра своей работы как сборника произвольно расположенных самостоятельных очерков, книга «В кругах литературоведов» обладает целостностью. Единство внутреннего мира Фризмана обеспечивает прежде всего образ автора и его система ценностей. К книге Фризмана полностью приложимы слова, которые он высказал в адрес моей книги «Профессия сквозь призму человечности» (Ивано-Франковск, 2016; см. о ней: [Ботнаренко, 2017: 390–391; Михайлова, 2018: 280–284]), во многом перекликающейся с его собственными мемуарными опытами. 16 октября 2016 г. Леонид Генрихович писал мне: «Дорогой Игорь! Когда в 2005 г. я выпустил книгу о С.А. Рейсере, Марк <Теплинский> мне написал: “Такая книга — это поступок”. Именно это я хотел бы сказать о твоей книге. <...> Хотя вся она о других, на самом деле главный ее герой — это ты, и те, кто тебя не знают, узнают по ней. <...> Очень хорошо, что при всей душевной щедрости, с которой ты пишешь о дорогих тебе людях, ты не всеяден...» Ведь именно *его*, Л.Г. Фризмана, глазами и *его* интонациями воспроизведена жизнь литературоведческой русистики в России и Украине второй половины XX — первых десятилетий XXI в.; история индивидуального профессионального становления, как и история науки о литературе, представлена в тесных взаимосвязях и сложных переплетениях человеческих судеб, подверженных влиянию межличностных отношений и общих социально-исторических и нравственно-психологических условий, в которых жили и работали люди и функционировала наука преимущественно в советское, а также в постсоветское время.

Внутреннюю целостность книге обеспечивает и совокупность сквозных идей. Литературоведение предстает у Фризмана как наука, занимающаяся литературой именно и прежде всего как искусством (и «это — самое важное», как писал автору В.Н. Орлов (см. очерк «Вторая защита»)), опирающаяся на достоверные факты и проверенные сведения, «точность деталей и цитат» (с. 87; см. очерки «Кандидат, превзошедший академиков» и «Первая защита») и на преемственность ценностей, культивируемых в академической среде.

Критерием в оценке людей выступает отношение к профессии литературоведа, при котором изучение художественной литературы и историко-литературного процесса или собственное литературное или литературно-

критическое творчество — это не внешняя сторона существования человека, а то, чем он живет, что неотъемлемо от него, чему он служит. Такой бытийный регистр существования человека в нравственно-психологическом плане предполагает порядочность как деятельную позицию личности (здесь позиция Л.Г. Фризмана вполне созвучна взглядам Ю.М. Лотмана²) и определенное отношение к собственному профессиональному росту. Олицетворением первого для автора выступает Л.М. Баткин, для которого «порядочность человека должна подтверждаться его действиями, его готовностью противостоять любым проявлениями несправедливости» (с. 54, очерк «Молодой Баткин»). Второе наглядно иллюстрирует отрывок из письма Ю.Г. Буртина Фризмани от 16 июня 1978 г. в связи с утверждением последнего в докторской степени, где есть слова: «Вы прошли и закончили очень важную, но трудную, а поначалу и тягостную полосу своей биографии», но «это все же предварительная, подготовительная полоса. Теперь <...> надо вступать в новую и главную полосу жизни <...>, то есть работы», «не побояться открыть чистую страницу, замахнуться на что-то очень большое, даже непосильное» (с. 39–40, очерк «Твардовский, Буртин и другие»).

Именно такой критерий в оценке людей позволил объединить в качестве героев книги «В кругах литературоведов» таких разных людей, как, например, М.П. Алексеев, Д.С. Лихачев, К.В. Пигарев, В.Э. Вацуро, Л.М. Баткин, Г.М. Фридлендер, Г. Хетсо, Е.Г. Эткинд, Я.С. Билинчис, М.В. Черняков, Е.Н. Куприянова, М.Г. Зельдович.

При этом принципиально важной и стилистически образцовой представляется занятая мемуаристом позиция в описании сложных межличностных отношений в научной сфере, включая те, которые имеют к нему непосредственное касательство, — позиция, базирующаяся на принципах объективности и человеческой порядочности, чувстве уважения к личности человека и благодарности людям за содеянное добро, на стремлении к справедливости³. И выражается эта позиция в диалогическом регистре, с учетом свободы читателя, с признанием его права на свою точку зрения, без стремления перетянуть его на свою сторону. Здесь уместно процитировать письмо одного из героев фризмановских воспоминаний, Б.Ф. Егорова, от 27 июня 2018 г., адресованное близкому другу Леонида Генриховича И.Я. Лосиевскому и мне и написанное в ответ на известие о кончине его многолетнего собеседника, которого он именует Л.Г.: «Дорогие коллеги, — пишет Б.Ф. Егоров, — Встрясла тяжелая весть. Много лет общения, чуть ли не полвека. И странная, ни на что не похожая уникальность: чуть

² См. размышления о единстве мысли и жизни в связи с вопросом об убеждениях человека и интеллигентности как психологическом свойстве личности: [Лотман, 2005: 481–482].

³ Так, говоря о неприятии М.П. Алексеевым Д.С. Лихачева и отрицательных последствиях этого для других людей, Фризман пишет: «Каковы бы ни были претензии Михаила Павловича к Дмитрию Сергеевичу, даже если они были обоснованными, даже если Дмитрий Сергеевич в чем-то виноват, вымещать это на третьем, ни в чем не повинном человеке считаю недостойным» (с. 105, очерк «В кругу пушкинистов»). Или о враждебно отнесшейся к автору Е.Н. Куприяновой: «Я всегда сохранял и сохраняю поныне уважительное отношение к ней как к эрудированному литературоведу, много сделавшему в науке, и ее позиции не раз получали мою полную поддержку» (с. 156, очерк «Первая защита»).

ли не единственный из близких моих коллег, которого очень сильно сопровождали негативные ореолы. В молодости жуткое очернение его (как человека) М.Г. Зельдовичем, с которым я тоже был много лет близок <...>. Резкая критика Ю.М. Лотманом Л.Г. как литературоведа и публикатора, потом еще разные отзывы москвичей... На этом фоне я потом очень тесно стал общаться с Л.Г., усматривая в качестве минусов лишь психологические мелочи, но никак не черные мазки.

Выводы: мир ученых творцов очень сложен, иногда неприятие коллег переходит разумные границы; а оценку личности стоит давать прежде всего, оценивая результаты его творчества. Тут Л.Г. вне подозрений и упреков».

К воспоминаниям Фризмана с пользой для себя не раз будут обращаться и те, кто уже состоялся в профессии, и те, кто только находится в начале своего профессионального становления. Книга харьковского русиста будет интересной и тем, кто занимается историей литературоведческой науки, и тем, кто изучает актуальную, созвучную авторской историко-литературную проблематику, и тем, кто стремится обрести прочные нравственно-психологические ориентиры собственного существования.

Список литературы

1. Ботнарченко Н., Михайлова М. Ігор Козлик. Професія крізь призму людяності // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 390–391.
2. Глушаков П.С. Л.Г. Фризман. В кругах литературоведов: Мемуарные очерки. Киев, 2017 // Новое литературное обозрение. № 147 (5'2017). С. 355–356.
3. Кормилов С. Умные — они же хорошие // Знамя. 2018. № 12. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7128>
4. Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб, 2005.
5. Михайлова М.В., Ботнарченко Н.М. Человечность — мера всех вещей // Stephanos. 2018. № 1 (27). С. 280–284. URL: <http://stephanos.ru> (accessed: 20.08.2018).
6. Теплинский М.В. Пятнадцать литературоведческих сюжетов с автобиографическими комментариями, двумя приложениями и эпилогом. Ивано-Франковск, 2002.
7. Фризман Л. Иван Франко: взгляд на литературу. Киев, 2017.

Igor Kozlyk

**Book review: FRIZMAN L.
IN LITERARY CIRCLES. MEMOIR ESSAYS.
2 ed., rev. and complemented. M.; SPb: Nestor-History, 2017. 379 p.**

*Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 Shevchenko Str., Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine*

This is a review of the second edition of *In the Circles of Literary Critics: Memoirs Essays* by Leonid Frizman (1935–2018), a Kharkiv literary critic and

researcher. The history of the book is described in the context of the author's creative practices and similar experiences of Russian and Ukrainian literary critics; its substantive focus, the concept embodied in it, persons depicted, style, architectonics and illustrations. The focus is on the corrections and additions made by the author in the second edition. The analysis takes into account the existing critical experience of perceiving the first edition of memoirs to avoid the unnecessary repetition.

Key words: memoirs; literary criticism; Russian studies; history of literary criticism; L. Frizman.

About the author: *Igor Kozlyk* — Prof. Dr., Head of the Department of World Literatures and Comparative Literary Studies, Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (e-mail: ihor.kozlyk@pu.if.ua).

References

1. Botnarenko N., Mikhailova M. Igor' Kozlik. Profesiiia kriz prizmu liudiansosti. *Voprosy literatury*, 2017, No 5, pp. 390–391. (In Russ.)
2. Glushakov P.S. L.G. Frizman. V krugakh literaturovedov: Memuarnye ocherki. Kiev, 2017. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, No 5 (147), pp. 355–356. (In Russ.)
3. Kormilov S. Umnye — oni zhe khoroshie [Clever — they are good]. *Znamya*, 2018, No 12. (In Russ.) URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7128>
4. Lotman Yu. Vospitanie dushy [Soul education]. Saint-Petersburg, *Iskusstvo-SPB Publ*, 2005, 624 p. (In Russ.)
5. Mikhailova M.V., Botnarenko N.M. Chelovechnost — mera vsekh veshchey [Humanity is the measure of all things]. *Stephanos*, 2018, No 1 (27), pp. 280–284. URL: <http://stephanos.ru> (accessed: 20.08.2018). (In Russ.)
6. Teplinsky M.V. Pyatnadtsat literaturovedcheskikh syuzhetov s avtobiograficheskimi kommentariyami, dvumya prilozheniyami i epilogom [Fifteen literary plots with autobiographical comments, two appendices and an epilogue]. Ivano-Frankovsk, *Izдание Tatyany Zavgorodney Publ*, 2002, 104 p. (In Russ.)
7. Frizman L. Ivan Franko: vzhglyad na literaturu [Ivan Franko: view of literature]. Kiev, *Izdatelskiy dom Dmitriya Burago Publ*, 2017, 608 p. (In Russ.)

Н.К. Новикова

**Рецензия на кн.: СТЮАРТ Д. ПОЭТИЧЕСКАЯ ФОРМА
В 1820–1830-е гг. ЭПОХА СОМНЕНИЯ.**

London: Palgrave Macmillan, 2018. 269 с.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Рецензент высоко оценивает книгу о британской поэзии XIX в., посвященную малоизученному периоду между романтизмом и викторианской эпохой. Главная задача книги — проанализировать литературную культуру того времени в ее противоречиях между широким интересом к поэзии на фоне развития рынка иллюстрированных альманахов и принципиальным сомнением поэтов в ценности их искусства. Достоинствами работы является желание скорректировать устоявшиеся представления о литературной истории и обращение к малоизвестным текстам. В дополнительной проработке нуждается вынесенное в заглавие понятие «формы» (с использованием идей «органической формы»), понятия «романтического» и «викторианского» с учетом необходимости их дальнейшего пересмотра. Рецензент также предлагает возможное расширение темы (эстетика французской «Парнасской школы», модернистский культ книги как эстетического объекта).

Ключевые слова: британская поэзия XIX в.; литературная культура; поэтическая форма; иллюстрированный литературный альманах.

Книга «Поэтическая форма в 1820–1830-е гг. Эпоха сомнения», вторая монография, написанная Дэйвидом Стюартом, преподавателем Университета Нортумбрии (Великобритания, Ньюкастл) и известным специалистом в области английского романтизма, вышла в академическом издательстве «Пэлгрейв Макмиллан» (серия «Просвещение, романтизм и культура издательского дела»). Задача серии, которая существует более 10 лет и насчитывает десятки монографий, заключается в последовательном применении междисциплинарного подхода. Литературный текст интерпретируется с позиций истории книги, эмпирического литературоведения и других дисциплин, связанных с материальной стороной литературного процесса, а с другой стороны — в его взаимодействии с различными идеологиями и дискурсами.

Понятие «формы» вынесено в заглавие и во многом обосновывает место монографии в междисциплинарной серии. Под «формой» понимается, во-первых, физический облик книги, качество издания как материаль-

Новикова Наталья Кирилловна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: NETalie@yandex.ru).

ное выражение определенных издательских и читательских стратегий, а во-вторых — поэтическая метрика и композиция. Таким образом, Стюарт стремится найти компромисс между двумя методологиями, которые он обобщенно называет «историзмом» и «формализмом»: описать эстетический феномен, не абстрагируя его от культурных потребностей эпохи, но и не превращая его в функцию производственных и властных отношений.

Феномен, интересующий Стюарта, — британская поэзия 1820—1830-х годов, малоизученная и недооцененная в силу своего промежуточного положения между романтизмом и викторианской эпохой. Принципиальная позиция автора книги заключается в том, что вопрос об «отсутствии» поэзии в тот период — это вопрос исследовательской оптики. Его задача не заполнение лакуны в устоявшейся периодизации, а попытка поставить под вопрос саму периодизацию, «большие нарративы» литературной истории, что достигается за счет рассмотрения поэзии как части литературной культуры — системы отношений со своими представлениями о ценностях, престижных ролях и стратегиях самореализации. Поэзия не «исчезла» со смертью Байрона, Шелли, Китса в середине 1820-х годов, однако доминантой её существования стало постоянное сомнение в собственной ценности перед лицом всё более динамичного и конкурентного литературного рынка. Вынося «сомнение» в качестве второго ключевого слова в заглавие книги (первое ключевое слово — «форма»), британский исследователь заявляет о своем желании проанализировать уязвимое положение литераторов-поэтов как активное и творческое: сомнение в господствующих ценностных иерархиях побуждает их к поиску новых жанровых форм и компромиссных способов взаимодействия с издательской конъюнктурой.

Отношения на британском литературном рынке в 1820—1830 гг. Стюарт рассматривает через призму конкретного явления — ежегодных иллюстрированных поэтических альманахов (например, “The Forget Me Not”, “The Keepsake”). С одной стороны, количество таких изданий, их тиражи, объем читательской аудитории опровергают утвердившееся убеждение о спаде интереса к поэзии. С другой стороны, популярность богато изданных ежегодников растёт в ущерб престижу авторской книги стихов. Среди самих поэтов и критиков репутация альманахов складывается во многом негативно: альманахи ассоциируются с редакторским произволом, желанием потакать вкусу массового читателя, вниманием к типографскому качеству за счет глубины содержания. Герои книги Стюарта — это те британские поэты, кто так или иначе пытался определить себя в мире, где поэзия на глазах приобретала статус товара.

Исследователь выделяет три условные стратегии такого самоопределения. Во-первых, «эстеты» — под этим названием он объединяет авторов, которые сосредоточены на серьезной работе над текстом «как таковым» и ощущают себя на периферии актуального литературного процесса (Джордж Дарли, Томас Л. Беддоус). Во-вторых, поэты, которые регулярно публикуются в альманахах и не переживают конфликта с издательскими и читательскими запросами (Фелисия Хеманс, Летисия Лэндон). В-третьих, авторы «легкой поэзии», мастера стилизации и игры слов (Уинтроп Макуорт Прейд, Томас Худ).

Книга Д. Стюарта заслуживает высокой оценки по ряду причин. Она принадлежит к относительно небольшому числу монографических исследований, которые сегодня пишутся на поэтическом материале. Такие авторы, как Дарли, Беддоус, Худ, Хеманс, даже в англоязычном литературоведении не входят в основной поэтический канон XIX в., не говоря о том, что в России они известны мало. Книга может быть полезна не только с научной, но и с педагогической точки зрения: например, поэма «Непентес» Дж. Дарли или пьеса Т.Л. Беддоуса «Шуточки смерти», сложные в жанровом и метрическом отношении, могут обогатить спецкурсы по английской литературе.

Главные сильные стороны книги связаны с ее общей концепцией — в равной мере как и ее спорные моменты. Во-первых, можно вполне согласиться с основной идеей, что периодизация по принципу «от романтизма к викторианству», создающая искусственную лауну между смертью Байрона в 1824 г. и признанием Теннисона в 1842 г., весьма условна. Однако отношение автора книги к традиционным терминам «романтический» и «викторианский» выглядит несколько амбивалентно — он их критикует, но продолжает оперировать ими, при этом не проясняя, какой именно смысл в них вкладывается. Утверждение или, наоборот, сомнение в ценности поэзии резонно предлагается как новый критерий периодизации, но можно ли тогда с этой точки зрения последовательно описать романтизм и викторианство? Были ли в эти эпохи некие более или менее общие представления о поэтических ценностях? Автор книги эпизодически упоминает суждения Вордсворта и Байрона, но не уточняет, считает ли эти суждения индивидуальными или, наоборот, репрезентативными для эпохи начала XIX в., предшествующей его анализу.

Во-вторых, стоит приветствовать благое стремление примирить «формалистов» и «историков» от литературы через понимание к «формы» как своеобразия поэтического языка и к «формы» как качества материального объекта-книги. Тем не менее к понятию формы можно было бы подойти более тонко и с исторической, и с теоретической точки зрения. В частности, никак не используется сложившаяся в эпоху романтизма и впоследствии очень влиятельная в западном литературоведении концепция органической формы, снимающая дихотомию «языка» и «содержания», «духовного» и «материального».

В результате некоторой методологической неопределенности анализ в ряде случаев выглядит несколько натянуто, когда автор пытается для доказательства своей идеи объединить в один сюжет разных авторов. Так, Ф. Хеманс с ее достаточно ортодоксальными религиозными взглядами и приверженностью традиционным поэтическим формам составляет пару с Т.Л. Беддоусом — «последним елизаветинцем», замороженным темой смерти, мастером изощренной поэтической техники и мрачного гротеска. По мысли автора, их сближает символика, связанная с призраками и посмертным существованием, а на более обобщенном уровне — рефлексия над перспективами бессмертия в литературе. Не убеждает и намеренно парадоксальное сближение англо-ирландского поэта Дж. Дарли, автора метрически разнообразной поэмы в жанре романтического видения-паломничества «Непентес», с преуспевающей поэтессой Л. Лэндон, чьи стихи десятками выходили в иллюстрированных альманахах.

Третье замечание является, скорее, комплиментом. В книге Стюарта есть много интересных идей, которые очень выиграли бы при рассмотрении в более широком контексте. В принципе, с позиций «большого романтизма», который выходит за исторические рамки 1790–1820-х годов и отождествляется с разными вариантами нериторической, неклассической словесности в XIX в., описание литературных процессов, предложенное Стюартом, выглядит вполне правдоподобно (трудно, правда, разделить недоверие Старта к самому термину «романтизм»). Вслед за эмансипацией авторской субъективности наступает кризис веры в ее возможности и поиск новых, более достоверных оснований для ее утверждения. Интересной параллелью к рассуждениям Стюарта могла бы служить чуть более поздняя ситуация во Франции, где сомнения в поэтических ценностях раннеромантической эпохи приводят к зарождению культа формального совершенства, к приоритету «произведения-вещи» у поэтов-парнасцев. Другая возможная параллель позволяет проследить нетривиальную взаимосвязь популярной и элитарной культуры. Так, в эпоху 1820–1830-х годов, описанную Стюартом, образ книги как материального залога поэтического бессмертия принадлежит миру коммерческих иллюстрированных альманахов для широкого читателя, однако ближе к концу XIX в. эта идея обнаружит себя среди представителей символизма и эстетизма, став частью философии творчества высокого модернизма.

Nataliya Novikova

**Book Review: STEWART D. THE FORM OF POETRY
IN THE 1820s AND 1830s. A PERIOD OF DOUBT.**

London: Palgrave Macmillan, 2018. 269 p.

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a review of *The Form of Poetry in the 1820s and 1830s. A Period of Doubt* by D. Stewart, a recent study of 19th century British poetry. This book fills a 20 years gap between Romanticism and the Victorian era. It focuses on the tensions that animated the literary culture of the period: a vast market of illustrated annuals demonstrated a wide interest in poetry while individual poets expressed doubts about transcendence of their art. A strong point of the book is that the author verifies the literary history, paying special attention to non-canonical texts. The book, however, could be improved by specifying the key definition of form ('using ideas of organic form') and the working definitions of Romantic and Victorian. Some parts of the book could have been analyzed more thoroughly and the theme can be further developed by addressing French Parnassian ideas of poetry and High Modernist enthusiasm for the book as an aesthetic object.

Key words: 19th century British poetry; literary culture; poetic form; illustrated annuals.

About the author: Nataliya Novikova — PhD, Teaching Assistant, History of Foreign Literature Department, Philological Faculty, Moscow Lomonosov State University (e-mail: NETalie@yandex.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Ю. Старостина

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ИЛИ ГРАММАТИКА НЕРЕАЛЬНОГО-2»

(филологический факультет МГУ, 14 декабря 2018 г.)¹

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт
языкознания Российской академии наук»*

125009 Москва, Б. Кисловский пер.д. 1 стр. 1

В отчете освещается порядок заседаний круглого стола «Скрытые смыслы или грамматика нереального — 2», прошедшего на филологическом факультете МГУ 14 декабря 2018 года. Освещен состав участников, основная тематика, проблематика и методология исследований, проведенных участниками. Все доклады можно объединить проблемой выявления скрытых смыслов, содержащихся как в памятниках средневековой словесности Западной Европы, так и в современных скандинавских языках (с учетом форм разговорной речи). В качестве предварительного вывода можно сказать, что граница между «реальным» и «нереальным» часто намечена намеренно неточно. Кроме того, в докладах было продемонстрировано, что границы нереального в средневековых текстах значительно отличаются от современных представлений о ментальной карте пользователя и компилятора текста. Особое внимание в докладах уделялось использованию традиционных форм как в письменных, так и в устных памятниках, но также рассматривались ситуации межконтактного языкового взаимодействия, вызывающие так называемые «коммуникативные неудачи». Исследователи уделили внимание вопросу уточнения семантики лексем с нереальными денотатами, проблемам этимологии и контекстуального анализа. Были выявлены случаи намеренного затемнения смысла с использованием многозначности лексем.

Ключевые слова: грамматика нереального; скрытые смыслы; историческая поэтика; грамматикализация; конгруэнтность; аспектность; датский; древнеисландский; средненижненемецкий; древнеирландский; нарративная грамматика; лексикология; семантика; этимология; поэтическая традиция.

14 декабря 2018 г. на филологическом факультете МГУ состоялся приуроченный к юбилею доктора филологических наук, профессора О.А. Смирницкой круглый стол «Скрытые смыслы или грамматика нереального — 2». Вторая часть его названия отсылает к встрече, произошедшей в апреле 2017 года [Михайлова, 2017] и во многом задавшей направление

Старостина Елена Юрьевна — магистр, аспирант сектора анатолийских и кельтских языков отдела индоевропейских языков Института языкознания РАН (e-mail: lenastarostina2@gmail.com).

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ, проект № 18-012-00131.

и нынешнему круглому столу, а также послужившей отправной точкой для формирования проекта «Грамматика нереального», поддерживаемого РФФИ. Однако если в прошлый раз основным предметом докладов участников была историческая поэтика текстов, то на сей раз к обсуждению были привлечены также и данные современных скандинавских языков. Освещение проблемы, заявленной в названии, оказалось очень многогранным: тематика докладов варьировалась от поиска утаенных подтекстов в исторических памятниках до раскрытия оттенков внелингвистического контекста ситуации на основе грамматических нюансов текстов.

Заседание было открыто выступлением *Е.М. Чекалиной* (заведующая кафедрой германской и кельтской филологии МГУ), которая обратилась к проблеме, сформулированной ею самой как «Современная реальность нереального наклонения в шведском языке». Обращение к истории шведского языка показало, что в нем формы презенса конъюнктива употреблялись в клишированных высказываниях с оптимативной или увещательнопобудительной семантикой, включая устойчивое речение с формой *leve* ‘да здравствует’ от глагола *leva* ‘жить’. До середины XX в. формы презенса конъюнктива сохранялись только в языке Библии и законов. В Библии 1883 г. они еще были частотными, но в новом переводе 1981 г. они не используются. В отличие от основных способов выражения нереальной модальности — форм претерита и плюсквамперфекта как слабых, так и сильных глаголов и аналитического сочетания претерита от глагола внешнего долженствования *skulle* с простым и перфектным инфинитивом, *vore*, имеет широкую дистрибуцию, не ограниченную синтаксической структурой и модальной семантикой высказывания.

За ним следовало выступление *Э.Б. Крыловой* (МГУ), которая изучила вопрос использования в датском языке такой редкой, до сих пор не получившей признания в нормированных грамматиках конструкции, как «двойной перфект», т.е. перфект, образованный от перфективной формы: *at have haft* + *Part. II*. Докладчик приходит к выводу, что эта конструкция, по всей видимости, используется в случае утраты действием результативности, названной перфектом, что было выявлено и убедительно показано на широкой базе примеров.

Т.Л. Шенявская (МГУ) обратилась к проблеме структуры и функции рунической магической формулы из «Саги о Боси и Херрауде». Данная формула известна не только по текстам саг, но и в рунической археологии. К ранним примерам ее употребления относятся надписи на рунических камнях эпохи викингов: *þmkiiisssttiiiilll* (Герлев (Дания), нач. IX в.); *þmk iii sss tt iii illl* (Ледберг (Швеция), XI в.). Она состоит из 18 рун и расшифровывается как *þistil mistil kistil*, что соответствует дисл. *þistill* ‘чертополох’, *mistill* ‘омела’, *kistill* ‘ящичек, сундучок’. Эти три слова составляют ядро формулы и встречаются во всех известных ее вариантах. Докладчик показывает, что формула может функционировать как оберег, проклятие или загадка.

Доклад *Е.Р. Сквайрс* (МГУ) «В двух словах: и слово, и дело, и правда, и закон (контекст из русско-ганзейской грамоты 1425 г.)» касался темы взаимного непонимания русского и немецкого юридических текстов в период позднего Средневековья, что могло приводить, как было ею показано, к возникновению юридических казусов. Выражение «и словом, и делом» встречается в тех

местах анализируемого ею документа, где ганзейская сторона настаивает на своей невинности; в немецком оно выделяется четкостью аллитерации и антонимической лаконичностью: снем. *rades vnde dades* ‘словом и делом’ употреблено в общей отрицательной конструкции «не виноваты ни словом, ни делом». На русском языке переводчик передает их хоть и похожими, но не совсем идентичными оригиналу вариантами *не дьлом ни дуемою и ни дьлом, ни словом*. Подобие и расхождение немецкой и русской версий очевидны, они наводят на мысль, что переводчик воспринял фразы из немецкого образца как клише и потому подобрал идиоматичные эквиваленты, которые, однако, в русском языке того периода не имели юридического характера и поэтому немецкой стороной не были восприняты как клятва.

Тему немецких канцелярских текстов продолжила *Любовь Бурлаченко* (МГУ) в докладе «Субъектно-глагольная конгруэнтность при собирательных существительных в средненижнемецком языке». Одним из самых важных для ганзейских грамот термином является само название союза, в полной форме звучащее как *de gemene kopman der dudeschen hanse*, ‘объединенное купечество немецкой Ганзы’. Докладчик анализирует согласование названия союза по числу в различных контекстах.

Доклад *М.А. Волконской* (ВШЭ) «Средневековые английские тексты о «плодах мессы»: грамматика нереального и изменчивость традиции» обратился к нравоучительным текстам. Описание «плодов мессы» — иными словами, тех особых благодатей, которые христианин может получить, созерцая во время мессы Святые Дары, — это сюжет, возникший в XIII веке и ставший весьма распространенным в средневековой Европе. Изначально перечень «плодов» встречался в латинских трактатах, но вскоре были переведены и на народные языки. Особое внимание было уделено тому, как и почему различается состав Святых Даров в различных версиях текста.

В докладе *Н.Ю. Гвоздецкой* (РГГУ) были выявлены те особенности «нарративной грамматики» нереального (форм визионерского нарратива, передающих опыт соприкосновения с Иным миром), благодаря которым оптимистический взгляд Беды Досточтимого на историю английского народа как историю спасения обретает пессимистические ноты. Скрытый смысл видений «Церковной истории народа англов» состоит в том, что никакие земные деяния не могут гарантировать человеку загробного спасения, а потому и английская нация не избавлена от Апокалипсиса. Структура визионерского нарратива в эпоху христианизации Англии была проанализирована в сопоставлении со структурой и словесными особенностями передачи видений в дохристианские времена на древнеисландском материале (саг и «Эдды»).

Н.Ю. Живлова (МГУ) обратилась к проблемам псевдо-генеалогий, а также так называемых этимологических нарративов, представленных в ирландской традиции очень широко. В частности, главным объектом анализа стало имя Колла Фохрит, который, согласно преданию, имел двух братьев с такими же именами. Как полагает докладчик, за историями нарекания братьев одним именем стоит мифологизация близнецов, свойственная архаическим культурам в целом, но позднее исчезающая из традиции, рационализирующаяся как в силу политических обстоятельств, так и в силу размывания самой мифологемы. Представляется, что данное иссле-

дование содержит необычайно интересные «выходы» к теме триединства братьев — основателей династии, что вплотную подводит к теме призвания братьев-правителей из другого племени (призвание саксов у Беды, призвание варягов из Повести Временных Лет).

Доклад Т.А. Михайловой (МГУ) «Опыт контекстуального и синтаксического анализа лексем с «нереальным» денотатом: др.ирл. *bricht, epaid, éle*» был обращен к теме древнеирландских лексем, зафиксированных в источниках разного типа (саги, законы, монастырская лирика, заговорная традиция и проч.), но объединенных в одну лексико-семантическую группу «магия». Естественно, их семантика часто оказывается размытой и не четко разграничивающей родо-видовые рамки, а также не имеющей однозначного соотношения с какими-либо реальными практиками. Докладчик предложил анализировать подобные употребления в рамках контекста, а также — вводящих их глаголов («ставит», «кладет», «говорит», «поет» и др.). В результате были выявлены как устойчивые коннотации семантем (отрицательные, нейтральные, положительные), так и их ментальное воплощение в традиционной картине мира. Автор приходит к выводу, что указанные лексемы далеко не всегда передают речевое действие, но чаще могут кодировать некую мистическую субстанцию, возникшую, возможно, в результате данного действия.

Доклад студентки Полины Седовой (МГУ) «Бригита — огненная святая» был посвящен анализу имени и темы огня в житиях святой Бригиты Килдарской. Языческие мотивы в житиях святой Бригиты и особенности ее культа объясняются связью образа святой с образом дохристианской богини, носящей то же имя. Источников, сохранивших информацию о богине, однако, крайне мало — поэтому, реконструируя ее образ, исследователь вынужден обращаться к житиям святой Бригиты. Получается замкнутый круг: отделить черты богини от черт святой в данном случае представляется крайне задачей, не реализуемой вне этимологической реконструкции.

Заседание завершил доклад аспирантки Елены Старостиной (ИЯз РАН), посвященный поэме *A err ada, a Aedh* из среднеирландской саги «Тяжелое гостевание у Гуайре. Ключевое внимание в ней уделено вопросу власти поэта, которая в Древней Ирландии была очень велика, ведь именно от поэта зависел статус человека в обществе и цена его «лица», т.е. достоинства. Высмеивание поэтом, напротив, приравнивалось к полному уничтожению статуса человека и особенно — правителя. В докладе были проанализированы семантические многозначности употребленных в поэме лексем, превращающих хвалу в хулу. В заключение автор предложил свой вариант поэтического перевода хвалы-хулы.

Все перечисленные доклады были опубликованы издательством МАКС-ПРЕСС в виде сборника расширенных тезисов. Издание оказалось доступно докладчикам задолго до начала самого круглого стола, что позволило заранее ознакомиться с его содержанием.

Список литературы

1. Михайлова Т.А. Круглый стол «Грамматика нереального» // Stephanos. Т. 25, № 5. М., 2017. С. 241–245.

Elena Starostina

**HIDDEN OVERTONES, OR GRAMMAR OF UNREAL-2
(about the workshop at the Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University, December 14, 2018)**

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
125009, Moscow, Bolshoy Kislovsky Pereulok, 1, bldg 1*

This paper discusses a new workshop on Hidden Overtones, or Grammar of Unreal at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, December 14, 2018. The first conference was held in April 2017. The speakers discussed findings of their research in historical literary studies and contemporary grammar studies. The narrative and poetic tradition of the Germanic and Celtic Medieval Age has long been a research object of modern linguistic trends, including Functional Grammar, Theory of Speech Acts, Grammar of Poetics, and so-called Text Linguistics. The research focus is not only the text itself, but also the setting, the way it is situated in an interactional communicative context. Not only is the compiler taken into account, but also the addressee, or the potential addressee. This approach, borrowed from modern linguistics, can reveal inner intents and purposes of the compiler, which are sometimes obscure for later interpretations. The language itself is regarded as an instrument of ‘doing things’, but an instrument that is not perfect enough to reveal all of its communicational strategies. The key topic that linked the papers together is the patterns of deciphering hidden aspects of a historical or contemporary text. The departing point of the issue was verbal representation of reality in verbal forms of the analyzed monuments, which belong to medieval and modern Germanic and Celtic literary tradition. Addressing traditional grammar devices of such texts can help to deepen the understanding why the texts were compiled and what is their oral and pagan genesis. All papers boil down to the thought that the limits of “real and unreal” are not easy to define, not only in medieval, but also in modern culture. A key to this “thin layer” is verbal forms and denotative semantics.

Key words: grammar of unreal; hidden overtones; historical literary studies; grammaticalization; congruence; aspects; Danish; Old Icelandic; Middle Low German; Old Irish; narrative grammar; lexicology; semantics; etymology; poetic tradition.

About the author: *Elena Starostina* — PhD Student, Department of Celtic and Anatolian Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

References

1. *Mikhailova T.A.* Kruglyi stol “Grammatika nereal’nogo” [Workshop “Grammar of unreal”]. Stephanos. Moscow, 2017, Tom 25, N. 5, pp. 241–245. (In Russ.)

И.В. Фуфаева

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЕЖЛИВОСТЬ И “АНТИВЕЖЛИВОСТЬ” В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6

Излагается содержание научных докладов тематической лингвистической конференции в РГГУ, очередной в ряду ежегодных встреч, посвященных выражению в языке и коммуникации того или иного конкретного явления, в данном случае вежливости, этикета, «антивежливости». Авторы докладов — российские исследователи русистики и теории коммуникации и зарубежные русисты из Австрии, Германии, Италии, Белоруссии. Организаторы: Институт лингвистики и лаборатория социолингвистики РГГУ.

Ключевые слова: лингвистика; филология; коммуникация; этикет; вежливость; прагматика; современный русский язык.

23–24 октября 2018 г. в РГГУ прошла XV Международная конференция «Вежливость и “антивежливость” в языке и коммуникации», организованная Институтом лингвистики и лабораторией социолингвистики РГГУ и поддержанная Российским фондом фундаментальных исследований¹. В конференции приняли участие исследователи русистики и теории коммуникации из РГГУ, МГУ, ВШЭ, РУДН, ГиРЯ им. А.С. Пушкина, ИРЯ и ИЯ РАН, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Великого Новгорода, Нижнего Новгорода, Омска, Новосибирска, а также русисты из Австрии, Германии, Италии, Белоруссии.

Исследования изменений, затронувших за последнюю четверть века русский публичный, корпоративный, бытовой этикеты, развитие особого сетевого этикета, ведутся активно (см., например, монографию «Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ». М., 2017, монографию «Интернет-коммуникация как новая речевая формация». М.: Флинта: Наука, 2012 и др.). Но многие темы остаются недостаточно глубоко рассмотренными. В течение мероприятия доклады и дискуссии уточняли представление о русской вежливости, этикете, невежливости и стратегиях «антивежливости». Вслед за докладчиками можно было сопоставить нынешние изменения правил с таковыми в прошлом, а также с соответствующими явлениями в различных языках и культурах. Тематика

Фуфаева Ирина Владимировна — научный сотрудник лаборатории социолингвистики РГГУ (e-mail: iriel@inbox.ru).

¹ Номер гранта 18-012-20085.

в самое последнее время приобрела злободневность в мировом масштабе в связи с глобальной переоценкой как недопустимых паттернов поведения, ещё недавно считавшихся приемлемыми. Как заметила в приветственном слове к участникам конференции *О.В. Павленко*, профессор, проректор по научной работе РГГУ, «наш стремительный век меняет представления о том, что допустимо, а что нет; меняются политические дискурсы, речь политиков».

Программу мероприятия составили 11 пленарных докладов и доклады, прочитанные на двух секциях.

В докладе «Вежливость и этикет» *В.М. Алтатов* (Институт языкознания РАН) подчеркнул различие между этикетом и вежливостью: правила этикета не оставляют говорящему выбора, а вежливость (в широком смысле, включая невежливость) является результатом выбора говорящего, выражающего личное отношение к собеседнику или предмету речи. Одни и те же формы могут быть как этикетными, так и вежливыми (или невежливыми); так, обращение на *Вы* или *ты* в русском языке в одной ситуации этикетная, то есть безальтернативная форма, в другой — маркированная и употребляется по выбору говорящего.

М.А. Кронгауз (РГГУ, ВШЭ) посвятил доклад «Речевой этикет и вежливость: термины и интерпретация» русской терминологической системе, связанной с речевым этикетом. В ее основе лежат два понятия — собственно, речевой этикет и вежливость. Это противопоставление отсутствует в английской системе, и по существу должно осмысляться заново. В докладе определяются основные внешние и внутренние функции речевого этикета. Вежливость предлагается считать составной частью речевого этикета, дополнив ее понятием антивежливости, т.е. особыми речевыми средствами, выражающими агрессию. Антивежливость включает то, что в обычном языке называется «оскорблением». За феноменами, связанными с пассивным нарушением внешних функций речевого этикета, можно закрепить термин «невежливость».

В.И. Заботкина (РГГУ) в докладе «Когнитивные основы принципа вежливости» напомнила, в частности, о связи современного языка политической корректности с хорошо изученным языковым явлением — эвфемией.

Т.В. Ларина (РУДН) в докладе «Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте» отметила важность этнокультурной специфики. В одних культурах вежливость нацелена на соблюдение дистанции и уважение независимости собеседника, в других, наоборот, на проявление близости и солидарности. Вежливой может быть демонстрация как уважения к возрасту и статусу, так и, наоборот, равенства и отсутствия интерперсональных границ.

В.И. Карасик (ИРЯ им. А.С. Пушкина, Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай) в докладе «Вежливость и антивежливость в сетевом дискурсе» предложил четырехмерную схему, в которой противопоставляются негативная и позитивная, акцентированная и фоновая, искренняя и неискренняя вежливость, а также симметричное и несимметричное выражение уважительного и неуважительного отношения говорящего к адресатам. Участники сетевого дискурса стремятся к позитивной

вежливости, ориентированной на нормы искренности, а не тактичности, и используют игровую антивежливость для выражения доброго отношения к адресатам на сокращенной дистанции общения.

Б.Ю. Норман (БГУ, Минск) в докладе «О собеседнике — в 3-м лице» описал дискурсивные условия, при которых обозначение слушающего 3-м лицом может выражать подчеркнутую вежливость или, наоборот, антивежливость.

Г.Е. Крейдлин, Л.А. Хесед РГГУ в докладе «Русские поведенческие прилагательные в аспекте категорий вежливости и невежливости» описали значения и употребление прилагательных типа *вежливый, галантный, любезный, тактичный, невежливый, бесцеремонный, наглый, хамский*, названных «поведенческими», показали необходимость включения отдельных видов невербальной информации в их лексикографическое представление и соотнесли отдельные компоненты их значения с категориями вежливости и невежливости, с понятиями этикета и ситуативной нормы.

Т.Е. Янко (Институт языкознания РАН) в докладе «Обращения: лексическая семантика, прагматика, культурная традиция» проанализировала согласование лексической семантики слов, именующих человека, и иллюкутивной семантики обращений.

Р. Ратмайр (Венский экономический университет, Австрия) в докладе «Вежливость в австрийской и русской культурах: мифы и реальность» выявила некоторые черты русской вежливости на примере общения персонала российского санатория. На первый взгляд, обращение к незнакомой пациентке *моя хорошая*, а к пожилым женщинам в очереди *«Девочки, пройдите, четверо»*, серьезно нарушает правила этикета, но пациентки не воспринимают это как невежливость, и в целом атмосферу в санатории можно квалифицировать как вежливую.

И.А. Шаронов, М. Козадаева (РГГУ) в докладе «Невежливость и антивежливость: две мишени речевого этикета» осветили практику «педагогического наказания» в русской коммуникации. «В русской бытовой культуре по отношению к тому, кто, с точки зрения говорящего, совершил этикетную ошибку, позволительными считаются высказывания... унижающие собеседника, ставящие его в позицию плохо воспитанного ребенка. *Кто последний? — Здесь все первые* (по мнению части общества, нельзя говорить *последний*, нужно говорить *крайний*). *Вы еще работаете? — А вы не видели табличку: обед?* Такие поучающие, псевдопедагогические ответы редко приводят к конфликту. Адресат чувствует скорее необходимость извиниться за свою ошибку, чем желание негодовать». Докладчик относит такие стратегии к антивежливости, отмечая при этом их нередкую риторическую изощренность.

Доклады Шаронова и Ратмайр демонстрируют толерантность носителей русского языка к нарушению их личностных границ, но, возможно, это свойство лишь старшего поколения. Сейчас сталкиваются разные правила. Так, взрослые носители русского языка с детства обучены правилу транспортного этикета: спрашивать, выходят ли впереди стоящие на следующей остановке. Но часть нового поколения, как замечает **О.И. Северская** (ИРЯ им. В.В. Виноградова) в докладе «От “диких извинений” до “можно по-

жалуйста”: о границах между вежливостью и антивежливостью», такого правила не знает. «Сегодня вопрос: *Вы выходите?* и просьбы: *Разрешите пройти! Давайте поменяемся местами...* воспринимаются как “невежливые”, расцениваются как вторжение в личное пространство адресата... На вежливое: *Разрешите пройти!* можно услышать *Поговорить не с кем?!*» Можно предположить, что привычка общаться письменно, спрашивать разрешения позвонить, приводит к восприятию устного обращения как агрессии. В то же время у молодежи есть тенденция усиленно оправдываться за собственное обращение, когда им приходится к нему прибегать, путем нагромождения *извините* и объединения двух вежливых слов, употреблявшихся лишь по отдельности, в новый гибрид *можнопожалуйста*.

Е.В. Маринова (ННГУ) в докладе «Комильфо — не комильфо в системе оценки “новой русской вежливости”» рассмотрела возрождение слова *комильфо*, особенности его употребления и возможные причины ревитализации. Положительная коннотация слова выявляется в «гламурном» контексте в рекламном дискурсе, отрицательная — в ироническом контексте в медийном.

Е. Граф (Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана) в докладе «Ирония как форма антивежливости?» рассмотрела соотношение иронии с Принципами вежливости (Дж. Лич) и кооперации (П. Грайс). Ирония может быть способом как критики адресата без эксплицитной угрозы его имиджу (антивежливость), так и создания позитивной атмосферы коммуникации (вежливость). Иронические клише *Ты — настоящий друг* (в ситуации, когда, например, кто-то разгласил тайну и т.п.)/нем. ирон. *Das ist ja eine schöne Bescherung!* выражают скрытую анти-вежливость. Однако ср. употребление фраземы *как огурчик* в прозе Довлатова, когда жена навещает мужа в лагере заключенных:

— Боря, — шепчет женщина, — совсем зеленый.

— *Как огурчик*, — усмехается тот.

Здесь ирония мотивирована максимой *великодушия*, используется в целях разрядки напряженности, в соответствии с определением Дж. Личем вежливости как *коммуникативного альтруизма*.

Н.Г. Брагина (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, РГГУ) в докладе «Вежливость как антивежливость: на стыке разных культурных норм и правил» анализирует столкновение культурных норм Адресанта и Адресата. Фраза в общественном транспорте: *Садитесь, бабушка!* — проявление Адресантом заботы и вежливости, но подчеркивание возраста может быть воспринято Адресатом как проявление невежливости. Негативная вежливость (сохранение дистанции между Адресантом и Адресатом) конкурирует с позитивной (солидарность, включение Адресата в одну группу с Адресантом).

И.И. Бакланова (НИЯУ МИФИ) в докладе «Способы выражения критических замечаний в научных текстах советского периода: тактичность vs категоричность», в частности, рассматривает «игру злостными кличками», с помощью которой критики демонстрировали лояльность режиму. Это названия научных течений, образованные от фамилий с помощью суффикса *-щин-*: *деборинщина*, *перевержевщина*; название критикуемого явления в сочетании с *так* называемый: «*так называемой социологической школы Фер-*

динанда де Соссюра»; фамилии во мн.ч.: «Петерсоны, Ушаковы и прочие», как указатели на класс незначительных отрицательных персонажей.

В заключение было отмечено, что доклады отразили многомерную картину русской вежливости, невежливости и грубых стратегий, этикетные правила, меняющиеся на наших глазах. Понятийное поле «этического кодекса» и значений этикетно маркированных языковых единиц совпадают не полностью. Агрессия может реализовываться в рамках этикета, а грубоватость — делать общение интимным, шутливым, игровым. «Антивежливость» еще не получила достаточного освещения в научной литературе. По итогам конференции решено продолжить разработку принципов анализа и изучения стратегий и тактик кооперативного и конфликтного общения, мониторинг изменения этикета и границ допустимого поведения.

Irina Fufaeva

XV INTERNATIONAL CONFERENCE ON POLITENESS AND ANTI- POLITENESS IN LANGUAGE AND COMMUNICATION

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education
Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia*

The article discusses reports made at the conference on politeness, etiquette, and anti-politeness in language and communication organized by the Institute of Linguistics and Laboratory of Sociolinguistics, Russian State University for the Humanities. The attendees were researchers from Russia, Austria, Germany, Italy, and Belarus.

Key words: linguistics; philology; communication; etiquette; politeness; pragmatics; modern Russian language.

About the author: *Irina Fufaeva* — PhD in Philology, Researcher, Russian State University for the Humanities (e-mail: iriel@inbox.ru).